
ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ВЫПУСК

3(79), 2022

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ
Камиль Халлиевич

д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки
и повышения квалификации работников народного образования
Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА
Майя Артшесовна
БЛОХИН
Владимир Владимирович
БОЖАНОВ
Владимир Александрович
ВАНКОВСКА
Биляна

д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет
(Россия, г. Пятигорск)
д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)

ВЕЛИКАЯ
Наталья Михайловна
ГОНЧАРОВ
Пётр Константинович
ГРАЧЁВ
Михаил Николаевич
ДЭМБЭРЭЛ К.

д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический
университет (Белоруссия, г. Минск)
профессор политологии и международных отношений
факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия
(Македония, г. Скопье)
д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)

д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ)
(Россия, г. Москва)
д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)

ЖИЛЬЦОВ
Сергей Сергеевич
КАРАДЖЕ
Татьяна Васильевна
КАССАЕ НЫГҮСИЕ
В. МИКАЭЛЬ

доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор)

д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ
(Россия, г. Москва)

д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО
Валерий Иванович
КОМЛЕВА
Валентина Вячеславовна
КРИВОКАПИЧ
Борис

д.и.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

МЕДВЕДЕВ
Николай Павлович
МИХАЙЛОВ
Вячеслав Александрович

д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)

д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА
Елена Александровна
НАЗАРОВ
Александр Данилович
НАСИМОВА
Гульнара Орденбаева

д.и.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)

д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НИСНЕВИЧ
Юлий Анатольевич
ОРЛОВ
Игорь Борисович
ПАХРУТИНОВ

д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)

Шукртдин Ильясович
ПЛЯЙС
Яков Андреевич
ПРЯХИН

д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет
им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

Федорович
Владимир
ПУСЬКО
Виталий Станиславович
РУБАН

д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики»
(Россия, г. Москва)

П.С.
Лариса Семёновна
СЛИЗОВСКИЙ
Дмитрий Егорович
СЫЗДЫКОВА
Жибек Сапарбековна
ХОПЁРСКАЯ
Лариса Львовна
ШАРКОВ

д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения
квалификации руководителей и специалистов системы народного
образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

Феликс Изосимович
ЯН ФУЛИНЬ

д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ
(Россия, г. Москва)

д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)

д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

СИЗОВСКИЙ
Дмитрий Егорович
СЫЗДЫКОВА
Жибек Сапарбековна
ХОПЁРСКАЯ
Лариса Львовна
ШАРКОВ

д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного
сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН (Россия, г. Москва)

Феликс Изосимович
ЯН ФУЛИНЬ

д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)

д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, г. Москва)

д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет
(Киргизия, г. Бишкек)

д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков
(КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprosopolitolog.ru
E-mail: voprosopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 25.03.2022

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)
12 выпуск в год и
4 выпуска в год переводной (англ.) версии
Языки: русский, английский
<http://voprosopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ
Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ
Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka
Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>*

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosopolitolog.ru>

Электронный адрес: voprosopolitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific

electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics) document. <http://publicationethics.org>*.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosopolitolog.ru>

E-mail address: voprosopolitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Яновский О.С. Язык, интенции и интерпретация в методологической программе исследований интеллектуальной истории политической мысли Квентина Скиннера	642
Лазебник А.Г. Траектории политических трансформаций: подход к изучению политической динамики.....	649

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Рубан Л.С. Кто мы и как нам не потерять себя в современном мире? (Проблемы социокультурной эволюции современного российского общества).....	655

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Егоров К.Ю. Теоретико-правовые и политические основы формирования федеративного государства	664
Меньшиков П.В., Яуз Шефика М.С. Политическая коммуникация в гиперреальной действительности.....	675
Валитова А.Т. Фейковые новости как политико-дискурсивный феномен современной эпохи	684

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Равочкин Н.Н. Трансформация практик политического управления в реалиях цифровизации (часть 1).....	692
Тушков А.А., Соколова Д.П. Стартап – как новая движущая сила социально-экономического развития Республики Корея	702

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Дубровина О.В., Дубина А.Ш., Рожкова Л.В. Реформирование и развитие ООН в эпоху постбиполярности	709
Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Отношения США и Европы после вывода американских войск из Афганистана.....	717
Койбаев Б.Г., Наджарян А.Б. Роль неправительственных организаций в развитии гражданского общества в Республике Армения	723
Азазов К.Х. Социально-психологические аспекты формирования угрозоустойчивого общества	733
Ван Цзюньтао, Ван Минцюнь. Отношение крупнейших стран мира к AUKUS.....	740
Емельянов А.И., Зуева П.А. Германия и США. Ретроспектива и будущий характер двустороннего сотрудничества	747

Комаревцева Н.С., Гайфутдинов Р.И. Россия и Турция в контексте нового тюркского мира	761
Смирнов А.Н. «Коронавирусная geopolитика» стран вишеградского взаимодействия.....	773
Сюн Лэпин. Языковое образование как инструмент «мягкой силы» Китая и России	786
Ковалевская Н.В., Орлов К.В. Проблема милитаризации космоса как одна из глобальных проблем человечества.....	796
Борцов Д.В. Развитие экономической дипломатии в Российской Империи	804
Бахадари Абдул Фарук, Касеми Мохаммад Ариф. Политическое развитие Афганистана после 2001 г.	816
Иванченко М.А. Партийно-политические системы России и Аргентины в начале XIX века	829
Мокрова Е.М. О деятельности Interstate Oil & Gas Compact Commission (Нефтегазовой комиссии штатов) США	837
Танимов Ш.М. Духовные и нравственные механизмы борьбы с миссионерствами в виртуальном мире	846
Алимов А.В. Русская национальная идея	855
Мусиева Д.М., Мануйлова Ю.В. Стратегическая конкуренция США против России и Китая на примере украинского и тайваньского вопросов	865
Чэнь Цзони. «Пояс и путь» в контексте современной китайской геостратегии.....	871
Цымбал И.А. Влияние современного международного контекста на восприятие российскими гражданами зарубежных стран	884
Чжан Чэньи. Политическое взаимодействие Индии и Китая в условиях расширения влияния Индии.....	891
Чэнь Ханьчжи. Анализ механизма формирования внешней политики России в контексте политических элит (на примере украинского вопроса: китайский взгляд)	900
Власов А.В. Оценка потенциала БРИКС на современной политической арене	909
Новикова К.А. Анализ хронологии социальных протестов в ЕС в период с 2005-2020 годы.....	916
Цой С.В. Военно-политические факторы как препятствие на путях интеграции КНДР и Республики Корея	929
Пунгчингнгам Катима. Экономическое сотрудничество между Таиландом и Россией: новые возможности и вызовы.....	935
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	
Проценко А.Л. К вопросу о классификации авторитарных режимов в современном мире.....	947

<i>Соктоева А.Б.</i> Проблемы реализации международных антикоррупционных стандартов в Российской Федерации	954
<i>Галанина Д.С.</i> Усовершенствование технологических возможностей международного наблюдения	961
НАШИ АВТОРЫ	966
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	975
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	977

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Yanovsky O.S.* Language, Intentions and Interpretation
in Quentin Skinner's Methodological Research Program
for the Intellectual History of Political Thought 647
- Lazebnik A.G.* Trajectories of Political Transformations:
an Approach to the Study of Political Dynamics 654

POLITICAL SOCIOLOGY

- Ruban L.S.* Who are we and How do we Survive
in the Modern World without Losing Ourselves?
(Problems of Socio-Cultural Evolution of Modern Russian Society) 662

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Egorov K.Y.* Theoretical and Legal and Political
Foundations Formation of a Federal State 674
- Menshikov P.V., Yavuz Shefika Melisa Sabahattinovna.*
Political Communication in Hyperreal World 683
- Valitova A.T.* Fake News as a Political
and Discursive Phenomenon of the Modern Era 691

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

- Ravochkin N.N.* Political Management Practices
Transformation in Digitalization Realities (Part 1) 701
- Tushkov A.A., Sokolova D.P.* Startup as a New Driving Force
of Socio-Economic Development of the Republic of Korea 708

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Dubrovina O.V., Dubina A.S., Rozhkova L.V.* Un Reform
and Development in the Post-Bipolar Era 715
- Karpovich O.G., Shangaraev R.N.* Impact of the Withdrawal of American
Troops from Afghanistan on the Relations of the USA and Europe 722
- Koibaev B.G., Nadzharyan A.B.* Role of Non-Governmental Organizations
in the Development of Civil Society in the Republic of Armenia 732
- Avazov K.H.* Socio-Psychological Aspects
of the Formation of a Threat-Resistant Society 739

<i>Wang Juntao, Wang Mingjun.</i> The Attitude of the Largest Countries of the World to AUKUS	745
<i>Emelianov A.I., Zueva P.A.</i> Germany and the USA. Retrospective and Future Nature of Bilateral Cooperation.....	760
<i>Komarevtseva N.S., Gayfutdinov R.I.</i> Russia and Turkey in the Context of the New Turkic World.....	772
<i>Smirnov A.N.</i> «Coronavirus Geopolitics» of the Countries of the Vishegrad Group	785
<i>Xiong Leping.</i> Language Education as a Tool of "Soft Power" of China and Russia	795
<i>Kovalevskaia N.V., Orlov K.V.</i> The Problem of the Militarization of Space as a Global Problem of Humanity.....	803
<i>Bortsov D.V.</i> Development of Economic Diplomacy in the Russian Empire	814
<i>Bahaduri A.F., Qasem Mohammad Arif.</i> Afghanistan's Political Development after 2001.....	828
<i>Ivanchneko M.A.</i> Party Political Systems in Russia and Argentina at the Beginning of the 21st Century	836
<i>Mokrova E.M.</i> US Interstate Oil & Gas Compact Commission Activities.....	845
<i>Tanimov Sh.M.</i> Spiritual and Moral Mechanisms of Combating Missionaries in the Virtual World	854
<i>Alimov A.V.</i> Russian National Idea.....	863
<i>Musieva D.M., Manuylova Yu.V.</i> US Strategic Competition Against Russia and China on the Example of Ukraine and Taiwan Issues	870
<i>Chen Zoni.</i> "The Belt and the Road" in the Context of Modern Chinese Geostrategy.....	883
<i>Tsybal I.A.</i> The Influence of a Modern International Context on the Perception by Russian Citizens of Foreign Countries	890
<i>Chzhan Chen'i.</i> Political Interaction between India and China in the Context of the Expansion of India's Influence.....	899
<i>Chen Hanzhi.</i> Analysis of the Mechanism of Formation of Russia's Foreign Policy in the Context of Political Elites on the Example of the Ukrainian Issue: Chinese View	908
<i>Vlasov A.V.</i> Assessing the Potential of BRICS in the Modern Political Arena	915
<i>Novikova K.A.</i> Analysis of the Chronology of Social Protests in the EU in the Period from 2005-2020.....	928
<i>Tcoi S.V.</i> Military-Political Factors as an Obstacle to the Integration of the DPRK and the Republic of Korea	933
<i>Poungchingngam Katima.</i> Economic Cooperation between Thailand and Russia: New Opportunities and Challenges	946

STUDENT SCIENCE

<i>Protsenko A.L.</i> To the Question of the Qualification of Authoritarian Regimes in the Modern World	952
<i>Soktoeva A.B.</i> Problems of Implementation of International Anti-Corruption Standards in the Russian Federation.....	960
<i>Galanina D.S.</i> Improving the Technological Capabilities of International Observation	965
OUR AUTHORS.....	971
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	975
EDITORIAL BOARD	977

ЯЗЫК, ИНТЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КВЕНТИНА СКИННЕРА

Статья посвящена особенностям методологических подходов Квентина Скиннера в контексте рассмотрения проблематики понимания и интерпретации трудов в области политической теории в качестве исторических феноменов, созданных историческими агентами. Методология Скиннера одновременно рассматривается как часть широкой исторической и историсофской методологической традиции Кембриджской школы интеллектуальной истории и истории политической мысли, так и в контексте методологической парадигмы интерпретативных подходов в политической теории. Кембриджская школа и Скиннер, в частности, критически относились к доминирующему в западной гуманитарной науке в середине двадцатого века подходам к рассмотрению трудов в области политической мысли, как сакральных источников вечных истин, не подверженных влиянию истории каких-либо внешних факторов. Скиннер, как один из пионеров «лингвистического поворота» в политической теории бросил вызов этим подходам и вместе со своими коллегами сфокусировался на создании альтернативного, исторически более чувствительного методологического подхода.

В статье рассматриваются теоретические и методологические основания Скиннеровского подхода к изучению истории политической мысли, а именно важности языка, как инструмента формирующего реальность, в которой существует автор, так и механизма формирования реальности самим автором. Так же важное значение имеет необходимость понимания авторской интенции (намерения) как ключа к пониманию истинного значения текста. Исследовательским фундаментом в рамках предлагаемой Скиннером методологической парадигмы служит «контекстуальность» деятельности автора. Автор политического текста существует в рамках ряда исторически обусловленных, динамически развивающихся ограничений, которые определяют как язык, доступный ему для высказывания своих идей, так и тех интенций были заложены в момент их высказывания.

Ключевые слова: Квентин Скиннер, Кембриджская школа, интеллектуальная история, история политической мысли, интерпретативные теории, интенции, контекстуальность, история политической мысли, лингвистический поворот.

Квентин Скиннер является одним из наиболее влиятельных ученых интерпретативской традиции в политической теории. Будучи одним из представителем Кембриджской школы интеллектуальной истории, он сумел успешно синтезировать подходы Оксфордской лингвистической философии, традиционной Кембриджской исторической школы и методологического инструментария реалистской политической теории, что привело к «контекстуальному» или «лингвистическому» повороту в изучении истории политической мысли. Работы Скиннера по сей день являются эталонными с точки зрения рассмотрения методологических матриц лингвистических подходов в политической теории и интеллектуальной истории. Скиннер также является значимой фигурой в практической политической философии, активно занимаясь исследованиями гражданского гуманизма и теорий республиканизма, а также разработкой теории свободы. На сегодняшний день, тщательное рассмотрение исследований Скиннера в области методологии истории политической мысли, а также интерпретативных политических теорий представляется ключевой задачей для развития отечественных исследований в области политической теории и истории политической мысли.

К. Скиннер родился в Ланкашире, Англия в 1940 году. После обучения школе Бедфорд в 1959 году он получает стипендию и место в Гонвилл-энд-Кийс Колледже, в Кембридже. В 1962 году К. Скиннер выпускается со степенью магистра истории и получает место в аспирантуре в Крайст Колледже. Через 2 года он вступает в должность лектора по истории и начинает активную работу над созданием нового исторического метода, предполагающего концентрацию на теории интерпретации исторических событий. В рамках данной теории ключевые работы авторов в истории политической мысли необходимо изучать не как статичные канонические тексты, а как интервенции в контексте существующие рассуждения и споры о политическом. Ключевым в данном подходе является не сам текст, а попытка понять, что отдельные авторы могли делать в момент написания определенной работы.

Для Скиннера плохая интеллектуальная история и история политической мысли является результатом несостоятельного метода, ведь до 60-х годов 20-го века исторически ориентированные методологические исследования в политической теории были вытеснены доминирующими подходами того времени. С одной стороны, существовала абсолютная вера в превосходство позитивистских представлений о сущности и целях гуманитарных наук. С другой стороны, возрождались излишне идеализированные подхо-

ды, оправдывающие вневременные универсалистские объяснения человеческой природы в контексте развития политического. Таким образом основным объектом критики К. Скиннера стал так называемый «текстуалистский подход», фокусом которого выступала нерушимая вера в возможность учёного предоставлять ответы на «вечные вопросы», пытаясь выставить автора политического или философского труда, как мессию, представившего миру идеи, которые были сформированы много позже, чем его труд увидел свет [2. Р. 63-67]. Скиннер критиковал подходы, в которых авторский текст рассматривался как внеисторический документ, дающий ответы на универсальные абстрактные вопросы и не подверженный влиянию исторического времени, социального контекста и побуждений, и мотиваций автора. Для Скиннера такие тексты представляют собой обезличенные источники вечных истин, не имеющие никакой связи ни с историческим временем, ни с личностью автора. Они живут в мире идей и курсируют из одного исторического периода в другой, продолжая накапливать в себе все больше ответов на вечные вопросы политического бытия.

На основании данных убеждений, К. Скиннер всецело занялся поиском методологии, способной подлинно раскрыть намерения (интенции) автора. При этом Скиннер отказывался утверждать, что существует уникальная и универсальная методология, а скорее настаивал на важности существования необходимых условий, которые должны быть выполнены для создания возможности существования корректной истории политической мысли. В своей статьей «Интерпретация понимания речевых актов» (1988 г.), он утверждает: «Сама теория не говорит нам о том, так же как я не верю в то, что намерения спикера или писателя служат единственным или даже лучшим проводником к пониманию их текстов или других высказываний» [6. Р.104-105]. Поэтому Скиннер комбинировал множество источников и методологических приемов из разных исторических и философских школ (прежде всего лингвистической философии) с целью создания методологической матрицы, способной эффективно воплощать практические задачи К. Скиннера как историка и политического теоретика [3. Р. 38-42].

Так, в качестве ответа на подобные идеалистические подходы в истории политической мысли, Скиннер представил свою методологическую программу. По мнению известного политического философа Питера Штайнбергера, программа Скиннера «сфокусирована на восстановлении и толковании первоначальных политических намерений авторов», а именно максимально возможном понимании того, что именно намеревался или пытался сказать автор [8. Р. 135-140]. Таким образом, методологическим ключом к проблеме понимания важнейших текстов в политической мысли является раскрытие интенции автора и ее последующей интерпретации. Исследователь не может в полной мере понять «великие труды» по политической мысли без знания реальной точки зрения автора во время создания этой работы.

Подобное понимание не представляется возможным без знания политического дискурса, или динамичного политического обсуждения в определенном историческом контексте, внутри которого автор и обменивался своими мыслями и идеями. Этот подход включает в себя изучение политических взглядов автора, степени его вовлеченность в реальную политику или политическую дискуссию, исследование текстов, которыми он мог интересоваться, а также понимание коммуникативных норм и специфичных для конкретного общества конвенций, в котором автор находился. Так, именно убеждения авторов являются в большей мере продуктами и последующими выражениями сущности социальных структур, внутри которых они существуют. По Скиннеру, интенции и сами речевые акты (тексты) определены структурой общества, в котором оперирует автор. Эти структуры являются конструктом, а автор их историческим агентом.

В 1969 году выходит статья «Значение и понимание в истории идей» («Meaning and Understanding in the History of Ideas») [7], которое стало наиболее полным описанием Скиннеровского метода интерпретации истории политической мысли. В ней Скиннер показал, что большая часть общепризнанной истории политической мысли часто попадают в ловушку, не делая различий между систематической теорией (или «философией») и историей. Значимые тексты прошлого ранее понимались как попытки сформулировать блоки теории, содержание которых, было заранее предопределено внеисторическими универсалистскими представлениями о том, чем должны были быть и являлись политическая теория, история и политическая реальность. Идеи не интерпретировались, а принимались как носители вечных истин, имеющих скорее идеальное, чем историческое значение. При этом работы авторов считались сакральными, а их идеи как не подвластные влиянию времени и среды, в которой они существуют [1]. Контекст, как и личность автора и его роль как агента истории отвергались или маргинализировались.

Рассмотрев эти заблуждения, Скиннер заявил, что публикация текста и формулирование содержащегося в нем аргумента должны рассматриваться как языковой акт, совершаемый в истории. То есть текст, выступает как действие конкретного человека, в контексте некоторого разворачивающегося обсуждения или дискурса в политической реальности конкретного периода и места. Основным инструментом развития своей методологической программы Скиннер видит философию языка и проблему интерпретации. Его подход, вдохновленный философскими и методологическими рассуждениями Людвига Витгенштейна, основывается на предположении о том, что любое утверждение (письменное или устное) должно быть понято и интерпретировано в рамках своих собственных оснований [9. Р. 137-142]. Подобный взгляд требует понимания языка автора в таком виде, в котором он понимает его сам на своих собственных основаниях. Так, для Скиннера если понимание автором слова или фразы отличаются от нашего и если

мы не осведомлены или не сумели учесть это контекстное различие, тогда мы не в состоянии в полной мере понять, что именно пытался сказать автор в своем тексте и, следовательно, не сможем понять, что он имел в виду сказав это [6. Р. 103-106]. Без подобного понимания наше понимание авторских высказываний и идей будет в большей степени нашей интерпретацией, чем пониманием творчества автора в том виде, в котором он его сам задумал. Следовательно, наше прочтение текста примет форму нашего собственного творчества или же рефлексии на прочтенное, но никак не подлинного понимания автора.

Таким образом, с точки зрения Скиннеровской методологии для подлинного понимания авторских идей прежде всего необходимо, знать, что делал автор, а именно, что он собирался сделать (какой смысл он вкладывал в свой акт) и что ему удалось сделать (какой смысл он имеет для других). Для корректного понимания эти действий автора мы признать, что все действия автора являются исторически обсусоленными действиями, а именно, что они происходили в рамках конкретного исторического контекста (и идеологического контекста, соответствующего историческому времени), и производились, в первую очередь, на языке дискурса, на котором писал, читал, говорил и думал автор. Следовательно, для Скиннера именно язык являлся средством, с помощью которого автор получал информацию о своей исторической, политической и даже материальной реальности. С помощью языка он не только формировал свою реальность, но и выражал новые формы реальности в своем творчестве. Язык, таким образом, определял не только сказанное автором, но и почему он это сказал, а также отвечал объяснял, что автор может или не может *сказать* в принципе. Из этого можно заключить, что автор мог написать или высказать что-либо только тем языком, который был ему доступен и, поэтому, высказанные автором идеи могут быть корректно поняты только в рамках объяснительных конструкций этого языка, который, в свою очередь, существуют как исторический феномен конкретной периода.

Обобщая вышесказанное, ключевой задачей методологической программы Скиннера выступает исключение возможности рассмотрения тех авторских интенций, которые он не имел возможности реализовать из-за отсутствия подходящего языка, и из-за этого был вынужден использовать другой доступный язык, выражающий и осуществляющий другие намерения [4. Р. 99-102]. Следовательно, методология Скиннера предполагает выполнение трех задач: реконструкции языка автора, реконструкции авторских интенций и реконструкции исторического контекста авторской жизненной среды. Выполнение этих критериев предполагают высокий уровень методологической чувствительности, так как чем сложнее и противоречивей языковой контекст, в рамках которого существует автор, тем богаче и запутанней те речевые акты, которые автор способен воспроизвести [1].

Также, в рамках постоянно расширяющегося контекста, значительно расширяется набор варьирующихся интенций автора, которые подвластны нашему осмыслению и отслеживанию. При этом стоит иметь в виду, что хотя интенции могут быть сконструированы под влиянием великого множества факторов, они все же являются продуктом набора исторически ограниченных контекстов и традиций, в рамках которых существует и творит автор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Покок Д.Г.А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории / пер. с англ. Алсу Акмальдиновой; под ред. Елены Островской // Новое Литературное Обозрение. 2015. № 134.
2. Burns R. Historiography: Critical Concepts in Historical Studies. London: Routledge, 2006.
3. Deline D., Anderson P., Burgess G. The Political Imagination in History, Baltimore, MD: Owlworks, 2006.
4. Pocock J. Political Thought and History. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.
5. Pocock J. Virtue, Commerce and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
6. Skinner Q. Visions of Politics Volume I: Regarding Method Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
7. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. No. 1.
8. Steinberger P. Analysis and History of Political Thought // American Political Science Review. 2009. № 103 (01).
9. Temelini M. Wittgenstein and the Study of Politics. Toronto: University of Toronto Press, 2015.

O.S. YANOVSKY

*Lecturer, Department of Political Theory,
School of Government and Politics, MGIMO,
Moscow, Russia*

LANGUAGE, INTENTIONS, AND INTERPRETATION IN QUENTIN SKINNER'S METHODOLOGICAL RESEARCH PROGRAM FOR THE INTELLECTUAL HISTORY OF POLITICAL THOUGHT

The article is devoted to the specific aspects of Quentin Skinner's methodological approaches in the context of considering the problems of understanding and interpreting works in the field of political theory as historical phenomena

created by historical agents. Skinner's methodology is simultaneously considered as part of the broad historical and historisophical methodological tradition of the Cambridge School of Intellectual History and the History of Political Thought, and in the context of the methodological paradigm of interpretive approaches in political theory. The Cambridge School and Skinner, in particular, were critical of the approaches that dominated Western humanities in the mid-twentieth century to consider works in the field of political thought as sacred sources of eternal truths, not subject to the influence of history of any external factors. Skinner, as one of the pioneers of the "linguistic turn" in political theory, challenged these approaches and, together with his colleagues, focused on creating an alternative, historically more sensitive methodological approach.

The article discusses the theoretical and methodological foundations of the Skinnerian approach to the study of the history of political thought, namely the importance of language as a tool for shaping the reality in which the author exists, and the mechanism for shaping reality by the author himself. Also it is important to understand the author's intention (intention) as the key to understanding the true meaning of the text. Thus, within the framework of the methodological paradigm proposed by Skinner, the research foundation is based on the "contextualism" of the author's activity. The author of a political text exists within a number of historically conditioned, dynamically developing restrictions that determine both the language available to him for expressing his ideas, and those intentions that were laid down at the time of their expression.

Key words: *Quentin Skinner, Cambridge School, intellectual history, history of political thought, interpretative theories, intentions, contextualism, history of political thought, linguistic turn.*

*аспирант кафедры истории и теории политики
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Статья предлагает новый подход к рассмотрению трансформаций политических режимов. Предлагается рассматривать группы стран по общности проходившего или пути политической трансформации. Это позволит выработать новую объяснительную модель трансформаций, в отличие от существующих фрагментарных объяснений. Предлагаемый подход основан на идеи общих паттернов поведения в схожих бытийных обстоятельствах, отражаемых в структурных показателях. Страны, проходящие различные фазы режимных трансформаций, могут быть дифференцированы по траекториям. Выделено семь последовательных траекторий, анализ которых позволяет выделить показатели, коррелирующие с движением к «демократии», «полудемократии» и «недемократии». Данные траектории подразделяются на два типа: траектории «демократизации» и траектории «автократизации».

Ключевые слова: трансформация политического режима, траектория политической трансформации, демократия, автократия.

Актуальность. Тема трансформации политических режимов одна из базовых для политической науки. Взаимоотношения государства и общества меняются параллельно изменениям самого общества. Теории модернизации обоснованно утверждают, что изменения социальных институтов и социальных отношений идут вслед за развитием общества [3. С. 6]. Таким образом, с изменением общества трансформируются и политические режимы. Перед исследователями встает вопрос о направлениях трансформаций. Основная часть исследований направлена на изучение одного направления трансформации – демократизации. Остается открытым вопрос об автократизации режимов.

Существует методологическая проблема, связанная с неполным набором статистических показателей за существенный временной промежуток. Это вынуждает исследователей ограничивать число кейсов, что сказывается

на объяснительном потенциале исследований. Не удается построить единую объяснительную модель. Вместо этого существует целый набор разрозненных концепций, которые объясняют фрагменты политической реальности [5].

Данная статья представляет собой попытку преодолеть данную методологическую трудность, используя другой подход к исследованию. Вместо рассмотрения одной страны или группы стран по общему признаку, например, европейские страны, постсоветские страны, посткоммунистические страны, азиатские, постколониальные страны и др. следует оттолкнуться от характера изменения режима. Страны, безусловно, имеют свои особенности и уникальные черты, но абсолютизация особенностей ведет к фрагментарности получаемых знаний. Если оттолкнуться от идеи универсальности паттернов поведения людей и обществ в целом [2. С. 65], то можно расширить количество рассматриваемых кейсов.

Траектория как единица анализа. Следуя данной гипотезе, можно предположить, что страны, прошедшие одинаковым путем трансформации политического режима, имеют общие черты. Основываясь на этих общих чертах, можно оценивать перспективы режимной динамики в будущем. Также это позволяет нивелировать проблему неполных данных по странам, поскольку рассматриваются не отдельные страны, а группы стран, где неполнота данных одной страны компенсируется другими.

Типологии политических режимов хорошо разработанная тема в политической науке. Данная статья берет за основу простое, но удобное разделение режимов на «демократические», «полудемократические» и «недемократические». Эта типология основана на данных организации Freedom House [1], исследующей свободу и демократию в мире. Несмотря на существующую критику, данные этой организации используются в ведущих исследования (например, И.М. Локшин [4]), что позволяет им доверять.

Такой подход позволяет сгруппировать все страны мира по общности режимной динамики (1). Для обозначения такой общности предлагается термин «траектория режимной динамики»/«траектория режимной трансформации». Было выделено 24 траектории: 1) демократия; 2) демократия – полудемократия – демократия; 3) полудемократия – демократия; 4) недемократия – полудемократия – демократия; 5) недемократия – демократия; 6) демократия – недемократия – полудемократия – демократия; 7) полудемократия – демократия – полудемократия – недемократия – полудемократия – демократия; 8) демократия – полудемократия; 9) полудемократия – демократия – полудемократия; 10) недемократия – полудемократия – демократия – полудемократия; 11) полудемократия – недемократия – полудемократия – демократия – полудемократия; 12) демократия – полудемократия – недемократия; 13) полудемократии; 14) недемократия – полудемократия – недемократия – полудемократия – демократия; 15) полудемократия – демократия – полудемократия – недемократия; 16) недемократия – демократия – полудемократия – недемократия;

тия – полудемократия; 17) демократия – полудемократия – демократия – недемократия – полудемократия – недемократия – полудемократия; 18) полудемократия – недемократия – полудемократия; 19) полудемократия – недемократия – полудемократия 20) недемократия – полудемократия; 21) недемократия – полудемократия – недемократия – полудемократия; 22) недемократия – полудемократия – недемократия; 23) полудемократия – недемократия; 24) недемократия.

Отбор траекторий. Выделенные траектории можно разделить на две группы: 1) *последовательные траектории*; 2) *непоследовательные траектории*. Исходя из выдвинутой гипотезы, большей познавательной ценностью обладает анализ *последовательных траекторий*. К таким траекториям относятся: 1) полудемократия – демократия; 2) недемократия – полудемократия – демократия; 3) недемократия – демократия; 4) недемократия – полудемократия; 5) демократия – полудемократия; 6) демократия – полудемократия – недемократия; 7) полудемократия – недемократия. В каждой траектории свой набор стран, прошедших политические трансформации в период с 1972 года 2020 год. Распределение стран по траекториям отображено в таблице 1.

Последовательный характер этих траекторий позволяет сделать лонгитюдное сравнение корреляций *показателей* характеризующих общество и *политических трансформаций*, повышая достоверность исследования.

Таблица 1

Распределение стран по траекториям политических трансформаций

Траектория	Страны
полудемократия – демократия	Андорра, Ботсвана, Гаяна, Лихтенштейн, Монако, Самоа, Словакия, Тимор, Тонга, Уругвай, Хорватия, ЮАР, Южная Корея
недемократия – полудемократия – демократия	Испания, Польша, Португалия, Румыния, Тайвань
недемократия – демократия	Болгария, Греция, Кабо-Верде, Монголия, Намибия, Сан-Томе и Принсипи
недемократия – полудемократия	Албания, Босния и Герцеговина, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Танзания
демократия – полудемократия	Колумбия, Малайзия, Сербия, Фиджи, Шри-Ланка
демократия – полудемократия – недемократия	Венесуэла, Гватемала, Ливан
полудемократия – недемократия	Азербайджан, Афганистан, Белоруссия, Казахстан, Камерун, Лаос, Никарагуа, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Эсватини

Сравнение траекторий. Отобранные семь траекторий можно разделить на две группы по направлению трансформаций: траектории «демократизации» и траектории «автократизации». К траекториям «демократизации» относятся: 1) полудемократия – демократия; 2) недемократия – полудемократия – демократия; 3) недемократия – полудемократия; 4) недемократия – демократия. К траекториям «автократизации» относятся: 1) демократия – полудемократия; 2) демократия – полудемократия – недемократия; 3) полудемократия – недемократия.

Рассматривая выделенные траектории, можно заметить, что они представляют собой разнонаправленные динамики. Это позволяет сравнить траектории. Такое сравнение позволит выявить общие и отличные черты изменений показателей у процессов трансформации. Порядок сравнения траекторий отражен в таблице 2.

Таблица 2

Порядок сравнения траекторий трансформации политических режимов

Траектории «демократизации»	Траектории «авторизации»
полудемократия – демократия	демократия – полудемократия
недемократия – полудемократия	полудемократия – недемократия
недемократия – полудемократия – демократия	демократия – полудемократия – недемократия
недемократия – демократия	–

Так, сравнение траекторий «полудемократия – демократия» и «демократия – полудемократия» позволит вычленить и охарактеризовать показатели, коррелирующие с режимами «демократия» и «полудемократия», а также выявить показатели, связанные с обеими траекториями трансформации и не связанные ни с одной траекторией.

Сравнение траекторий «недемократия – полудемократия» и «полудемократия – недемократия» позволит вычленить и охарактеризовать показатели коррелирующие с режимами «недемократия» и «полудемократия», а также выявить показатели, связанные с обеими траекториями трансформации и не связанные ни с одной траекторией.

Сравнение траекторий «недемократия – полудемократия – демократия» и «демократия – полудемократия – недемократия» позволит проверить и скорректировать показатели коррелирующие с режимами «недемократия», «полудемократия» и «демократия», а также позволит проверить показатели, связанные с обеими траекториями трансформации и не связанные ни с одной траекторией.

Траектория «недемократия – демократия» не имеет пару для сравнения. Само по себе отсутствие примеров перехода от «демократии» сразу к «недемократии» уже характеризует режимную динамику. По всей видимости, резкая «демократизация» возможна, а резкая «автократизация» нет.

Ограничения методологии. Рассмотрение стран по их траекториям режимных трансформаций позволит дополнить имеющиеся представления об этой части политической реальности. Компенсируя неполноту статистических данных по ряду стран и выявляя показатели, коррелирующие с траекториями режимных трансформаций, данная методология не лишена ограничений. Среди ограничений можно выделить следующие: во-первых, данный подход не дает ответ на вопрос причинно-следственной зависимости между показателем и политическим режимом; во-вторых, данные о корреляциях показателей и режимных трансформаций носят относительный характер, то есть позволяют сравнивать корреляции только по принципу сильнее/слабее; в-третьих, данная методология не чувствительна к выбросам и исключениям по отдельным странам, сравнение корреляций релевантно лишь на уровне всей траектории.

Заключение. Предлагаемый методологический подход, несмотря на имеющиеся ограничения, позволит по-новому рассмотреть проблему транзитов. Сравнение последовательных траекторий «демократизации» (полудемократия – демократия; недемократия – полудемократия; недемократия – полудемократия – демократия; недемократия – демократия) и «авторатизации» (демократия – полудемократия; полудемократия – недемократия; демократия – полудемократия – недемократия) покажет, какие структурные факторы связаны с трансформациями, какие идут параллельно трансформациям, а какие не связаны с данным процессом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Режимы рассматриваются с 1972. Во-первых, это соответствует третьей волне демократизации, во-вторых, первые эмпирические данные Freedom House датируются 1972 годом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. База данных политических режимов Freedom House // <https://freedom-house.org/reports/publication-archives>.
2. Вельцель К. Рождение свободы / под ред. Э.Д. Понарина, О.А. Оберемко; пер. с англ. А.В. Лисовского. М.: АО «ВЦИОМ», 2017.
3. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4.
4. Локшин И.М. Политический режим и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Полития. 2011. № 4.

5. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. Политические исследования. 2011. № 3.

A.G. LAZEBNIK

*Postgraduate student of the Department
of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

TRAJECTORIES OF POLITICAL TRANSFORMATIONS: AN APPROACH TO THE STUDY OF POLITICAL DYNAMICS

The article offers a new approach to the consideration of transformations of political regimes. It is invited to consider groups of countries on the basis of the common path of political transformation they are taking. This will allow to develop a new explanatory model of transformation, as opposed to existing fragmented explanations. The proposed approach is based on the idea of common patterns of behaviour in similar living circumstances as reflected in structural indicators. Countries undergoing various phases of regime transformation can be differentiated by trajectory. Seven consecutive trajectories have been identified, the analysis of which allows us to allocate indicators correlating with the movement towards “democracy”, “semi-democracy” and “non-democracy”. These trajectories are divided into two types: trajectories of “democratization” and trajectories of “autocratization”.

Key words: transformation of the political regime, trajectory of political transformation, democracy, autocracy.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.003

УДК 32.323

Л.С. РУБАН

доктор социологических наук, профессор,
руководитель Отдела исследования проблем международного
сотрудничества Института социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, Россия, г. Москва

КТО МЫ И КАК НАМ НЕ ПОТЕРЬЯТЬ СЕБЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ? (ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)

В статье рассматривается протекание процесса саморегуляции в современном российском обществе, складывание идентичности социальных индивидов, их целеполагания и формирования жизненного идеала и принципов социального взаимодействия с учетом изменяющейся реальности, находящейся в данный момент в турбулентном состоянии. Рассматриваются проблемы социокультурной эволюции современного российского общества в контексте социокультурной модернизации и эволюции ценностных критериев и норм, проводится их изучение с помощью применения методов системного анализа. Методологической основой исследования служит социокультурный (антропосоциetalный) подход. Автором проведен контент-анализ профильных научных работ и публикаций в средствах массовой информации в контексте сопоставления крупнейших философских, психологических и социологических положений российских исследователей, а именно диспозиционной теории саморегуляции социального поведения личности, разработанной профессором Ядовым В.А., и исследований данного профиля, сделанных в Институте социологии РАН, концепции академика Степина В.С. активной деятельной природы человека и исследований социокультурной модернизации в процессе социокультурной эволюции современного общества как целостного организма Центра изучения социокультурных измерений Института философии РАН под руководством чл.-корр. Лапина Н.И., исследования личности и ее ценностного мира и норм в современном российском обществе, а также изучение менталитета и формирования идентичности социальных индивидов в процессе развития современного российского общества и социогуманитарных наук в многолетних научных проектах Института психологии РАН. Данное сопоставление показывает, что в комплексе эти исследования раскрывают целостную картину социокультурной эволюции современного российского общества с акцентом на его социокультурной модернизации.

Ключевые слова: процесс саморегуляции в обществе, идентификация социальных индивидов, целеполагание и формирование жизненного идеала и принципов социального взаимодействия.

Актуальность исследования. Потребность социокультурной модернизации и сложность ее протекания в нашей стране вскрыли значительные проблемы социокультурной эволюции современного российского общества, обусловив актуальность и даже злободневность исследований данного профиля, без которых затруднительно развитие социального государства и эффективное выполнение его функций. **Целью** исследования является выработка четкой социокультурной ориентации и разграничения ценностных критериев, норм и оценок, их эволюции в процессе модернизации общества.

Введение. Как считает широкий ряд отечественных и зарубежных экспертов-обществоведов и специалистов-гуманитариев, в современном мире на смену постмодернизму пришел и утверждается пост-гуманизм. Модернистские установки на светлое будущее рухнули, общество, с одной стороны, начало их отторгать, но с другой стороны, чтобы изжить наступившую собственную идейную пустоту и депрессию, вновь обратилось к традиционным ценностям.

С этой проблемой столкнулись все новые поколения: сначала миллениалы, зацикленные на выстраивании карьеры, и так называемые «зуммеры», часто убегающие от пугающей и непонятной им действительности в виртуальный мир, в котором они хотят спастись и защититься от жесткой, а порой жестокой реальности, формализовать свои проблемы и перевести их в режим игры, где всегда есть шанс выиграть или многократно повторить возможность попыток разрешения проблемы, то есть иметь право на ошибку и ее исправление.

Складывается ситуация, которую некоторые эксперты трактуют как утрату середины (1), но в которой для разрешения проблем все-таки сохраняется возможность нахождения компромисса и достижения консенсуса, хотя бы негативного. Специалисты указывают, что нынешние реалии характеризуются тем, что человек оказался лицом к лицу с самим собой и один на один со своими проблемами, которые необходимо самостоятельно решать, и эта непривычная ситуация его напрягает, пугает неопределенностью и ответственностью, обуславливает дискомфорт, причем не только духовный и моральный.

Мы можем констатировать в современном обществе значительную утрату патернализма. Государство и его институты часто устраняются от реализации гарантий безопасности (первой жизненной потребности человека) и прав своих граждан, перекладывая эту функцию на неподготовленные плечи последних. А ведь нельзя забывать, что свобода – это, в первую очередь, огромная ответственность за слова, действия и поступки. Ей надо

уметь пользоваться, чтобы не нанести вред окружающим и себе самому. При отсутствии этих навыков у людей возникает растерянность и страх перед неизвестностью в огромном, турбулентном и зачастую непонятном окружающем их современном мире. Эксперты предлагают охарактеризовать сложившуюся ситуацию, выразив ее аббревиатурой РПГ (1) – то есть назвать реальностью, которая может поглотить человека, так как сложилась зыбкость бытия, и социальный индивид может в нее провалиться.

Современный человек испытывает колossalный стресс от свалившихся на него социальных проблем и стремится уйти от принятия множества непривычных самостоятельных решений, избавиться от хаотической активности, отнимающей все его силы и время, но часто не дающей позитивного результата.

Дискуссия. Как образно выразился арт-критик и историк искусства, доцент МГУ Сергей Хачатуров в беседе 29 ноября 2021 года на телевизионной передаче матч ТВ-2 с ведущим канала YouTube Максимилианом Боровиком, происходит «авторомление» мира, для которого характерно возникновение кибер-барокко – то есть цифрового пространства, где ты и актор, и режиссер. Это матрица, пришедшая к нам из XVII века, но ее современные аранжировки совсем другие, в них присутствуют орнаментализм сетевых репродукций, а в артиндустрии складываются новые стили, такие как технорококо, кибер-панк, веб-панк и другие.

Однако эти стили в достаточной мере эклектичны. Если мы рассмотрим веб-панк – то это явление в целом представляет собой коллаж, в котором своеобразно соединено несколько различных причудливых компонентов. Так в этом симбиозе могут быть использованы обрывки фраз, скрины сайтов, фрагменты разных контентов и физических предметов, например, статуй, от античных до современных, трехмерное изображение разнообразных животных. По стилю веб-панк представляет собой антикультуру, но это свежее влияние в антикультуре, необычное, кричащее, нелогичное, выражющее через различные, а иногда шокирующие коллажи свое состояние.

Одной из острых проблем современности является изменение гендерных ролей в обществе. Как отмечают эксперты, это и следствие, и причина многих цивилизационных процессов, характерных для общества постмодерна, характеризующегося отчуждением, отказом от историчности, сменой ценностей, завышенностью самооценок, сочетающейся с агрессивностью, доминированием визуализации и виртуализации, стремлением к внешней самопрезентации во всех сферах жизни [11. С. 133].

На Международном демографическом форуме в Воронеже в конце сентября – начале октября 2021 года профессор Широкалова Г.С. из Нижнего Новгорода подчеркивала, что в настоящий момент кризису традиционной семьи посвящены многочисленные работы, однако его отражение в координатах международных сетевых сообществ еще не стало предметом под-

робного изучения. Она анализировала деятельность CitizenGO по защите традиционных семейных ценностей через современные формы создания информационного пространства вокруг противоречащих христианству гендерных отношений и показывала реакцию на протекание этого процесса сторонников модернизационных процессов.

Нельзя не согласиться с профессором Широкаловой Г.С., так как сложно принять навязывание большинству населения норм и взглядов меньшинства, что доводит толерантность (терпимое отношение к взглядам иных, других индивидов и не более того) до абсурдной ситуации, когда, в частности, в ряде западных стран, предлагаю отказаться от употребления традиционного наименования родителей «отец» и «мать», а использовать термины «родитель 1» и «родитель 2». Другой казус западного общества связан с рекомендацией отказаться от празднования Рождества с наряженными елками и рождественскими вертепами, чтобы не оскорблять чувств мусульман-мигрантов, что происходит в период начала судебного процесса по делу убитого во Франции у алтаря в храме в Руане отца Амеля, зарезанного ножом джихадистами (ответственность за содеянное взяла на себя организация Исламское государство (ИГИЛ).

Государство пытается противостоять этому сложному и противоречивому процессу, в том числе и законодательным путем. Так, появилась новация в статье 67.1 Конституции Российской Федерации, в которой указывается: «Россия сохраняет память предков, передавших идеалы и веру в Бога» [11. С. 135].

Специалисты-обществоведы указывают, что следует учитывать, что «любое человеческое решение опирается на систему образов и представлений» [9. С. 101], обусловливающих цель этих действий и желаемый результат, который социальный индивид хочет получить в итоге своей деятельности для реализации образа желаемого будущего. Вот почему одно из центральных мест в развитии ментальных базисов социума принадлежало и принадлежит категории ценностей, а «развитие теории ценностей является попыткой найти для личности и общности в целом первичный и достаточно неизменный механизм мотивации ее поведения» [9. С. 101].

Как точно отмечает вице-президент Российского общества социологов (РОС), профессор Сосунова И.А., «даже интеллектуально развитые люди не всегда могут объяснить выбор своих ориентиров, оценок, предпочтений, так как существует разрыв между представлениями людей о своей ценностной системе и ее реальном содержании» [9. С. 102]. Поэтому практическое воплощение ценностей в конкретных поведенческих актах неоднозначно под влиянием различных ситуационных факторов. Можно констатировать, что в современном обществе нет абсолютно общепринятых базовых ценностей, в том числе единого образа, желаемого будущего как фактора успешного развития страны с учетом специфики универсального эволюционизма [9. С. 102].

Автором в монографии «Формирование гражданского сознания молодежи в полиэтнических регионах» (2020) была высоко отмечена значимость «положений разработанной Ядовым В.А. диспозиционной теории саморегуляции социального поведения личности» [4. С. 47], показавшей, «как относятся осознанные намерения, поведенческие практики и ценностные ориентации индивидов, что они есть интернализованные терминальные и инструментальные ценности, которые становятся регуляторами социального поведения людей» [6. С. 47].

Владимир Александрович указывал: «ценостные ориентации образуют высший уровень диспозиционной иерархии, вершину которой составляет жизненный идеал, т.е. социально-политический и нравственный образ желаемого индивидом будущего. Они формируют у людей собственную иерархию жизненных целей, отдаленных, относительно близких и ближайших, а также ценностей-средств, представлений о нормах поведения, которые человек рассматривает в качестве эталона» [6. С. 47]. При формировании образов желаемого будущего оценка и прогнозирование успешности развития сложных социальных систем исходит из признания успешности в качестве цели и характеристики оптимальности процесса развития.

Особенно интересны разработки профессора Ядова В.А. по следующему направлению, связанному с «воздействием на национальную культуру россиян глобализации, в связи с чем идет унификация культурных образцов, а также в многообразии культур сохраняются особенности при заимствовании массовых элементов универсализма» [1. С. 11-12]. Ядов В.А. показывал коренные различия «ядра национальной культуры, национального менталитета от культуры повседневных практик. В 1990-е годы произошел заметный сдвиг у молодежи в сторону ценностей модерной личности, включающих интеллектуальную автономию, а в период 2000-2005 гг. фиксировалось возрастание гедонизма вместо ценностей развития творческих способностей» [1. С. 20].

Последующее исследование Института социологии РАН показало, что «в период с 2004 до 2007 год доля «модернистов» (принимающих ценности индивидуальной свободы) сократилась с 26% до 20%, а традиционистов увеличилась с 41% до 47%» [2. С. 107].

Как отмечал академик Горшков М.К.: «для них оптимальна традиционная для России эдакратическая модель развития, основанная на всевластии государства. Эта модель воспринимается, скорее, как хаотическое сообщество, чем сообщество свободных индивидов, осознанно выстраивающих жизненные стратегии, руководствуясь правами человека, признаваемыми как базовые и государством, и обществом» [2. С. 107].

Специалисты Института психологии РАН внесли весомый вклад в анализ процесса социокультурной эволюции. Они отмечали, что, «менталитет является фактором построения интегрального образа реальности и регуля-

тором поведения людей» [3. С. 22, 24]. Они выделяли среди черт менталитета его историчность, способность меняться с течением времени в зависимости от общественных трансформаций [7. С. 96], традиционно включая в структуру менталитета социальные представления, стиль мышления, ценности и другие параметры.

В 2011 г. академик Степин опубликовал свою книгу «Цивилизация и культура», вышедшую в Санкт-Петербурге в серии «Классика гуманитарной мысли». В этой монографии были сконцентрированы его взгляды на активную природу человека и цивилизационную значимость культуры.

Академик Степин В.С. отмечал активную природу социальных индивидов указывая: «человек... – это активное, деятельное существо, и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм» [8. С. 37]. Вячеслав Семенович отмечал, что «основными формами человеческой активности выступают деятельность, поведение и общение, причем деятельность характеризуется направленностью на преобразование объектов, а поведение – приспособлением к миру, адаптацией человека к природной и социальной среде» [8. С. 37].

Однако как отмечал член-корреспондент РАН из Института философии РАН Лапин Н.И., в нашей стране основной массе населения свойственен определенный ценностный разлом, являющийся следствием достаточно длительного «патологического социокультурного кризиса», связанного с коренным постсоветским реформированием общества.

Морально-нравственной позиции Степина В.С. и Лапина Н.И. очень близки позиции зарубежных коллег А. Рапопорта и П. Штомпки. Так, Штомпка характеризовал аспекты развития общества терминами: «межчеловеческое пространство» и «социальное становление» – мы отмечали это вместе с членом-корреспондентом РАН Рязанцевым С.В. в нашей совместной статье «Кризис западной социологии и новые социологические школы. Что показал XIX конгресс ISA?», опубликованной в журнале «Вестник РАН» в июле 2019 года. Мы указывали, что «Штомпка и Рапопорт предложили научному сообществу концепцию социального становления как постоянной самотрансформации общества, движимого действиями его членов с учетом свободы воли, потенциала общества для успешной практики и творческой самотрансформации. И Анатоль Рапопорт, и Петр Штомпка указывали, что моральные ценности регулируют наиболее важные формы отношений людей, защищая их коллективное и индивидуальное благополучие» [5. С. 120].

Автор данной статьи полностью разделяет мнение, высказанное польским профессором Штомпкой об основах прочного партнерства и возможности формирования консенсуса в обществе: «моральные ценности требуют, чтобы партнеры были надежными, выполняли взаимные обязательства, отвечали взаимностью на добрые дела других и были готовы на жертвы на благо своего сообщества. Иначе моральное пространство общества распадется» [12. С. 11].

Вывод. Оценивая ситуацию в сфере социокультурной эволюции российского общества в контексте социокультурной модернизации, в завершении статьи следует заострить внимание на таком научном методе современных исследований, каким является универсальный эволюционизм, предложенный академиком Н.Н. Моисеевым, объединившим в единое целое идеи системного и эволюционного подходов. Этот метод поддержал академик Степин В.С. и использовал его «для выявления целостности исследуемой системы, ее взаимосвязей со средой; анализа свойств составляющих ее элементов и их взаимосвязей между ними» [10], что давало эффективный результат и адекватное отражение реальной ситуации социальной системы для ее рационального регулирования в контексте оптимизации социального регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) См. беседу 29 ноября 2021 г. на матч ТВ-2 с арт-критиком и историком искусства, доцентом МГУ С. Хачатуровым с ведущим канала YouTube М. Боровиком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России / под ред. Ядова В.А. Институт социологии РАН, Государственный академический университет гуманитарных наук, Научно-образовательный центр. М.: Таяс, 2009.
2. Горшков М.К. Российская идентичность в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6.
3. История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН, 2010.
4. Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания молодежи в полигэтнических регионах. М.: Academia, 2020.
5. Рязанцев С.В., Рубан Л.С. Кризис западной социологии и новые социологические школы. Что показал XIX конгресс ISA? // Вестник РАН. 2019. № 7.
6. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения. Ленинград, 1979.
7. Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2007.
8. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: Классика гуманитарной мысли, 2011.
9. Сосунова И.А. Экологизация желаемого будущего в условиях цифровизации современной России // Материалы Международного Демографического Форума «Демография и глобальные вызовы». Воронеж, 2021.

-
10. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы: учебник для системы послевузовского профессионального образования. М.: Гардарики, 2006 // <https://bookree.org/reader?file=794151&>.
 11. Широкалова Г.С. CitizenGO. Борьба «За» и «Против» традиционной семьи // Материалы Международного Демографического Форума «Демография и глобальные вызовы». Воронеж, 2021.
 12. Sztompka P. The Moral Capital: Much Needed Resource. Manuscript of the report for XIX ISA World Congress of Sociology. Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. Toronto, July 15-21, 2018.

L.S. RUBAN

*Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of Research of International
Cooperation Issues Institute of the Socio-Political
Researches of FCTAS RAS, Moscow, Russia*

WHO ARE WE AND HOW DO WE SURVIVE IN THE MODERN WORLD WITHOUT LOSING OURSELVES? (PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY)

The article examines the process of self-regulation in modern Russian society, the formation of the identity of social individuals, their goal-setting and the formation of the life ideal and principles of social interaction, taking into account the changing reality that is currently in a turbulent state. The problems of socio-cultural evolution of modern Russian society in the context of socio-cultural modernization and the evolution of value criteria and norms are considered, their study is carried out using the methods of system analysis. The methodological basis of the research is the socio-cultural (anthroposocietal) approach. The author conducted a content analysis of specialized scientific works and publications in the media in the context of comparing the largest philosophical, psychological and sociological positions of Russian researchers, namely the dispositional theory of self-regulation of social behavior of the individual, developed by Professor V.A. Yadov, and studies of this profile made at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the concept of Academician V.S. Stepin, the active nature of man and the research of socio-cultural modernization in the process of socio-cultural evolution of modern society as an integral organism of the Center for the Study of Socio-Cultural Dimensions of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences under the leadership of the corresponding member. Lapina N.I., studies of personality and its value world and norms in modern Russian society, as well as the study of mentality and identity formation of social

individuals in the process of development of modern Russian society and socio-humanitarian sciences in long-term research projects of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. This comparison shows that together these studies reveal a holistic picture of the socio-cultural evolution of modern Russian society with an emphasis on its socio-cultural modernization.

Key words: *the process of self-regulation in society, identification of social individuals, goal setting and formation of the life ideal and principles of social interaction.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.004

УДК 32

К.Ю. ЕГОРОВ

*кандидат политических наук, доцент кафедры
фундаментальных юридических и социально-гуманитарных
дисциплин Московского финансово-промышленного
университета «Синергия», Россия, г. Москва*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье исследуются теоретико-правовые и политические основы формирования федеративного государства. Исследуются базовые положения, которые непосредственно связаны с формированием и развитием различных моделей федеративного устройства. Анализируются особенности формирования и развития федеративного устройства на примере Российской Федерации и формулируются выводы по теме исследования.

Ключевые слова: *федеративное устройство, государство, демократия, субъект федерации, автономия.*

Введение. Актуальность исследования определяется тем, что федеративную форму государственно-территориального устройства выбирают различные страны мира, поскольку исследуемые формы территориального устройства характеризуются динамикой своего правового развития. Данный феномен имеет свое отражение в обеспечении свободы национальностей, гарантии прав и свобод граждан, а также реализации демократических принципов.

Федерации представляют собой сложные союзные государства, состоящие из государств особого рода, обладающих частичным суверенитетом. Те признаки, которые не характерны для автономий, являются обязательными для субъектов федераций. Это не полноценные самостоятельные государства, образно выражаясь, это «структурные образования», существующие только в теле федеративного государства. Они не имеют возможности его покинуть, так как лишены права на сепарацию (выход из состава федерации в одностороннем порядке).

Эти квазигосударства обладают самостоятельными органами всех трех ветвей власти (собственные парламенты, правительства и главы субъектов, судебные органы). Такие органы власти обладают собственной компетенци-

ей, в пределах которой они самостоятельны (т.е. суверенны) и не подчиняются центру. Разумеется, этот суверенитет является частичным и касается лишь второстепенных вопросов (собственных вооруженных сил у субъектов федерации в принципе не может быть). Этот суверенитет проявляется и в территориальной неприкосновенности, и в собственной учредительной власти.

Конституция субъекта федерации обладает высшей юридической силой в составной части федерации, что аналогично тому, как конституция самого федеративного государства является высшим источником права. Между федеральным центром и штатами существует двусторонняя связь. Принцип разделения властей основан не только на разделении, но и взаимопроникновении властей. В этом мы видим проявление третьего закона диалектики о единстве, борьбе и взаимопроникновении противоположностей.

В силу этого не только на федеральном уровне наблюдается взаимопроникновение властей (наиболее очевидно это в президентской и смешанной республиках), но и во взаимоотношениях центра и штатов. Так, штаты участвуют в осуществлении федеральной законодательной власти через своих представителей в верхней палате парламента, нередко участвуют в избрании федерального президента (США, ФРГ), формировании высших судебных органов. С другой стороны, федеральный центр может вторгаться в компетенцию штатов в случае объявления режима ЧП или ВП (федеральная интервенция).

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 7; 8; 10; 11; 12; 14; 16; 19; 21].

Однако проблему развития различных моделей федеративного устройства государств нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Характеристика федеративного государства. Наиболее эффективным будет рассматривать взаимодействие политических субъектов федерации с позиций системного подхода. Основатель этой методологии анализа Т. Парсонс подразумевал, что политическая система состоит из множества частей, составляющих единое целое. Политический процесс, с его точки зрения, представляет собой функционирование данной системы, выражаемое через взаимодействие между многообразием политических субъектов, аспектов политики и наступающими политическими фактами [18. С. 28].

Другая важная черта системного подхода, как отмечает Г. Алмонд, заключается в причинно-следственном (каузальном) понимании поведения системы. Таким образом, в рамках системной теории взаимодействие политических субъектов происходит в четыре этапа: ввода, конверсии, преобразования и выхода. Системный подход уделяет значительное внимание

таким важным для нас переменным, как ключевые акторы, взаимодействие и взаимозависимость, управление и его функции. Он также помогает объяснить трансформацию федеративных государств, ее основные закономерности [23. С. 537].

Ключевой проблемой для федералистских исследований в рамках системного подхода, пишет Д. Элейзер, является вопрос баланса отношений по оси «центр-регионы». Как отмечает ученый, основной камень преткновения в нем – проблема разграничения компетенций между общенациональными и региональными органами власти, степень независимости субъектов федерации от центра и возможности их влияния на принятие решений [24].

Следует отметить, что особенностью федеративных государств является то, что их региональная политика зачастую становится продуктом компромисса между центром и субъектом. Поэтому здесь мы можем даже говорить о феномене политического торга.

Рассмотрим содержание отношений центр-регионы в федеративном государстве. Как правило, любой центр всегда оставляет за собой правовую возможность вовлечения в любые вопросы региональной внутренней политики. Однако зачастую значительная часть сфер ведения относится к региональной компетенции. Традиционно к сфере компетенции центра относится геополитическое направление, куда входят вопросы национальной безопасности, военные вопросы, регулирование силовых структур и принятие ключевых решений в области внешней политики. Кроме того, во всех существующих ныне федерациях центр регулирует институт гражданства. К сфере ведения субъектов федераций в основном относят управление региональной экономикой, инфраструктурой, реализацию культурной и этнической политики. В совместном ведении обычно находятся правовая сфера и организация правоохранительных органов, некоторые отрасли экономики, а также законотворческие вопросы. Необходимо подробнее исследовать практические особенности формирования федеративного устройства в Российской Федерации.

В Российской Федерации нормотворчество в данном направлении начало развиваться только с 1993-1994 годов, когда были заключены первые договоры о разделении сфер компетенций с рядом республик, получивших право внешнеэкономической деятельности, а затем уже это право было унифицировано для всех регионов страны. В целом полномочия субъектов федерации на внешнюю политику более характерны для договорных федераций – в частности для Швейцарии, Австрии и Бельгии. К примеру, швейцарские кантоны могут участвовать в международных соглашениях как с другими государствами, так и с их регионами – однако только с санкций центра. Что касается вопроса о влиянии самих регионов на внешнеполитические решения центра, то здесь есть два основных понимания этой проблемы: институциональный и «поведенческий» (лоббистский) [2. С. 92].

В рамках первого подхода можно говорить о возможностях для участия во внешнеполитической деятельности, зафиксированных в нормативных актах Федерации. К примеру, представители субъекта Федерации в региональной палате общенационального парламента влияют на ратификацию международных договоров, а в США они даже могут выступить с инициативой денонсировать уже существующие. Еще одним широко распространенным институтом влияния является включение губернаторов (руководителей субъектов) в профильные государственные комитеты, в рамках которых они имеют, как правило, совещательный голос при принятии руководителями государства внешнеполитических решений.

Зарубежная практика демонстрирует прямую связь специфики государственно-территориального устройства с историческим развитием, особенностями географического положения определенного анализируемого государства. Осуществление классификации моделей федеративного устройства проводится на основе различных факторов и критериев, в том числе в зависимости от субъектного состава Федерации, формы юридического закрепления федеративного устройства, особенностей взаимоотношения федеративного центра и субъектов Федерации.

Исходя из сложившейся государственной практики различных стран, можно выделить определенные модели Федерации, которые классифицируются по тем или иным основаниям. В зависимости от способа распределения властных полномочий между Федерацией и ее субъектами в науке конституционного права различают централизованные и децентрализованные Федерации.

С одной стороны, сам факт политico-территориального построения государства на основе принципа федерализма означает уже достаточно высокую степень самостоятельности субъектов и децентрализации государственной власти по сравнению с унитарными странами. Однако, с другой стороны, федеративные государства обладают определенной дифференциацией в разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов, таким образом, ограничивая самостоятельность государственных образований.

Централизованные Федерации характеризуются тем, что большая часть государственной власти сосредотачивается в центре. Предметы ведения и полномочий субъектов таких Федерации имеют ограничительный характер, поскольку решение региональных и местных вопросов происходит в рамках, установленных федеральным центром, и под его строгим контролем. Децентрализованные Федерации – это Федерации, в которых компетенция государственных органов федерального уровня ограничена, компетенция же государственных органов регионального уровня обладает высокой степенью самостоятельности и не подвергается жесткому контролю со стороны центра.

Несмотря на все многообразие идейных концепций федерализма и форм его реализации в странах современного мира, можно все же выделить основные типологические черты, составляющие качественную определенность, обобщенное ядро этой модели децентрализованного государственного устройства. В качестве основных составляющих компонент федеративного территориального разделения власти в современных моделях почти всегда присутствуют:

- субъекты Федерации как проявление их статусной символической автономности: государства или государственные территориальные единицы;
- отдельная компетенция субъектов Федерации как проявление их юридической автономности;
- организационная самостоятельность регионов в формировании и функционировании их органов власти как проявление политической автономности.

При этом особо стоит отметить тот факт, что в практике государственного устройства сложно встретить полностью идентичные государства, которые в полной мере можно отнести к одной модели федеративного устройства, что детерминирует существование огромного количества различных моделей федерализма и трудность в осуществлении их классификации и изучения.

В зависимости от особенностей государственного построения в науке и практике государственно-территориального строительства выделяются национальные и территориальные федерации [5. С. 33]. Российская Федерация относится к национально-территориальной разновидности федерации, так как в ее состав входят субъекты, основанные на национальном принципе (республики, автономные округа и автономная область), и субъекты, основанные на территориальном принципе (города федерального значения, области, края). Большое внимание такой классификации уделяет профессор В.Н. Хропаник. Главной особенностью территориальной Федерации учений называет «значительное ограничение государственного суверенитета субъектов Федерации» и объясняет это следующим:

1. Субъекты Федерации не обладают государственным суверенитетом, поскольку сфера деятельности внутренних и внешних отношений полностью зависит от федеральных органов государственной власти. Конституция закрепляют четкий перечень вопросов, по которым право издавать нормативные правовые акты принадлежит только центру.
2. Конституционные нормы запрещают субъектам прямо представлять в международных отношениях.
3. Конституция либо запрещает, либо не предусматривает вообще односторонний выход из Федерации.
4. Управление вооруженными силами осуществляется федеральными органами государственной власти. Главнокомандующим вооруженными си-

лами является глава федерального государства. В мирное время субъекты не могут содержать профессиональные вооруженные образования.

Что же касается национальных федераций, если мы снова обратимся к профессору В.Н. Хропанику, то, по его мнению, такие федерации обладают «более сложным государственным устройством» [20. С. 120]. К характерным чертам национальной федерации ученый относит следующие аспекты:

1. Субъекты такой федерации – национальные государства и национально-государственные образования, которые отличаются друг от друга национальным составом населения, его культурой, традициями и обычаями, религией. В данном случае возникает вопрос: почему В.Н. Хропаник разделяет субъекты федерации на национальные государства и национально-государственные образования? Этот момент требует дальнейшего исследования в науке конституционного права, поскольку национальное государство не может быть субъектом федерации.

2. Национальная федерация строится на принципе добровольного объединения ее субъектов. Это является одним из факторов претворения в жизнь права наций на самоопределение. Этот признак подразумевает под собой и то, что все субъекты обладают одинаковыми правами независимо от экономического развития, размера территории, численности населения.

3. Национальная федерация обеспечивает государственный суверенитет больших и малых наций, их свободное и самостоятельное развитие. Это выражается, в частности, в том, что субъекты таких федераций имеют свои высшие представительные органы государственной власти (парламент), самостоятельную исполнительную власть (в лице президента, правительства), независимую судебную систему. Самостоятельность субъектов заключается также в установлении регионального гражданства, границ государственной территории. Государственные образования имеют право единолично осуществлять внешнеполитическую и экономическую деятельность.

4. Высшие государственные органы национальной федерации формируются из представителей субъектов федерации. Таким образом, государство учитывает особенности развития и интересы всех наций и народностей, обеспечивает их экономическую самостоятельность, независимость в межгосударственных отношениях. Вследствие этого, главная цель центральной власти – это поддержка общенациональных интересов, а при необходимости – их координация.

5. Право наций на самоопределение. Эта особенность заключается в том, что каждый субъект вправе отделиться от федеративного государства и образовать свое отдельное, самостоятельное, независимое государство, либо объединиться с другим субъектом и совместно образовать новое государственное образование федерации.

Однако, несмотря на то, что профессор В.Н. Хропанюк достаточно полно раскрывает особенности территориальной и национальной федераций, он подчеркивает, что все же основное отличие этих моделей заключается «в различной степени суверенности их субъектов» [20. С. 121]. Иначе говоря, территориальная модель подразумевает под собой верховенство центральной власти по отношению к высшим государственным органам субъектов. Что же касается национальной модели, то такая федерация ограничивается суверенитетом субъектов. Следовательно, обеспечивая наилучшую внешнюю и внутреннюю деятельность, центральная власть только координирует интересы государственных образований.

Подводя итоги строительства российского федерализма в 1990-е гг., Н.В. Петров выделил ряд факторов, негативно повлиявших на этот процесс [15. С. 8]. Одни из них обусловлены предшествующим историческим периодом развития российской государственности. Речь идет как о смешанном, экстерриториальном характере субъектов Федерации, когда этническое и территориальное начала, дополняя друг друга, создавали кумулятивный эффект, потенциально усиливавший уровень конфликтности, так и о гипертрофии центров любого уровня, плохо сочетавшейся с принципом равноправия. Другие факторы определяются особенностями постсоветского государственного развития. Таковыми являлись значительное неравенство потенциалов и статусов субъектов Федерации и продолжающийся рост неравенства регионов в социально-экономическом и политическом отношениях.

Современные регионы отличались крайней слабостью горизонтальных связей, привязанностью граждан к территории проживания, препятствующей перемещению рабочей силы и ограничивающей возможности выравнивания темпов развития регионов. Инициированный «сверху» характер российского федерализма характеризовался отсутствием собственного ценностного измерения: в республиках развитое региональное самосознание, как правило, заменялось акцентированной этнической идентичностью.

Фиксировалось противоречие между «суперпрезидентством» (де-факто закрепленным в Конституции РФ) и слабостью центра в отношениях с субъектами Федерации. Отмечалась чрезмерная роль субъективного фактора, когда личностные качества главы субъекта Федерации и его личные связи во многом определяли и отношения с центром, и развитие политической ситуации в регионе. Имело место сращивание политической власти с собственностью; при отсутствии реального разделения ветвей власти такая ситуация делала главу исполнительной власти региона доминирующей фигурой, в то время как возникающие политические конфликты оказывались тесно связанными с борьбой за передел собственности.

Вместо открытой, публичной, политики, пользующейся поддержкой различных групп населения, доминировали неформальные правила игры.

Региональное законодательство радикально не соответствовало федеральному: около 70% законодательных актов субъектов Федерации содержали определенные отклонения от общероссийских, а в 30-40% случаев на-прямую противоречили Конституции и общефедеральным законам. Так, «Закон о политических партиях Республики Тыва допускал возможность создания не предусмотренных российским законодательством и по своей сути противоречащих ему отделений международных политических партий» [3. С. 23]. Кроме того, некоторые автономные округа входят в состав других субъектов РФ, что создает специфическую многоуровневую («матрёшечную») структуру Федерации. Включение одного субъекта в состав другого служит очевидным примером нарушения принципа равноправия, закрепленного в Конституции РФ.

В 2000-е гг. в России централизация имела место не только в политике, но и бюджетной сфере. Так, со второй половины 2000-х гг. стал целиком направляться в федеральный бюджет налог на добычу полезных ископаемых («нефтяная рента»), который до этого распределялся между Центром и регионами. Если в начале нового тысячелетия доходы федерального бюджета и консолидированных бюджетов регионов соотносились в пропорции 50:50, то в 2013 г. – 61:39 [6. С. 369].

В целом, по мнению экспертов, в новом столетии имела место серьезная неформальная трансформация конституционных принципов государственного устройства России, а именно: федеральное законодательство начало осуществлять переход от рамочного регулирования к унификации законодательства; соотношение полномочий по предметам совместного ведения стало изменяться в пользу Федерации; сократились перечень предметов остаточного ведения субъектов и объемы их регулирования; были созданы неконституционные механизмы федерального вмешательства, а также вне-конституционные государственные органы для осуществления данной политики [9. С. 147].

Заключение. Характеризуя особенности развития российского этнофедерализма, А. Захаров называет его «исполнительным», отмечая, что тип федеративного устройства, действующий в России, дает возможность правящим элитам заключать те или иные договоренности по основным направлениям национальной политики, фактически, во-первых, игнорируя нормы Конституции, во-вторых, исключая участие представительных органов власти, и в-третьих, без учета общественного мнения [4. С. 128].

Маятниковый характер отношений по линии «Федеральный центр – регионы», как представляется, обусловлен тем, что в России федерализм не воспринимается как форма гражданской самоорганизации и не имеет ценностного измерения как для элит Центра, так и для элит большинства регионов, что приводит к тому, что он выступает в качестве механизма распределения и разделения власти [13. С. 103]. Однако федерация, лишенная

ценностного измерения, нередко дает функциональные сбои. Поэтому очевидный «прагматизм» региональной политики Москвы плохо сочетается с несомненным признанием ценности федерализма и важности сохранения политической автономии элитами и «титульными этносами» национальных республик.

За последние три десятилетия, по утверждениям ряда экспертов, Россия совершила своего рода полный оборот, начиная с «парада суверенитетов» и широкой децентрализации конца 1980-х и начала 1990-х гг. до абсолютной централизации, вновь сталкиваясь с перспективой процессов децентрализации, с угрозой территориального распада государства [9. С. 128]. М. Фарукшин отмечает, что этнофедеративная система в принципе не предусматривает ни особых политических или экономических привилегий, ни дискриминации по этническому признаку [17. С. 149].

Для решения этих проблем, по мнению ряда исследователей, необходимо существование демократической конкурентной среды, в рамках которой доминируют политические партии, принявшие основные правила игры и заинтересованные в сохранении «асимметричного» федерализма [22. С. 38-67]. Однако в России сегодня нет таких политических партий. Все парламентские партии строятся на принципах «демократического централизма», все ключевые решения принимаются их руководством в Москве, а так называемая «партия власти» действует в условиях крайне слабой оппозиции, особенно в национальных республиках. Очевидно, что межэтнические отношения следует выстраивать не исходя из некой идеальной модели, а отталкиваясь от существующей этнополитической реальности и используя имеющийся потенциал уже существующих несовершенных институтов этнофедерации.

Поэтому необходима не радикальная смена институтов российского этнического федерализма, а совершенствование системы регионального управления в сторону ее большей представительности, демократизма, эффективности и прозрачности.

В итоге проведенного исследования на основании современной научной и практической методики классификации моделей федеративного устройства следует отметить, что существует множество различных позиций по данному вопросу, детерминированных наличием в мировой практике достаточно разнообразных форм государственно-территориального устройства.

Таким образом, необходимо сделать выводы о том, что федеративное устройство Российской Федерации претерпевает различные изменения в течение длительного времени, что обуславливает необходимость детального и перманентного исследования теоретико-исторических концепций и специфики моделирования государственной структуры государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гаджиев М.М. Основные факторы формирования этнополитики в северокавказском регионе: историческая преемственность и современная реализация // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10 (79).
2. Гуляков А.Д. Основные модели федерализма. М.: А-Проджект, 2016.
3. Долгих Ф.И. Правовые основы создания и деятельности региональных политических партий в России в 1990-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 1.
4. Захаров А.А. «Исполнительный федерализм» в современной России. // Полис. Политические исследования. 2011. № 4.
5. Зарецкий А.М., Долгих Ф.И. Теория государства и права: учебник. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015.
6. Зубаревич Н. Общество и элиты в российских регионах: изменения в постсоветский период. Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Н. Зубаревич; под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015.
7. Иванова Т.Н., Омельченко Е.А. Этническое многообразие России конца XX – начала XXI в.: к аспектам теоретико-методологического анализа // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82).
8. Коломейцев Э.М. Понятие федеративных и этнонациональных отношений как институциональной основы политической стабильности государства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).
9. Лукьянова Е. Авторитаризм и демократия / Е. Лукьянова, И. Шаблинский. М.: Мысль, 2018.
10. Майстмат М.А. Социально-правовое государство в условиях трансформации федеративных отношений (опыт России и Германии) // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 2 (24).
11. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).
12. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 3 (25).
13. Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ. М.: РОССПЭН, 2008.
14. Никлаус А.А. Роль культурного самоопределения территориальных меньшинств в процессе формирования внутрирегионального пространства государств: отечественный и европейский опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72).

-
15. Петров Н.В. Федерализм по-российски // ProetContra. 2000. Т. 5. № 1.
 16. Туранский М.М. Этнический вопрос как одна из причин распада Югославии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78).
 17. Фарукишин М.Х. Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.
 18. Фарукишин М.Х. Сравнительный федерализм: учеб. по спецкурсу, 2-е изд. доп. и перераб. Казань: Изд-во Казанского университета, 2012.
 19. Холодкова Н.В. Региональная автономизация как инструмент внутренней национальной политики в полигэтническом государстве: опыт Китайской Народной Республики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 6 (75).
 20. Храпанюк В.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / под редакцией профессора В.Г. Стрекозова. М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008.
 21. Цветкова О.В. Субнациональное политическое пространство Российской Федерации десятилетие // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78).
 22. Aghion Ph. Incomplete Social Contract / Ph. Aghion, P. Bolton // Journal of the European Economic Association. 2003. № 1.
 23. Almond G. Comparative Politics Today / G. Almond, B. Powell, K. Strom, P. Dalton. M.: Aspect Press, 2002.
 24. Elazar D. Exploring Federalism. Tuscaloosa, 1987.

K.Y. EGOROV

*Candidate of Political Science, Associate Professor
of the Department of Fundamental Legal and Social
and Humanitarian Disciplines, Moscow Financial and
Industrial University “Synergy”
Moscow, Russia*

THEORETICAL AND LEGAL AND POLITICAL FOUNDATIONS FORMATION OF A FEDERAL STATE

The article examines the theoretical, legal and political foundations of the formation of a federal state. The basic provisions that are directly related to the formation and development of various models of the federal structure are investigated. The features of the formation and development of the federal structure on the example of the Russian Federation are analyzed and conclusions on the research topic are formulated.

Key words: *federal structure, state, democracy, federal subject, autonomy.*

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой медийной политики и связей с общественностью
факультета международной журналистики МГИМО МИД России,*

Россия, г. Москва

ЯВУЗ ШЕФИКА МЕЛИСА САБАХАТТИНОВНА

*ассистент кафедры медийной политики и связей
с общественностью МГИМО МИД России,*

Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ГИПЕРРЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Со второй половины XX века изучением политической коммуникации занимались специалисты разных отраслей: социологи, политологи, психологи, философы и PR-специалисты. В основе выстраивания коммуникации лежат механизмы, направленные на формирование системы идеологических ценностей и поведенческих моделей людей. В современном гиперреальном мире в условиях изменившегося восприятия общественностью информационных сообщений возникли новые факторы, которые необходимо учитывать при разработке стратегии политической коммуникации. Во внимание следует брать возросшие объемы информации, результаты цифровой революции, а также новые коммуникационные тренды, порожденные Новыми медиа.

Ключевые слова: политическая коммуникация, манипуляция, асимметричная коммуникация, информационное общество, каналы коммуникации, цифровая трансформация, информационный шум, симулякры.

Введение. Политическая коммуникация как эффективный инструмент управления общественным сознанием, и неотъемлемая часть социально-экономической сферы стала основным предметом исследований во второй половине XX века. На этот период приходится начало демократизации обществ, вызвавшее необходимость регулирования политических и социальных процессов с учетом интересов государственных структур и массовых тенденций. Социологи, психологи, «отцы основатели» PR и политологи направили все силы на изучение способов, методов и моделей выстраивания коммуникации между органами государственной власти и общественными группами в мирное и военное время. Причина столь пристального внима-

ния к коммуникационной составляющей политической системы заключалась в следующем:

- Во-первых, именно посредством коммуникации происходит реализация ключевых политических целей: получение и удержание власти. Американский социолог и политолог Карл Дойч утверждал, что потоки информации, координирующие поведение людей, являются инструментов в руках правительств, преследующих набор целей.

- Во-вторых, коммуникационные месседжи представляют собой механизм управления массовым сознанием и контроля над ним. Основатель изучения пропаганды Гарольд Лассуэл и один из крупнейших PR-специалистов Эдвард Бернейс анализировали и проверяли на практике методы манипулятивного воздействия на подсознательные чувства аудитории с целью формирования, регулирования и в дальнейшем эксплуатирования идеологических ценностей людей и их поведенческих моделей.

- В-третьих, информационная пелена, создаваемая правительством, упрощает политическую картину до такого уровня, что среднестатистический человек может без особых усилий разобраться в сложной общественной действительности. Упрощение необходимо для создания иллюзии интерактивности и открытости политических систем в то время, как Уолтер Липпман верно отмечал невозможность качественного участия общественности в государственных делах, ввиду ее недостаточной компетентности [5].

В условиях современного информационного общества необходимость развития и изучения политической коммуникации совершенно очевидна. Новая стадия эволюции общества, связанная с эффектом наложения достижений в информационно-коммуникационной сфере в результате четвертой промышленной революции с воздействием пандемии коронавируса и обусловленными ею вынужденным уходом большей части человечества в цифровой онлайн формат локдаунов, привела к многократному увеличению количества как информационных сообщений, преимущественно в цифровом формате, так и каналов распространения коммуникационных месседжей. Помимо этого, важным условием, которое следует учитывать при выстраивании долгосрочной политической коммуникационной стратегии, является цифровая трансформация, затронувшая все сферы жизнедеятельности человека, и оказавшая значительное влияние на восприятие информации современными людьми.

Проблемы, которые будут рассмотрены в данной работе, вызваны тремя факторами становления информационного общества: переизбытком информации, новыми каналами коммуникации и цифровизацией политических и социальных процессов. За основу анализа взят современный российский опыт выстраивания политической коммуникации. Для дальнейшей эффективной, направленной на достижение конкретных политических целей и социально-ориентированной коммуникации потребуется не только присталь-

ное внимание к трем «движущим силам» современности, но и качественный анализ отношения общественности к этим трансформациям.

Вызовы современной гиперреальности. В попытках дать исчерпывающее определение термину «информационное общество», приходится обращаться к трудам ученых, социологов и экономистов 50-х и 70-х годов [1]. Несмотря на то, что явление описывает современную реальность, именно во второй половине прошлого века повсеместно изучались и анализировались перспективы развития общества информации и услуг. На глобальном уровне отличительные черты, возможности и вызовы информационного общества впервые были обсуждены в рамках Всемирной встречи на высшем уровне в Женеве в 2003 году. Согласно принятой Декларации, это общество, в котором «каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал» [3]. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», подписанная в 2008 году, включает интеграцию интеллектуальных факторов в экономику, развитие социально-политической и культурной сфер жизни общества, а также «совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий» [6]. В обоих случаях подчеркивается и выносится на первый план идея свободного производства и обмена информацией.

Эксплозия информационных сообщений является скорее недостатком, чем преимуществом для специалистов, разрабатывающих стратегии политической коммуникации. Во-первых, в условиях нескончаемого информационного шума, исходящего из разных источников, органам государственной власти становится сложнее контролировать информационное поле и прибегать к приему «Agenda-setting». В рамках данной теории политические институты через средства массовой информации получают возможность влиять на картину мира среднестатистического человека непосредственно самим выбором количества, частоты, последовательности и содержания транслируемого контента. Данный прием активно практикуется в России: политическая повестка дня формируется в рамках новостных и развлекательных программ на телеканалах Первый и Россия. Проблема заключается в ограниченном поле влияния и отсутствии комплексного поведенческого и мировоззренческого анализа молодой аудитории и используемых ей информационных платформ.

Во-вторых, даже найдя способ отстроиться от неконтролируемого потока информации, необходимо учитывать такой фактор как «infobesity epidemic». Это понятие отражает реакцию аудитории на непрерывно поступающую информацию, а именно состояние «ожирения» в результате перенасыщения информационными месседжами разного характера. С одной стороны, у по-

требителей примитивного бессвязного контента размывается восприятие, отключается критическое мышление и пропадает способность фокусироваться на одной теме, что дает возможность специалистам в сфере политической коммуникации интегрировать в больших количествах простой контент в информационные потоки и прибегать к различным манипулятивным приемам в сети и в СМИ. С другой стороны, есть большая вероятность того, что продуманный набор политических месседжей просто растворится в информационном шуме. В-третьих, несмотря на рассеянное внимание аудитории и тяжелое восприятие сложных сообщений, в последнее время в обществе ощущается недоверие к той картине мира, которую преподносят политические источники. Причина может скрываться во всеобщей иллюзорности происходящего. Согласно концепции интеллектуального гуру постмодернизма Жана Бодрийяра, «мы живем в мире симулякров», в котором медийная картинка и эмоциональная составляющая важнее смыслового качества информации [2]. Интерактивность, создаваемая при помощи различных коммуникационных и медийных техник, открытости и регулярного снабжения информацией, на деле представляет собой инсценировку коммуникации и симуляцию желания отправителя сообщения делиться «смыслами». В психологии при панических атаках врачи советуют сконцентрироваться на дыхании, сжимать и разжимать ладони, чтобы снова вернуться к реальности. Вопрос: какое действие поможет поверить в реальность происходящего в условиях современной гиперреальности?

Эффект симуляции действительности усиливается за счет развития новых каналов коммуникации, а именно Новых медиа. Согласно классическим понятиям «polity», «politics» и «policy», лежащим в основе политической коммуникации, медийные средства рассматриваются как неотъемлемые элементы коммуникационной политики. Разница между понятиями заключается лишь в характеристике объема и направления влияния. Осваивание и изучение актуальных инструментов передачи сообщения является непременным условием выстраивания качественной политической коммуникации. Исходя из формулы Маршалла Маклюэна «Media is the message», медиа и есть сообщение; рамка, в которой существует эпоха; отличительная черта временного периода, которая «в одном месседже» способна передать следующим поколениям информацию об особенностях и уровнях развития современного общества и экономики. Это ключ к пониманию той формы реальности, которая сложилась на данный момент, а значит – первый советник по вопросам формулирования и транслирования политических сообщений. New media, в свою очередь, подразумевают активное участие аудитории в создании и распространении контента через цифровые устройства. Таким образом, информационные политические сообщения, транслируемые преимущественно через традиционные СМИ, должны не просто дублироваться в Новых медиа, а полностью интегрироваться в сетевую реальность.

И информационный бум, и новые каналы коммуникации напрямую связаны с цифровой трансформацией. Технологизация расширила возможности пользователей и создала условия, при которых информация и ее высшая форма – знания – становятся достоянием общественности и главным фактором производства, благодаря разветвленной системе цифровых каналов. Тем не менее, вопреки распространенному мнению о «чудодейственной силе» технологий, цифровая сеть породила неравенство в доступе к информации и ее распределении. Усиленная политика государства, направленная на достижение национальной цели «Цифровая трансформация» в рамках указа «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» подразумевает крупное вложение средств в данную отрасль [7]. Тем не менее, учитывая уже существующее неравенство в других сферах в разных регионах страны, усиленное финансирование цифровой инфраструктуры спровоцирует еще больший дисбаланс на межрегиональном уровне из-за высокого технологического барьера, который будет крайне сложно преодолеть, пользуясь лишь местными ресурсами. В дальнейшем, если правительство установит далекие от реальности KPI и проведет недостаточно качественное исследование, подтверждающее полноценный колективный переход к «Цифровому государству», то государство лишится большого процента лояльной аудитории. В таком случае, электронная демократия, подразумевающая выработку политических решений на основе регулярного цифрового взаимодействия с большинством граждан страны, сыграет плохую шутку с представителями государственных органов и подорвет доверие к действиям властей. К тому же, важно учитывать принципиальную разницу между электронной демократией и электронным правительством, и, соответственно, устанавливать разные критерии оценивания результата, не проводя между ними параллели. Другими словами, использование государством единой базы данных и технологий аналитики Big data, а также предоставление населению оперативного доступа к услугам не равносильно прямому (благодаря цифровым технологиям) участию граждан в управлении делами государства.

Пути адаптации политической коммуникации к «новой реальности». Три столпа, на которых держалась политическая коммуникация – пропаганда, манипуляция и асимметричность, – сохранили свои позиции и в условиях информационного общества, и формате жизни в «новой обыденности». Отличие политической коммуникации сегодня от техник ее реализации в постиндустриальном обществе заключается в значительной модификации манипулятивных приемов, в замене пропагандистских практик прямого психологического воздействия на массовые аудитории более этическими, таргетируемыми по целому набору критериев оценки конкретных реальных и виртуальных целевых аудиторий PR-технологиями. Такая коммуникация в идеале должна быть основана исключительно на двусто-

ронней симметричной модели коммуникации – диалоге власти с народом/обществом/избирателем и учете при формировании и осуществлении политического курса его интересов и устремлений, настроений, предпочтений, жизненных, моральных, мировоззренческих идеалов и устремлений, как и бытовых насущных потребностей. Такая модель политической коммуникации, безусловно, желанна и стремиться к ней необходимо. Однако на обозримую перспективу во всех промышленно развитых странах современного мира имеет место и будет иметь место относительно длительное время конвергентная модель политической коммуникации, сочетающая в себе все известные модели коммуникационного взаимодействия власти и общества в многообразии их постоянно меняющейся конфигурации применения. Государственная информационная политика современного государства была, есть, и будет управленческой по своей сути функцией государственной системы власти по управлению общественным сознанием. Такое управление общественным сознанием как на общенациональном уровне, так и в контексте закрытых сообществ в социальных сетях или узко таргетированных целевых аудиторий не может не включать в себя хорошо известные специалистам политического PR техники сокрытия асимметричности коммуникации посредством нарастающей интерактивности, в основе которой остаются известные приемы т.н. корректирующей или позитивной пропаганды.

Ключевая проблема, которая вероятнее всего может создать помеху в процессе выстраивания политической коммуникации, это недостаточно высокий уровень доверия общественности к словам и к действиям властей. В таком случае, возникает ряд вопросов: готово ли общество узнать всю правду и выбрать «красную таблетку». Принять на себя ответственность за полученные знания? Разобраться в том, что является истиной в гиперреальном мире?

Согласно результатам исследования, проведенного аналитическим агентством Research Me: «Среди россиян, которые никогда не вели блоги профессионально – 80% высказали желание бросить основную работу, чтобы стать блогером» [4]. В опросе приняли участие более 5 тыс. респондентов по всей России в возрасте от 16 до 55 лет. Это свидетельствует о том, что люди сознательно готовы полностью отказаться от реальной картины мира, поскольку блогерство и социальные сети подразумевают создание некого привлекательного образа, не лишенного миссии и смысла, с одной стороны, но очень оторванного от реальности, с другой.

Основываясь на этом, можно рассмотреть следующие варианты. Во-первых, учитывая большой интерес общественности к ведению блогов, необходимо создать комфортные условия для профессионального развития данной сферы и «взять под правительственные крыло» заинтересованных лиц, предложив взаимовыгодное сотрудничество. Блогеры – это люди, вдохновленные своим делом, имеющие определенную миссию и стремящиеся

поделиться со своей аудиторией значимой информацией, которую они так или иначе пропустили через призму личного восприятия. Транслирование сложных политических сообщений через «выращенных» блогеров будет гарантировать более лояльное и вдумчивое восприятие «препарированной» информации аудиторией спикера. Согласно концепции «двухступенчатого потока информации», коммуникация становится более доверительной, когда информация из первоисточника подвергается обработке лидером общественного мнения, а затем в упрощенной форме потребляется лояльными пользователями.

Во-вторых, несмотря на целый ряд различий между маркетинговой и политической коммуникациями, когда дело касается привлечения внимания «потребителей контента», за советами следует обращаться к коммерческому сектору. Одним из ключевых механизмов создания прочной связи с аудиторией в бизнесе сегодня считается поиск потребительского инсайта – внутренней мотивации потребителя, истинных желаний. Именно инсайт помогает сделать бренд более близким потребителю. По аналогии с этим, можно проанализировать возможность и результативность поиска «политического инсайта». В таком случае, общественность будет заинтересована в получении информации от государственных институтов, потому что она будет отвечать их внутренним потребностям.

Рассмотрим на конкретном примере. Если провести качественное исследование цифрового рынка услуг в настоящее время, то образовательные услуги будут занимать лидерские позиции. Блогеры, инфлюенсеры, профессионалы из разных сфер жизнедеятельности общества создают целые блоки образовательных программ и специализированных площадок. Таким образом, одним из трендов последних лет можно считать онлайн самообразование. Вероятнее всего, причина скрывается именно в перенасыщении информацией и отсутствии структурированности знаний, что создает у потребителей контента ощущение растерянности и низкого уровня специализации узкой направленности. Это и является потребительским инсайтом, который можно использовать при разработке блоков программы политической коммуникации. Как вариант, можно рассмотреть разработку простых и полезных видеороликов, подкастов и публикаций в формате сторителлинга, раскрывающих суть ключевых политических процессов, международных вопросов, юридических тонкостей и т.д. Главное правило – полная интеграция и соответствие тому формату подачи информации, который приоритизируют Новые медиа. Сегодня этот формат можно описать одним словом *Infotainment* (*information + entertainment*). Идея заключается в преподнесении серьезных событий в непринужденной и упрощенной форме. Симбиоз информации и развлечения может стать главным инструментом завоевания доверия и лояльности масс.

Последним, но не менее важным является непрерывное улучшение процессов посредством проведения регулярных исследований промежуточных результатов. В менеджменте данный подход носит название «Цикл Шухарта-Деминга». При условии, что правительство нацелено на завоевание внимания общественности, подобные механизмы из сферы менеджмента будут неотъемлемой частью стратегии политической коммуникации. Помимо исследования эффективности конкретных действий, следует уделить большое внимание всестороннему анализу аудитории и отдельных групп общественности, а также регулярно модифицирующихся каналов коммуникации и разрабатываемого контента. Изучение Полом Лазарсфельдом в конце 60-ых годов радио (самого популярного СМИ), радиопрограмм, структуры аудитории радио, а также предпочтений радиослушателей сказалось наилучшим образом на результатах избирательной программы Франклина Рузвельта и многих других политических деятелях. В настоящее время численность популярных каналов коммуникации увеличилась в несколько раз, а вкусы и предпочтения аудитории стали более разносторонними. Исходя из этого, следует воспользоваться всевозможными прорывными технологическими достижениями для детального анализа больших объемов данных, поскольку 50% успеха зависит от выбора правильного канала и формулирования полезного и простого сообщения.

Заключение. В заключение следует отметить, что в гиперреальном мире существует множество факторов, которые могут как обесценить, так и укрепить политическую коммуникацию. Иллюзорность политической реальности обостряется из-за увеличения информационных потоков, роста числа Новых медиа и стремительного развития цифровых технологий. При этом, классические инструменты влияния на общественное сознание укрепляются в практике политической коммуникации. Главное, быть готовыми действовать в условиях непрерывно изменяющейся действительности и отвечать потребностям целевой аудитории, с учетом непрерывного движения по пути к достижению общенациональных и политических целей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алексеева И.Ю. Информационное общество. Москва: Институт философии РАН // https://iphras.ru/page46589323.htm#_ftn11.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
3. Декларация принципов: Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества (г. Женева, 2003 г.) // https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/declaration_Bru.html.
4. Исследование: большинство россиян хотят бросить работу и стать блогерами // ТАСС // <https://tass.ru/obschestvo/12158237>.

-
5. Липпман У. Общественное мнение. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
 6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. // Российская газета. Федеральный выпуск № 4591 от 16 февраля 2008 г.
 7. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>.

P.V. MENSHIKOV

*Ph.D. in History, Associate Professor,
Head of the Department of Media Policy and Public
Relations of the Faculty of International Journalism,
Moscow State Institute of International Relations,*

MGIMO University, Moscow, Russia

YAVUZ SHEFIKA MELISA SABA HATTINOVNA

*Assistant, Department of Media Policy and
Public Relations of the Faculty of International Journalism,
Moscow State Institute of International Relations,
MGIMO University, Moscow, Russia*

POLITICAL COMMUNICATION IN HYPERREAL WORLD

Since the second half of the 20th century, political communication has been studied by specialists from various fields: sociologists, political scientists, psychologists, philosophers, and PR specialists. At the core of communication lie mechanisms aimed at the forming a system of ideological values and behavioral models of society. In the modern hyperreal world, in the face of modified public perception of communication, new factors need to be taken into account when developing a political communication strategy. One should pay attention to the increase in the volume of information, results of the digital revolution, as well as new communication trends generated by New Media.

Key words: political communication, manipulation, asymmetric communication, knowledge-value society, communication channels, digital transformation, infobesity, simulacre.

*аспирант Санкт-Петербургского государственного
университета, Россия, г. Санкт-Петербург*

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК ПОЛИТИКО-ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Нынешний социально-политический дискурс оперирует понятиями постправды, политики постправды и фейковых новостей, интерес к которым возник в связи с референдумом Brexit и предвыборной кампанией кандидатов в президенты США 2016 году. Фейковые новости влияют на общественное мнение, провоцируют распространение слухов, меняют политическую, экономическую, социальную ситуацию во всем мире. В данной статье анализируется феномен создания и широкого распространения фейковых новостей. Несмотря на то, термин «фейковые новости» является широко используемым, в научной литературе существует множество его трактовок. В статье проведена попытка систематизировать и определить типологию фейковых новостей, к фейковым новостям были отнесены конспирологические теории, несмотря на то, что по своей сути они являются фейковыми новостями, проблема является более обширной, чем, освещена в данной статье, и требует дальнейших исследований. Отдельно вынесена проблема распространения фейковых новостей через социальные сети, и отдельно включена в типологию, несмотря на то, что это скорее технический вопрос распространения дезинформации, однако, через социальные сети и мессенджеры увеличился поток дезинформации, распространяемой пользователями, которые не проверяют информацию, но распространяют ее среди своих близких контактов. Знание и умение отличать фейковые новости от истины поможет избежать негативных последствий в политических, социальных и экономических процессах.

Ключевые слова: *фейковые новости, пост-правда, социальные сети, мизинформация, дезинформация, кликбейт, мимикирующий контент.*

Введение. Несмотря на то, что термин «фейковые новости» относительно недавно вошел в общественный дискурс, а именно в 2016-2017 году, этот феномен не новый. Намеренное массовое распространение дезинформации известно еще со времен изобретения печатного станка Гуттенберга. Наиболее широкое распространение фейковых новостей и намеренная дезин-

формация достигла в пик развития социальных сетей, превосходя основные средства массовой информации. В 2010 году исследовательская группа Менцера изучая первые формы спама в 2005 году, заметили, что, пользователи Интернета специально создавали сайты с «мусором» и получали деньги за рекламу. Это явление Менцер назвал «социальным спамом», в 2010 году некоторые фейковые новости стали вирусными и повлияли на специальные выборы в Сенат в Массачусетсе.

В период предвыборной борьбы за пост президента США в 2016 году распространение фейковых новостей приобрел новый виток развития. Придумал термин «фейковые новости» журналист Сильверман, в своей статье, вышедшей 16 ноября 2016 года, он описал слухи о том, что Хилари Клинтон и руководитель ее кампании Джон Педеста были замешаны в торговле людьми, через сеть Пиццерий в Вашингтоне. Примечательно, что 46% избирателей, которые проголосовали за Трампа, были уверены, что это правдивая информация [26. С. 12632]. В 2017 году слово «фейковые новости» стало словом года по версии Oxford. В Оксфордском словаре термин «фейковые новости» означает: «ложную информацию, которая транслируется или публикуется в мошеннических или политически мотивированных целях» [19]. Широкому распространению фейковых новостей в наше время, способствует развитость коммуникативных систем и активное использование социальных сетей, прогрессивные телекоммуникационные технологии, и мотивация создателей фейковых новостей (политическая, экономическая и т.д.).

Феномен фейковых новостей зачастую связывают с эпохой «Пост-правды», которая, как считают некоторые исследователи, наступила после победы Трампа на выборах президента США и голосования по выходу Великобритании из Европейского Союза. Развитие феномена пост-правды связывают не только с развитием коммуникационных технологий, трансформацией политического дискурса, но и изменениями в социокультурной среде. В Оксфордском словаре термин «Пост-правда» означает «обстоятельства, в которых, объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, нежели эмоции или личные убеждения» [20]. Американский политолог Кейес описал характерные черты эпохи «Пост-Правды» и ее влияние на политические процессы: «С помощью культуры «пост-правды» размываются границы между правдой и ложью, обман становится неосознаваемой привычкой [14. С. 125]. Американский политолог Д'Анкора в своей книге описал эру «Пост-Правды» следующими словами: «Мир Пост-Правды влияет на всех нас. В первую очередь, это влияет на нас как на граждан и как на потребителей новостей, которых поощряют участвовать в политическом процессе посредством голосования [13. С. 25].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Однако проблему фейковых новостей нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Научные подходы к феномену фейковых новостей. Фейковые новости в научных исследованиях выступают не только как угроза, но и как объект политологических исследований. Еще в 2011 году американский программист Парайзер заметил рост персонализированных поисковых систем, заметив опасность создания «пузырей-фильтров», замкнутая коммуникативная система, в которой информация многократно повторяется. После 2016 года был всплеск исследовательского интереса к проблеме распространения фейковых новостей и его влияния на политические процессы. Балкин в статье 2018 года разработал концепцию «алгоритмического общества», он пишет о том, что «агенты искусственного интеллекта» и «Big Data» способны управлять населением посредством цифровой инфраструктуры, крупных многонациональных платформ социальных сетей и поисковых систем, которые находятся между традиционными национальными государствами и обычными людьми и служат в качестве специальных регуляторов общественного мнения [11. С. 1201].

Метакса-Какавули и Торрес-Эчеверри проанализировали роль поисковой системы Google в распространении фейковых новостей в месяцы, предшествовавшие национальным выборам в США 2016 года и сразу после них. Авторы описывают «гонку вооружений» между поисковыми системами и «спамерами», использующих слабые места в поисковых алгоритмах, что способствует роли Google в распространении фейковых и предвзятых новостей на выборах 2016 года. Это исследование доказывает, что на результаты голосования по 30% кандидатов, в той или иной степени, влиял потенциально фейковый или предвзятый контент [17. С. 21].

Пенникук, Кэннон и Рэнд исследовали полностью сфабрикованный контент, распространявшийся во время президентских выборов 2016 года в США, который представлялся аудитории как факт, не требующий проверки. Особое внимание авторы уделяют механизму, способствующему убеждению в правдоподобности фейковых новостей. Платформы социальных сетей помогают внушить веру в откровенно фейковые новости и даже маркировка таких новостей как спорных не является эффективным решением данной проблемы [22. С. 1873].

Клейтон, Дэвис, Хинкли и Хориuchi провели исследование по поводу механизмов распространения дезинформации в современных средствах массовой информации. В эксперименте авторы представили сторонникам партий (демократам и республиканцам) отрывок из новостной статьи, ко-

торый варьировался в зависимости от показанного источника (CNN, Fox News или без источника) и контента (правдивая или ложная информация). Результаты показали, что, вопреки преобладающим взглядам на поляризацию и политизацию новостных агентств, а также на растущую склонность избирателей участвовать в «мотивированных рассуждениях сторонников», источник контента не так важен, как сама информация [12. С. 136].

Типология фейковых новостей. Существует множество типологий фейковых новостей. Верстаете определяет несколько разных типов фейковых новостей: обман, пропаганда, троллинг и сатира [24. С. 19]. Молина выделяет 7 типов фейковых новостей: газетные утки, предубежденное мнение, сатира, недостоверные сведения, комментарии, увещевательная (убеждающая) информация и городская журналистика [18. С. 25].

В данной статье приведена авторская типология фейковых новостей:

- намеренная дезинформация и мизинформация;
- ложные заголовки (кликбейт);
- конспирологические теории;
- фейковые новости в социальных сетях.

Намеренная дезинформация и мизинформация подразделяется на несколько типов:

- *Сфабрикованный контент*: полностью ложное и выдуманное содержание новости [15. С. 525]. Например, существует сайт «The World News Daily Report», чтобы запутать и ввести в заблуждение читателей, они смешивают настоящие новости с полностью сфабрикованными.

- *Мимикрирующий контент*: подделка под правдивые источники информации. Например, в Кении во время президентской кампании 2017 года были созданы сайты мимикрирующие под ведущие новостные агентства CNN и BBC [24. С. 140]. Также в 2017 году был создан сайт, домен (www.cbs.com.co) у которого был похож на новостное агентство CBS (www.cbs.com). Однако домен был зарегистрирован в Колумбии, а контент был создан Баптистской церковью Вестборо, организацией, известной своими ненавистническими высказываниями [26].

- *Мизинформация*: информация, которая вводит в заблуждение. Наиболее часто используется прием, представление комментария как случившегося факта. В отличие от дезинформации, не всегда является преднамеренной, она может быть ошибкой человека или журналиста, который распространяет данную информацию. Например, в разгар предвыборной кампании 2016 за пост президента США, 35-летний менеджер одной из компаний в Техасе Эрик Такер, выложил пост в Twitter, с фотографией автобусов и оплачиваемых протестующих против Дональда Трампа. Однако, это оказалось неправдой, и несмотря на то, что Эрик Такер затем удалил свой пост, твитт стал «вирусным», оно было опубликовано не менее 16 000 раз в Twitter и более 350 000 раз в Facebook [16].

Ложные заголовки или кликбейты. Оксфордский словарь дает следующее определение слова: «кликбейт – это контент, основная цель которого – привлечь внимание и побудить посетителей перейти по ссылке на определенную веб-страницу» [21]. Как правило, эти заголовки всегда носят сенсационный и эмоционально окрашенный характер, зачастую начинаясь со слов: «Вы не поверите», «Вы будете поражены», «Это шокирует» и т.д. Проблема в том, что пользователь, не всегда может распознать о том, что это «ловушка». Когда пользователь нажимает на «кликбейт» и получает сенсационную, но не соответствующую действительности и вводящую в заблуждение информацию. По данным исследования Алкотта и Генцкова, которые опросили 1200 респондентов из США, каждый из респондентов видел, в среднем три фейковых новости перед выборами, а посещаемость этих фальшивых новостных сайтов, перед выборами США в 2016 году, была очень высокой, 159 миллионов человек (64% населения США) [10. С. 230].

Конспирологические теории или теории заговоров. Начало академических исследований данного феномена – середина XX века. Но особенное развитие и распространение конспирологических теорий получило с развитием сети Интернет. В отличие от фейковых новостей, теории заговоров не всегда создают преднамеренно. В последние два десятилетия исследования данных теорий стали междисциплинарными. Социальные психологи объясняют это склонностью к недоверчивости и подозрительности. Если человек верит в одну теорию, скорее всего он поверит во все остальные, даже если они будут взаимоисключающими. Например, на постсоветском пространстве весьма популярна концепция «заговора масонов», которая распространилась еще в начале 1990-х годов, то есть политический и социально-экономический кризис конца ХХ века полностью нашел свое проявление в данной теории заговора. Во время любых кризисов экономических, политических, техногенных, эпидемиологических, вера в теории заговоров только возрастает, как правило, это соотносится со страхом и недоверием к официальным источникам информации и действиям политических институтов. Например, с 2020 года из-за пандемии COVID-19, широко распространяются множество теорий заговоров: от искусственного создания вируса, чипирования через вакцину, распространения через 5G (что привело к тому, что по всему миру некоторые люди начали сжигать вышки сотовой связи), вплоть до полного отрицания заболевания.

Фейковые новости в социальных сетях. Особенно широко распространяются фейковые новости через социальные сети и мессенджеры. Социальные сети – один из основных и удобных способов распространения фейковых новостей в Интернете. Такие платформы, как Facebook и Twitter, позволяют легко делиться актуальными новостями, не тратя время на их критическую оценку.

Пользователи также менее склонны критически оценивать новости, которыми поделились их друзья, поэтому вводящие в заблуждение новости

в конечном итоге с большой скоростью распространяются в социальных сетях. По данным исследовательского центра Pew, около 23% опрошенных респондентов признались в том, что делились и распространялись фейковыми новостями, при этом 14% сказали о том, что они знали о том, что это фейк, 16% опрошенных узнали о том, что это фейковая новость, только время спустя. Более 60% опрошенных респондентов признаются, что фейковые новости заставляют их не понимать, во что верить [23].

Заключение. В заключении, необходимо отметить, что фейковые новости искусно мимикируют под фактические события, зачастую, их не просто разоблачить. По данным исследовательского агентства Pew, 45% опрошенных американцев не уверены в том, что могут распознать сфабрикованные новости, это соотносится с данными ВЦИОМ, 42% опрошенных россиян признаются, что им трудно отличить достоверные новости от фейковых новостей. Существует множество типологий фейковых новостей, однако в научных исследованиях пока не сложилось единой точки зрения на типы фейковых новостей. Однако в последнее время, в связи с активным использованием социальных сетей и различных мессенджеров распространение фейковых новостей, стало мировой проблемой. Особенно, распространение фейковых новостей, становится опасной во время кризисов, как, например, в 2020 году, во время мировой пандемии COVID-19. Когда распространение фейковых новостей приобретает оттенок конспирологии. Несмотря на то, что существует множество типологий фейковых новостей, есть ряд характеристик, по которым можно отличить подлинный факт от фейков. Фейковые новости всегда стараются затронуть эмоциональную составляющую, так как это привлекает больше внимания, и более запоминается. Проблема распространения и обнаружения фейковых новостей является актуальной. Фейковые новости оказывают огромное влияние на политические процессы по всему миру, они вызывают путаницу в отношении основных фактов и происходящих событий, повышая градус недоверия граждан к информации и политическим институтам. В дальнейших исследованиях, возможно, следует разработать систему маркировки контента, компьютерный алгоритм, который будет маркировать фейковые новости от правдивых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Асси Абед Эль Рахим.* Особенности психологического имиджа Дональда Трампа в американских СМИ // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74).
2. *Давидченко А.В., Тюков Н.Л., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л.* Технологии противодействия протестным акциям в Белоруссии в 2020-2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
3. *Джавиши Рагиб.* К вопросу об использовании политических технологий в целях противодействия террористической угрозе: на примере Сирии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).

4. Кривова А.Л., Червяков Н.В., Афонин М.В., Маслакова А.О. «Грязные» технологии политического манипулирования и механизмы противостояния // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).
5. Нефедов Р.А. Практики применения нейронных сетей в избирательных кампаниях // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
6. Рупакова Е.А. Информационная безопасность и противодействие информационно-психологическому воздействию: Беларусь и Турция // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).
7. Сулейманова Ш.С. Политическая коммуникация в современном мире: роль и влияние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 6 (75).
8. Титов Р.В. Инструменты дискурсного противоборства в виртуальном пространстве // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76).
9. Хромова А.В. Информационное пространство как геополитическая категория эпохи глобального мира // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10 (79).
10. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // Journal of Economic Perspectives. 2017. № 31 (2).
11. Balkin J. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation // UC Davis Law Review. 2018. № 51.
12. Clayton K., Davis J., Hinckley K., Horiuchi Y. Partisan Motivated Reasoning and Misinformation in the Media: Is News from Ideologically Uncongenial Sources More Suspicious? // Japanese Journal of Political Science. 2019. № 20 (3).
13. D'Ancona M. Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. London: Ebury Press, 2017.
14. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin's Press, 2004.
15. Kucharski A. Post-truth: Study epidemiology of fake news // Nature. 2016. № 540 (7634).
16. Maheshwari S. How Fake News Goes Viral: A Case Study // The New York Times. 21/11/2016 // <https://www.nytimes.com/2016/11/20/business/media/how-fake-news-spreads.html>.
17. Metaxa-Kakavouli D., Torres-Echeverry N. Google's Role in Spreading Fake News and Misinformation. Stanford University. Stanford Low School // Low and Policy Lab. 2017 // <https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2017/11/SSRN-id3062984.pdf>.
18. Molina M., Sundar S., Le T., Lee D. "Fake News" Is Not Simply False Information: A Concept Explication and Taxonomy of Online Content. American Behavioral Scientist. 2019 // <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0002764219878224>.

-
19. Oxford Dictionary. Fake News definition // <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/definition/english/fakenews#:~:text=fake%20news-,noun,written%20and%20read%20on%20websites>.
 20. Oxford Dictionary. Post-Truth definition // <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/definition/english/post-truth>.
 21. Oxford Dictionary. Clickbait definition // <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/clickbait>.
 22. Pennycook G., Cannon D., Rand G. Prior exposure increases perceived accuracy of fake news // Journal of Experimental Psychology. 2018. № 147 (12).
 23. Pew Research Center. Many Americans Believe Fake News Is Sowing Confusion. 2016 // <https://www.journalism.org/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion/>.
 24. Verstraete M., Bambauer D., Bambauer J. Identifying and Countering Fake News. Arizona Legal Studies Discussion Paper. 2017 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3007971.
 25. Walden University Library. Fact v. Fiction – Fake News: Examples of Fake News. 2017 // <https://academicguides.waldenu.edu/library/fakenews/examples>.
 26. Waldrop M. News Feature: The genuine problem of fake news // PNAS. 2017. № 114 (48).

A.T. VALITOVA

Postgraduated student, Saint Petersburg state university, Saint Petersburg, Russia

FAKE NEWS AS A POLITICAL AND DISCURSIVE PHENOMENON OF THE MODERN ERA

Fake news influences public opinion, changes the political, economic, social situation in the world. This article analyzes the phenomenon of creation and wide distribution of fake news. The article attempts to systematize and define the typology of fake news, conspiracy theories were classified as fake news, despite the fact that they are essentially fake news, the problem is more extensive than that covered in this article and requires further research. The problem of spreading fake news through social networks is separately taken out, and separately included in the typology, despite the fact that this is more of a technical issue of spreading disinformation, however, through social networks and instant messengers, the flow of disinformation spread by users who do not verify information, but spread it has increased among your close contacts. Knowledge and ability to distinguish fake news from the truth will help to avoid negative consequences in political, social and economic processes.

Key words: *Fake News, Post-truth, Social media, Misinformation, Disinformation, Clickbait, Mimic content.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.007

УДК 316.334

Н.Н. РАВОЧКИН

доктор философских наук,

доцент кафедры педагогических технологий

Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии;

доцент кафедры истории, философии и социальных наук

Кузбасского государственного технического университета

имени Т.Ф. Горбачева,

Россия, г. Кемерово

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (Часть 1)

Стремительное проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни не могло не оказать влияния на практики политического управления. Современная ситуация, связанная с метаморфозами, произошедшими в политическом управлении в тех или иных эмпирических контекстах, уникальна для компаративистского анализа. В данной части статьи автор рассматривает исследовательские подходы и оценки, сложившиеся в научном сообществе относительно цифровизации. Приводятся аргументы в пользу «позитивного» и «негативного» взглядов на цифровизацию. Доказано, что цифровизация создала качественно новые и одновременно с этим весьма неоднородные условия для реализации практик политического управления по всему миру. Изучены новые инструменты, которые появились у властных акторов благодаря цифровизации. Приведены практические примеры использования передовых технологий политического управления.

Ключевые слова: политическое управление, власть, цифровизация, общество, взаимодействия, политическое участие, гражданское общество.

В последние годы одной из ведущих характеристик глобального социума стало повсеместное проникновение ИКТ и СМК во все аспекты жизнедеятельности. Самоочевидно, что усиление процессов дигитализации трансформировало привычную повседневность, а также сказалось на модификациях функционирования абсолютного большинства социальных практик и институтов. Под влиянием цифровизации существенным метамор-

фозам подверглись практики политического управления. Так, по словам Е.А. Поповой, А.А. Ночевки, «технологические инновации и парадигмальные сдвиги в общественно-политической коммуникации выступают одним из ключевых факторов, который определяет модели, механизмы, инструменты и конфигурации функционирования институтов власти» [6. С. 212].

Глубина, интенсивность и масштабность процессов дигитализации закономерным образом оказались на увеличении числа научных работ, посвященных изучению тех или иных аспектов трансформаций политико-правовых институтов и практик, вместе с тем все еще сохранился и ряд малоизученных вопросов. В частности, на сегодняшний день в научном сообществе отсутствует единство как в понимании, так и в оценивании сдвигов властных практик в перманентно и многомерно оформляющихся условиях цифровизации. Несомненно, взаимодействия между властными структурами и гражданами посредством современных ИКТ и СМК обладают рядом преимуществ в сравнении с «классическим контактированием». К примеру, новые практики позволяют оптимизировать ресурсы, прежде всего экономить время, тем самым повышая функциональность механизмов обратной связи. Однако следует помнить, что цифровизация влечет за собой и набор негативных последствий, главным образом обезличивая индивидов, превращая их личность в «цифровые профили», что не может не ставить под угрозу безопасность на самых различных уровнях общественной жизни. Более того, если в большинстве европейских стран и государствах постсоветского пространства внедрение передовых технологий повлекло за собой преимущественно позитивные или, как минимум, амбивалентные последствия, то в африканских странах цифровизация властных практик практически провалилась, причем истоки, обусловившие низкую эффективность функционирования цифровых инструментов, до сих пор не нашли вдумчивого осмысления в современном научном дискурсе. Соответственно, формируется противоречие, обусловленное очевидным ростом интереса к изучению трансформаций властных практик в условиях дигитализации и фрагментарностью презентации заявленной проблематики. Дополнительным аргументом становятся препятствия на пути к пониманию того, каким образом те или иные факторыказываются на эффективности имплементации «цифры» в процессы взаимодействия «власть – общество», и почему в одних государствах цифровизация властных практик оказывается успешной и на деле становится методом «своего времени», в других – провальной. Актуальность работы обусловлена также ограниченной численностью исследований, выполненных в русле политологической компартиативистики, направленных на исследование взаимовлияния национальной ментальности, контекстуально маркированных особенностей властных институтов и практик на процессы цифровизации общества и власти.

На начальном этапе исследования хотелось бы остановиться на выявлении сущности цифровизации. В наиболее общем виде данное понятие определяется как тренд эффективного мирового развития, представляющий собой сложный комплекс, состоящий из «множественных сил, идентификаций, связей и ассоциаций» [13. Р. 12]. По своей сути, цифровизация есть один из «часовых поясов» мирового исторического развития, который не просто пришел на смену информатизации и компьютеризации, но дополнил их, поскольку ранее вычислительная техника, информационные технологии и компьютеры использовались по преимуществу дискретно и в рамках поиска решений отдельных и весьма конкретных производственных задач. Сегодня же «цифровизация» используется в целях оптимизации издержек во взаимосвязи сфер общественной жизни, что необходимо прежде всего для создания экосистем, позволяющих реагировать на качественно новые вызовы более высокого уровня.

Примечательно, что в зависимости от восприятия и оценивания все многообразие сложившихся научных подходов к пониманию такого неоднозначного и сложного процесса, которым, вне всякого сомнения, является «цифровизация», можно представить диахроматически:

1) Сторонники так называемого «позитивного» подхода апеллируют к таким аспектам объективации рассматриваемой тенденции, как, например, «повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни» [9. С. 47], широкое распространение доступности и увеличение транспарентности информации и ее поиска. В целом, такие оценки конгруэнтны развертыванию большинства процессов в современном мире. Ведь распространение дигитализации связано с преодолением изоляционизма национальных рынков и оформления нового миропорядка, что обеспечивает интеграцию участников в различные наднациональные и международные пространства. В частности, вследствие этого мы можем наблюдать повышение эффективности и усовершенствование качества рыночных предложений, а также видим существенное расширение и регулярное обновление спектра предлагаемых товаров и услуг. В дополнение к этому, в мире совершенно по-новому реализуются познавательные возможности и появляются новые социальные модели, ожидающие своего приложения в определенной сфере общественного бытия [9]. Помимо этого, в позитивном аспекте усматривается создание новых форм гражданской активности. В самом деле, pilotные варианты взаимодействия между властными структурами и обществом обрели свою реальность в виде создания электронного правительства и беспрецедентных по своим мощностям серверов, которые позволяют повысить активность гражданского общества и обеспечить его участие в выработке решений и со-управлении разрабатываемыми и принимаемыми политическими решениями [12];

2) Те, кто так или иначе сосредоточены на негативизации потенциала цифровых инструментов, главным образом указывают на различно-

го рода риски их применения. Словно обращаясь ко всем, представители этого направления делают акцент на ускользающем характере субъективности каждого индивида, который можно зафиксировать на фоне активизации процессов дигитализации: «Общество становится «пластиковым»: мы «все больше похожи друг на друга, в нас все меньше креативности, индивидуальности, независимости» [10, с. 14]. В фундаментальных по своему уровню и значимости работах авторами неоднократно назывались такие последствия: (1) слияние реального и виртуального бытия, усугубленное дополненным миром симуляков; (2) фактическое схлопывание, или же «обратное масштабирование» жизненного пространства; (3) замена рационального быстротечными впечатлениями и эмоциями; (4) ярко выраженная роль манипуляции с последующим вплетением производных от нее элементов в различные практики. Особенno рельефно прорисовывается последнее следствие – некритическое восприятие и интерпретации индивидами и сообществами «цифровых мульяжей», соотносимых с реальными объектами и предметами, беспрецедентно изменяет привычные аксиологические модусы и когнитивные схемы, вынуждая многих субъектов захлебываться в бесполезных дискуссиях. Де-факто это минимизирует общий потенциал общества как в плане политического участия граждан, так и во многих аспектах обеспечения нормального функционирования социальных систем. Также необходимо сказать, что в новом виртуальном измерении оцифровке подвергается каждый индивид, а люди попросту превращаются в тщательно виртуализированный образ самого себя [3. С. 9], в цифровой профиль, в цифровую копию [4], облачный двойник [5. С. 45]. Цифровизация неизменно сопровождается дегуманизацией и его трансформацией в элементарную часть сложного и недоступного для полного понимания математического уравнения, что действительно повышает риски транзита к постгуманистическому социуму, да еще и в общепланетарном масштабе [14]. Вторжение новых технологий в частную жизнь дает огромные возможности для прослушивания телефонных звонков индивидов любого уровня, позволяет наблюдать за «приватной сферой» взаимодействий в том числе властных акторов, а также делает видными для отслеживания совершаемые по банковским картам и посредством электронных платежных средств финансовые операции – все это как нельзя сильнее проявляется на неприкосновенности основных прав, которые отныне приобрели коннотацию «контролируемых» [12. Р. 733]. Как уже стало понятно, не только частная сторона жизни, но и одноименный институт собственности как фундамент западной цивилизации и ценностей либеральной демократии испытал на себе мощное детерминационное воздействие после практического воплощения теоретических конструктов цифровизации, что, по мнению некоторых исследователей, создает непосильную нагрузку на «хребет» народовластия [10. С. 19] и ставит под угрозу привычную государственность, которая складывалась и существовала в на-

циональных странах на протяжении нескольких столетий. Характерно, что среди теоретиков цифровизации в последние годы «перевес получили скептические голоса, предостерегающие от опасностей» [2. С. 70].

Таким образом, восприятие цифровизации в научном сообществе сегодня выглядит кардинально противоречивым: одни исследователи сосредотачиваются на положительных эффектах и результатах использования ИКТ и СМК и создаваемых ею новых возможностях; другие же призывают воспринимать дигитализацию каждой сферы жизнедеятельности и соответствующий рост зависимости от современных технологий критически, для чего считают целесообразным проанализировать возможные угрозы этого процесса с целью минимизации и/или превенции вскрытых рисков.

Вскрыв сущность цифровизации как таковой, имеет смысл перейти к рассмотрению дигитализации политики, в частности осветить особенности взаимодействия между властными структурами и обществом. Можно согласиться с позицией по поводу цифровизации политики, в соответствии с которой рассматриваемая тенденция имеет ярко выраженную «трансграничную природу» и одновременно с этим «обусловлена закономерными процессами расширения зоны влияния цифровых возможностей в различных сферах общественной жизни» [6. С. 212]. Иными словами, внедрение «цифры» в сферу политического в полной мере выражает интегральный результат усиления роли ИКТ и СМК, которые сегодня стали наиболее влиятельным инструментом воздействия на общество, прежде всего в управлении идеями как технологиями социальной инженерии и инноватики для формирования мнения целевых групп. В самом деле, вряд ли кто может опровергнуть практику использования возможностей глобальной сети властными акторами. Именно передовые технологии создали огромные возможности для многочисленных процессов по дистрибуции информации и координации действий между различными группами «Мы – Медиа», что, к примеру, трансформировало когда-то обычные блоги и простые чаты в реальные средства, которые способны вывести взаимодействие между властью и обществом на иной уровень.

Итак, сегодня под влиянием дигитализации в мировом масштабе оформляются все новые и новые в инструменты, обеспечивающие регулярные коммуникации на уровне «власть – социум». Так, государственные органы создают собственные сетевые площадки, на которых в совершенно различных формах реализуются функции информирования населения по поводу принятия и исполнения государственных решений. Получается, цифровизация политического управления создало принципиально новые условия, давая гражданам возможности быть в курсе связанных со страной событий в режиме «24/7» и выражать свое мнение по поводу актуальных процессов. Все это безусловно открывает богатые аналитические горизонты, причем не только в теоретическом, но и прикладном аспектах. В целом же

согласимся, что цифровизацию участия общества в принятии политических решений и выработке стратегий можно определить, как «технологичный ответ нового поколения на возникающие политические проблемы» [1. С. 13]. Ранее мы неоднократно отмечали, что организованные подобным образом взаимодействия между властью и обществом приобретают тот самый необходимый интерактивный и диалогический характер [7]. К сожалению, использование подобных инструментов из области прорывных цифровых технологий пока еще выглядит «асимметричным», поскольку они преимущественно выступают в качестве средств информирования населения со стороны власти, тогда как технологии обратной связи все еще не настроены. Говоря иными словами, на сегодняшний день различного рода интернет-площадки, используемые властными структурами, в большинстве случаев выступают скорее механизмом обращения государства к гражданам, чем полноценным инструментов взаимодействия между социумом и властью. Однако при этом даже на такой стадии можно диагностировать запуски институциональных трансформаций властных установлений [11].

Здесь также необходимо подчеркнуть, что, если государственные учреждения, властные институты внедряют практики интернет-коммуникации относительно медленно, преодолевая существенные затруднения, отдельные политики, наоборот, часто и весьма успешно используют цифровые технологии. Как отражает недавний опыт, Б. Обама, Х. Клинтон, Д. Трамп в ходе своей предвыборной политики активно пользовались социальными сетями, их взаимодействие с потенциальными избирателями носило интерактивный характер. Как полагают Е.А. Попова, А.А. Ночевка, «данная практика позволила не только организовать мониторинг лояльности граждан, но и выработать систему эффективного реагирования на негативные изменения» [6. С. 213]. Т.е. в данном случае мы можем говорить о трансформациях избирательных процедур под влиянием ИКТ, которые становятся неоценимым источником информации об электоральных предпочтениях избирателей, позволяют политикам корректировать собственные стратегии в соответствии с потребностями целевой аудитории.

Обращает на себя внимание такой современный способ политического, который называется «хэштег-активизм», предполагающий стремительную диффузию чувств и эмоций в политической сфере, сопряженных с весьма определенной ситуацией [1. С. 13]. Указанный вид политического участия предполагает высокую степень интернет-активности посредством публикации постов, использования лайков, дизлайков, комментариев, подписки на политизированные интернет-ресурсы, а также использования хэштегов.

Привычной формой политического участия граждан становится ведение блогов, микроблогов, влогов, подкастов, поднимающих острые политические темы, направленных на увеличение численности подписчиков, объединение сторонников. Нельзя не согласиться с тем, что сегодня блоге-

ры становятся достаточно влиятельными публичными деятелями, способными оказывать влияние на проектирование, артикулирование и принятие политических решений, организовывать политическую активность других и даже выводить людей на улицы. Постепенно стирается грань между политиком и блогером. Так, примеры А. Навального и А. Шария отражают усиление влияния интернет-ресурсов и нивелирование границ между реальной и виртуальной политикой.

Еще одной из форм политического участия граждан в реалиях цифровизации является подача электронной петиции. Указанная форма политического участия сегодня практикуется как органами власти, так и негосударственными цифровыми платформами. В любом случае, вне зависимости от собственника платформы, петиции оказывают влияние на принятие политических решений [8]. Среди пассивных форм политического участия можно выделить слактивизм – практику поддержки достижения политических или социальных целей посредством цифровой активности, которая выигрышно смотрится по причине затрат малого количества усилий или же относительно небольшим объемом обязательств.

В целом, говоря о трансформациях властных практик под влиянием цифровизации, следует сделать вывод, что сегодня появились многочисленные вариативные формы взаимодействия между обществом и властью, в настоящее время «в Интернете появились конкретные политические инструменты, простирающиеся от электронного голосования (E-Voting) до электронных разоблачений коррупции, нарушений прав человека» [2. С. 70].

Между тем, за относительно недолгий период своего существования современные ИКТ стали не только источником позитивных социально-политических изменений, но и разрушительным, деструктивным инструментом. В частности, одним из негативных трендов стихийного развития цифровых продуктов стали «твиттер-революции», произошедшие изначально в странах Северной Африки, Ближнего Востока, где они привели к падению нескольких национальных режимов. В дальнейшем современные информационные технологии сыграли определенную роль в протестах, которые прокатились по странам постсоветского пространства, странам Европы, по городам Америки. В российском пространстве так называемые «фейк-ньюс» вообще стали одним из действенных механизмов, которые в частности привели к многочисленным протестам жителей Хабаровска против ареста губернатора. В качестве другого резонирующего примера можно назвать самоорганизацию жителей Архангельской области, выступавших против строительства полигона для московских отходов. Все это создает дополнительные риски и угрозы для государственного устройства и стабильности порядков, требуя от властных акторов не просто новых когнитивных схем, но и реального участия в коллективных действиях по ремоделированию наличных институтов.

Как уже стало понятно, цифровизация влечет за собой множество последствий, которым ни в коей мере нельзя дать однозначную оценку. В самом деле, стремления к улучшению жизни несвободны от негативных исходов. Всегда следует отметить, что пилотные запуски современных электронных платформ всегда будет критиковаться по причине их недостаточно эффективности: «Понятие E-Governments свелось к определенному набору услуг, предоставляемых государством, но не к реальному со- управлению» [6. С. 213]. Иными словами, исследователи сходятся на признании того, что большинство современных платформ отличаются низкой результативностью, идущей вразрез с экспектациями целевых групп, а их внедрение в политическую практику, в особенности в странах полупериферии и периферии, носит по большому счету декларативный и/или же вовсе фасадный характер, не обеспечивая реального вовлечения гражданского общества в процессы выработки решений.

В заключение первой части исследования дополним, что помимо низкого уровня эффективности цифровых инструментов, дигитализация политики сопровождается усилением рисков, связанных с анонимностью и опосредованностью взаимодействий. Одной из сильных угроз полагаем такие метаморфозы бытия человека, которые связаны с переходом на уровень «цифрового двойника», от имени которого будут осуществляться его взаимодействия. В политике это негативное следствие цифровизации получило свое едва ли не наиболее полное отражение. Ярким примером влияния цифровых технологий на функционирование властных структур может выступать инцидент в Венесуэле, когда следствием протестных движений стало провозглашение действующим президентом Хуаном Гуайдо. Социальные сети «Инстаграм» и «Фейсбук» убрали статус подлинности со страниц официального президента Венесуэлы Николаса Мадуро, верифицировали подлинность президентства, провозглашенного актора. Указанный инцидент является своего рода концептуализацией нового метода легитимации власти. Поэтому следует помнить, что использование современных ИКТ и СМК при развертывании их запредельной активности способно добавить непредусмотренные дополнительные смыслы касающиеся легитимности/нелегитимности политических решений, действий конкретных участников и даже самих властных акторов.

Продолжение статьи в следующем номере

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Баранов Н.А. Политическая онлайн-мобилизация в условиях «цифрового паноптикума» // Политика развития в условиях цифровизации общества / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2020.

2. Глухова А.В. Эффекты цифровизации и будущее демократических институтов // Политика развития в условиях цифровизации общества / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2020.
3. Горбунов А.С. Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4.
4. Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности // РИА Новости. 23.07.2017 // <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html>.
5. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1.
6. Попова Е.А., Ночевка А.А. Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.
7. Равочкин Н.Н. Социальные основания политico-правовых институциональных изменений в контексте глобализации и цифровизации // Искусственные общества. 2020. Т. 15. № 1.
8. Радина Н.К., Крупная Д.А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6.
9. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2020. № 8 (140).
10. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. Т. 26. № 5.
11. Dada D. The failure of e-government in developing countries: a literature review // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2006. Vol. 26. № 1.
12. Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K. Digital Citizenship and Surveillance Society // International Journal of Communication. 2017. № 11.
13. Isin E., Ruppert E. Becoming digital citizens. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015.
14. Solove D.J. The Digital Person: Technology and Privacy in the Information. GWU Legal Studies Research Paper, 2017.

N.N. RAVOCHKIN

*Dr. in Philosophy, Associate Professor of the
Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State
Agricultural Academy; Associate Professor at the Department of History,
Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University
named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

POLITICAL MANAGEMENT PRACTICES TRANSFORMATION IN DIGITALIZATION REALITIES (Part 1)

The rapid penetration of digital technologies into all spheres of public life could not but have an impact on the practices of political management. The current situation associated with the metamorphoses that have taken place in political management in certain empirical contexts is unique for comparative analysis. In this part of the article, the author examines the research approaches and assessments that have developed in the scientific community regarding digitalization. Arguments are given in favor of “positive” and “negative” views on digitalization. It is proved that digitalization has created qualitatively new and at the same time very heterogeneous conditions for the implementation of political management practices around the world. New tools that power actors have acquired due to digitalization have been studied. Practical examples of the use of advanced technologies of political management are given.

Key words: political management, power, digitalization, society, interactions, political participation, civil society.

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

Д.П. СОКОЛОВА

*бакалавр кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

СТАРТАП – КАК НОВАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Авторами настоящей статьи было исследован довольно новый и перспективный феномен для Республики Корея – стартап. Актуальность прошедшего исследования обусловлено заметно уменьшающимся влиянием деятельности южнокорейского крупного бизнеса на социально-экономический прогресс Южной Кореи в нынешних условиях мировой экономики. Авторами данного исследования был описан механизм работы южнокорейской стартап-экосистемы. На основе статистических данных была доказана перспективность и релевантность стартап-экосистемы, а также было проанализировано ее влияние на социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: Республика Корея, Южная Корея, стартап, социально-экономическое развитие, малый бизнес, крупный бизнес, чеболь.

Крупный бизнес Республики Корея, превратив страну из аграрной в индустриального гиганта и являясь в течении долгого времени движущей силой социально-экономического развития, в последние несколько лет не оказывает такого сильного влияния как раньше, но остается пока неотъемлемой частью сохранения стабильности страны. Показательным фактором уменьшение влияния крупного бизнеса является снижение роста ВВП. Так, согласно статистическим данным Мирового Банка, уже с начала XXI века рост ВВП Южной Кореи становился меньше с каждым годом. В 2019 году рост ВВП составил всего лишь 2,2%, в то время, когда до 2000 года он в среднем составлял около 10% в год [9]. Даже сами корейцы начали понимать, что система крупного бизнеса в условиях нынешней мировой экономики

уже не производит такого ошеломительного эффекта, а наоборот приводит к стагнации социально-экономического развития Республики Корея. Трудно внедрить инновации, например, стартапы, когда большинство выпускников корейских вузов желают попасть в Samsung или LG, а страх нестабильности и неодобрение со стороны старшего поколения не позволяет молодым талантам рассматривать предпринимательство как стезю.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что крупный бизнес уже почти изжил себя, и как двигатель прогресса для Южной Кореи не кажется таким перспективным, как малый или средний бизнес.

Южнокорейская стартап-система – это довольно сложная по структуре система, включающая такие составляющие, как:

- крупные компании; в нашем случае, это южнокорейские чеболи, например, Samsung Group или SK Group;
- университеты; многие южнокорейские университеты имеют программы для развития стартапов, например, Dongguk University;
- венчурные организации; в основном стартапы в Южной Корее получают финансовую поддержку от государства и различных венчурных фондов, а также иногда и акселераторов;
- организации, предоставляющие юридические, финансовые услуги; несмотря на то, что получить поддержку для развития стартапа достаточно легко, правовая сторона вопроса, а именно регистрация стартапа, в Южной Корее является процедурой не легкой;
- научно-исследовательские организации;
- вспомогательные организации, такие как, инкубаторы, акселераторы, коворкинг-пространства и т.д.

Само понятие «стартап» означает молодую быстро развивающуюся компанию, в основе которой лежит инновационная бизнес-идея и технология. Считается, что термин «стартап» появился в 1939 году, когда выпускники Стэнфорда основали компанию Hewlett-Packard, назвав ее стартапом; впоследствии она стала крупным поставщиком аппаратного и программного обеспечения. Термин стал использоваться в журналах Forbes и Business Week в 1970-х годах и окончательно закрепился в 1990-х во время бума доткомов [7]. Примерами известных всему миру компаний, выросших из стартапов, являются Instagram, Twitter, Facebook, Uber, Airbnb, SpaceX, Snapchat. В глобальной стартап-среде распространено еще одно название для стартапов – «единороги».

Говоря о Республике Корея, по данным корейского издания The Investor от 24 января 2019 года в число успешных и известных стартапов с оценкой более 1 млрд долларов входят Coupang, Bluehole, Yello Mobile, Woowa Brothers, L&P Cosmetics и Viva Republica [8].

Coupang – южнокорейская компания, ведущая свою деятельность в области электронной коммерции. За 4 года активной деятельности ее оборот превысил 1 млрд. долларов [4].

Bluehole – южнокорейский стартап, разрабатывающий компьютерные игры в жанре MMOPRG.

Yello Mobile – это немного другой формат стартапа, состоящий из нескольких стартапов. Сама деятельность ведется в области разработки программного обеспечения для мобильных устройств.

Woowa Brothers – южнокорейская технологическая компания, специализирующаяся в сфере продовольствия и владеющая онлайн-сервисом по заказу и доставке еды Baedal Minjok. С недавнего времени занялась разработкой роботов. С целью внедрить их в нашу жизнь, компания в 2018 году представила всему миру маленького робота под названием Deli [1].

Изучив известные стартапы более подробно, можно говорить о том, что они функционируют исключительно в виртуальной среде, однако это совсем не так. К примеру, именно здесь разработаны установки по извлечению пресной воды из воздуха, значимость вывода на рынок подобных устройств нельзя переоценить для стран Ближнего Востока, Азии и даже США. Или полезнейшая с точки зрения практичности и энергоэффективности система самоклеящихся обогреваемых пленок для пола, и многое другое [6].

Одними из популярных секторов для создания стартапов в Республике Корея являются индустрия информационных технологий, разработка мобильных приложений, игровой софт. Ко всему этому, к числу приоритетных направлений, в которых развиваются стартапы, относятся биотехнологии, новые материалы для строительства, медицина, космические технологии, робототехника, а также набирающие с недавнего времени все большую и большую популярность – зеленые технологии.

Правительство Республики Корея, понимая перспективность малого бизнеса в условиях нынешней рыночной экономики, делает многообещающие шаги к развитию стартап-экосистемы и не жалеет на это средств. Согласно отчету веб-сайта Tech in Asia, посвященному стартапам и инновациям в Азии, с 2013 по 2020 гг. финансирование южнокорейской стартап-системы увеличилось с 29 млн. долларов до 3 млрд. долларов. Так, в 2013 году президент Пак Кын Хе сделала центральным пунктом своей программы поддержку малого бизнеса. Уже в том же году южнокорейское правительство запустило масштабный и долгостоящий проект с целью создать благоприятную среду для основания и развития стартапов. По инициативе президента Пак Кын-хе министерство финансов выделило \$92 млрд на развитие малого и среднего бизнеса, включая стартапы. Было создано Министерство науки и планирования будущего, одной из задачей которого было выявление бизнес-направлений с наибольшим высокотехнологическим потенциалом. В 2014 году бюджет министерства составлял 16 млрд. долларов, из которых более 2 млрд. долларов были напрямую инвестированы в технологические стартапы при посредстве различных венчурных фондов. Более того, помимо запуска программ, направленных на развитие стартап-экосистемы стра-

ны, южнокорейское правительство в 2013 году объявило о принятии мер по ослаблению налогового бремени для инвесторов. Ключевая цель – повысить интерес к стартапам и коммерческих структур, и частных инвесторов.

И главное, государство обладает стремлением и желанием поддерживать и развивать не только отечественные стартапы, но и созданные за рубежом. Шагом для привлечения иностранных предпринимателей и обладателей бизнес-идей стала выдача стартап-виз.

Ко всему этому, в Республике Корея динамично ведут свою деятельность множество бизнес-инкубаторов, коворкинг-пространств и акселераторов при активной государственной поддержке.

Акселерационные программы нацелены на то, чтобы помочь молодым стартапам вырасти в крупные бизнес-проекты, гарантировать им не только финансовую стабильность, но и предоставляя экспертную, инфраструктурную и организаторскую поддержку.

Одной из самых известных всему миру южнокорейских акселерационных программ является K-Startup Grand Challenge, функционирующая с 2016 года. Данная программа обладает глобальной спецификой и дает возможность стартапам со всего мира поучаствовать в ней. Так, в 2021 году наш отечественный биотех-стартап с новой технологией в сфере фармацевтики, которая позволяет выявлять косметические и дерматологические проблемы при помощи камеры смартфона и повышать точность постановки диагноза врача на 80% при удаленной консультации, вошел в тройку победителей крупнейшего соревнования международных стартапов, обойдя более 2500 технологических компаний из 129 стран [5].

Из популярных бизнес-инкубаторов и коворкинг-пространств можно выделить некоммерческую стартап-экосистему D.CAMP и созданный и управляемый благотворительным фондом Asan Nanum, учрежденным чеболем Hyundai Group в 2011, инкубатор для стартапов MARU180. Оба проекта предоставляют начинающим стартаперам коворкинг-пространства, помещения для проведения мероприятий, а также офисы. Однако, MARU180 кроме пространства для создания и ведения бизнеса, также проводит бизнес-тренинги, программы наставничества, которые помогают начинающим бизнесменам окунуться в бизнес-среду.

Вышеперечисленные программы, инкубаторы и коворкинг-пространства – это лишь малая часть. В настоящее время существует огромное разнообразие южнокорейских проектов, нацеленных на развитие и поддержку стартап-экосистемы. В этот список входят такие проекты, как Samsung Accelerator, SK Planet, Future Play, Daedeok Innopolis, Tribeluga, Hanwha Venture Capital Corporation, Bon Angels, DEV Korea, Yonsei, Postech, Daum Accelerator, Startup Alliance, Seoul Global Centre, SparkLabs, Primer, Neoply, Seoul Global Startup Center, Born2Global и т.д.

Как уже было упомянуто, финансирование стартап-проектов обеспечивается за счет активной государственной поддержки, а также через различ-

ные венчурные фонды. Одним из ведущих и имеющих надежную репутацию венчурных фондов является KOISRA Seed Partners. Однако, кроме финансирования он предоставляет также коворкинг-пространства, дает советы от успешных предпринимателей и т.д. Также в список венчурных фондов входят Capstone, CCVC, Strong Ventures, Altos Ventures, SL Investment и т.д.

Таким образом можно говорить о всеобъемлющей поддержке начинающих стартаперов, которая вбирает в себя не только финансовую, но и инфраструктурную и образовательную составляющие, что может послужить примером для других государств.

Стартапы для любой страны это прежде всего новые идеи, новая перспектива для социально-экономического развития. И для Южной Кореи, где несколько десятилетий подряд во главе социально-экономического развития стоял крупный бизнес, который в условиях нынешней экономики не приносит такого ошеломительного эффекта, как в период ускоренной модернизации, затеянной генералом-майором Пак Чон Хи, стартапы – это глоток свежего воздуха, новый двигатель прогресса для страны.

Далее следует продемонстрировать, какое влияние оказывает стартап-экосистема на социально-экономическую жизнь Республики Корея. Во-первых, благодаря смене политического курса на развитие и поддержку стартапов рынок мобильных приложений сильно разросся, появились интересные и полезные, прежде всего, для южнокорейских граждан приложения. Одно из них вышеупомянутая компания Coupang, которая в 2021 году стала самым дорогим стартапом в стране, продав 130 млн акций по цене \$35 на Нью-Йоркской фондовой бирже. К этому достижению можно добавить еще то, что стартап, согласно статистическим данным 2020 года, находится на третьем месте по обеспечению рабочими местами, уступая лишь Samsung Electronics и Hyundai Motor. И в том же году компания создала больше всех рабочих мест, заняв первое место по этому показателю в стране. Также Coupang обладает своей собственной службой доставки под названием Rocket Delivery, являющаяся самой быстрой по сравнению с их южнокорейскими конкурентами [4]. А для корейцев с их бешеным ритмом жизни важно, чтобы все было оперативно и быстро.

Также появление инноваций для Южной Кореи – продукт деятельности стартапов. Безусловно не без сторонней поддержки, в 2016 году по итогу проведения акселерационной программы K-startup Grand Challenge был создан смартфон, управляемый голосовыми командами [3].

Более того, стартап-экосистема Республики Корея привлекает огромное количество иностранных инвестиций. Так, в 2018 году южнокорейское правительство заявило, что прямые иностранные инвестиции в корейскую экономику поставили исторический рекорд, составив 23,04 млрд долл. Объем американских инвестиций, преимущественно в технологические стартапы, увеличился на 37%, а китайские возросли в 2,5 раза [2]. Еще раз нужно

упомянуть, что государство играет существенную роль в увеличении венчурного капитала тем, что заостряет внимание на развитии и поддержании стартапов, тем самым привлекая потенциальных инвесторов.

Анализируя деятельность и достижения Coupang, можно говорить о том, что стартапы помимо инновационного потенциала, обладают потенциалом к обеспечению рабочими местами граждан Республики Корея, что чрезвычайно важно в процессе уменьшения безработицы в стране.

Таким образом, стартап-среда – это действительно очень перспективная отрасль, которую стоит развивать, в которую стоит вкладывать. Особенно для Республики Корея, где на протяжении нескольких десятилетий основным двигателем социально-экономического развития страны был крупный бизнес, который в нынешних условиях уже изживает свое и не оказывает инновационного воздействия. Сегодня стартапы для Южной Кореи – это новые идеи, проекты, новый взгляд на жизнь. И даже южнокорейское правительство начинает это понимать и всячески развивать, и продвигать их деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Артамонов А. Корейская компания Woowa Brothers ставит на мобильные телефоны и роботов для быстрой доставки еды // bigasia.ru. 2019 // <https://bigasia.ru/content/pub/review/koreyskaya-kompaniya-woowa-brothers-stavit-na-mobilnye-telefony-i-robotov-dlya-bystroy-dostavki-edy/>.
2. Воробьева Е. Инвестиции в Южную Корею поставили исторический рекорд // Инвест-Форсайт. 2018 // <https://www.if24.ru/investitsii-v-yuzhnuyu-koreyu-postavili-istoricheskij-rekord/>.
3. Гидаспов А. Южнокорейский стартап на подъеме // ИКС. 2017 // <https://www.iksmedia.ru/articles/5401306-Yuzhnokorejskij-startap-na-podemre.html>.
4. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // Coupang // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Coupang>.
5. Российский стартап вошел в топ-3 соревнования K-Startup Grand Challenge. 2021 // <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/novosti/news/rossiyskiy-startap-voshel-v-top-3-sorevnovaniya-k-startup-grand-challenge>.
6. Хохлова Д. Как устроен стартап-рынок Южной Кореи: инвесторы, акселераторы и лидеры рынка. 2015 // <https://vc.ru/tribuna/8793-south-korea-market>.
7. Что такое стартап? Объясняем простыми словами. 2021 // <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-startap-obyasnyaem-prostymi-slovami.htm>.
8. Son Ji-hyoung. Korea is home to 6 unicorn startups // The Investor. 2019 // <http://www.theinvestor.co.kr/view.php?ud=20190124000663>.
9. The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KR>.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Law
of the Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

D.P. SOKOLOVA

*Bachelor of the Department of International
Relations and Law of the Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

STARTUP AS A NEW DRIVING FORCE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF KOREA

The authors of this article investigated a fairly new and promising phenomenon for the Republic of Korea – a startup. The relevance of the study is due to the markedly decreasing influence of the activities of South Korean big business on the socio-economic progress of South Korea in the current conditions of the world economy. The authors of this study described the mechanism of the South Korean startup ecosystem. Based on statistical data, the prospects and relevance of the startup ecosystem were proved, and its impact on social and economic development was analyzed.

Key words: Republic of Korea, South Korea, startup, socio-economic development, small business, large business, chaebol.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.009

УДК 327

О.В. ДУБРОВИНА

доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и политического управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва

А.Ш. ДУБИНА

кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономической теории и
международных отношений Пензенского государственного
университета, Россия, г. Пенза

Л.В. РОЖКОВА

доктор социологических наук,
заведующий кафедры экономической теории и
международных отношений Пензенского государственного
университета, Россия, г. Пенза

РЕФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ООН В ЭПОХУ ПОСТБИПОЛЯРНОСТИ

Вторая мировая война привела к осознанию народами во всем мире разрушительных последствий военных конфликтов и необходимости диалога, сотрудничества между странами, так 77 лет назад была создана Организация Объединенных Наций, которая показывала, как сильные, так и слабые стороны. ООН признана важным актором, оказывающим влияние на международные процессы в сфере социально-политического развития стран-участниц. В первые сорок лет существования организация демонстрировала высокие достижения по обеспечению мирового порядка и обеспечению безопасности, но в последующем эти успехи постепенно минимизировались. В функционировании ООН назревали все новые и новые проблемы, авторитет организации снижался из-за произвола и нарушения принципов международного права стран-участниц, на которые ООН долгие годы беспомощно закрывает глаза. Возможно, проблема заключается в устарелости организации, поскольку произошли кардинальные перемены в условиях постбиполярности и изначальные цели не соответствуют современной действительности. Помимо прочего, заметно отсутствие равенства в процессе распределения конституционных баз института, вместе с тем расхождение между некоторыми положениями Устава и ре-

ально происходящими социально-экономическими и политическими процессами на международной арене. Выход из сложившейся ситуации лежит в реформировании ООН при участии главных лиц всех народов и государств на международной конференции с предоставлением обязательств их равенства.

Ключевые слова: международные отношения, международная организация, ООН, универсальный институт мира и безопасности, Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, общество, государство, конституционализм, демократия, равноправие.

После двух мировых войн союзными государствами, с целью обеспечения международной безопасности и стабильности, было принято решение об учреждении международной организации – Организации Объединенных Наций (ООН). В рамках ООН был учрежден постоянно действующий орган – Совет Безопасности ООН (СБ ООН), который отвечает за поддержку мирового порядка.

Сформулированные в Декларации семь целей в области развития, которые предусматривают достижения различных показателей, например, сокращение масштабов крайней нищеты, прекращение распространения ВИЧ/СПИДа, входят в план действий, согласованный всеми ведущими мировыми учреждениями в области развития и всеми государствами мира. Благодаря им мобилизуются все мировые усилия на удовлетворение потребностей беднейших слоев населения.

Основными задачами деятельности ООН являются: объединение усилий стран для избавления от бедствий войны, активное укрепления мира в полном соответствии с принципами международного права и справедливости, защита права человека и уважение равенства различных прав наций, активное содействие социальному прогрессу. Так, основные направления деятельности ООН в современном мире – это сохранение мира и безопасности и защита прав человека [4. С. 212].

В настоящее время, спустя более полувековой истории существования ООН назрели изменения. От внесения различных документов по определенным проектам реформы с 1993 г. в организации ничего не менялось. Уже третье десятилетие не проводится реформа самого основного, стержневого органа данной организации – Совета Безопасности. Хотелось бы отметить, что на протяжении всего периода времени какие-либо серьезные попытки разрешить данный вопрос предпринимались не раз, однако результата так и не было достигнуто [1. С. 126].

В общемировой повестке дня популярность приобретают программы глобального активного устойчивого развития. Они продвигаются непосредственно через ООН. Но каких-либо ощутимых результатов в разрешении

социально-экономических вопросов в итоге не достигнуто. Можно сказать, что проблема отсталости многих стран мира, а также различие между уровнями активного развития в сравнении с развитыми государствами не сокращается. Эта сфера приложения активных усилий ООН остается до конца не изученной в научных трудах.

Чаще всего попытки реформирования ООН заканчиваются следующими вопросами: относительно увеличения числа постоянных членов Совета Безопасности до 25-30 с предоставлением такого статуса Германии, Японии, Бразилии, ЮАР, Нигерии и др.; продлению срока мандата до трех и более лет для некоторых переменных членов; решениям относительно приостановки права постоянных членов на вето во всех случаях, когда обсуждаются вопросы, связанные с международной преступностью; не редко затрагиваются проблемы относительно недостаточности финансирования ООН; предъявляются требования о фундаментальном реформировании ООН в строгом соответствии с ее Уставом [7]. Таким образом, предложения политиков сводятся к обновлению состава одного или более органов ООН и пересмотру правил голосования в них путем принятия поправок к ее Уставу [6. С. 101].

Поэтому возникает убеждение, что ООН имеет некоторые проблемы в функционировании.

Безусловно, ООН является важным органом для гарантирования международного права, однако, ему мешает структура, которая косвенно предполагает, что глобальные сверхдержавы, как правило, достойны права вето, которыми они наделены. Проблема конечно же, заключается в том, что Генеральная Ассамблея ООН – это орган, в котором действует система «одна страна – один голос», что дает Китаю такое же количество голосов, что и Вануату, и ставит США в один ряд с Лихтенштейном.

Таким образом, у более крупных стран есть все основания хотеть права вето. Но их вето в большинстве случаев является «большой огневой мощью», и часто используется как форма геополитического запугивания. Согласно рационально-всесторонней модели принятия политических решений ценности, связанные с сохранением безопасности могут повлиять на принимаемые решения, при оказании психологического давления со стороны третьих лиц [3. С. 38].

Также стоит сказать и о Совет Безопасности (СБ ООН) – главный орган ООН, который является самым мощным подразделением организации, также выступает самая анахроничная часть организации. Его пять постоянных членов – победители Второй мировой войны: Россия, Франция, Великобритания, Китай и США. Остальные 10 членов избираются на двухлетний срок с выделением мест для разных регионов мира.

Работа СБ ООН заключается в поддержании международного мира. Его способность делать это была серьезно ограничена в последние годы, во многом из-за горьких разногласий между Россией и Западом.

СБ ООН бы не мог ничего сделать при крупных конфликтах, особенно тех, в которых заинтересованы постоянные члены. Однако, многие эксперты выдвигают следующую альтернативу: создание Парламентской ассамблеи ООН, которая будет демократически избираться широкой общественностью в каждом государстве-члене ООН, с местами, распределенными в разумной пропорции к населению каждой страны и основанными на правилах, гарантирующих представительность в делегации каждой страны, а нынешняя ГА ООН превращается в нечто вроде сената. Эта модель обеспечит баланс между силами, действующими в ООН, и, как надеются приверженцы данной идеи, устранит необходимость вето в СБ ООН.

Также стоит отметить, что большинство государств «Юга» не обладают финансовыми возможностями и методами воздействия на решения СБ ООН. Именно по этой причине развивающиеся страны выступают за ограничение права вето постоянных членов СБ ООН для достижения баланса интересов в международной политической системе.

Предполагается, что для развивающихся государств будет предоставлен способ активного участия в принятии решений ООН, например, за счет увеличения постоянных членов до 11 государств при соблюдении принципа географического равенства. По установленным ранее правилам, в СБ ООН должно входить 26 стран, которые так или иначе представляют интересы своего региона. Некоторые региональные страны (Италия, Турция, Испания, Малайзия и так далее) представляют собой «кофейный клуб», и стремятся получить официальный статус, закрыв вопрос о переизбрании этих стран в качестве полупостоянных членов СБ ООН.

Развитые государства, в частности Германия и Япония, и те государства, что представляют три региональные группы развивающихся частей света (при равном положении сюда относят Индонезию, Индию и Пакистан – для Азии; ЮАР, Нигерию и Египет – для Африки, а также для Латинской Америки – это Бразилия, Мексика и Аргентина) нацелены на получение статуса постоянного члена СБ ООН. На сегодняшний день выделяют пять постоянных членов СБ ООН, которые наделены правом вето решений данного структурного отдела международной организации в сфере безопасности и баланса интересов стран.

Постоянные члены СБ ООН остаются верными своему статусу и хотят сохранить за собой это привилегированное положение.

В современных условиях политологи сходятся во мнении, что необходимо реформирование системы международного миротворчества для упрощения ее процессов, отказа от излишней бюрократии, последствий политик отдельных государств, а также с целью развития быстрого реагирования в кризисных или конфликтных ситуациях, расширения полномочий миротворческих групп, при этом требуется передать большую часть организационных задач на решение соответствующих структур ООН из Нью-Йорка

«на места». Эффективность этих мер будет зависеть от отношения к ним государств-членов ООН, решений Совета Безопасности и готовности принимать адекватные действия для успеха миротворческих миссий.

В последнее время отмечается появление новых угроз человечеству, к которым относят распространение оружия массового поражения, развитие и увеличение масштаба региональных военных конфликтов, а также тенденцию международного терроризма. Реформирование ООН было необходимо давно, так как требуется предотвратить последствия существующего кризиса и дать ООН возможность, как раньше, способствовать поддержанию международного миропорядка и безопасности [2].

К основным причинам кризиса деятельности ООН относят [5. С. 98]:

1. Противоречия в позициях развитых и развивающихся государств, то есть выделяется группа стран (региональных держав), которые не стремятся к сотрудничеству с великими державами.

2. Завершение этапа биполярной международной системы. Это привело к изменению расстановки сил на мировой арене, а значит традиционные способы решения проблем в настоящее время неэффективны.

3. Нет четкого разделения между государством и нацией. Устав ООН не позволяет рассматривать отдельно статусы этих объединений, так как в нем прописывается суверенитет нации и суверенитет государства.

4. Отсутствие четких критериев понятия «великие державы», которое в современных условиях теряет свою значимость. Определение великих держав должно осуществляться по следующим признакам: доля экономики мирового ВВП; вхождение в ядерный клуб СБ ООН; размеру территории и так далее.

5. Увеличение масштаба и сложности региональных конфликтов, что в свою очередь требует поиска эффективных решений, более многогранных для стабилизации политической ситуации в отдельных регионах и странах. Но в настоящее время ООН зачастую использует двойные стандарты.

6. Структурно-организационные проблемы ООН. Значение ООН, как международного сообщества стран для устранения военных конфликтов, обеспечения международной безопасности утрачено, а значит необходимо определение новой цели существования ООН, которая бы учитывала современную политическую обстановку. В ООН входит множество организационных подразделений, зачастую с одинаковыми функциями, и это приводит к расхождениям в бюджете, неэффективному его использованию. На сегодняшний день на первый план выходят совершенно иные риски и угрозы для государств – международный терроризм, экстремизм, а также тенденция религиозного фундаментализма. ООН не справляется с контролем новых и все более сложных процессов. Нельзя, чтобы международная организация стала просто бюрократическим аппаратом, неспособным решать важные проблемы.

7. Проблемы в функционировании военных структур ООН, к примеру утверждение миротворческих мандатов связано с множеством недочетов или бюрократической волокиты, сам процесс усложнен и малоэффективен. Таким образом, международное сообщество уступает верховенство права, что можно наблюдать при изучении ситуации захвата Турцией Северного Кипра.

8. Постоянные члены СБ ООН, развитые и развивающиеся государства по-разному оценивают способы реформирования ООН, а также используемые для этого средства.

9. Страны Запада стремятся к прекращению функционирования ООН, и замене ее другими международными организациями, например, НАТО, ВТО или МВФ. Нет заинтересованности в поддержания и создании способной на многое международной организации.

На основании всего этого можно сделать вывод, что реформы ООН – это возможность адаптироваться к современным условиям, новым угрозам всего человечества, а также предоставления этой международной организации на тех или иных условиях возможностей успешной деятельности в поддержании мира и безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аксенов А.Б. К вопросу о реформировании Совета Безопасности ООН и определении статуса права вето // ВЭПС. 2019. № 4.

2. Amto P. От миротворчества к миростроительству: эволюция роли Организации Объединенных Наций в операциях в пользу мира // Международный журнал Красного Креста. 2019. № 95 // https://international-review.icrc.org/sites/default/files/pages_3-28_from_irrc_891-892_selected_articles_web.pdf.

3. Дубина А.Ш. Политико-правовые ценности современной молодежи Пензенского региона // Динамика современного общества: трансформация жизненных миров и структур: Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции. Волгоград, 17-18 декабря 2020 года / Редколлегия: Н.А. Скобелина (отв. ред.) и др. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021.

4. Дубина А.Ш. Современное состояние борьбы с международным терроризмом и другими вызовами XXI века / А.Ш. Дубина, Ш. Ван // Межкультурная коммуникация в современном мире: Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции иностранных студентов. Пенза, 17 февраля 2021 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021.

5. Имкина Е.С. ООН: цели и проблемы на современном этапе развития общества // Проблемы развития современного общества: сборник статей 4-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2019.

6. Погорельский А.В. Перспективы реформирования ООН в условиях становления многополярного мира // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 1 (9).

7. Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII.

O.V. DUBROVINA

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Political Science and
Political Management of the RANEPA
under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

A.S. DUBINA

*Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Economic Theory and
International Relations, Penza State University
Penza, Russia*

L.V. ROZHKOVA

*Doctor of Sociology,
Head of the Department of Economic Theory and
International Relations, Penza State University
Penza, Russia*

UN REFORM AND DEVELOPMENT IN THE POST-BIPOLAR ERA

The Second World War led to the realization by peoples all over the world of the devastating consequences of military conflicts and the need for dialogue and cooperation between countries, so 77 years ago the United Nations was created, which showed both strengths and weaknesses. The UN is recognized as an important actor influencing international processes in the field of socio-political development of the participating countries. In the first forty years of its existence, the organization demonstrated high achievements in ensuring world order and ensuring security, but subsequently these successes were gradually minimized. New and new problems were brewing in the functioning of the UN, the authority of the organization was declining due to the arbitrariness and violation of the principles of the international community of the participating countries, to which the UN has been helplessly turning a blind eye for many years. Perhaps the problem lies in the obsolescence of the organization, since there have been drastic changes in post-bipolar conditions and the original goals do not correspond to

modern reality. Among other things, there is a noticeable lack of equality in the process of distributing the constitutional bases of the institute, at the same time there is a discrepancy between some provisions of the Charter and the socio-economic and political processes actually taking place in the international arena. The way out of this situation lies in reforming the UN with the participation of the main persons of all peoples and states at an international conference with the provision of obligations for their equality.

Key words: *international relations, international organization, UN, universal Institute of Peace and Security, General Assembly, Security Council, society, state, constitutionalism, democracy, equality.*

*доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, проректор по научной работе, директор Институ-
та актуальных международных проблем Дипломатической акаде-
мии Министерства иностранных дел Российской Федерации,*

Россия, г. Москва

AuthorID: 202734

Р.Н. ШАНГАРАЕВ

*кандидат экономических наук, доцент кафедры
государственного управления во внешнеполитической деятельно-
сти Дипломатической академии Министерства иностранных дел*

Российской Федерации, Россия, г. Москва

SPIN-код: 2180-0229

AuthorID: 846527

<https://orcid.org/0000-0001-6557-4388>

ОТНОШЕНИЯ США И ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВЫВОДА АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

*Принятие президентом США Джозефом Байденом решения о выво-
де американских войск из Афганистана при явной недооценке им степени
угрозы со стороны Движения талибов укрепили опасения европейских ли-
деров в отношении того, что Вашингтон при реализации своей внешней
политики по-прежнему ориентирован сугубо на собственные интересы
и не склонен учитывать мнение партнеров, в том числе по блоку НАТО.*

Ключевые слова: США, Европа, НАТО, Афганистан, международные
отношения, Движение Талибан (1).

Характеризуя положение дел в современном Афганистане, можно отме-
тить, что страна признается международным сообществом как независимое
государство и является полноправным членом ООН и других международ-
ных организаций, однако при этом до сих пор остается не субъектом, а объ-
ектом международной политики.

В Афганистане к концу февраля 2020 г. находились примерно 23 тысячи
военнослужащих НАТО, из которых 14 тысяч – американские военные. Это
самая длительная операция армии США, начавшаяся еще в 2001 году. Не-
смотря на то, что за 17 лет Вашингтон потратил на эту операцию 6 трлн. дол-

ларов, ситуация в стране не только не выправилась, но и стала только хуже [8. С. 52-60].

Необходимо понимать, что одним из основных факторов, влияющих на ситуацию в Афганистане на современном этапе, является политика США [2. С. 1295-1297], которая, в свою очередь, определяется двумя противоречивыми позициями: стремлением максимально сократить огромные финансовые затраты на афганскую компанию и одновременно сохранить свое влияние и участие в делах этого региона под предлогом борьбы с терроризмом [3].

Американское отношение к данному региону довольно ясно выражено в 2002 г. З. Бжезинским в интервью российской «Независимой газете»: «Усиливающееся американское присутствие в Центральной Азии не является преднамеренным стратегическим планом, но оно определенно будет возрастать, потому что государства Центральной Азии не хотят, чтобы в их регионе доминировала Россия или Китай. Усиливающееся американское участие в делах этих стран, таким образом, с их точки зрения, является очень желаемым явлением. Мы уже наблюдаем расширение американского политического и экономического влияния, которое также включает и военную сферу, и этот процесс, вероятно, также будет продолжен» [5].

Многие российские специалисты и эксперты отмечают, что миссия НАТО в Афганистане была провальной, так как политическая стабилизация страны не была достигнута [4]. Бывший постоянный представитель Российской Федерации при Организации Объединенных Наций В. Чуркин констатировал, что очередная миссия военного блока НАТО в Афганистане не выполнила поставленных перед ней задач. Военная кампания НАТО послужила причиной политической маргинализации различных радикальных исламистских течений в Афганистане. Также можно сказать и об увеличении производства наркотиков, так как «после начала «контртеррористической операции» на территории Афганистана в октябре 2001 года и последовавшего за ней падения режима талибов, эта страна опять вышла на первое место по производству наркотиков опийной группы, в первую очередь, георгина» [7].

В апреле 2021 г. президент США Дж. Байден заявил о начале полного вывода американских войск из Афганистана, хотя о необходимости такого шага говорили и предыдущие руководители страны – Б. Обама и Д. Трамп. Но этот уход был осуществлен в короткие сроки без подписания соглашения между Движением Талибан и официальным правительством, на котором ранее настаивали США. Это привело к тому, что Движение Талибан (1) в кратчайшее время взяло под свой контроль афганскую территорию, 15 августа талибы захватили Кабул и на сегодняшний день контролируют всю страну [6].

Как полагают британские политологи, события в Афганистане убедительно показали напрасные надежды европейцев на то, что приход Дж. Байдена

в Белый дом будет способствовать усилению значимости НАТО для планов Вашингтона [12]. Начальник штаба обороны Соединенного Королевства генерал Ник Картер (Nick Carter) констатировал, что это было не то решение, на которое рассчитывал официальный Лондон. Высокопоставленные парламентарии, представляющие Консервативную партию Великобритании, назвали выступление Дж. Байдена по поводу вывода войск из Афганистана экстраординарным. На их взгляд, по смыслу оно было выстроено не на раз рекламированном байденовском лозунге «Америка вернулась!», а на прежней концепции Дональда Трампа – «Америка прежде всего» [10].

Обернувшийся катастрофой для многих граждан Афганистана уход американских войск из этой страны побудил партнеров США по НАТО переосмыслить ситуацию, в частности более предметно взглянуть на проблему зависимости Европы от Соединенных Штатов в области безопасности, а также оценить, насколько оправдано сегодня полагаться в этом вопросе на Вашингтон как на союзника.

Еще 16 августа 2021 года тогдашний кандидат на пост канцлера ФРГ от блока ХДС/ХСС Армин Лашет (Armin Lashet) охарактеризовал вывод войск США из Афганистана как величайшее поражение, которое НАТО переживает с момента своего основания. По его словам, речь фактически идет о масштабной катастрофе военного блока, члены которого стоят перед эпохальными переменами [11].

Эксперты американского Центра анализа европейской политики (Center for European Policy Analysis – СЕРА) заявили, что в сложившейся неблагоприятной для Белого дома внешнеполитической ситуации администрации Дж. Байдена необходимо в сжатые сроки обновить стратегию своих действий на полях Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, а также подтвердить важность этого объединения в целом [9].

Аналитики СЕРА напоминают, что сделанное президентом США в феврале 2021 г. на Мюнхенской конференции заявление о том, что «Америка вернулась!», было встречено европейскими партнерами позитивно. В июне с. г. этот лозунг был продублирован Дж. Байденом во время его первой зарубежной поездки в Европу. После таких громких деклараций европейцы ожидали от Вашингтона конкретных действий, равно как и разъяснений относительно того, как на практике планируется развивать Трансатлантическое партнерство. Однако этого не произошло.

В адрес нынешней администрации США высказывается упрек в том, что она вместо того, чтобы нивелировать страхи Европы относительно американского внешнеполитического эгоизма, возникшие в период пребывания у власти Д. Трампа, спровоцировала их новое возрастание в результате вывода войск из Афганистана. В Европе теперь звучат опасения по поводу возможности усиления расхождений во взглядах с Вашингтоном не только по этой конкретной ситуации, но и по вопросам сотрудничества с Пекином,

тематике изменения климата, подходам к проблеме цифрового пространства и торговли.

Такой неутешительный для Белого дома ход событий подтверждают результаты опроса общественного мнения, проведенного американским исследовательским центром Pew Research. По полученным экспертами данным, с приходом Дж. Байдена в Белый дом восприятие США в Западной Европе в целом улучшилось. Однако лишь относительно небольшое число опрошенных европейцев сегодня считают, что Америка в своей практической деятельности учитывает их интересы. В Германии этот показатель составил 51%, в Великобритании – 39%, во Франции – 31%.

Не в пользу Вашингтона говорят и результаты опроса общественно-го мнения, проведенного Европейским советом по иностранным делам (ECFR). Примерно две трети опрошенных граждан ЕС высказались за суверенный Европейский союз, более активный на международной арене, способный обеспечить собственную безопасность и менее зависимый от США при выборе иных глобальных партнеров.

В сложившейся ситуации отдельные американские аналитики пытаются утверждать, будто в снижении авторитета Белого дома виноваты некие «российские и китайские кампании дезинформации», дающие негативные для США результаты.

Эксперты СЕРА полагают, что после удручающих событий в Афганистане авторитет Вашингтона с высокой вероятностью продолжит снижаться по другим объективным причинам. Этому, на их взгляд, будет способствовать восприятие США в Европе как страны, утратившей моральное право на мировое лидерство вследствие внутриполитической поляризации, односторонних внешнеполитических решений, реализованных в предыдущие годы, а также ввиду неэффективного противодействия эпидемии COVID-19.

К условным успехам новой администрации США авторы исследования причисляют лишь итоги первого за последние семь лет саммита США – ЕС, в котором приняли участие Дж. Байден, президент Европейского совета Шарль Мишель и президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен. Отмечается, что на этой встрече сторонам удалось добиться взаимопонимания по ряду проблемных вопросов. В частности, было принято решение о создании Совета по торговле и технологиям, прекращении торгового спора между Airbus и Boeing, а также о налаживании диалога на высоком уровне между ЕС и США по России.

На взгляд американских аналитиков, результаты саммита на тот момент выглядели многообещающими. Однако для решения задачи восстановления доверия в трансатлантических отношениях потребуются максимально предсказуемая стратегия США в отношении Европы, более частые встречи на высоком уровне, отмена некоторых «вредных» решений администрации Д. Трампа, прежде всего касающихся введения налогов на сталь и алюминий.

Эксперты СЕРА придерживаются мнения о том, что обновленная стратегия США, касающаяся Европы, должна базироваться на следующих принципах:

- отказ от приоритетного развития взаимодействия с Германией в пользу многостороннего сотрудничества с ЕС;
- внедрение практики проведения консультаций с европейскими союзниками по актуальным проблемам современности;
- подтверждение приверженности США усилиям НАТО по сдерживанию России на Восточном фланге от Балтийского до Черного моря. Доведение до партнеров понимания того, что обеспечение национальной безопасности восточноевропейских государств перед лицом возможной агрессии со стороны Москвы – это красная линия, где США будут действовать решительно и во взаимодействии со стратегическими партнерами по НАТО.

На взгляд американских экспертов, восстановлению трансатлантического доверия также способствовало бы увеличение инвестиций в экономику стран ЕС [1].

Аналитики центра убеждены в целесообразности незамедлительного переформатирования европейской внешней политики Вашингтона путем закрепления за Европейским союзом с его масштабной экономикой и 445 млн граждан статуса критически важного партнера и союзника США.

Американские политологи, однако, осознают, что реализация их предложений зависит не только от согласия Белого дома, но и от готовности европейских партнеров, явно не скрывающих сейчас своего разочарования текущей внешней политикой США.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Запрещена на территории Российской Федерации.
- (2) Banned on the territory of the Russian Federation

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами. Монография. Москва, 2012.
2. Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. 2013. № 10.
3. Карпович О.Г., Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Политика России и США в области противодействия международному терроризму. Монография. Москва, 2019.
4. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6.
5. Куранов А. «У Москвы лишь один путь – на Запад» // https://www.ng.ru/courier/2002-11-04/9_oneway.html.

-
6. Над страной нависла угроза новой гражданской войны // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12160807>.
 7. Чуркин: миссия НАТО в Афганистане провалена // <https://regnum.ru/news/polit/2098173.html>.
 8. Шангареев Р.Н., Валиев А.А. Влияние Афганистана на обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии // Дипломатическая служба. 2020. № 6.
 9. Ciolan L. A smarter U.S. approach to Europe // CEPA. August 19, 2021 // <https://cepa.org>.
 10. Payne S., Warrell H., Manson K. Chaos of Kabul exposes faultlines in UK-US special relationship // Financial Times. August // <https://www.ft.com>.
 11. Shabbir F. Germany's chancellor candidate Laschet calls Afghanistan NATO's biggest deba-cle // UrduPoint. August 16 // <https://www.urdupoint.com>.
 12. Warrell H., Chazaanand G., Milne R. Nato allies rethink on alliance after Biden's unilateral Afghanistan exit // Financial Times. August 20 // <https://www.ft.com>.

O.G. KARPOVICH

*Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor,
Vice-Rector, Director of the Institute for Contemporary International
Studies of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

R.N. SHANGARAEV

*Candidate of economic sciences, Associate professor
of the Chair of public administration in foreign policy of Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

IMPACT OF THE WITHDRAWAL OF AMERICAN TROOPS FROM AFGHANISTAN ON THE RELATIONS OF THE USA AND EUROPE

The adoption by the President of the United States of America Biden of the decision to withdraw American troops from Afghanistan with a clear underestimation of the immigration of armed forces by the Taliban movement strengthened the fears of European leaders regarding the interests and is not inclined to take into account the opinion of partners, including NATO.

Key words: USA, Europe, NATO, Afghanistan, international relations, Taliban (2).

доктор политических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова,

Россия, Республика Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ

А.Б. НАДЖАРЯН

аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия,

Республика Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

В становлении и развитии демократических тенденций современных государств важную роль играют институты гражданского общества, и прежде всего неправительственные организации. Исследование различных аспектов деятельности неправительственных организаций представляется важным научным направлением в современной политической науке.

Авторами статьи делается попытка исследовать деятельность сформированных неправительственных организаций в современной Республике Армения. На основе разнообразного эмпирического материала рассмотрено развитие и функционирование, а также выявлена роль и влияние неправительственных организаций в развитии гражданского общества в республике Армения. Авторами отмечается, что деятельность сформированных неправительственных организаций в современной Армении носит достаточно противоречивый характер.

Ключевые слова: Республика Армения, гражданское общество, неправительственные организации, Фонд Сороса, «бархатная революция».

Введение. В сформированной временем политической науке на сегодня актуальны проблемы именно становления гражданского общества, которые исследуются в разных ракурсах и соответственно в разных контекстах. После окончания холодной войны многочисленные и бывшие социалистические государства на тот момент впали в достаточно затяжные переходные политические процессы. Отметим, что в подавляющем большинстве из них именно бюрократический аппарат в большей степени остался на исключи-

тельно правящих позициях и под непосредственным прикрытием сложившейся демократии продолжало единолично управлять страной. Именно поэтому происходящие политические процессы относительно становления и соответствующего развития гражданского общества протекали несколько иначе, чем ранее предполагалось сложившимися классическими теориями гражданского общества и соответственно практикой его реального становления в большинстве европейских стран.

В последние годы в современной республике Армения наиболее более активно стали осуществлять свою деятельность и развиваться действующие религиозные секты, посредством которых реализовывались на практике попытки значительно и всесторонне подорвать сложившиеся устои Армянской Апостольской Церкви и соответственно основы христианства в целом. При этом отметим, что деятельность сформированных неправительственных организаций в современной Республике Армения, как и в иных постсоветских странах, получила только в последние годы особо значительный размах развития. Изменения действующего нормативно-правового режима деятельности именуемых неправительственных организаций в современной России также неизбежно актуализировали актуальную проблему, в том числе и в различных странах именно постсоветского пространства.

Проблема столь острого нежелания официально регистрироваться в уполномоченных органах в качестве иностранных агентов в большинстве случаев побуждает многочисленные некоммерческие организации в Российской Федерации находить разнообразные обходные лазейки в принятом недавно профильном законе.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4; 5; 7; 8; 9; 12].

Однако проблему участия неправительственных организаций в развитии гражданского общества в постсоветских государствах нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной автором темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Роль неправительственных организаций в развитии гражданского общества в республике Армения. Сегодня в республике Армения согласно приведенным в СМИ официальным данным Центра реабилитации жертв деструктивных культов всего насчитывается 65 религиозных организаций, из общего числа которых около 54 составляют именно секты. Также отметим, что порядка 350 тысяч официально зарегистрированных жителей республики Армения являются членами такого рода сект. Для сравнения в Казахстане число таких сект достигает почти 1870, а на Украине это количество находится в пределах от 10 000 до 11 000. Что касается зарегистрированных НКО (некоммерческих организаций), то это число достигает 4 тысячи, при том, что в республике Армения численность жителей около 3 млн.

Самостоятельную и самодостаточную категорию отдельных субъектов, четко выделяющих как финансовую, так и организационно-техническую помощь различным армянским контрагентам, в полной мере формируют именно профильные международные или же отдельные иностранные организации, непосредственно осуществляющие деятельности в конкретном регионе достаточно редко в тесном контакте с различными дипломатическими представительствами иных зарубежных стран либо же отдельных международных организаций. Именно к таким образования можно отнести, Швейцарское агентство развития и сотрудничества, USAID и фонд «Евразия-сотрудничество», базирующиеся в Лондоне Британский совет и Департамент международного развития, германская GTZ и прочие.

Отметим, что подавляющее большинство достаточно активно действующих в стране официально действующих неправительственных организаций имеют довольно прочную базу разноплановой поддержки – в данном аспекте имеется не только либеральное законодательство. Характерно отличительной особенностью республики Армения вполне можно считать также достаточно тесное и плодотворное взаимодействие ряда действующих на территории республики НПО с разного уровня властями, периодически выделяющими некоторым отдельным структурам соответствующие гранты.

В настоящее время на территории Армении зарегистрировано свыше пяти тысяч организаций гражданского общества. Однако «активными» при этом считаются лишь пятая часть их них. Выделенные средства должны быть направлены на повышение управлеченческих навыков представителей общественных структур, наращивание взаимодействия с академическими кругами, частным сектором и молодежью.

В марте 2020 года Еврокомиссия уже объявляла о выделении 3 млн евро на укрепление роли неправительственных субъектов и продвижение сотрудничества между организациями гражданского общества для содействия социальным переменам, а также инклюзивному и устойчивому развитию в Армении.

Ранее Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений Госдепартамента США планировало направить на развитие «культуры демократии» Армении более 640 тыс. долларов.

Согласно данным Dun&Bradstreet, ежегодный доход 15 из 40 действующих в Армении НПО составляет от одного до двух миллионов долларов. А годовой доход остальных организаций колеблется в диапазоне от 200 тысяч до одного миллиона долларов. Общий годовой бюджет всех 40 структур – более 33 миллионов долларов. При этом львиная доля финансирования поступает этим организациям от международных правозащитных организаций, Агентства США по международному развитию, Европейского фонда за демократию, посольств западных стран в республике Армения.

Действующие армянские НПО довольно активно вовлечены и во внешнеполитическую деятельность республики. Прежде всего, в данном контексте речь идет об армяно-турецком «примирительном» процессе, который всесторонне поддерживается США, что соответственно находит фактическое подтверждение в форме финансирования разнообразных программ со стороны USAID. Со стороны республики в проект полностью вовлечены The Eurasia Partnership Foundation, Yerevan Press Club, International Center for Human Development, Union of Manufacturers and Businessmen of Armenia.

Все эти ныне действующие организации декларируют, что в полном объеме занимаются продвижением такого явления как демократия, которая занимается борьбой с разного уровня коррупцией, а также социально-экономическим развитием отдельных регионов и т.д. В действительности же США и страны Евросоюза через свои НПО формируют в Армении лояльные им социальные группы граждан для продвижения собственных внешнеполитических интересов. Они активно проповедуют прозападный вектор развития и всячески дискредитируют союзнические отношения Армении с Россией. Стране снова предлагается надеяться на западный мир и отвернуться от векового союзника и гаранта безопасности [3].

Для получения наиболее полной финансовой информации вполне можно обратиться к базе данных достаточно авторитетной и ныне осуществляющей основную деятельность американской консалтинговой компании Dun & Bradstreet, которая публикует основные сведения об организациях по всему миру, в том числе конкретные суммы годовых доходов этих организаций. Судя по полученным данным, 15 организаций из 40 имеют ежегодный доход от 1 млн. до 2 млн. долларов. Годовые бюджеты большинства других организаций колеблются в диапазоне от 200 тысяч до 1 млн. долларов. Общий годовой бюджет всех 40 структур – более 33 млн. долларов. Самы эти организации не скрывают, что существуют преимущественно за счет западного финансирования. На своих сайтах и мероприятиях они используют логотипы международных доноров, но сравнение их отчетов и информации американской консалтинговой компании показывает, что армянские организации не всегда правдивы и очень часто скрывают не только цели этого финансирования, но и реальные объемы.

Кроме того, Запад посредством общественных организаций, а также собственных СМИ пытается расширить контроль над деятельностью органов государственной власти.

Относительно российского направления, можно отметить, что здесь существующая информационная активность в аспекте армянских НПО носит весьма специфический характер.

Отметим, что Фонд Сороса начал осуществлять свою борьбу за умы и сердца армянского населения в первые годы после распада Советского Союза. Также подчеркнем, что Фонд Сороса является одним из наиболее

известных, но не единственной организацией, оказывающей внешнее влияние, которое направлено в большей доле своего воздействия на разрыв каких-либо отношений республик с Российской Федерацией, а также на существенный подрыв формирующейся государственности республики Армения и соответственно новых «независимых» странах.

В Армении же характерно отличительной особенностью можно считать тесное взаимодействие существующих в республике НПО с властями: даже распределение различных грантов осуществляется под строгим контролем администрации президента. И такого рода достаточно тесная связь установилась за довольно продолжительный период времени еще до «бархатной революции». А после революции Джордж Сорос давал конкретные рекомендации, что необходимо делать вновь избранной власти, а также сам лично предлагал властям республики Армения всяческую и разноплановую помочь. Реформирование внутри страны, практически полностью охваченной коррупцией, фактически не может быть осуществлено мгновенно и единовременно. Перед республикой стоят актуальные и серьезные проблемы, целью которых можно считать преодоление наблюдавшихся явлений решение которых, требует времени чтобы помочь республике на ее сложном и долгом пути к устойчивой демократии, Соединенные Штаты вполне могут взять на себя официальное обязательство укреплять сложившиеся отношения, которые они сформировали в отношении Еревана. На сегодня у Армении уже имеется практически уникальная возможность преодолеть прошедшие годы в автократии и коррупции, и США могут занять в этом особо важную роль.

В Армении влиятельный Фонд Сорос осуществляет свою деятельность посредством несколько структур, включая «Партнерство для открытого общества», фонд «Открытое общество» и фонд «Партнерство Евразии». Перечисленные организации формируют единый фундамент для множества действующих республиканских НПО внутри Армении по большому числу направлений общественной деятельности, а именно от союзов журналистов до организаций национальных меньшинств. При этом отметим, что один только фонд «Партнерство Евразии» координирует реализуемую на практике деятельность более чем 60 НКО.

Именно против работы некоммерческой организации в Армении проходят митинги и ее «ставленников» в правительстве обвиняют в продвижении антироссийского курса. Разбираем по фактам деятельность фонда в Армении:

1. Продвижение судебной реформы. Фонд Сороса настаивал на изменениях в судебно-правовой сфере Армении в 2020 году, сообщает газета «Паст». Финансирование освещения парламентских выборов. Десятки тысяч долларов были выплачены фондом телекомпаниям Армении в 2017 году.

2. Финансирование НКО. Незадолго до «бархатной» революции фонд Сороса выделил 3 млн. долларов различным объединениям. Некоторые ко-

ординаторы этих организаций после смены власти получили должности в правительстве, стали депутатами.

3. Фонд был освобожден от уплаты налогов. В 2019 году правительство Армении признала фонд благотворительным, и он был освобожден от уплаты налогов. Ряд экспертов называют это «политическим бартером» принятие решений в обмен на компенсации и должности.

Что говорят о фонде Сороса:

Премьер Пашиян: фонд начал свою работу в Армении еще в 1997 году при предыдущих властях.

- Экс-президент Kocharyan: раньше фонд Сороса работал «на уровне маргинальных неправительственных организаций», а при Пашияне весь его состав влился во власть.

- Экс-глава СНБ Vanetsyan: фонд Сороса представляет угрозу для страны.

- Агентство США по международному развитию (USAID) планирует продолжить свою деятельность по «укреплению гражданского общества» в Армении.

Сотрудники организации убеждены, что ситуация в республике требует организации диалога между гражданским обществом и руководством страны. Активное население должно внести свой вклад в реализацию политики Армении, приводит текст сообщения USAID телеканал RT [10].

В Вашингтоне считают, что необходимо улучшить финансовую устойчивость НКО гражданского общества в Армении. Это благоприятно отразится на усилении их организационного потенциала, уверены в USAID.

Ранее стали известны окончательные результаты парламентских выборов в Армении. По данным ЦИК, партия исполняющего обязанности премьер-министра страны Никола Пашияна набрала 53,91% голосов.

Вступившие в Российской Федерации в законную силу поправки в нормативно-правовую базу предполагают, что иностранные агенты раз в 6 месяцев должны будут предоставлять полный отчет об осуществлении своей деятельности и о финансовых тратах зарубежных средств.

Не так давно на государственном уровне в республике Армения обсуждался актуальный и достаточно проблемный вопрос о принятии подобного с Россией законопроекта в отношении иноагентов. НКО, которые получают на реализацию основной деятельности денежные средства от западных источников, практически мгновенно отметили, что выдвинутое им требование относительно публичности распространяется только лишь на действующие государственные органы. Именно поэтому такого рода организации, как Союз информированных граждан, Фонд Открытого общества (Фонд Сороса), Хельсинская гражданская ассамблея Ванадзора, журналистский клуб Аспарез, и другие единовременно выступили категорически против принятия такого законодательства.

Заметим, что после карабахской войны 2020 года об осуществляющей деятельности западных НПО стали говорить все чаще так как по мнению

многих граждан, такие организации фактически разрушают существующие до этого основы государственности республики, сложившиеся временем семейные ценности и соответственно влияют на ее ближайшее и далекое будущее [13].

Особо важно отметить, что влияние на происходящие внутри- и внешне-политические процессы действующих в республике НПО, систематически получающие финансирование с западных источников, продолжают оказывать значительное влияние на сложившуюся ситуацию.

При этом важно подчеркнуть, что 26 в самих западных странах, в частности США, осуществляющих давление на Россию и ее союзников, с НКО требуют систематически отчитываться как об осуществляющей ими деятельности, так и о получаемом финансировании.

Определенная часть населения относится к НПО как к организациям, сидящим на грантах и распыляющим ограниченные ресурсы, и создание новых НПО, рассматривают с этой точки зрения. Есть люди, понимающие истинную миссию НПО и их ожидания, соответствуют этим представлениям. Часть наших бенефициариев ожидают не сиюминутного удовлетворения своих насущных нужд, но разрешения более глобальных проблем, реформирования сферы, изменения качества жизни, что и является ролью НПО в демократизации. Да, можно назвать НПО костяком гражданского общества, но, надо отметить, что не все НПО, представляют интересы общества или каких-то социальных групп. Есть искусственно созданные НПО, называемые GONGO. Можно считать их частью гражданского общества. Они защищают не интересы общества, а интересы отдельных личностей или узких групп [11].

Конечно, такого рода сложившаяся ситуация не является отличительной особенностью республики Армения или всего армянского общества.

Не приходится ни коим образом сомневаться и в том, что существенно искаженный информационный контекст на сегодня пытаются активно применять на практике в том числе и внешние недоброжелатели республики Армения в целях ее «геополитического воспитания». Так, 6 мая перед посольством Российской Федерации в Ереване была проведена акция протеста сформированной группы «активистов», которые пришли с плакатами, на которых, можно было наблюдать: «Россия, убрайся из нашей страны!», «Газпром, вон из Армении!», «Россия, уходи из Армении!». Были и несколько «развернутые» тезисы, к примеру, такие как: «Результаты российской политики повышения цен на газ – миграция, социальные, экологические проблемы. Нищета!».

К сформированной российской политике, реализуемой на практике на Южном Кавказе, а именно по отношению к республике Армения, вполне можно предъявить много претензий, главная из многочисленного перечня которых – это отсутствие духовно-цивилизационного или, идеологического

компонента надлежащего сотрудничества. Отсюда и достаточно явно проявляется недостаточный потенциал существующей опоры на формируемое общественное мнение, и соответственно приоритет сиюминутных интересов наиболее крупных корпораций в ущерб долгосрочному взаимовыгодному взаимодействию. Однако в современной сложившейся ситуации достигнутый на сегодня уровень двустороннего взаимодействия – это уже немало, особенно если отметить, что речь идет о национальной безопасности республики Армения, которая находится в достаточно сложном геополитическом окружении и которая имеет совершенно неурегулированный нагорно-карабахский конфликт.

Заключение. «После «бархатной революции» деятельность в Армении религиозных, общественных, гендерных организаций, прежде действовавших достаточно осторожно, приобрела «второе дыхание». НПО в Армении выполняют ряд специфических задач, не исключая лоббистские и разведывательные. Данное обстоятельство прямо затрагивает сферу национальной безопасности, непосредственно влияет на отношения с основными военно-политическими союзниками и торговыми-экономическими партнерами.

В первую очередь это касается российско-армянских отношений как фактора обеспечения национально-государственных интересов Республики Армения и ключевого фактора военно-политической стабильности в Кавказском регионе. Любой шаг в сторону армяно-российского сближения встречает негативную реакцию со стороны местных НПО и СМИ, финансируемых с участием структур западной «мягкой силы». Возрастающая роль транснациональных структур на постсоветском пространстве и на Кавказе, в частности, не может не учитываться Москвой при определении среднесрочных и долгосрочных внешнеполитических ориентиров в странах «ближнего зарубежья», включая пространство ОДКБ и Евразийского экономического союза» [6].

Помимо колоссального ущерба существующим национальным и соответственно государственным интересам, это неизбежно возникающая «моральная шизофрения», двоемыслие, когда в реальности человек думает одно, но на публику вынужден транслировать совершенно другое, что неизбежно влияет и на общественное сознание, причем не в лучшую сторону…

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ананкин С.В. Институциональные и политические условия общественного участия в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).
2. Басов О.Н. Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием некоммерческих организаций (на примере современных США) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77).

3. В Армении прозападные НКО активно входят во власть – эксперты бывают тревогу // <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/30/v-armenii-prozapadnye-nko-aktivno-vhodyat-vo-vlast-eksperty-byut-trevogu>.

4. Давидченко А.В., Тюков Н.Л., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л. Технологии противодействия протестным акциям в Белоруссии в 2020-2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

5. Денисенко П.В. Big Data в системе отношений «государство-общество»: потенциал и некоторые сферы применения (на примере США) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).

6. Деятельность неправительственных организаций в Республике Армения // <https://noev-kovcheg.ru/mag/2013-12/3918.html>.

7. Койбаев Б.Г., Наджарян А.Б. Проблемы развития неправительственных организаций в Республике Армения // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 5 (39).

8. Макаренко К.М., Панкратов С.А., Панкратова Л.С. Трансформация гражданского протesta в современной России: выбор форм онлайн и офлайн активности // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

9. Медведев Н.П. К вопросу о сущности понятия «нациестроительство». Размышления над прочитанным // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72).

10. НПО в Армении: «буревестники демократии» и инструментарий внешнего управления // <https://vpoanalytics.com/2019/12/02/npo-v-armenii-burevestniki-demokratii-i-instrumentarij-vneshnego-upravleniya/>.

11. Обзор деятельности неправительственных организаций в Республике Армения // <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/obzor-deyatelnosti-nepravitelstvennykh-organizatsiy-v-respublike-armeniya/>.

12. Осипов А.В. Политические партии как проблемный кластер консолидации политической власти современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78).

13. Поддержка гражданского общества в Армении жизненно важна // <https://kadara.ru/novosti/obshhestvo/201634-soros-podderzhka-grazhdanskogo-obshhestva-v-armenii-zhiznenno-vazhna/>.

B.G. KOIBAEV

Doctor of Political Sciences, Professor

North Ossetian State University K.L. Khetagurov,

Vladikavkaz, Republic North Ossetia

Alania, Russia

A.B. NADZHARYAN

Post-graduate student, North Ossetian

State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic

North Ossetia Alania, Russia

ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Civil society institutions, and above all non-governmental organizations, play an important role in the formation and development of democratic tendencies in modern States. The study of various aspects of the activities of non-governmental organizations is an important scientific direction in modern political science. The authors of the article attempt to investigate the activities of formed non-governmental organizations in the modern Republic of Armenia. On the basis of a variety of empirical material, the development and functioning are considered, as well as the role and influence of non-governmental organizations in the development of civil society in the Republic of Armenia is revealed. The authors note that the activities of the formed non-governmental organizations in modern Armenia are quite contradictory.

Key words: Republic of Armenia, civil society, non-governmental organizations, Soros Foundation, “Velvet Revolution”.

*доктор философии (PhD) по политическим наукам,
заведующий кафедрой гуманитарных и экономических наук*

*Регионального центра переподготовки и повышения квалификации
работников народного образования Сурхандарьинской области,
Республика Узбекистан, г. Терmez*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГРОЗОУСТОЙЧИВОГО ОБЩЕСТВА

В статье приводятся результаты проведенного авторами исследования по проблемам влияния деструктивных идей и групп на личность, государство, безопасность общества, формирования у молодежи ассертивного поведения и культуры потребления информации, а также выводы и практические предложения по данным вопросам. Указывается место и роль государства в формировании угрозоустойчивого общества.

Ключевые слова: угроза, риск, общества, факторы, geopolitika, стабильность.

Новые социально-политические условия, возникающие в мировой политике, процессы глобализации, усиливающиеся тенденции сотрудничества между странами и необходимость использования неиспользуемых возможностей становятся все более и более актуальными. Ведь в этой международной системе запрещено совместно бороться с современными рисками и угрозами, создавать благоприятный инвестиционный климат в мире, согласованно предотвращать и бороться с ними, что негативно сказывается на суверенитете страны. Вот в такой ситуации возникает необходимость и потребность в своевременно реагирующей системе, в которой любое государство сталкивается со своими собственными реальными и потенциальными рисками.

Сегодня как отмечает, Ш.И. Пахрутдинов «В международной политике происходят своеобразные процессы. В межгосударственных отношениях метод «воздействия на другого» перешел в самую сложную стадию – духовную. Теперь государства ликвидируются другими государствами не с помощью оружия, силы, богатства, а с помощью духовно-идеологических движений. Стремящиеся к гегемонии государства свои политические, стратегические, geopolitika, экономические средства используют для раз-

рушения экономической, политической и духовной стабильности других государств» [14. С. 73].

Согласно теории гегемонистской стабильности, если положение гегемона на международной арене начинает ослабевать, то мировая хозяйственная система перестает быть столь открытой как ранее и приобретает конфликтный характер.

Многие научные центры мира говорят о том, что в нынешнем процессе глобализации «не допускать посягательств на сознание личности, формировать сильную духовность в сознании каждого, защищать молодежь от деструктивных групп, в сознании каждого гражданина нашего общества, основанного на национальных и духовных ценностях».

Следует подчеркнуть, что в работах узбекских, российских и других зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 15; 16; 17; 18].

Однако проблему формирования угрозоустойчивого общества нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В эпоху глобализации значительно изменилась социальная структура общества, на смену одним социальным группам пришли другие, поменялись их социальный статус и роль, соотношение, появились различного рода и направления общественные организации. И, несомненно, подверглось и подвергается трансформации и сознание этих групп.

Надо отметить что, в процессе реформирования общества возрастает внутри- и межгрупповая динамика, имеет место размытость границ между различными группами, подвижность отдельных членов общества в межгрупповой среде, что нередко выражается в недостаточно четкой групповой позиции личности.

Объективные и субъективные ситуации в стране и всех сферах общественной жизни, включая духовную, выводят на первый план массовое сознание, признаками которого выступают: вытеснение рациональных компонентов иррациональными, преобладание эмоций и чувств, уменьшение уверенности в завтрашнем дне, снижение социальной активности. В этих условиях становится актуальным и практически необходимым анализ истоков этих процессов, выявление тенденций их развития, требуется конкретизация положений и нахождение пути преодоления препятствий. Наибольшее проявление эти процессы находят у молодежи. Формирование этой группы шло в условиях, когда обозначилась резкая поляризация различных слоев общества не только по уровню жизни, но и по взглядам на жизнь, по типу политических и идеологических ориентаций, отношению к целям и смыслу собственной жизни.

Многие исследователи проблем молодежи открыто признают, что произошли значительные деформации сознания молодежи. Они выразились в «крахе идеалов», негативном отношении к истории и традициям таджикского общества, росте социального нигилизма, стремлении к «независимости» от общества, понятой как вседозволенность. Решение этой задачи способствовала разработка научных основ молодежной политики со стороны правительства страны [1].

Состав ассертивного поведения является одним из важнейших и актуальных вопросов. Это один из факторов, который послужит залогом безопасности человека в будущем, а также для обеспечения безопасности общества и государства.

Проблема конфликтов, угрожающих обществу, становится все более распространенной, и государства делают все возможное, чтобы вместе бороться с ней, «создавать безопасное пространство» для достижения общего консенсуса. Актуальность данной проблемы выражается в том, что особое внимание уделяется особенностям светских и религиозных изменений, новым механизмам безопасности, приоритету общечеловеческих интересов, просвещения и религиозной толерантности, факторам устойчивого развития стран, формирующих гражданское общество в мир.

Специфика сложившейся общественно-политической ситуации определяет специфику социально-психологической ситуации и развития гражданского общества в современном Узбекистане, что требует осмыслиения и анализа не только экономистами и политиками, но и социальными психологами. Ученые и исследователи привыкли проливать больше света на причины развития общества и человечества, решая теоретические проблемы, интерпретируя, объясняя общие законы. Но нужны практическая работа и научные исследования, которые ускорят общественное развитие и развитие человеческого мышления, обеспечат его гармоничный переход в духе времени и народа. Ведь именно этого требуют радикальные общественно-политические реформы, происходящие в нашей стране.

Следует отметить что, в данном контексте одним из наиболее актуальных вопросов является формирование у молодежи нового мировоззрения, ее психологическая подготовка к новым демократическим отношениям.

Сегодня на территориях стран мира действует ряд деструктивных группировок, которые вызывают ряд проблем в политической, социокультурной и образовательной жизни этих стран. Только в Российской Федерации в качестве деструктивных групп зарегистрировано более 400 организаций. К сожалению, и в нашей стране некоторые группы стремятся различными способами воздействовать на молодежь, создавая серьезную угрозу общественной и государственной безопасности в религиозной, культурной, духовной, социальной и политической сферах.

В республике проводится значительная работа по выполнению задач в этой сфере, обеспечению общественной безопасности, развитию национальной идеологии, укреплению масштабного межнационального диалога, обеспечению межрелигиозной толерантности.

Как отметил глава нашего государства Шавкат Мирзиёев: «Никогда не будет идеологического вакуума. Потому что сердце, мозг и разум человека никогда не перестают получать информацию, думать и подвергаться влиянию. Поэтому ему всегда нужна духовная пища. Скажите, что произойдет, если он не получит эту пищу из среды, в которой живет, или если эта среда его не удовлетворит? Он постепенно ищет такую пищу в другом месте. Мы не должны допустить, чтобы это произошло» [19].

В процессе искусственного сохранения противоречий открылся широкий путь к практике целенаправленной «обработки» в умах общества, групп и отдельных лиц. Владельцы такого «вредного эксперимента» для генофона-да человека имеют возможность безнаказанно продолжить свою карьеру. Многие социальные и политические группы слепо повиновались желаниям «очень опытных» мошеннических корпораций исполнять их волю. Для дальнейшего манипулирования ими была подчеркнута ложная идея «инстинкта вечной взаимной вражды». На заре XXI века немногие из этих проблем были настолько обременительными, насколько это возможно.

Традиционные противоречия все еще не разрешены, и закладывается основа для их «нового поколения». Различные политические и идеологические группы, которые используют конфликты в своих интересах, намеренно обостряют новые конфликты на этнической, национальной и религиозной почве.

Невозможно добиться процесса гармонизации образовательных и моральных аспектов формирования политики с подходами, основанными на абсолютной абсолютности системы интересов. К сожалению, практика абсолютного эгоизма является единственным способом внешней политики многих стран. Хотя человечество отошло от крупномасштабных конфликтов из-за неспособности отказаться от старого подхода к системе глобальных, региональных и локальных конфликтов, как отмечалось выше, оно страдает от «мелких» конфликтов. На современном этапе развития содергание реформ в области безопасности требует фундаментальных знаний и исследований. Это связано с тем, что формирование новых парадигм в области науки, особенно в области безопасности и стабильности, требует проведения глубоких научных исследований для оценки, прогнозирования и предотвращения новых видов угроз и вызовов в быстро меняющемся мире.

Следует отметить, что, неурегулированные локальные конфликты оказывают негативное влияние на региональную и национальную безопасность своими последствиями.

К основным из них можно отнести:

- распространение сепаратизма из зон, охваченных конфликтами на прилегающие государства;
- сращивание сепаратизма и экстремизма с терроризмом;
- увеличение миграционных потоков из зон конфликтов;
- расширение масштабов организованной преступности, наркотрафика, незаконного оборота оружия и боеприпасов на прилегающие к зонам конфликтов территории, распространение религиозных и межэтнических противоречий на сопредельные территории [8].

В результате существующий порядок в социальных процессах подрывает естественную тенденцию к целостности. По-видимому, сегодня пришло время людям осознать, что приоритетом является не философия борьбы противоречий во имя единства и стабильности Вселенной, а идея взаимной «гармонии», которую наше мышление еще не смогло переварить. Вместо идеи «борьбы противоречий», которая сегодняочно укоренилась в умах большинства людей, идея «солидарности» должна иметь приоритет. Теперь подход к противоречиям как проявлению «побеждающего» государства на пути просветительского формирования этих «отношений» является требованием сложного исторического этапа. Напротив, возможно, что даже положительные процессы, происходящие в мире, не сработают, если не отказаться от старого понимания существующей школы.

В частности, давайте посмотрим на многополярность мира, который происходит в наших умах. Хотя идея этого все еще неясна, мировое сообщество с нетерпением ожидает этот процесс в интересах демократизации межгосударственных отношений.

В конце концов, эта тенденция является естественным следствием фрагментации противоречия между «капитализмом» и «социализмом», которые до недавнего времени угрожали народам мира. В то же время этот позитивный процесс создает некие «центры силы», которые стремятся приблизиться к решению глобальных проблем из системы собственных интересов. Разрешение возможных конфликтов между ними на основе демократического подхода, а не на основе традиций, требует огромного теоретического и практического потенциала передовых политических сил и лидеров. Это, в свою очередь, связано со способностью многих элементов, вовлеченных в конкретную проблему, изменять свое мировоззрение. Однако процесс формирования многополярного мира продолжается, и сложно сказать, способен механизм удержать его в приемлемой системе то, что создано.

Такая ситуация может привести к появлению противоречий на новой основе. Ведь чем больше полюсов, «центров силы», тем больше расширяется масштаб разнообразия в их интересах. Хотя появление полюсов и их дальнейшее увеличение численности является положительной тенденцией в плане стабильности в мире, относительно беззаботная жизнь человечества зависит от преобладания сходства между этими различиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авазов К.Х.* Идеологические угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе, и их взаимосвязь // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4.
2. *Ананченко А.Б., Глухов А.П.* Политические молодежные треки: образы будущего, политический активизм, лояльность и протест (на опыте Западно-Сибирского региона) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82).
3. *Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Джанкадыров С.С.* Tolerance as the Basis of Political Culture and Ensuring Stability in the Society/Толерантность как основа политической культуры и обеспечения стабильности в обществе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 1 (41).
4. *Аюпова З.К.* О социо-культурных особенностях формирования мировоззрения тюрков // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 6 (40).
5. *Богапова А.В., Макаренко К.М.* Популистская риторика современных протестов: на примере протестных движений в регионах России во втором десятилетии XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
6. *Давидченко А.В., Тюков Н.Л., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л.* Технологии противодействия протестным акциям в Белоруссии в 2020-2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
7. *Кадыров У.Д.* Защита молодежи от деструктивных идей как социально-психологическая проблема // Школа будущего. 2016. № 3.
8. *Кадыров У.Д., Авазов К.Х.* Социально-психологические аспекты информационных угроз // Мир образования – образование в мире. 2021. № 4 (84).
9. *Кучкоров Х.* Современный подход к молодежи в качестве стратегического ресурса // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76).
10. *Ляховенко О.И.* Качество жизни и политическая устойчивость: к постановке проблемы // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).
11. *Маканбаев Б.М.* Приграничные конфликты в Центральной Азии: варианты разрешения и стабилизации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
12. *Мальсагов Р.А.* Фундаментализм в современном мусульманском обществе: неотрадиционализм и радикализм // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
13. *Махмадиев Н.Д.* Проблемы социально-философского определения понятия «экстремизм», «терроризм», «фундаментализм» в аспекте их взаимосвязи и взаимодополняемости // «Фуқаролик жамиятини ривожлантириш жараённда ёшлар ижтимоий фаоллигини ошириш омиллари». Республика илмий-амалий анжумани материаллари. Самарқанд: СамДЧТИ, 2018.

-
14. Пахрутдинов Ш.И. Угрозоустойчивое общество в качестве фактора развития государства и общества // Конфликтология. 2016. № 4.
 15. Рузавина А.К., Табареков Д.М. Радикализация молодежной среды как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).
 16. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).
 17. Сыздыкова Ж.С., Белова Л.В. Молодежная политика в Республике Казахстан: состояние и тенденции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82).
 18. Taxir Моҳаммад Taxir, Эришад Аҳмад Сијар. Геополитические последствия трансформации афганской государственности после прихода к власти талибов для стран Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).
 19. Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.М. Мирзиёевнинг 2017 йил 15 июнь куни Тошкент шаҳрида «Ижтимоий барқарорликни таъминлаш, муқаддас динимизнинг соғлигини асраш – давр талаби» мавзуидаги анжу-манда сўзлаган нутқи // <http://uza.uz/oz/politics/vatanimiz-ta-diri-va-kelazhagi-y-lida-yanada-amzhi-at-b-lib-15-06-2017>.

K.H. AVAZOV

*PhD in Political Sciences, Head of the Chair
for humanities and economic sciences at the Regional
Center for Retraining and Advanced Training of Public Education
Workers of Surkhandarya region, Termez,
Republic of Uzbekistan*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF A THREAT-RESISTANT SOCIETY

The article presents the results of the research conducted by the authors on the problems of the influence of destructive ideas and groups on the individuals, the state, and the society. The research was also conducted on the formation of assertive behavior and culture of information consumption among young people, the article also presents conclusions and practical suggestions on these issues. The place and role of the state in the formation of a threat-resistant society is indicated.

Key words: threat, risk, societies, factors, geopolitics, stability.

кандидат политических наук,

доцент Высшей школы международных отношений

Гуманитарного института Санкт-Петербургского

политехнического университета Петра Великого (СПбПУ),

Россия, г. Санкт-Петербург

ВАН МИНЦЮНЬ

магистрант Высшей школы международных

отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского

политехнического университета Петра Великого (СПбПУ),

Россия, г. Санкт-Петербург

ОТНОШЕНИЕ КРУПНЕЙШИХ СТРАН МИРА К AUKUS

Данная статья посвящена недавно созданному альянсу Трехстороннего партнерства в области безопасности (*AUKUS*). Появление альянса вызвало противоречивую реакцию в мире. В статье анализируются позиции некоторых стран к созданному альянсу и его назначению. Авторы рассматривают цели и приоритеты альянса, отношение международного сообщества к формированию альянса. Согласно проведенному исследованию, отношение большинства стран к данному союзу можно условно разделить на три категории: позитивное, скептическое и нейтральное отношение. Целью исследования является анализ и сравнение различных теорий и мнений по поводу создания альянса *AUKUS*. В работе использовались эмпирические методы исследования, поиск и анализ информации из средств массовой информации, анализ и сравнение данных, сопоставление и обобщение.

Результаты. *AUKUS* – это новая комбинация «особых отношений между США и Великобританией» и альянса между США и Австралией, а также альянс так называемых «англосаксонских демократических стран», подчеркивающий идеологический антагонизм. Это союз, основанный на субъективных предположениях и нацеленный на общие цели в области обороны. По сути, можно сказать, это союз для коллективного сдерживания Китая и России. *AUKUS* имеет серьезный риск распространения ядерного оружия. Все это показывает, что мотивация Соединенных Штатов, Великобритании и Австралии спровоцировать «новую холодную войну» была нескрываемой.

Выводы. Несмотря на положительное отношение некоторых стран, авторы все же приходят к выводу, что создание *AUKUS* отражает воз-

рождение мышления времен холодной войны, которое неизбежно будет стимулировать эскалацию региональной гонки вооружений, и это серьезно поставит под угрозу мир, безопасность и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: AUKUS, трехстороннее партнерство, сотрудничество, безопасность и оборона, ядерное оружие, региональный мир и стабильность, США, Австралия, Соединенное Королевство.

15 сентября 2021 года лидеры Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Австралии объявили о создании Трехстороннего партнерства в области безопасности (AUKUS). Совместное заявление имеет четыре приоритета: во-первых, для укрепления дипломатического сотрудничества, сотрудничества в области безопасности и обороны в «Индо-Тихоокеанском» регионе, укрепления «обмена и интеграции» и «поддержания мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе»; во-вторых, «использовать опыт Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, чтобы помочь Австралии как можно скорее получить атомные подводные лодки» на основе проектов подводных лодок двух стран; в-третьих, для сосредоточения на киберпространстве, искусственном интеллекте, квантовых технологиях, подводных возможностях и других новых областях технологий для дальнейшего сотрудничества; в-четвертых, для содействия более глубокому обмену информацией и технологиями, содействия «глубокой интеграции» науки, технологий, промышленной базы и цепочки поставок в области безопасности. Формирование AUKUS является важным шагом администрации Байдена по укреплению своей стратегии глобального альянса, а также ее конкретной инициативой по продвижению «Индо-Тихоокеанской стратегии» США, которая окажет важное влияние на региональный мир и стабильность. В настоящее время международное сообщество придерживается следующего отношения к формированию альянса.

1. Скептическое отношение.

В ответ на создание AUKUS многие страны выразили обеспокоенность по поводу того, какое влияние это окажет на региональный мир и стабильность.

По данным агентства Reuters, Малайзия и Индонезия выразили обеспокоенность тем, что AUKUS может привести к гонке вооружений в Азии. Министр иностранных дел Малайзии заявил, что, хотя ядерное оружие не входит в план, Малайзия и Индонезия имеют серьезные оговорки по поводу решения Австралии о покупке атомных подводных лодок [10]. Более того, когда малазийская газета «Сингчжуо Дейли» сообщила о выступлении министра иностранных дел Китая Ван И на Шестой встрече министров иностранных дел AsiaInfo, в ней упоминалось, что 29 сентября министр ино-

странных дел Китая созвонился с министром иностранных дел Малайзии и министром иностранных дел Брунея. Он также выразил серьезную озабоченность по поводу AUKUS и планов Соединенных Штатов, Великобритании и Австралии осуществлять техническое сотрудничество по атомным подводным лодкам, заявив, что этот шаг может принести пять опасностей региону и спровоцировать оппозицию в регионе [2].

Член Государственного совета Китая и министр иностранных дел Ван И заявил, присутствуя на Шестой встрече министров иностранных дел Азии: «Создание Трехстороннего партнерства в области безопасности (AUKUS) между Соединенными Штатами, Великобританией и Австралией и план сотрудничества в области атомных подводных лодок создадут риски распространения ядерного оружия в регионе, вызовут новый виток гонки вооружений, нанесут ущерб региональному миру и стабильности, нарушают строительство безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии и вызовут возрождение мышления времен холодной войны. Многочисленные опасности привлекли повышенное внимание и бдительность международного сообщества, особенно азиатских стран» [1].

Кроме того, Ван Вэньбинь, пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китая, также опроверг утверждение Соединенных Штатов о сотрудничестве с AUKUS. Ван Вэньбинь заявил, что сотрудничество с атомными подводными лодками в рамках Трехстороннего партнерства в области безопасности AUKUS сопряжено с серьезным риском распространения ядерного оружия, что явно нарушает цели и задачи Договора о нераспространении ядерного оружия. Хотя Соединенные Штаты утверждают, что можно определить, что уран не будет использоваться для создания ядерного оружия, словесных обещаний недостаточно. В конце концов Соединенные Штаты также пообещали не способствовать расширению НАТО на восток, но результат очевиден [8].

Министр иностранных дел России С.В. Лавров считает, что создание AUKUS направлено на демонтаж давней стабильной и универсальной модели сотрудничества в Восточной Азии. Это система для Соединенных Штатов, чтобы ослабить необходимость уважения неделимости безопасности в Восточной Азии и ограничить цели развития Китая [3].

В настоящее время главы государств Китая и России совместно выразили свою озабоченность и осуждение Альянса AUKUS, созданного Соединенными Штатами, Соединенным Королевством и Австралией в «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о вступлении в новую эру международных отношений и глобального устойчивого развития». Китай и Россия считают, что такие действия противоречат задаче обеспечения безопасности и устойчивого развития Азиатско-Тихоокеанского региона, повышают риск начала гонки вооружений в регионе и создают серьезный риск распространения ядерного оружия [7].

2. Позитивное отношение.

Кроме того, некоторые страны выразили поддержку созданию AUKUS.

Американский веб-сайт «Дипломатический ученый» сообщил, что реакция стран Юго-Восточной Азии на AUKUS была сложной и противоречивой. Самый смелый ответ в поддержку AUKUS пришел с Филиппин. Министр иностранных дел Филиппин Теодоро Локсин похвалил AUKUS и сказал, что это помогло «укрепить возможности доставки электроэнергии соседним союзникам, и должно восстановить и поддерживать баланс в регионе» [13].

Будучи союзником Соединенных Штатов по договору, Япония приветствует AUKUS как «усиление своего участия в Индо-Тихоокеанском регионе», а Япония и Австралия недавно подписали знаковое оборонное соглашение, основанное на Соглашении AUKUS [11; 6].

Отношение Южной Кореи к AUKUS больше похоже на отношение Японии. Хотя правительство Южной Кореи не опубликовало официального заявления о создании альянса, президент Мун Чжэ Ин подчеркнул, что соглашение способствует региональному миру и поддерживает решение Австралии о покупке подводных лодок [12]. Кроме того, Южная Корея также подписала с Австралией оборонное соглашение на сумму 717 миллионов долларов США о продаже оружия Австралии, и Австралия обещает увеличить поставки полезных ископаемых в Южную Корею в будущем, чтобы уменьшить свою зависимость от китайских полезных ископаемых [9].

3. Нейтральное отношение.

Будучи крупной страной в Азии, Индия не имеет четкой официальной позиции по AUKUS и лишь подчеркивает различие между AUKUS и QUAD [14]. Однако бывший индийский военный офицер заявил в социальных сетях, что Соединенные Штаты отказались делиться ядерными технологиями с Индией на основании «несоблюдения закона», но теперь они «говорят одно и делают другое», поставляя технологии атомных подводных лодок в Австралию [4].

Франция, которая в настоящее время непосредственно «пострадала» от AUKUS, напрямую не возражала против союза. С одной стороны, она выразила свой гнев и сожаление по поводу того, что была исключена из сотрудничества с Австралией, Соединенными Штатами и Соединенным Королевством. С другой стороны, она воспользовалась возможностью, чтобы подтвердить в Европейском Союзе необходимость и срочность Европы для укрепления «стратегической автономии», интеграции военно-промышленной системы ЕС и повышения военного потенциала [5].

Для достижения развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе необходимы мир и сотрудничество. После многих лет напряженной работы различных стран Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в самый динамичный и потенциальный регион в мире. Он является главным двигателем

мирового экономического роста. Стремление к миру, стремление к развитию и содействие сотрудничеству стали основными целями Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако для достижения этой цели, особенно в условиях эпидемии, странам Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно великим державам, еще более необходимо отказаться от менталитета холодной войны и модели групповой конфронтации, прекратить военное сдерживание и силовую конфронтацию, избегать стимулирования гонки вооружений и нарушения регионального порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван и чу си я синь ди лю цы вай чан хуй и 王毅出席亚信第六次外长会议 [Ван И принял участие в 6-й встрече министров иностранных дел стран Азии] // Чжун го вай цзяо бу 中国外交部 [Министерство иностранных дел Китая]. 2021 // https://www.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202110/t20211012_9552507.shtml.
2. *Van И* 王毅. Я чжоу го цзя ин жэнь цин AUKUS юй мэй го инь тай чжань э бэнь чжи 亚洲国家应认清AUKUS与美国印太战略本质 [Азиатские страны должны признать суть AUKUS и индо-тихоокеанской стратегии США] // Malaysia Sin Chew Daily. 2021 // <https://www.sinchew.com.my/?p=3349997>.
3. Лавров: создаваемые США альянсы AUKUS и Quad размывают форматы сотрудничества в АТР // Тасс: информационное агентство. 2 окт. 2021 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12562757>.
4. Мэй цзой фэнь сян хэ цзи шу инь ду цзао «пао ци» 美拒分享核技术 印度遭«抛弃» [США отказываются делиться ядерными технологиями, Индия «брошена»] // Takungpao. 2021 // <http://www.takungpao.com/news/232111/2021/0922/634874.html>.
5. *Цуй Хунцзянь* 崔洪建. AUKUS дуй оу мэн «чжань э цзы чжу» цзянь шэ дэ ин сян AUKUS 对欧盟«战略自主»建设的影响// 国际网 [Влияние AUKUS на построение «стратегической автономии» ЕС] // Cfisnet. 2021 // <http://comment.cfisnet.com/2021/1117/1324354.html>.
6. *Чжсан Цзянпин* 张江平. Ao да ли я хэ жи бэнь цянь шу цзя цян фан у гуань си се и // хуань цю ван 澳大利亚和日本签署加强防务关系协议 [Австралия и Япония подписали соглашение об укреплении отношений в области обороны] // Global network. 2022 // <https://world.huanqiu.com/article/46I77rA5RsN>.
7. A new U.S. alliance responding to the Chinese threat reignites ages-old tensions with France // Online media «Washington post». Sep. 16, 2021 // <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/09/15/new-us-alliance-responds-chinese-aggression-us-military-complacency/>.
8. China refutes U.S. claim concerning AUKUS cooperation // Xinhua. 2021 // http://www.news.cn/english/2021-12/17/c_1310379545.htm.

-
9. *Colin Packham*. Australia signs \$717 million defence deal with South Korea's Hanwha // Reuters. Dec. 13, 2021 // <https://www.reuters.com/markets/commodities/australia-signs-717-million-defence-deal-with-south-koreas-hanwha-2021-12-13/>.
 10. Indonesia, Malaysia concerned over AUKUS nuclear subs plan // Reuters. Oct. 18, 2021 // <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indonesia-malaysia-start-work-travel-corridor-2021-10-18/>.
 11. *Jagannath Panda*. Is "AUKUS Plus" a Viable Option? // The diplomat. Jan. 26, 2022 // <https://thediplomat.com/2022/01/is-aokus-plus-a-viable-option/>.
 12. *Sea Young (Sarah) Kim*. AUKUS, Alliance Coordination, and South Korea // Kei. Jan. 4, 2022 // <https://keia.org/the-peninsula/aukus-alliance-coordination-and-south-korea/>.
 13. *Sebastian Strangio*. Malaysian Defense Minister Hoping for ASEAN Consensus on AUKUS // The diplomat. Oct. 13, 2021 // <https://thediplomat.com/2021/10/malaysian-defense-minister-hoping-for-asean-consensus-on-aukus/>.
 14. Transcript of Foreign Secretary's special briefing on Prime Minister's visit to USA // Ministry of external affairs, government of India. Sep. 21, 2021 // https://mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/34292/Transcript_of_Foreign_Secretarys_special_briefing_on_Prime_Ministers_visit_to_USA.

WANG JUNTAO

*Political candidate Sci., Associate Professor
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia*

WANG MINGJUN

*Student of the Graduate School of International
Relations of the Humanities Institute, Peter the Great
Saint Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia*

THE ATTITUDE OF THE LARGEST COUNTRIES OF THE WORLD TO AUKUS

This article is devoted to the recently created Trilateral Security Partnership Alliance (AUKUS). The appearance of the alliance caused a contradictory reaction in the world. The article analyzes the attitude and positions of some countries expressed towards the alliance and its purpose. The author examines the goals and priorities of the alliance, the attitude of the international community to the formation of the alliance. According to the study, the attitude of most countries to this union can be divided into three categories: positive, skeptical and neutral

attitude. The purpose of the study is to analyze and compare various theories and opinions about the creation of the AUKUS alliance. Empirical research methods, search and analysis of information from mass media, analysis and comparison of data, comparison and generalization were used in the work.

Results. *Summing up, AUKUS is a new combination of the “special relationship between the United States and Great Britain” and the alliance between the United States and Australia, as well as the alliance of the so-called “Anglo-Saxon democratic countries”, emphasizing ideological antagonism. This is an alliance based on subjective assumptions and aimed at common goals in the field of defense. In fact, we can say that this is an alliance for the collective containment of China and Russia. AUKUS has a serious risk of nuclear proliferation. All this shows that the motivation of the United States, Great Britain and Australia to provoke a “new cold war” was undisguised.*

Conclusions. *Despite the positive attitude of some countries, the author nevertheless comes to the conclusion that the creation of AUKUS reflects the revival of Cold War thinking, which will inevitably stimulate the escalation of the regional arms race, and this will seriously jeopardize peace, security and stability in the Asia-Pacific region.*

Key words: *AUKUS, trilateral partnership, cooperation, security and defense, nuclear weapons, regional peace and stability, USA, Australia, United Kingdom.*

*кандидат политических наук, доцент
Московского государственного лингвистического
университета, Россия, г. Москва*

П.А. ЗУЕВА

*студентка Московского государственного
лингвистического университета,
Россия, г. Москва*

ГЕРМАНИЯ И США. РЕТРОСПЕКТИВА И БУДУЩИЙ ХАРАКТЕР ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье представлено исследование основных проблем в двусторонних отношениях Германии и США в XX в., спровоцированных внешними и внутренними факторами. Основная цель работы состоит в изучении актуальности американо-германских двусторонних отношений для двух акторов мировой политики, а также в выявлении основных причин появления кризисных явлений партнерстве Германии и США и прогнозировании динамики ситуации в дальнейшем. На основе проведенного автором исследования подтверждается падение активности американо-германских контактов на фоне снижения взаимного доверия и уважения. Автор отмечает невозможность быстрого восстановления прежнего качества отношений между Берлином и Вашингтоном даже при смене политической элиты обеихдержав.

Ключевые слова: внешняя политика, Германия, Европа, Европейский союз, импорт, международные отношения, НАТО, «Северный поток – 2», США, Трансатлантическое партнерство, экспорт.

США – относительно молодое государство, появившееся на мировой арене в конце XVIII в., которое уже к началу XX в. стало одним из наиболее влиятельных акторов мировой политики. Если в XIX в. североамериканская держава расширяла сферу своего влияния преимущественного на страны Латинской Америки за счет осуществления экспансии, то в XX в. она уже ориентировалась на достижение мировой гегемонии путем усиления зависимости других государств от двустороннего сотрудничества с США.

Североамериканская держава ориентировалась на страны Восточного полушария, преимущественно страны Европы. Этот регион являлся колы-

белью господствующей мировой системы, а также отличался высокой скученностью государственных единиц. В начале США налаживали отношения с Великобританией и СССР за счет помощи в годы войн, а также встреч на высшем уровне, призванных выработать тактику борьбы с противников и условиться о принципах послевоенного миропорядка, однако во второй половине XX в. Вашингтон сделал акцент на развитие двусторонних отношений с Германией.

Американо-германское сотрудничество в XX в. было реальным по некоторым причинам. Во-первых, Вашингтон получал возможность расширения своего присутствия в Европе за счет контролирования западных оккупационных немецких зон. Проамериканские настроения укоренялись в них за счет обеспечения американской стороной достойного уровня жизни. Во-вторых, США были в состоянии изнутри управлять региональными европейскими процессами, поворачивая их ход в выгодном для себя ключе. В-третьих, немецкие территории в XX в. обладали значительными залежами природных ресурсов, необходимых для производственных процессов США. В частности, в Рурском бассейне добывали каменный уголь.

Первоначальные «ставки» американской администрации доказали свою верность после объединения Германии в 1990 г. – новое государство строилось под эгидой принципов, присущих бывшим западным оккупационным зонам и созданной в 1949 г. на их основе ФРГ. С этого момента начался качественно новый этап американо-германских отношений, подтвердивший усилившуюся важность Германии во внешнеполитическом векторе США.

Потенциал двустороннего взаимодействия Германии и США на новом этапе заключался в результативном историческом опыте взаимодействия, региональном статусе обоих государств, а, главное, возможных политico-экономических и социально-культурных выгодах. К императивам американской заинтересованности в немецком партнерстве в XX-XXI вв. добавилась возможность обретения сильного форпоста НАТО в Европе, который бы безоговорочно поддерживал инициативы Вашингтона в рамках альянса, а также был в состоянии направить собственный политический курс на конфронтацию с Россией. Кроме того, Вашингтон рассчитывал на складывание «предвзятой» рабочей группы в рамках ЕС – США, состоящей преимущественно из американских и немецких представителей, поскольку становление Германии ведущей силой ЕС было предсказуемо. Так, политика Евроатлантизма могла быть полностью подчинена западным идеалам. Одновременно с этим сотрудничество с одной из ведущих мировых держав, Германией, усиливало позиции США в формирующемся мировом порядке XXI в.

Германия, в свою очередь, на первых этапах развития вновь централизованного государства получала поддержку наиболее значительного политического актора – США. Это во многом предопределило отношение сторон-

них государств к европейской стране, набирающей внешнеполитические и торгово-экономические обороты. Американо-германское сотрудничество создавало благоприятную для Берлина ситуацию: Германия могла не опасаться односторонних действий США в свой адрес. К этому добавлялись преимущества от наличия нового рынка сбытов товаров.

Однако ожидания от возможного углубления корреляции Германии и США в XXI в. не оправдали себя. По мере усиления Германии как самостоятельной политической единицы, несмотря на частичную зависимость Берлина от Вашингтона, американо-германские отношения все чаще сталкиваются с кризисными ситуациями. Правительства обеих стран стремятся достигать консенсус по конфликтным вопросам, однако различия в менталитете, принципах осуществления внешнеполитической экспансии, а также ее методах, наряду отличными друг от друга геополитическими и геоэкономическими интересами препятствуют стабильному двустороннему сотрудничеству.

Основным камнем преткновения является *сотрудничество Германии и США в НАТО*. Кризисные явления в этом направлении взаимодействия имеют давнюю историю, поскольку впервые они были отмечены еще в 1955-1960 гг., то есть сразу после вступления ФРГ в альянс. По инициативе Вашингтона на территории немецкого государства было размещено оружие массового поражения, необходимое для устрашения СССР ввиду осуществления гонки вооружений. Кроме того, в конце 1950-х гг. произошла смена американской стратегии в отношении обычного вооружения, что вызывало недовольство Берлина.

По мере укрепления ФРГ, немецкое правительство повышало свой статус в НАТО путем приобретения военной техники у США. В частности, на вооружение поступили танки «М-47» и «М-48». Тем не менее, Германия находилась в формальной зависимости от США, которые гарантировали безопасность европейского государства. Состояние подчинения не помешало канцлеру ФРГ К. Аденауэру оказать сопротивление размещению американских ядерных вооружений на территории его государства. Следующий канцлер – Л. Эрхард – в 1965 г. отказался направить войска во Вьетнам по требованию США. Немецкий лидеры намеревались исключить возможность усиления конфронтации с СССР, против которого США осуществляли внешнеполитические действия, а также втягивания Германии в новый возможный мировой конфликт.

По мере развития политических отношений, курс НАТО, США в частности, вызывали все больше несогласий в немецком бундестаге. Однако Германия была вынуждена поддерживать инициативы североамериканской страны-партнера с целью сохранения дипломатических отношений и американской поддержки. В ноябре 1983 г. правительство ФРГ заявило о готовности разместить на территории страны американские ядерные ракеты,

направленные против СССР. В ответ на это, Социалистическое государство разместило оперативно-тактические ракеты повышенной дальности на территории ГДР и Чехословакии, превратив тем самым разобщенную Германию в эпицентр разрастающейся войны.

Следующим кризисным годом американо-германского взаимодействия в НАТО стал 1989 г. Германия отказалась от проведения ядерных маневров НАТО на своей территории, которые требовали США. В качестве ответной меры Вашингтон заявил об учебной бомбардировке немецкого г. Лейпциг ядерным оружием, находящегося в Восточной части страны, с целью осуществления провокации СССР. Благодаря секретарю министерства обороны США В. Виммеру этот план не был осуществлен [3].

Единственном десятилетии, которое можно назвать периодом мирного сотрудничества США и ФРГ в НАТО, являются 1990-е гг. Новое немецкое правительство своей задачей видело улучшение двустороннего диалога с американской стороной необходимого для поддержания национальной безопасности и создания гарантий экономической защищенности. ФРГ инициировало вступление государств Центрально-Восточной Европы в Североатлантический альянс, а в марте-июне 1999 г. принимала участие в операции НАТО «Союзная сила» против Республики Югославия. Немецкие военные выполняли миротворческие функции во время операций в Боснии, Косово и Афганистане.

В XXI в. кризис американо-германского взаимодействия в рамках НАТО приобрел новую силу. Его углубление было предопределено расхождением сторон по вопросу о применении оружия НАТО в целях урегулирования какой-либо международной ситуации. Если Вашингтон видит его применение единственным возможным вариантом эскалации конфликта, то Берлин придерживается миролюбивых методов и выступает против использования вооружений. В 2003 г. правительство немецкого канцлера Г. Шредера отказалось поддержать операцию США в Ираке, что стало первой демонстрацией различных позиций стран. В феврале 2005 г. лидер ФРГ, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, позволил себе усомниться в возможности НАТО осуществлять координацию трансатлантической политики [2].

Американо-германские противоречия снизили активность трансатлантического взаимодействия США и ЕС. Его активизация началась после избрания Б. Обамы президентом США. Тем не менее, в период правления нового американского лидера Германия самостоятельно приняла участие в борьбе с террористами на Ближнем Востоке, в районах Сахары и Африканского Рога. Однако ФРГ не участвовал в военной операции в Ливии в 2011 г.; воздержалась при голосовании в ООН по вопросу военной силы; придерживалась относительно нейтральной позиции в отношении вовлеченности Российской Федерации в урегулирование сирийского конфлик-

та. Кроме того, Германия считала бесперспективной и даже недопустимой идею о превращении НАТО в общемировую организацию, в связи с чем выступала против принятия Украины и Грузии в альянс. США не вмешивались в односторонние действия Германии, видимо, не считая американо-германское партнерство в тот временной промежуток жизнеспособным и значимым. Однако конфликт на Украине 2013–2014 гг. изменил отношение Вашингтона к прежнему европейскому партнеру, представленному Берлином: по обоюдному согласию, на территории ФРГ вновь увеличилось число американских вооружений. Тем не менее, скандал с прослушиванием личного телефона канцлера Германии А. Меркель американскими спецслужбами поставил точку в возможном возобновлении доверительных двусторонних отношений.

Хотя на территории Германии находилось пять из семи американских европейских гарнизонов, избрание президентом США Д. Трампа в 2016 г. не остановило процесс охлаждения двусторонних отношений. Американский лидер выступал за расширение взаимодействия в рамках альянса, усиление позиций США в нем, для реализации чего призывал страны-партнеры увеличить военные расходы в объеме национального ВВП. Так, в ходе первой встречи с А. Меркель в марте 2017 г. Д. Трамп настаивал на увеличении расходов ФРГ на оборону до 2% [6]. Первоначально министр обороны ФРГ Аннегret Крамп-Карренбауэр пообещала к 2024 году нарастить военные расходы до уровня 1,5% от ВВП и к 2031 году – до 2% [8]. Однако выполнение заявленных показателей для немецкой экономики было и остается на данный момент невозможным. Неудача этой идеи повлекла за собой систематический выход США из Договора по открытому небу и Договора между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений. Вероятно, Вашингтон намеревался повлиять на страны НАТО, в первую очередь на ФРГ, за счет их устрашения путем создания потенциально конфликтной ситуации в Европе и мире. Однако Берлин воздержался от резких заявлений и взял курс на повышение боеготовности национальной армии – бундесвера.

Необдуманные действия и слова Д. Трампа повысили заинтересованность немецкой администрации в углублении военного сотрудничества в рамках ЕС и создании единой европейской армии. Эти идеи впервые были высказаны в 2016 г. США не выступали с заявлениями в отношении европейской инициативы, хотя она им не выгодна. Безусловно, создание европейских вооруженных сил в ближайшее время маловероятно, но постепенно предпринимаемые в этом направлении шаги позволяют Германии освободиться из-под военной зависимости от США.

Если усиление региональной боеспособности Европы не вызвало реакции США, то возможность потери позиций на энергетическом рынке в этом регионе за счет *строительства российского газопровода «Северный по-*

ток» и «Северный поток – 2» привели к политическим баталиям. Это, в свою очередь, стало очередной проблемой американо-германского партнерства.

Изначально газопровод задумывался как средство удовлетворения всего объема спроса на природный газ в Европе за счет диверсификации Российско-европейских экспортных потоков. Первая нитка «Северного потока», соединившая Российские базы и европейский газопровод ОПАЛ, была построена в 2011 г., а в 2015 г. было подписано соглашение о строительстве магистрального газопровода «Северный поток – 2» из России в Германию.

Страны Балтии, Польша, Румыния, Чехия и Словакия – потенциальные транзитеры российского газа – выступили против реализации этого проекта. США приступили к оказанию косвенной поддержки оппозиционно настроенным странам, поскольку Вашингтон напрямую заинтересован в поставке в Европу сжиженного сланцевого газа собственного производства. Отныне европейские государства апеллировали не только тезисами о подрыве энергетической безопасности региона и о газовой войне, но и экологическим фактором.

Германия, заинтересованная в получении российского газа, практически не выступала против строительства газопровода «Северный поток – 2». Недовольство проектом было высказано лишь единожды – в марте 2018 г. природоохранный союз Германии направил в суд Грайфсвальда иск против решения местного Управления горного надзора. Утверждалось, что строительные работы со значительной долей вероятности должны были негативно отразиться на экологии страны.

Позже оппозиционные настроения усилились в Дании: власти страны рассмотрели в «Северном потоке – 2» угрозу национальной безопасности.

Первоначально использовавшиеся меры устного устрашения со стороны США были заменены конкретными действиями – 20 декабря 2019 г. Вашингтон ввел санкции против РФ и, в частности, против фирм, обеспечивающих строительство газопровода, чтобы ограничить возможности России на европейском газовом рынке. В январе 2020 г. швейцарско-голландская компания «Allseas» была вынуждена приостановить прокладку труб. Российская сторона заявила, что принятые ограничения сдвинут дату вводу трубопровода в эксплуатацию, но не смогут его ликвидировать. Эта идея поддерживалась заинтересованностью немецкой стороны в строительстве «Северного потока – 2», что А. Меркель многократно выражала в ходе публичных выступлений. На встрече с президентом России В. Путиным в январе 2020 г. А. Меркель отметила готовность поддержать Российскую сторону в завершении строительства трубопровода. На фоне возможного укрепления Российско-германских отношений США выступили с инициативой о введении очередного пакета санкций против лиц и предприятий европейских государств.

Согласно экспертному докладу Мюнхенской конференции 2018 г., стабильное экономическое партнерство Германии и России, в том числе в сфере энергетики, необходимо и выгодно обеим державам. Эксперты подчеркивают, что мнения о «Северном потоке – 2» в ЕС поляризованы. Некоторые политики поддерживают его строительство, одновременно вступая против незаконного вмешательства США во внутренние дела стран Европы. Вашингтон, намереваясь усилить контроль за европейской энергетикой, фактически маскирует свое присутствие на континенте вопросами европейской безопасности. Данное противоречие демонстрирует противоборство с прежним духом трансатлантического партнерства.

Председатель Мюнхенской конференции В. Ишингер верно заявил, что несмотря на споры, развернувшиеся вокруг «Северного потока – 2», газопровод будет введен в эксплуатацию ввиду уже затраченных колоссальных средств на его строительство [5].

Непредполагаемую ранее конкуренцию газопроводу из России «Северный поток – 2» может составить газопровод «Baltic Pipe», связывающий Польшу и Норвегию. В связи с этим, польское правительство безболезненно для себя сможет разорвать контракт с российским «Газпромом». Наличие энергетической альтернативы в рамках континента подпитывает оппозиционные настроения некоторых правительств, что приводит к занятию прежним составом Европейской комиссии категорически негативной позиции относительно «Северного потока – 2». На этом фоне Вашингтон делает ставки на создание энергетических проектов в рамках «Инициативы трех морей» [4].

10 июня 2021 г., несмотря на давление из вне и срыв первоначальных дат ввода газопровода в эксплуатацию, было завершено строительство первой из двух ниток «Северного потока – 2». Вторая нитка уже находится в процессе подготовки к заполнению. На решающей стадии строительства газопровода Германия уделяет ему существенное внимание: проект требует подготовки объемного пакета документов. Кроме того, газопровод должен получить разрешение на запуск в Федеральном сетевом агентстве Германии, а затем – в Еврокомиссии.

Кропотливость работы и комплексность задач, подлежащих решению, приводят к фокусированную немецкого правительства на этом направлении. Другими словами, ФРГ ориентируется на решение региональных континентальных проблем, а не на поддержание и развитие Трансатлантического сотрудничества.

Гипотетически еще одной проблемой двусторонних отношений Германии и США может стать их *экономическое сотрудничество*.

В XX в. США оказывали экономическую помощь Западной Европе, в том числе Германии, за счет реализации Плана Маршалла 1948 г. Это предопределило тесные взаимосвязи государств в торговой сфере, которые развива-

лись с течением времени. Объединение Германии 1990 г. усилило торгово-экономическое партнерство стран.

В 2015 г. Германия стала ведущим импортером товаров в США, товарооборот между странами достиг отметки в 173,2 млрд евро. Такая расстановка сил была новой – в предыдущие годы главным импортером немецкой продукции считалась Франция. Изменения обеспечивались потребностью США в модернизации заводов за счет производных немецкого машиностроения. Одновременно с этим Германия экспортировала продукты химической промышленности.

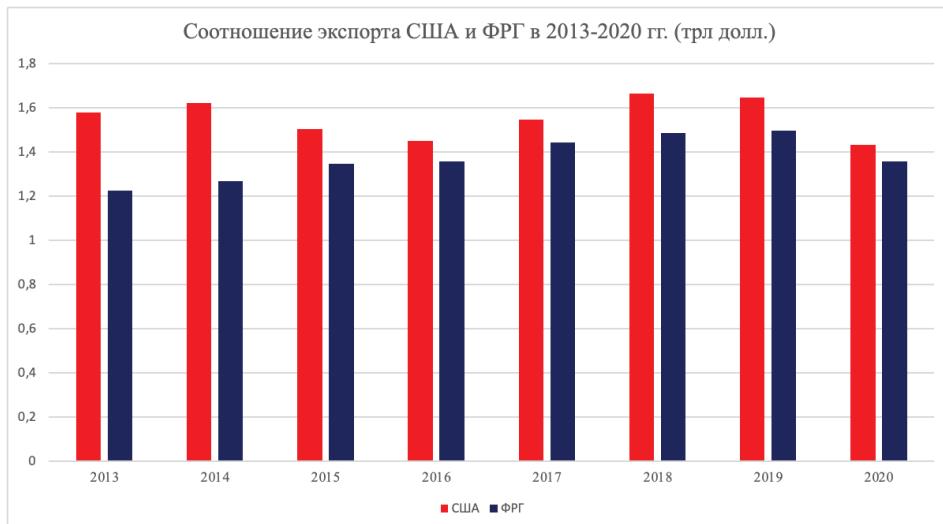
В последующие годы Германия и США поддерживали тесное экономическое взаимодействие, осуществляя взаимный экспорт и импорт товаров и услуг. Однако в 2019 г. наблюдается нестандартная ситуация. На страны ЕС и США приходилось около трети от объема всей мировой торговли, 45,5% мирового валового внутреннего продукта и 60% мировых запасов прямых иностранных инвестиций [7]. При этом США удерживали звание лидера и ведущего торгового партнера ФРГ. Согласно данным Министерства экономики и энергетики ФРГ, в 2018 г. экспорт немецких товаров в США равнялся 8,7% от общего объема германского экспорта, а импорт американских товаров в Германию составил 64,5 млрд евро [8].

На этом этапе американо-германское торговое партнерство хоть подвергалось влиянию негативных тенденций, но сохраняло свою результативность и целесообразность. Д. Трамп после прихода к власти в США в 2016 г. неоднократно выступал с предложением о введении штрафных пошлин на импортируемые товары из стран, с которыми у американской державы сложился торговый дефицит. Германия, в свою очередь, является одним из таких государств. В 2018 г. дисбаланс во взаимной торговле Германии и США достиг 49 млрд евро, став серьезной проблемой для двух государств.

Вашингтон пошел на обещанные меры – в 2018 г. были введены ввозные пошлины на европейские алюминий и сталь, прозвучал призыв к повышению экспортных акцизов на автомобили и их запчасти до 20%. К слову, товары этой категории превалировали в немецком импорте в США. Резкие заявления американской администрации создали предпосылки возникновения полемики относительно вероятности торговой войны между США и ЕС, возглавляемым Германией. В том же году Всемирная торговая организация (ВТО) предоставила США право вводить масштабные торговые санкции на продукцию стран ЕС ввиду получения германо-французским концерном «Airbus» субсидий по линии ЕС. Это решение усугубило ситуацию, а также усилило скептицизм немецких экономистов.

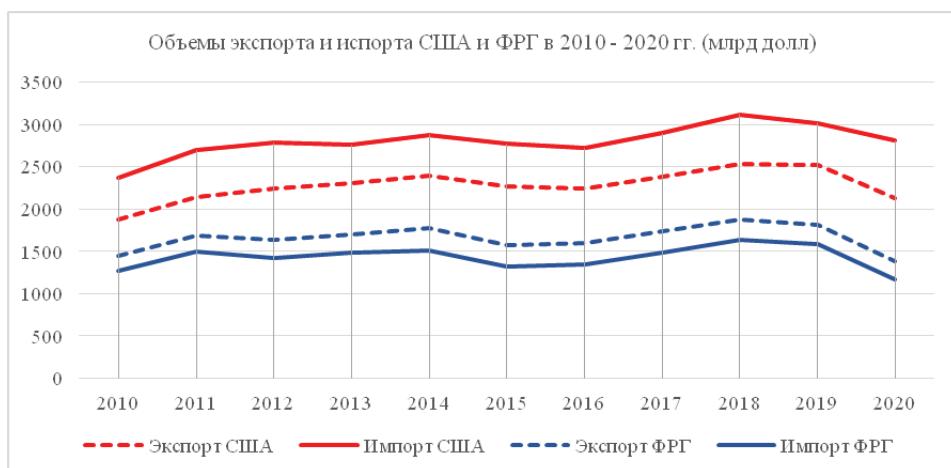
Тем не менее, Германия поддерживала торговый профицит в сравнении с США. Объемы немецкого экспорта постепенно приближались к американским показателям (см. Диаграмма 1). Кроме того, к 2019 г. немецкий экспорт в США превысил американский импорт более чем на 47 млрд евро.

Диаграмма 1

(Составлено автором на основе: *Wert der deutschen Exporte von 1991 bis 2020 (in Milliarden Euro)* // *Deutsch Statista* // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/165463/umfrage/deutsche-exporte-wert-jahreszahlen/>; *USA. Yearly Exports and Imports* // *OEC* // <https://oec.world/en/profile/country/usa?exportServicesYearsSelector=ServiceYearFlow214&importServicesYearsSelector=ServiceYearFlow117>).

Диаграмма 2

(Составлено автором на основе: *Total volume of US imports of trade goods and services from 2010 by 2021, by quarter* // *Deutsch Statista* // <https://www.statista.com/statistics/215538/volume-of-us-imports-of-trade-goods-and-services-by-quarter/>; *Total volume of US exports of trade goods and services from 2010 by 2021, by quarter* // *Deutsch Statista* // <https://www.statista.com/statistics/215520/volume-of-us-exports-of-trade-goods-and-services-by-quarter/>; *Germany Exports* // *Trading Economics* // <https://tradingeconomics.com/germany/exports>.

Однако успехи немецкого государства недостаточны для Д. Трампа, который продолжил критику торгового дисбаланса США с Германией.

Свои корректизы в торговое партнерство Германии и США внесла пандемия коронавируса и вызванный ею кризис. 2020 г. стал значимым рубежом для экономики Германии, в которой прервалась фаза стабильного роста. Отныне немецкое правительство главной задачей видело поддержание и восстановление экономики во время и после пандемии. В целом коронавирус негативно сказался на американо-германской торговле: вводимые ограничения, призванные обеспечить безопасность граждан, сократили активность хозяйственных субъектов, ограничили возможность транспортировки товаров из страны в страну (см. Диаграмма 2).

Помимо пандемии коронавируса американо-германские торговые взаимоотношения усложняют и другие факторы. Именно они не позволяют без сомнений назвать две страны союзниками или соперниками.

Во-первых, речь идет об изменении основных внешнеэкономических партнеров Германии и США. Позиция ФРГ в американском экспорте варьируется в пределах 4-6 позиций. (В 2020 г. экспорт в Германию составил около 3,99% от общего объема, что равно 57 млрд долл.) США по-прежнему является главной страной-экспортером для немецкой промышленности. В 2020 г. экспорт ФРГ в США составил порядка 103, 8 млрд долл. (см. Таблица 1), что на 12,5% меньше прошлогоднего показателя. В то время как экспорт ФРГ в Китай не отнесен к негативным тенденциям: экспорт Германии в Китай в 2019-2020 гг. сократился лишь на 0,1%. В целом, лидирующие позиции в импорте двух стран занял Китай. Отмечается, что в последние годы объемы китайских поставок в США и ФРГ увеличились. Это привело к возникновению существенного разрыва между стоимостью китайского импорта и импорта страны, занимающей вторую сточку в рейтинге. Так, разница стоимости ввозимых в Германию товаров из Китая и Нидерландов составляет 28,7 млрд евро.

Отсюда вытекает вторая проблема – Китай становится доминантой на крупнейших мировых рынках. Следовательно, это подтверждает переориентацию Германии и США на развитие торговых отношений с азиатской державой, а не в Трансатлантическом направлении. С одной стороны, это имеет оздоровительный эффект для национальных экономик – государства получают доступ к новым обширным рынкам сбыта продукции, что стимулирует производство. С другой – ввиду эффективного развития национальных экономик за счет увеличения спроса США и ФРГ (прежде всего североамериканская держава) начинают рассматривать друг друга как конкуренты. США заинтересованы в наличии высокоразвитого в торговом и промышленном отношении союзника в Европе, представленного Германией, но в то же время Вашингтон опасается опережение американской экономики по темпам развития немецкой стороной (см. Диаграмма 3).

Таблица 1

**Основные внешнеэкономические партнеры ФРГ в 2020 г.
по экспорту и импорту (млрд. евро)**

Экспорт		Импорт	
Страна	Объем	Страна	Объем
США	103, 8	Китай	116, 7
Китай	95, 9	Нидерланды	88, 0
Франция	90, 8	США	67, 7
Нидерланды	84, 5	Польша	58, 3
Великобритания	66, 8	Франция	56, 5
Польша	64, 7	Италия	54, 0
Италия	60, 3	Швейцария	45, 5
Австрия	60, 1	Чехия	43, 6
Швеция	56, 3	Австрия	40, 4

(Источник: Германия. 2020 / В.Б. Белов, А.А. Громыко [и др.] / под ред. В.Б. Белова. М.: Весь мир, 2021)

Диаграмма 3

(Составлено автором на основе: Bruttoinlandsprodukt (BIP) in Deutschland von 1970 bis 2020 (in Milliarden Euro) // Deutsch Statista // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/14397/umfrage/deutschland-bruttoinlandsprodukt-bip/>; Entwicklung der realen BIP in Deutschland von 2008 bis 2002 und Prognose des DIW bis 2023 // Deutsch Statista // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/74644/umfrage/prognose-zur-entwicklung-des-bip-in-deutschland/>.

Гипотетически это может привести к частичной потере международного авторитета США.

Выводы. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Американо-германские отношения можно назвать парадоксальными: с момента их установления для двустороннего сотрудничества характерны кризисные явления, при этом страны считают друг друга одним из основных союзников. Тем не менее, можно выделить более и менее успешные периоды взаимодействия Берлина и Вашингтона, позволяющие оценить его общую динамику. Характер американо-германских отношений в XX в. можно назвать стабильным. В 1990-х и начале 2000-х отмечается улучшение и углубление двустороннего партнерства на фоне «обновления» Германии и активной фазы ее интеграции как централизованного государства в мировое сообщество. За этим последовал глубокий спад, сопровождающийся многосторонними разногласиями.

Несмотря на очевидную цикличность сотрудничества Германии и США, улучшение фона двусторонних отношений в ближайшем будущем маловероятно. Ни одна из сторон не готова менять основные внешнеполитические принципы, а также отношение к использованию оружия при регулировании конфликтов.

2. Ежегодно в мировой политике появляются новые потенциально конфликтные ситуации. Их урегулирование требует скоординированных действий ведущих мировых держав, к которым относятся и Германия, и США.

В совокупности с потерей значимости вопросами, ранее составлявшими базис двустороннего сотрудничества, это приводит к смещению акцентов американо-германского партнерства.

3. Ввиду споров между Германией и США в рамках НАТО, стремление Берлина к минимизации присутствия войск альянса на территории немецкого государства проявляется отчетливее. Эта идея поддерживается тем фактом, что ФРГ экономически и политически не выгодно содержать армию НАТО. Так, присутствие войск альянса может негативно влиять на отношение других государств, являющихся противниками НАТО, к Германии.

4. Вопреки ожиданиям США формирующийся мировой порядок будет носить полицентричный характер. Безусловно, Вашингтону отведена в нем одна из ключевых ролей, но не ведущая, как это было в XX в. Тем не менее, если США удастся обуздить амбиции мирового гегемона и избавиться от иерархического представления мира, на вершине которого они якобы находятся, и начать вести политический диалог на основе равенства сторон, то авторитет североамериканского государства определенно повысится. Американо-германские отношения можно рассматривать как возможность апробирования данного подхода.

5. США тратят существенные средства и силы на ведение операций в других регионах мира, осуществление вмешательства в дела иных стран

и объединений вне американского континента. Таким образом у Вашингтона не остается ресурсов для осуществления полноценной внутренней модернизации, например, экономической сферы. Это снижает международную привлекательность США для иностранных партнеров, в том числе для Германии.

6. Улучшение партнерства Германии и США маловероятно, но все же возможно. В частности, в экономической сфере. Она является наиболее стабильной в двусторонних отношениях государств. Однако для упрочения торгового сотрудничества страны теоретически могут заключить двустороннее соглашение, устанавливающее особые правила экспорта и импорта товаров, устраивающие обе стороны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Взаимодействие Германии и НАТО // НАТО. РФ: информационно-аналитический портал // <https://nato.rpf.ru/germany.html>.
2. Германия. Вызовы XXI века / В.Б. Белов, Н.П. Шмелев, А.А. Громыко и др. / под ред. В.Б. Белова. М.: Весь мир, 2009.
3. О расходах Германии на оборонный бюджет НАТО // Рамблер // https://news.rambler.ru/army/45075004/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
4. Помпео отверг критику Штайнмайера за нежелание США сотрудничать // Дойче Велле // <https://www.dw.com/ru/помпео-отверг-критику-штайнмайера-за-нежелание-сша-сотрудничать/a-52389527>.
5. Руководитель Мюнхенской конференции призвал «не душить» «Северный поток – 2» // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7725403>.
6. Трунов Ф.О. Проблемы и перспективы взаимодействия ФРГ и США в политико-военной области при администрации Д. Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1.
7. Eine neue Agenda für transatlantische Beziehungen // BDI-Informationen // <https://bdi.eu/artikel/news/eine-neue-agenda-fuer-die-transatlantischen-beziehungen/>.
8. Kramp-Karrenbauer A. (akk). “Zur sicherheitspolitischen Handlungsfähigkeit gehört eine einsatzbereite, umfassend ausgestattete Bundeswehr”. 7 November 2019, 12:43 pm. Tweet.

A.I. EMELIANOV

PhD (Political Science), Associate Professor

Head of the Department of Theory of Regional Studies

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences,

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russia

P.A. ZUEVA

Student, Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia

GERMANY AND THE USA. RETROSPECTIVE AND FUTURE NATURE OF BILATERAL COOPERATION

The article presents a study of the main issues in the bilateral relations between Germany and the United States in the XXI century, provoked by external and internal factors. The main purpose of the work is to study the relevance of the US-German bilateral relations for the two actors of the world politics, as well as to identify the main causes of the emergence of crisis phenomena in the partnership of Germany and the United States and to predict the dynamics of the situation in the future. Based on the research conducted by the author, the decline in the activity of American-German contacts is confirmed against the background of a decrease in mutual trust and respect. The author notes that it is impossible to quickly restore the former quality of relations between Berlin and Washington, even with the change of the political elite of both powers.

Key words: *foreign policy, Germany, Europe, European Union, import, international relations, NATO, Nord Stream-2, USA, Transatlantic partnership, export.*

*кандидат политических наук, старший научный
сотрудник Института актуальных международных про-
блем Дипломатической академии МИД России,*

Россия, г. Москва

Р.И. ГАЙФУТДИНОВ

*аспирант кафедры политологии и
политической философии Дипломатической академии
МИД России, Россия, г. Москва*

РОССИЯ И ТУРЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ТЮРКСКОГО МИРА

Данная статья рассматривает итоги многолетней консолидации тюркского мира, как новой геополитической реальности. Анализ данного процесса позволяет определить его во многом в качестве результата внешней политики Анкары. В статье рассматривается роль Турции в трансформации тюркоязычного пространства в полноценный союз. Предметом исследования являются перспективы, концептуальные основы и основные векторы развития проекта единого тюркского мира как самодостаточного субъекта мировой политики, а также его роли в контексте российско-турецких отношений. Даётся оценка тюркского проекта в контексте национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: тюркский мир, Турция, Россия, пантуркизм, Организация тюркских государств, саммит.

Введение. 12 ноября 2021 года в городе Стамбул состоялся очередной ежегодный, восьмой по счету, саммит Тюркского Совета. Данный саммит стал во многом знаковым и ознаменовал собой переход к новому этапу интеграции тюркских государств в единое геополитическое и культурно-идеологическое пространство, называемое «турецким миром». Участники саммита, главы государств постоянных членов, выразили политическую волю в продолжении выбранного политического курса, направленного на всестороннее развитие сотрудничества между тюркскими государствами, тем самым отметив достижения, результаты работы на данном направлении и продуктивность данного формата межгосударственного взаимодействия за предыдущие годы. Большую роль в данном процессе сыграла последовательная политика Турции, которой удалось реализовать проект по построению

нию полноценного политического блока, базируясь на принципах тюркского единства, что в свою очередь идет вразрез интересам Москвы, уменьшая ее влияние на стратегически важном для нее постсоветском пространстве.

История. Совет сотрудничества тюркоязычных государств или Тюркский Совет, учрежденный на основании Нахчыванского (Нахичеванского) соглашения от 03 октября 2009 года, как единая платформа для сотрудничества всего тюркского мира, прошел длинный путь, год за годом трансформируясь в широкоформатную интеграционную основу. Данная организация не ограничивалась лишь культурной составляющей, она последовательно расширяла совместную повестку основных направлений деятельности по всем жизненно важным для государств-членов вопросам, включая экономику, безопасность и политическую солидарность. Сильнейший импульс развития всеобщей тюркской интеграции, являющийся результатом переосмысливания новыми странами постсоветского пространства своей идеологической, исторической и культурной составляющих, заполнил идеологический вакuum, образовавшийся после распада СССР. По ряду объективных причин, в том числе из-за отсутствия идеологической альтернативы и активной и последовательной политики Турции, идеологическое переосмысливание тюркоязычными странами бывшего Советского Союза своей цивилизационной идентичности нашло отражение в национальных внешнеполитических курсах стран-членов. Многолетняя политика по сближению получила логическое продолжение, и восьмой саммит в этом смысле стал некой чертой, которая закрешила ранее достигнутые успехи и положила начало новой, более сознательной и амбициозной главе в объединении всего тюркоязычного мира. В Стамбуле были приняты важные ключевые решения, которые отразятся на всех субъектах данного процесса и к принятию которых участники совета готовились многие годы. Эти решения, имеют глобальный по своему масштабу, амбициям и наполняемости характер.

Новое время. Стамбульская декларация 2021 г., являющаяся итоговым документом данного саммита, открыла новую главу в истории организации и дальнейшей тюркской всеобщей интеграции. Так, всеми странами-участниками было принято решение о переименовании организации, с «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» на «Организацию тюркских государств». Принят стратегический документ – «Видение тюркского мира 2040», определяющий долгосрочные цели участников организации по всем основным аспектам межгосударственного сотрудничества, предполагающий единую политическую ориентацию и тесную связь всех сфер жизнедеятельности. Принято решение о разработке документа – «Стратегическая дорожная карта Организации тюркских государств на 2022-2026 годы» с целью реализации концептуальных основ, заложенных в «Видение-2040» и разработки соответствующих механизмов [9].

«Видение тюркского мира 2040», инициированное Нурсултаном Назарбаевым, Первым Президентом Республики Казахстан и почетным предсе-

дателем Организации тюркских государств – это важнейший долгосрочный стратегический документ, единый политический ориентир для всех тюркоязычных государств, предусматривающий пребывание тюркских стран в рамках единого цивилизационно-исторического пространства с общей судьбой и историей. Это осознанный цивилизационный выбор и разворот к новому историческому для себя пути в рамках иной geopolитической реальности. Так, согласно спектру долгосрочных целей, страны-участницы намерены создать единое тюркское информационное и медиапространство при сотрудничестве телевидения, информационных агентств и СМИ. Руководствуясь фундаментальным принципом организации, основанном на единстве исторических связей, общего языка, культуры и традиций, страны обязуются достигнуть согласия в отношении единого алфавита и единой терминологии. Используя различные механизмы, члены организации намерены проводить мероприятия и соответствующую политику для усиления чувства единства тюркского мира, в частности, предполагается усиление социальной, культурной и образовательной деятельности научных и культурных учреждений государств-членов для дальнейшего сближения тюркского сообщества. Планируется организовывать соответствующие тематические мероприятия и вести активную пропаганду тюркского наследия. Тюркские страны намерены проводить активную работу с молодежью и детьми младшего школьного возраста по воспитанию нового поколения в духе тюркского единства в рамках проведения единой молодежной политики. Так же есть планы создать единое пространство высшего образования тюркского мира, определив Союз тюркских университетов (ТУРКУНИБ) в качестве основного механизма реализации данной задачи. Планируется создать единую молодежную платформу, объединяющие в себе все молодежные НПО всех стран-участниц. Проведение таких молодежных мероприятий как тюркская Универсиада, Форум молодых предпринимателей и прочие молодежные тематические мероприятия позволит народам все больше узнавать друг друга. По мнению стран-участниц необходимо создать список объектов тюркского наследия, активно развивая туризм на всем тюркском пространстве при тесной координации всех соответствующих ведомств. Важное внимание уделяется обеспечению продовольственной безопасности в регионе путем всеобщего развития сельского хозяйства с использованием современных технологий и совместного научно-технического потенциала и опыта. Активное использование совместного научно-технического потенциала предполагается и в различных научных исследованиях и проектах, в рамках научно-технического сотрудничества, в том числе в сфере космических технологий и реализации единой космической политики. Важным элементом тюркского единства является общая система безопасности, позволяющая оперативно реагировать при возникновении чрезвычайных ситуаций, таких как стихийные бедствия, природные катаклизмы, катастрофы техногенного

характера и т.п., предусматривающая совместные проекты и комплексы соответствующих мероприятий. Основной составляющей единого тюркского мира как политического субъекта является региональная и национальная безопасность: программа целей предусматривает эффективное сотрудничество между правоохранительными органами и силовыми структурами, обмен информацией и выработку единого подхода к проблемам безопасности, в том числе в вопросах кибербезопасности [10].

Экономическая интеграция. Особое место в «турецком мире» отводится экономической интеграции. Помимо увеличения торгового оборота между участниками, планируется обеспечить условия для свободного движения товаров, капитала, услуг, технологий и людей между государствами-членами, а также увеличить долю национальных валют в торговых операциях между государствами. Создавать условия для стратегического сотрудничества между организациями стран-участниц для расширения производственных цепочек с последующим выходом на мировые рынки. Будучи экономически сильной группой государств, выступать в качестве основных транзитеров, связывающих торговые маршруты Запада и Востока. Реализуя меры по повышению экономической привлекательности Трансаспийского международного коридора, страны планируют обеспечить условия для трансформации данной транспортной артерии в наиболее быстрое и безопасное транспортное сообщение между Востоком и Западом, включая участие государств-членов в региональных и глобальных цепочках поставок, действовавших на данном пространстве. Важная роль отводится энергетическому сотрудничеству, в частности большие надежды возлагаются на Южный газовый коридор (ТАР, ТАНАР), а также развитие действующих проектов таких как трубопроводы Баку-Тбилиси-Джейхан и Баку-Тбилиси-Эрзурум [10].

Стамбульская декларация 2021 г., принятая по итогам саммита, наглядно демонстрирует решительность и последовательность в реализации стратегических целей, отраженных в «Видение тюркского мира – 2040» уже в ближайшее время. Так, лидеры страны декларировали дальнейшие тесные консультации по вопросам безопасности в рамках организации, также укрепление сотрудничества между министерствами юстиции стран-членов. Планируется реализовать проект Тюркских торговых домов (ТТД), которые будут способствовать увеличению внутренней торговли, а также товарообороту между странами, в рамках реализации «Стратегического документа по упрощению процедур торговли», который должен быть утвержден в ближайшее время. Для этого будет необходимо поручить профильным ведомствам и должностным лицам реализацию решений, принятых на 10-м Совещании министров экономики и глав таможенных администраций 10 сентября 2021 года в Баку для увеличения взаимной торговли и инвестиций [8]. Даны высокая оценка деятельности Тюркской торгово-промышлен-

ной палаты (ТТПП), которая способствует развитию сотрудничества между частным сектором в тюркском мире, в 2021 году была организована 3-я Генеральная Ассамблея ТТПП совместно с Секретариатом в Баку и Будапеште. По инициативе Казахстана будет создана специальная экономическая зона для тюркских государств в Туркестане. Также планируется согласовать окончательную версию «Соглашения о международных комбинированных грузовых перевозках между Организации тюркских государств-членов», предусматривающего минимизацию таможенных и административных процедур, которая будет способствовать льготному режиму пересечения границ в целях усиления роли и привлекательности Трансасиjsкого международного коридора Восток-Запад и возрождению Шелкового пути в рамках совместного проекта «Караван-сарай». Тема возрождения Шелкового пути, а именно видение Организации тюркских государств в данном проекте себя в качестве его неотъемлемой части находит свое отражение не только в экономике, но и в туристической сфере. Совместные туристические проекты такие как «Табаррук Зиярат» и «Современный шелковый путь» направлены на создание туристической отрасли через призму нового образа стран Шелкового пути. Для координации усилий участниками будет принят документ «Карта туризма тюркских государств». К тому же для поддержки финансовых потоком между странами в самое ближайшее время будет учрежден Тюркский инвестиционный фонд [11].

В настоящее время Азербайджаном реализуется Проект Digital Hub, Проект Трансасиjsкой оптоволоконной линии высокоскоростного интернета, соединяющий в этом смысле Европу и Азию, который с высокой долей вероятности будет поддержан остальными членами Организации. Анонсировано множество совместных медиа проектов (документальные фильмы, сериалы) и создание международного телеканала со штаб-квартирой в Казахстане. Все проекты будут направлены на укрепление единства тюркского мира и способствовать знакомству с тюркской культурой, историей, традициями и т.п. все более широкой аудитории. В 2022 году анонсировано проведение 2-х Тюркских студенческих спортивных игр (Тюркской универсиады) в Казахстане. В настоящий момент Тюркской Академией и специальным научно-экспертным сообществом разрабатываются проекты учебников «Общетюркская история», «География тюркского мира» и «Общетюркская Литература», что делает уровень сотрудничества между странами-членами Организации беспрецедентным [11].

На сегодняшний день Организация тюркских государств состоит из 5 постоянных государств-членов: Турция, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан. Страны-наблюдатели: Венгрия, которая всячески активизировала сотрудничество с тюркскими государствами и присоединившийся к Организации в качестве наблюдателя Туркменистан, о чем было объявлено по итогу 8 саммита [12]. Учитывая стратегическую ценность Туркме-

нистана, вовлечение Ашхабада в орбиту своего геополитического проекта – это большой стратегический успех для Организации. Переименование Совета на «Организация тюркских государств», о которой было объявлено в ноябре 2021 года несет в себе гораздо более глубокую и фундаментальную мысль нежели обычная смена названия. Предыдущие успехи политики консолидации тюркского мира, в авангарде которого выступает Турецкая Республика, привели к созданию Тюркского Совета, который объединил интегрированные структуры (ранее наработанные проекты) в единую координированную платформу. В настоящее время в Организацию также как и в Совет входят: Организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Парламентская Ассамблея (ТИОРКПА), Международная Тюркская академия, Международный фонд тюркской культуры и наследия, а важным управленческим звеном наряду с Комитетом должностных лиц также является Совет старейшин (аксакалов). Однако в связи с дальнейшим укреплением сотрудничества и присоединением новых членов (напр. Узбекистан 2019 год), Венгрия и Туркменистан (наблюдатели), а также новой геополитической реальности, данный проект требовал логического продолжения развития, и он его получил. Принципиальное отличие Тюркского Совета от Организации тюркских государств заключается в ее масштабах. Тюркский совет позиционировался как организация сугубо регионального масштаба. Организация тюркских государств позиционируется как организация мирового масштаба, для взаимодействия с остальным миром от лица уже сформировавшегося тюркского мира, т.е. как организация, представляющая его интересы на мировой арене. Таким образом проект по созданию единого геополитического пространства среди тюркоязычных стран достиг существенных и серьезных результатов, прошел длинный эволюционный путь, систематически трансформируясь, расширяясь и приобретая все более весомую геостратегическую ценность [2. С. 31].

Роль Турецкой Республики. С распадом СССР ключевую роль в создании проекта тюркского мира сыграла Турецкая Республика. Выступая в качестве локомотива создания тюркского мира в качестве единого субъекта мировой политики, Турция проводила активную политику пантюркизма на всем постсоветском пространстве практически с первых дней появления новых независимых государств. Апеллируя тюркскими ценностями, концепцией цивилизационной и культурно-исторической общности, Турции удалось заполнить образовавшийся идеологический вакуум среди новых стран бывшего СССР, который открыл доступ к дальнейшему развитию межгосударственных отношений, трансформируясь в полноценный геополитический блок [4. С. 58-76]. Данный политический курс Турции последних лет многие эксперты характеризуют как неопантюркизм, это современный феномен пантюркизма, адаптированный под сегодняшние геополитические реалии, который не предусматривает построения Турана, единого тюркского госу-

дарства, но предполагает максимальное извлечение дивидендов от уровня отношений с тюркскими государствами и от фактического лидирующего положения Турции среди тюркского мира [3. С. 113-118]. Данная политика наглядно продемонстрировала конкретные и измеримые результаты. Само существование «Организации тюркских государств» в том виде, который она приняла сегодня, а также принятие документа «Видение тюркского мира – 2040» всеми странами-членами – это огромный внешнеполитический успех Турецкой Республики. Анкара будет активно использовать Организацию в качестве проводника своих внешнеполитических идей и интересов на мировой арене. Выражение интересов и идей от лица политического формата тюркского мира, от лица организации, представляющая интересы целого региона и стратегически важных государств, обладает значительно более весомой и влиятельной позицией нежели позиция отдельно взятой страны. Турецкая Республика значительно усиливает свои стратегические позиции и данный формат продвижения своих интересов обещает стать одним из основных инструментов Турции во внешней политике в ближайшие годы. Так, например, по итогам вышеупомянутого саммита страны декларировали приверженность совместным усилиям, которые будут способствовать созданию более справедливого миропорядка и пересмотру эффективности существующих механизмов сотрудничества, что отражает активно продвигаемую много лет Турцией модель «Мир больше пяти» [7].

Все участники процесса в ходе заседания Организации выражают всеобщую поддержку туркам-киприотам Северного Кипра и признают ущемление их прав. Тема Северного Кипра является одной из основных внешнеполитических повесток Анкары в диалоге с европейскими партнерами. Страны намерены поддерживать реализацию Зангезурского коридора (транспортный дорожный маршрут, соединяющий основную территорию Азербайджана с Нахичеванем) на различных экономических и политических площадках, что является значительным политическим укреплением турко-азербайджанской инициативы, которая стала возможна благодаря итогам Второй Карабахской войны 2020 года. На Зангезурский коридор странами Организации возлагаются большие надежды как на усиление роли Транскаспийского коридора, соединяющего Восток с Западом и являющегося одной из фундаментальной конструкций концептуальной основы «Организации тюркских государств». Реализация данного проекта упирается в непростой переговорный процесс с Арменией, союзницей России.

Для Российской Федерации весь процесс геополитической трансформации тюркского мира во главе с Турецкой Республикой имеет огромное значение и во многом его следует рассматривать через призму геополитического противостояния с Анкарой. Данный проект не направлен напрямую против Российской Федерации, однако, по своей природе он затрагивает интересы Москвы, учитывая стратегическую ценность Центральной Азии и Южно-

го Кавказа для России. Все проекты, реализуемые Турцией на постсоветском пространстве, являются прямыми конкурентами проектам России. Так, например, концепция прямого коридора с Востока на Запад, используя Трансаспийский коридор, в качестве основной транспортной артерии и неотъемлемой частью нового «Шелкового пути», грозит России огромными экономическими потерями (в значительной мере упущенная выгода), а также снижением стратегической ценности Москвы как ключевого партнера, так как оставляет Россию «за бортом» основных крупнейших мировых экономических проектов, которые будут реализовываться через «Шелковый путь». В этом контексте стоит отметить идею и стремления по реализации Трансаспийского газопровода, который предусматривает транспортировку природного газа с территории Туркмении в Европу через территорию Турции и Азербайджана, являясь частью «Южного коридора», на который Турция возлагает большие надежды. Заинтересованность в реализации данного проекта выражают и большинство европейских стран, что значительно усиливает риски для Москвы [5]. Реализация проекта повышает риски существенно изменить расклад сил на мировом энергетическом рынке, снижая зависимость стран Европейского союза и Турции от поставок газа из России, что может оказаться на экономическом состоянии и ценности Москвы как энергетического партнера. Следует отметить, что в «Организацию тюркских государств», члены которого декларировали тотальную интеграцию и общее будущее, входят союзники и партнеры Российской Федерации, в частности Казахстан и Киргизия входят в ОДКБ и одновременно с этим являются членами Евразийского экономического союза, проектами под началом Москвы. В данном контексте следует отметить, что «Организация тюркских государств» грозит существенно снизить ценность этих экономических проектов. В результате политики Турции страны Центральной Азии и Азербайджан, которые являются важными стратегическими партнерами для России, сделали первые шаги в сторону цивилизационной интеграции с Турцией. В процессе дальнейшего планового расширения общетюркской интеграции влияние Москвы будет снижаться пропорционально усилинию влияния Турции, учитывая специфику интеграционных процессов и декларируемых целей тюркоязычных стран. Более того, в тюркоязычном политическом пространстве давно обсуждается вопрос о создании всеобщей тюркской армии. Учитывая последние события в Казахстане, а именно ввод общего воинского контингента ОДКБ в январе 2022 г. для помощи действующему президенту, а также председательство Турции в «Организации тюркских государств» в 2022 году, существует высокая вероятность создания общей тюркской военной структуры уже в ближайшее время, что скажется на всем геополитическом ландшафте Центральноазиатского региона.

«Тюркская карта», активно разыгрываемая Турцией последние десятилетия как один из основных столпов современного внешнеполитического

курса Анкары, продолжает увеличивать существующие риски для Москвы. Помимо фактического геополитического переформатирования всего постсоветского тюркоязычного пространства, Пантюркизм, а затем и Непантюркизм, способствовали значительному усилению Турции и в тюркоязычных регионах Российской Федерации. Анкаре удалось разработать эффективные механизмы продвижения своих интересов и усиления влияния в стратегически важных для Турции странах, в том числе в тюркоязычных странах и субъектах РФ, учитывая специфику и культурно-идеологические особенности проживающего в них населения и политических элит [1. С. 5-10].

Одним из таких механизмов стала деятельность национальных диаспор в странах-объектах. Активность национальных диаспор доказала свою эффективность, всесторонняя поддержка будет усиливаться, о чем было заявлено Турцией и членами Организации по итогам 8-го саммита. Более того, деятельность диаспор будет систематизирована и станет централизованной. Она будет способствовать дальнейшей интеграции диаспор в общественно-политическую жизнь стран-реципиентов и усилению их влияния, в том числе в вопросах продвижения единства тюркского мира. Всесторонняя поддержка будет активно находить свое отражение и в академической сфере, в образовательных и научных учреждениях. Деятельность диаспор будет являться одной из ключевых составляющих реализации проектов Организации тюркских государств. Учитывая большое влияние национальных диаспор в России, а также большую численность тюркоязычного населения, роль диаспор в качестве эффективного инструмента и проводника турецких интересов в России может существенно усилиться.

Антироссийскую направленность пантюркизма проповедуют многие высокопоставленные лица Турции, что усиливает существующие риски для российско-турецких отношений. Так, например, лидер Партии национального движения, которая входит в правящую коалицию вместе с Партией справедливости и развития, Д. Бахчели 17 ноября 2021 года, через несколько дней после знакового саммита, вручил подарок действующему президенту Р.Т. Эрдогану. Этим подарком стала «карта тюркского мира», которая включает в себя значительную территорию Российской Федерации: южные регионы России, большую часть Сибири, Якутию и Алтай [6]. Официального опровержения реализации данного проекта касаемо российской территории официальная Анкара не давала, однако, на их получении не настаивала и Москва.

Организация тюркских государств, которая во многом будет отражать интересы Турции, позиционирует себя открытой к диалогу и сотрудничеству. Являясь по своей природе оппонентом России и ее проектам, но не ставя перед собой данное противостояние в качестве самоцели, Организация в своих декларируемых документах перечисляет ведущие мировые инте-

грационные проекты и организации, сотрудничество с которыми для Организации является основным приоритетом и направлениями работы в сфере международного сотрудничества. Помимо международных организаций под эгидой ООН, планируется и декларируется последующее укрепление сотрудничества с ЕС (Европейский Союз), в том числе ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), с Организацией исламского сотрудничества, с различными Азиатскими организациями, Организацией Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, а также с восточноевропейской интеграционной структурой: Вышеградской группой. В длинном списке интеграционных проектов и организаций, заявленных Организацией тюркских государств для выстраивания сотрудничества, нет ни единого интеграционного проекта Российской Федерации, несмотря на широкую географию и многообразие структурных и тематических особенностей, с которыми «турецкий мир», как субъект мировой политики, намерен выстраивать полноценную структуру сотрудничества и взаимодействия.

Вывод. Восьмой саммит тюркского совета стал отправной точкой и своего рода разделительной исторической линией, линией, которая открывает новый этап интеграции «турецкого мира» как самостоятельного цивилизационного и политического субъекта, преодолев предыдущий исторический этап, этап становления и развития сотрудничества. С принятием концепции «Видение тюркского мира – 2040» страны-участники Организации тюркских государств сделали свой принципиальный исторический и цивилизационный выбор в пользу общего будущего в рамках единого тюркоязычного geopolитического пространства. Данный проект следует рассматривать как большой внешнеполитический успех Анкары, которой удалось сформировать и сплотить тюркоязычное сообщество на постсоветском пространстве путем реализации интеграционных проектов, направленных на развитие и укрепление сотрудничества в самых разных сферах через призму тюркского родства: культурной и цивилизационно-исторической общности. Как результат успеха данной политики Анкары, культурный и гуманитарный аспекты, превалировавшие в сотрудничестве на начальном этапе, переросли в полноценный политический блок (Тюркский Совет), который стал основой дальнейшей интеграции и реорганизации в Организацию тюркских государств, организацию мирового масштаба. Успех данного проекта Турции напрямую противоречит интересам России, так как в орбиту Анкары вошли многие стратегически важные страны, в том числе ключевые партнеры Москвы, а geopolитический проект единого «турецкого мира» является прямым и основным конкурентом интеграционным проектам Российской Федерации и рискует существенно снизить ее влияние на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27).
2. Грозин А.В. Политика Турции в Постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы // Постсоветский материк. 2021. № 2 (30).
3. Насибова А.С. Эволюция идей Пантюркизма во внешней политике Турецкой Республики // Современные евразийские исследования. 2015. № 3.
4. Шлыков П.В. Евразийство и Евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1.
5. Энергичная диверсификация, Еврокомиссия обнародовала предложения по сокращению импорта российских нефти, газа и угля // Информационный портал РБК // <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/10/6228745b9a79475abc907aca>.
6. Эрдогану подарили карту «турецкого мира» с Сибирью и югом РФ // Информационное агентство Известия // <https://iz.ru/1251512/2021-11-17/erdoganu-podarili-kartu-kartu-tiurkskogo-mira-s-sibiriu-i-iugom-rf>.
7. Cumhurbaşkanı Erdoğan BM'de konuştu: Dünya 5'ten büyültür // Anadolu Ajansı // <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-bmde-konus-tu-dunya-5ten-buyuktur/1592817>.
8. Ticaret Bakanı Muş, Türk Konseyi Ekonomi Bakanları 10. Toplantısı'nda Konuştu // Türkiye cumhuriyeti ticaret bakanlığı, resmi sitesi // <https://ticaret.gov.tr/haberler/ticaret-bakani-mus-turk-konseyi-ekonomi-bakanlari-10-toplanti-sinda-konustu>.
9. Türk Devletleri Teşkilatı Sekizinci Zirvesi İstanbul'da düzenlendi // Türk Devletleri Teşkilatı, resmi sitesi // https://www.turkkon.org/tr/haberler/turk-devletleri-teskilati-sekizinci-zirvesi-istanbulda-duzenlendi_2394.
10. Türk Dünyası 2040 Vizyonu // Türk Devletleri Teşkilatı // <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turk-dunyasi-2040-vizyonu-2396-98.pdf>.
11. Türk Devletleri Teşkilatı Sekizinci Zervi Bildirisı // Türk Devletleri Teşkilatı // <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/8-zirve-deklarasyonu-2395-94.pdf>.
12. Türk Devletleri Teşkilatı, resmi sitesi // <https://www.turkkon.org/tr>.

N.S. KOMAREVTSEVA

PhD in Political Science, Senior Research

*Fellow at the Institute of Actual International Problems
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

R.I. GAYFUTDINOV

*Graduate student of the Department
of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

RUSSIA AND TURKEY IN THE CONTEXT OF THE NEW TURKIC WORLD

This article considers the results of the long-term consolidation of the Turkic world as a new geopolitical reality. An analysis of this process allows us to define it largely as a result of Ankara's foreign policy. The article discusses the role of Turkey in the transformation of the Turkic-speaking space into a full-fledged union. The subject of the study is the prospects, conceptual foundations and main vectors for the development of the project of a union Turkic world as a self-sufficient subject of world politics, as well as its role in the context of Russian-Turkish relations. The Turkic project is assessed in the context of the national interests of the Russian Federation.

Key words: *Turkic world, Turkey, Russia, Pan-Turkism, Organization of Turkic States, summit.*

*кандидат политических наук,
старший научный сотрудник ИМЭМО РАН,
Россия, г. Москва*

«КОРОНАВИРУСНАЯ ГЕОПОЛИТИКА» СТРАН ВИШЕГРАДСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Пандемия коронавируса COVID-19 послужила нелегким испытанием для стран Вишеградской группы. Она предъявила суровый счет человеческих утрат и экономических потерь, но вместе с тем придала новый импульс субрегиональному сотрудничеству в борьбе против инфекционной угрозы и ее последствий. С конца 2020 года залогом победы над заболеванием стала массовая вакцинация, основные условия проведения которой находятся за пределами ресурсного потенциала вишеградских государств и переносят медико-социальную проблему в сферу geopolитики. В поведении стран-членов группы обозначился целый спектр подходов к решению возникшей проблемы, анализируемых в данной статье. Наиболее однозначную позицию заняли власти Польши, намеренные использовать для вакцинации исключительно препараты, одобренные Брюсселем. В Венгрии изначально возобладал гибкий подход к проблеме средств вакцинации, соответствующий pragmatичным установкам правительства Виктора Орбана. Начало массовой вакцинации в Чехии и Словакии, напротив, сопровождалось шлейфом скандалов и ожесточенного внутриполитического противоборства, в котором сошлись не просто сторонники и противники использования российской вакцины, а носители различных взглядов на стратегию отношений с Москвой.

Ключевые слова: Вишеградская группа, коронавирус, пандемия, вакцинация, Спутник V, Россия, медицина, политика, geopolитика, международные отношения, Евросоюз, внутриполитический конфликт.

За минувшее десятилетие странам Вишеградской группы – неформального объединения наиболее развитых центральноевропейских государств, включающего Польшу, Чехию, Венгрию и Словакию, удалось существенно повысить уровень своей субъектности в рамках объединенной Европы. Это происходило под влиянием ряда обстоятельств, которые нельзя однозначно трактовать в качестве стимулирующих или, напротив, осложняющих данный процесс. Во всяком случае, следует говорить о комплексе вызовов,

заставлявших центральноевропейские государства интенсивно взаимодействовать и давать совместные ответы, адекватные новым условиям, порожденным стремительными изменениями социально-экономической и геополитической ситуации. В их ряду необходимо отметить череду серьезных внутренних кризисов, переживаемых Европейским Союзом и превращающихся тенденцию к регионализации в устойчивый тренд его развития. Особенно ярко это было продемонстрировано в условиях миграционного кризиса 2015-2016 годов, когда Польша, Венгрия, Чехия и Словакия согласованно выступили против внедряемой Брюсселем практики обязательного приема мигрантов. Подъем евросkeptических настроений, отмечаемый в политике стран «четверки», подпитывал региональный pragmatism, что показательно на фоне Brexit и актуально в силу необходимости иметь дело с окрепшим тандемом Берлин – Париж. Оппозиционный настрой участников объединения к политике Брюсселя, активно манифестируемый в том числе и по миграционному вопросу, является зрымым выражением еще одного фактора центральноевропейской «самобытности», выступающего отдельным и мощным раздражителем для руководства ЕС. За период, прошедший с 2004 года, наиболее влиятельные члены «четверки» в лице Польши и Венгрии показали вполне очевидный и осознанный отход от либеральных норм, «общепринятых» в западном политico-культурном ареале [1. С. 54].

Очередным и весьма серьезным вызовом для стран Вишеградской группы стала пандемия коронавируса COVID-19. Если поначалу членам В4 удавалось успешно отражать натиск пандемии, сдерживая распространение инфекции, чему немало способствовал опыт административных ограничений, приобретенный в годы миграционного кризиса, то в дальнейшем залогом победы над заболеванием стала массовая вакцинация, основные условия проведения которой находятся за пределами ресурсного потенциала вишеградских государств и переносят медико-социальную проблему в сферу geopolitiki.

Безусловная политическая доминанта, определяющая повестку руководств вишеградских государств на 2021 год, состоит в создании условий для обуздания коронавирусной инфекции. К марту 2021 года, когда опасность наступления третьей волны пандемии в Европе предстала со всей очевидностью, а готовность американских и европейских производителей обеспечить центральноевропейские страны достаточным количеством доз вакцины, напротив, стала совсем неочевидной, в поведении представителей группы обозначился целый спектр подходов к решению возникшей проблемы. В рамках данного спектра наиболее однозначную позицию заняли власти Польши, намеренные использовать для вакцинации исключительно препараты, одобренные Брюсселем: были подписаны контракты на поставку американско-германской вакцины BioNTech/Pfizer и примерно такого же количества шведско-британской AstraZeneca. Возможность применения

вакцин, разработанных в России, польскими официальными структурами исключалась в принципе. Между тем, возникли серьезные осложнения, связанные с невыполнением фармацевтической компанией AstraZeneca своих обязательств. Доверие к препаратуре было вдобавок существенно подорвано прокатившейся по всему миру волной отказов от ее использования по причине выявленных побочных эффектов. В сложившихся условиях 22 апреля 2021 года Еврокомиссия объявила о решении не продлевать контракт на поставку вакцины упомянутого производителя. Комментируя эту информацию, глава канцелярии премьера Польши, уполномоченный правительства по вопросам вакцинации Михал Дворчик, ранее неоднократно выступавший в защиту продукции AstraZeneca и объяснявший происходящее недобросовестной конкуренцией компаний-производителей, подтвердил, что заказы возобновляться не будут из-за ненадежности фирмы, срывающей сроки и объемы поставок. На вопрос о том, рассматривает ли польское правительство, с учетом ожидаемых перебоев в поставках западных средств вакцинации, возможность обращения к российским препаратам, Дворчик ответил, что такая тема отсутствует в правительственной повестке, поскольку, с одной стороны, у России нет необходимого количества доз вакцины, а с другой, – интерес самих поляков к ней ничтожен [5].

Чехия, где наблюдалась наименее благоприятная санитарно-эпидемиологическая ситуация, выражала готовность в точности следовать рекомендациям Евросоюза, применяя лишь виды вакцин, сертифицированные Европейским медицинским агентством (EMA). Такой настрой был поколеблен удручающе низкими темпами поставок «разрешенных» препаратов, не позволяющими зафиксированный срок вакцинировать хотя бы часть населения, минимально необходимую для создания действенной «иммунной прослойки». Обеспокоенное перспективами дальнейшего роста заболеваемости, чешское правительство обратилось к опыту Венгрии и Сербии в использовании российской и китайской вакцин, провозгласив необходимость отделить вакцинацию от политики [3]. Дальнейшее продвижение по этому рациональному пути было остановлено массированной антироссийской кампанией, развернутой руководством страны и СМИ с подачи спецслужб.

В Словакии с начала процесса вакцинации также делался акцент на обязательном использовании препаратов, одобренных Брюсселем. Ввиду их нехватки министерство здравоохранения по поручению главы правительства провело успешные переговоры о закупке российской вакцины Спутник V и одобрило ее применение без сертификации EMA, спровоцировав тем самым острый политический кризис. Причем переговоры с российской стороной носили секретный характер, и доставка первого транша вакцины самолетом словацких вооруженных сил в аэропорт города Кошице была организована как спецоперация. Противники принятого решения из числа не поставленных в известность участников правящей коалиции заблокиро-

вали соответствующую резолюцию в парламенте и потребовали отставки премьер-министра Игоря Матовича. Недовольство действиями премьера выразила и президент страны Зузана Чапутова. Предпринятые вслед за тем действия словацкой стороны своею противоречивостью продемонстрировали всю сложность положения, в котором находится Братислава. Договорившийся о приобретении Спутника V Игорь Матович в конце марта покинул премьерское кресло, а в начале апреля руководство Словацкого государственного института лекарственных препаратов заявило, что поставленная в страну первая партия вакцины по результатам проведенной проверки не соответствует заявленным характеристикам. Осуществляющий поставки Российский фонд прямых инвестиций воспринял данное заявление как попытку дискредитировать препарат и потребовал возвращения 200 тысяч доз, поступивших в Словакию. Наконец, 26 мая словацкое правительство одобрило использование вакцины Спутник V на территории своей страны, а 7 июня началась вакцинация желающих. Ключевое значение для положительного вердикта имели результаты тестов, проведенных в Венгрии, куда были отправлены контрольные образцы.

В самой Венгрии изначально возобладал гибкий и «многовекторный» подход к проблеме средств вакцинации, соответствующий прагматичным установкам правительства Виктора Орбана. Для обеспечения массовости прививок здесь используют самые разные вакцины: и рекомендованную Еврокомиссией BioNTech/Pfizer, и шведско-британскую AstraZeneca, и российскую Спутник V, и китайскую Sinopharm, и даже американскую Moderna, не отдавая предпочтение какому-то конкретному производителю, ориентируясь лишь на показатели эффективности медицинской продукции. Еще на ранних стадиях диалога с Брюсселем по проблеме вакцинации Будапешт обозначил и уверенно отстаивал тезис о правомочности самостоятельно искать средство для обеспечения здоровья своих граждан, компенсируя дефицит европейских вакцин. Благодаря своевременно (еще в конце 2020 года) проведенным переговорам с российскими и китайскими производителями, оперативности государственных структур и активной поддержке СМИ Венгрия оказалась лидером среди европейских государств по обеспеченности вакцинами. В результате она стала единственным членом Евросоюза, отказавшимся от дополнительных закупок вакцины Pfizer в рамках общеевропейского контракта. Об этом 20 мая проинформировал руководитель аппарата премьер-министра Гергель Гуляс. По его словам, страна располагает достаточным количеством резервных доз вакцин и до конца 2022 года ожидает новые поставки по действующим договорам. Кроме того, со второй половины 2022 года планируется развернуть производство препаратов на заводе в городе Дебрецен [7].

Высокий уровень обеспеченности препаратами позволил венгерским властям организовать стратегию вакцинации по параллельной схеме, одно-

временно охватывающей различные категории населения, без выстраивания очередности «групп риска», что выглядит совершенно оправданным в условиях нового подъема заболеваемости в марте 2021 года. Среди прочих нетривиальных мер, предпринятых правительством, стоит отметить сам факт закупки китайской вакцины, хотя подобный шаг является вполне логичным и политически оправданным, учитывая масштабную помощь, оказанную Венгрии Пекином за год до этого в разгар первой волны заболеваний. Начавшаяся в феврале иммунизация населения вакциной Sinopharm поначалу вызывала настороженно-недоверчивое отношение граждан, расценивших источник происхождения препарата как «сомнительный». Ради преодоления массового недоверия властями была развернута серьезная кампания по популяризации китайского продукта, в рамках которой сам премьер-министр публично привился им.

Предпринятые шаги не избавили правительство Орбана от яростных нападок со стороны оппозиции, вменявшей в вину своим политическим противникам «порочную зависимость» от Москвы и Пекина. Равным образом, руководство Венгрии подверглось осуждению высоких европейских инстанций, усмотревших в его действиях подрыв единства Евросоюза. Чтобы сбить волну критики, главе правительства пришлось давать развернутое обоснование занимаемых позиций. Говоря о побудительных мотивах, определивших выбор в пользу российской и китайской вакцин, Виктор Орбан заметил, что возглавляемый им кабинет руководствуется исключительно соображениями национальной безопасности, нацеленными на скорейшее избавление венгров от коронавирусной угрозы. Следуя его словам, Венгрия была вынуждена «искать хорошую вакцину везде, где она была доступна, в том числе в Китае и в России, поскольку спасение жизни и возвращение людей к свободе всегда важнее любых политических соображений». По мнению премьер-министра, неправомерно делить вакцины на «западные» и «восточные», есть только «хорошие и плохие», причем российский Спутник V, созданный на мощной научной базе советской эпидемиологической школы, относится к разряду первых [11]. Отвечая на упреки официального Брюсселя, он объяснил обращение к неевропейским странам неспособностью Евросоюза обеспечить Венгрию препаратами, одобренными к применению EMA [12]. Твердость аргументации Орбана, помноженная на его давнюю репутацию упрямого «евродиссидент», заставила представителей ЕС воздерживаться от слишком резких оценок, признав право Будапешта поступать в данном вопросе по собственному усмотрению.

Конечно, интерес Будапешта к «посторонним» вакцинам стал серьезным раздражителем для Брюсселя, и смягчение позиции европейских чиновников потребовало некоторого времени. Еще в конце октября 2020 года официальный представитель Еврокомиссии Эрик Мамер, комментируя планы венгерского правительства, заявил: «Любая вакцина, которая будет рас-

пространяться на территории ЕС, должна соответствовать принятым в ЕС нормам качества и пройти все необходимые этапы разрешения в ЕС» [6]. Данное положение подразумевает возможность принятия административных мер к нарушителям «европейской дисциплины», использующим несертифицированные препараты, о чём также предупреждалась венгерская сторона [2]. Между тем, согласно заявлению главы МИД Венгрии Петера Сийярто и государственного секретаря Томаса Менцера, правительство намерено руководствоваться законодательно закрепленной прерогативой в случае крайней необходимости импортировать лекарства без одобрения Евросоюза [16].

Последовавшее месяц спустя формальное согласие Еврокомиссии «принять» венгерский выбор, озвученное официальным представителем Еврокомиссии Стефаном де Кеерсмэкером, отнюдь не означало отказа от претензий к Будапешту [6]. С точки зрения европейских властей, Венгрия, как государство, должна нести всю полноту ответственности за самостоятельно принимаемые решения не только перед собственными гражданами, но и перед другими странами Евросоюза.

В отличие от Венгрии, явившей пример четкой и продуманной стратегии действий, поиск подходов к проблеме массовой вакцинации в Чехии и Словакии сопровождался шлейфом скандалов, разоблачений и ожесточенного внутриполитического противоборства, в котором сошлись не просто сторонники и противники использования российской вакцины, а носители различных взглядов на стратегию отношений с Москвой.

Интерес чешского руководства к приобретению вакцины Спутник V стимулировался низкими темпами поступления западных препаратов при резком росте заболеваемости, достигшей к концу февраля 2021 года наивысших показателей в мире – около 1200 новых случаев заражения за сутки в пересчете на один миллион человек населения. Положение усугубилось отказом кампании AstraZeneca от поставки ранее заявленного количества вакцин европейским потребителям. Ситуация демонстрировала тенденцию к ухудшению, и 27 февраля президент страны Милош Земан по договоренности с премьер-министром Андреем Бабишем направил письмо российскому коллеге Владимиру Путину с просьбой предоставить Чехии Спутник V [15]. Такая возможность уже рассматривалась ранее, и соответствующие контакты между странами имели перспективу развития, чому активно содействовал последовательный сторонник укрепления российско-чешских связей президент Земан. Но в условиях крайне сложного политического ландшафта Чешской Республики, насыщенного силами, отнюдь не симпатизирующими России, подобные шаги были обречены столкнуться с ожесточенным сопротивлением.

Впрочем, поначалу казалось, что все препятствия преодолимы, поскольку ядро чешского руководства в лице президента и главы кабинета выступа-

ло за российскую вакцину. Еще 8 февраля Андрей Бабиш говорил с главой Минпромторга РФ Денисом Мантуровым по поводу возможности получения Чехией Спутника V. Спустя три недели он дал развернутое интервью, посвященное планам правительства использовать российский препарат. Бабиш подчеркнул, что испытывает к нему полное доверие и отверг попытки безосновательно клеветать на Спутник V по политическим или идеологическим соображениям. В порядке аргументации своих доводов чешский премьер вспомнил эффективность советских вакцин, знакомых гражданам старшего поколения, а также подчеркнул растущую популярность Спутника V в мире. Как и президент Земан, Бабиш считал оправданным пойти венгерским путем, то есть начать широкую вакцинацию российским средством немедленно после его тестирования и получения согласия чешского фармацевтического регулятора, не дожидаясь регистрации вакцины EMA [9].

Действительно, в тот же день, 28 февраля Чешский государственный институт по контролю за лекарственными препаратами допустил использование Спутника V без одобрения Евросоюза, если оно будет санкционировано министерством здравоохранения, и приступил к изучению документации, представленной российской стороной. Именно позиция чиновников из Минздрава стала серьезным препятствием. Министр здравоохранения Чехии Ян Блатны заблокировал применение российской вакцины без предварительной регистрации в ЕС. В своем интервью, данном 10 февраля, он категорически исключил вакцинацию препаратами, не получившими разрешение EMA. По словам Блатны, этого не будет, покуда он занимает министерский пост [8].

Между тем премьер Бабиш постарался представить переговоры с Россией в качестве вынужденной и едва ли сильно желаемой меры, отвечая таким образом на упреки в нарушении прежних обязательств, звучащие из Брюсселя. Выступая 2 апреля с интервью местному сетевому изданию, премьер заявил, что Европейский союз не способен обеспечить Чехию вакцинами против COVID-19 и тем самым «косвенно вынуждает» республику обращаться к российским производителям, хотя, в отличие от ряда других стран, чехи с самого начала и однозначно сформулировали потребность только в одобренных ЕС препаратах. «Мы оказались в ситуации, когда говорится о солидарности, но когда ее надо продемонстрировать, этого не происходит», – подытожил Бабиш [10].

Запущенный двумя месяцами ранее политический процесс набирал обороты, сопровождаясь важными кадровыми решениями. Так, 7 апреля по настоянию президента Земана был уволен со своего поста глава Минздрава Ян Блатны, активно сопротивлявшийся закупкам российской вакцины. Его место занял Петр Аренбергер, не исключавший такой возможности после проведения цикла клинических испытаний. Следом, 13 апреля покинул кресло министр иностранных дел Томаш Петршичек, также весьма крити-

чески настроенный по отношению к сотрудничеству с Россией, не только в вопросах вакцинации, но и в сфере строительство нового энергоблока на АЭС «Дукованы». Новым главой МИД временно стал министр внутренних дел вице-премьер Ян Гамачек.

Произошедшее затем производит впечатление политической провокации. На следующий день после отставки своего политического противника Томаша Петрличека Гамачек объявил о предстоящей 19 апреля поездке в Москву для переговоров о приобретении Спутника V. А 16 апреля визит был экстренно отменен по настоянию премьер-министра Бабиша [18]. Симптоматично, что и Бабиш и Гамачек, касаясь переговоров с российской стороной, теперь настойчиво оговаривали возможность подписания контракта предварительным одобрением вакцины ЕМА. Это не только контрастировало с ранее заявленными намерениями чешских официальных лиц, но и обессмысливало их. Суть происходящего прояснилась 17 апреля, когда Андрей Бабиш обнародовал «неопровергнутую» информацию об участии сотрудников российских спецслужб в подготовке взрывов на складах боеприпасов в деревне Врбетице, произошедших в 2014 году и унесших жизни двух граждан Чехии.

Последовавший межгосударственный скандал, сопровождавшийся взаимной высылкой российских и чешских дипломатов, привел к «обвалу» в отношениях двух стран. Словно по команде резко активизировались все антироссийски настроенные политические силы Чешской Республики, увидевшие возможность выгодно начать предвыборную кампанию «на волне» российской угрозы. Любопытным образом мишенью для гнева парламентской оппозиции в лице Гражданской демократической партии и христианских демократов стал Ян Гамачек, усердно обличавший «враждебные намерения» России. Поводом послужили материалы публикаций в СМИ, согласно которым вице-премьер собирался посетить Москву, чтобы выторговать бесплатную поставку Спутника V в обмен на неразглашение фактов российской причастности к подрыву складов. Отвечая на обвинения в «торговле безопасностью страны», Гамачек озвучил иную версию. По его утверждению, отмененные переговоры являлись частью замысла «универсальной и масштабной» операции против России, позволившей чешским силам безопасности «добиться феноменального успеха» и «значительно ослабить враждебную деятельность российских агентов» [19].

Самым непосредственным результатом скандала оказалось теперь уже окончательное закрытие темы российской вакцины в чешском политическом поле, о чем 19 апреля объявил вице-премьер Гамачек. Десять дней спустя Государственный институт по контролю за лекарственными препаратами проинформировал о прекращении изучения российской вакцины Спутник V якобы из-за недостатка полученной от производителя документации, а 2 мая «черту подвел» сам Андрей Бабиш: «В республику поступает

достаточное количество вакцин. Мы не нуждаемся в других препаратах» [4]. Справедливости ради стоит заметить, что потерявший в актуальности бренд российской вакцины сместился на периферию чешского общественного внимания, захваченного и поглощенным пламенем разгорающегося скандала. Правда, он по-прежнему остается востребованным, хотя и в сугубо негативном ключе, когда речь заходит о «геополитических играх» Москвы с применением вакциновых препаратов в качестве средств влияния или подчинения.

Внезапность и массированность антироссийской кампании вызвали некоторую оторопь даже у немалой части политического истеблишмента. И если сторонники российско-чешского сотрудничества были просто вынуждены отбиваться от нападок и обвинений, то в реакции целого ряда официальных лиц «не из числа больших друзей России» прочитывались досада и раздражение. Многое говорит о том, что правительство Чехии, действительно, планировало закупку Спутника V и уже готово было приступить к официальным переговорам, но оказанное в последний момент воздействие весьма влиятельных внешних сил опрокинуло имевшиеся намерения, поставив Прагу в довольно неловкое и даже нелепое положение. В любом случае, масштабы очень «своевременно» инициированного скандала выходят далеко за рамки гипотетических мотивов, связанных исключительно с «торпедированием» российской вакцины.

Ситуация в Словакии является ярким показателем того, как «вакцинальная проблема» становится катализатором межпартийного противостояния. Премьер-министр Игорь Матович, имеющий достаточно богатый опыт конфликтов с представителями самых различных политических сил, в критической ситуации сделал ставку на импорт российской вакцины, пошел наперекор мнению партнеров по четырехпартийной правящей коалиции, усугубив тем самым уже существующие разногласия, и проиграл. Его место занял более последовательный критик России Эдуард Хегер. Своего рода знаком рискованной политической игры, ведущейся «на грани фола», стала не слишком изящная шутка, отпущенная бывшим премьером незадолго до отставки. На вопрос о том, что он пообещал России в качестве платы за вакцину от COVID-19, Матович ответил: «Закарпатскую Украину», чем вызвал бурную реакцию в Киеве, где, очевидно, «не оценили» словацкого юмора [13].

Матович до последнего пытался взять верх над политическими оппонентами и, уже «пересев» из премьерского кресла в вице-премьерское, продолжал настаивать на применении в Словакии Спутника V. Ради спасения разваливающейся сделки он даже совершил визит в Москву и сразу затем – в Будапешт. Расчет словацкого политика, видимо, состоял в «изящном уходе» от волны общественного недовольства и переложении ответственности за проваленную вакцинацию на антироссийски настроенных критиков сво-

его курса. В таком случае сам Матович, ничего не теряя, приобретал дополнительную популярность среди немалой части словаков, сохранявших доброе отношение к России.

Строго говоря, в развернувшейся борьбе столкнулись не сторонники и противники сближения с Россией, а вполне тривиальные конкуренты за доступ к властному ресурсу. Вместе с тем, «идейные» противники премьера Матовича не намерены допустить ситуацию, при которой широкое использование Спутника V послужит укреплению пророссийских настроений в словацком обществе.

Как заявил 9 апреля бывший словацкий премьер, у российской вакцины Спутник V много влиятельных врагов в Словакии, они видят главную проблему в получении для жителей республики партии эффективного препарата, основным недостатком которого является происхождение из России. «Они использовали эту вакцину как гибридное оружие, чтобы снять с поста министра здравоохранения и меня с поста премьера», – заключил Игорь Матович [14]. К числу таких политических деятелей явно принадлежит председатель партии «За людей» Вероника Ремишова, поставившая вопрос о необходимости одобрения российской вакцины институтами Европейского Союза, и назвавшая Спутник V geopolитическим оружием России. Еще одним видным представителем этих сил выступает член партии «Свобода и солидарность» министр иностранных дел Иван Корчок, считавший российскую вакцину «инструментом в гибридной войне».

Скандалный вердикт словацкого фармацевтического регулятора, о несоответствии между образцами Спутника V, поставленными Словакии и отправленными для изучения ЕМА, лишил Игоря Матовича всякого морального преимущества. Сохранявшийся в обществе повод для недовольства действиями властей был формально устранен через два месяца, когда Государственный институт лекарственных препаратов все же дал разрешение и начались первые прививки.

К настоящему моменту страны вишеградской «четверки» в основном преодолели или, по крайней мере, сгладили противоречия и разногласия, препятствовавшие взаимному сближению в прошлом. Стабилизация отношений, впрочем, не означает их полной гармонии, и в «запасе» у действующих или будущих политиков есть немало тем, способных осложнить вишеградский диалог.

Группа В4 переживает ныне ответственный этап зрелости, сопряженный с выбором дальнейшей стратегии развития. Ее возможные перспективы, подкрепленные успехами в составе Евросоюза, предполагают институциональное оформление, а также распространение влияния на западно-балканские и сопредельные постсоветские государства. При ином, менее благоприятном сценарии политическая стагнация проекта и обострившиеся внутри него конфликты интересов заставят участни-

ков объединения довольствоваться ролью статистов в чужих геополитических расчетах. Способность к преодолению коронавирусного кризиса будет одним из наглядных показателей готовности вишеградских держав двигаться в будущее. Стоит лишь заметить, что указанная способность определяется самостоятельностью, ответственностью и эффективностью принимаемых ими решений, но отнюдь не измеряется прорывами и перипетиями «вакцинной дипломатии», как бы кому-то ни хотелось это представить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Шишилина Л.Н. Успех вишеградских стран на постковидном саммите ЕС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 4. DOI: 10.15211/vestnikieran420205157.
2. Az EU figyelmezetté Magyarországot, hogy ne használja az orosz vakcinát // Szeretlek Magyarorszag. 19.11.2020 // <https://www.szeretlekmagyarorszag.hu/hirek/az-eu-figyelmezettete-magyarorszagot-hogy-ne-hasznalja-az-orosz-vakcinat/>.
3. Babiš po jednání s Orbánem: Nejlepší vakcína je bezpečná a dostupná. Při očkování by se neměla dělat politika // Sputnik Česká republika. 05.02.2021 // <https://cz.sputniknews.com/20210205/babis-po-jednani-s-orbanem-nejlepsi-vakcina-je-bezpecna-a-dostupna-pri-ockovani-by-se-nemela-delat-13153207.html>.
4. Babiš: Ruskou vakcínu už nepotřebujeme // Sputnik Česká republika. 02.05.2021 // <https://cz.sputniknews.com/20210502/babis-ruskou-vakcinu-uz-nepotrebujieme-14357849.html>.
5. KE nie chce dodatkowych szczepionek AstraZeneca. Dworczyk: na decyzję wpływły problemy z tą firmą // PolskieRadio24.pl. 22.04.2021 // <https://www.pol-skieradio24.pl/5/1222/Artykul/2720820,KE-nie-chce-dodatkowych-szczepionek-AstraZeneca-Dworczyk-na-decyzje-wplynely-problemy-z-ta-firma>.
6. Magyarország felelőssége, ha az EU engedélye nélkül forgalomba helyezi az orosz vakcinát // Szeretlek Magyarorszag. 30.11.2020 // <https://www.szeretlekmagyarorszag.hu/hirek/magyaroszág-felelossege-ha-az-eu-engedelye-nelkul-forgalomba-helyezi-az-orosz-vakcinat/>.
7. Magyarország nem kíván részt venni a brüsszeli vakcinabeszerzés következő fejezetében // Magyarország Kormánya. Hírek. 20.05.2021 // <https://kormany.hu/hirek/brusszel-nelkul-is-lesz-eleg-vakcinank>.
8. Ministr Blatný: Pokud nám budou chodit vakcíny, budeme mít v létě sedm milionů naočkovaných // Portál Českého rozhlasu. 10.02.2021 // https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/jan-blatny-ano-ministr-zdravotnictvi-ockovani-koronavirus-covid-sputnik-britska_2102101400_sto.
9. «Moji rodinu chtěli zastřelit» Babiš se málem rozplakal v přímém přenosu // Sputnik Česká republika. 28.02.2021 // <https://cz.sputniknews.com/20210228/babis-se-malem-rozplakal-v-prime-prenosu-13259124.html>.

10. Musíme přemýšlet o nákupu vakcíny Sputnik, řekl Babiš po krachu jednání s EU // CNN Prima NEWS. 02.04.2021 // <https://cnn.iprima.cz/babis-po-krachu-jednani-v-eu-musime-premyslet-o-nakupu-ruske-vakciny-sputnik-v-22301>.

11. *Orbán V.* (2021a) Nincs keleti és nyugati oltóanyag, csak jó és rossz vakcina // Infostart.hu. 22.02.2021 // <https://infostart.hu/belfold/2021/02/22/orban-viktor-nincs-keleti-es-nyugati-oltoanyag-csak-jo-es-rossz-vakcina>.

12. *Orbán V.* (2016) Brüsszel elszúrta a vakcinabeszerzések. Orbán Viktor a Kossuth rádióban // Magyarország Kormánya. Hírek. 14.03.2021 // <https://kormany.hu/hirek/brusszel-elszurta-a-vakcinabeszerzeseket>.

13. Ospravedlnil sa! Ako premiér žehlí svoj výrok o Zakarpatskej Ukrajine // Nový Čas. 04.03.2021 // <https://www.cas.sk/clanok/1096629/ospravedlnil-sa-ako-premier-zehli-svoj-vyrok-o-zakarpatskej-ukrajine/>.

14. Podpredseda vlády a minister financií Igor Matovič informuje o svojej pracovnej ceste v Moskve. Igor Matovic // Facebook. 09.04.2021 // <https://www.facebook.com/igor.matovic.7>.

15. Rozhovor prezidenta republiky pro pořad TV Prima Partie Terezie Tomákové // Pražský hrad. Miloš Zeman, prezident České republiky. 22.02.2021 // <https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/soucasny-prezident-cr/vybrane-projevy-a-rozhovory/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-porad-tv-prima-partie-terezie-tomankove-15825#from-list>.

16. Sem politikai, sem üzleti lobbi nem akadályozhatja meg, hogy Magyarországra hozzák a hatásos vakcinát // Magyarország Kormánya. Külügazdasági és Külügyminisztérium. Hírek. 07.11.2020 // <https://kormany.hu/hirek/sem-politikai-sem-uzleti-lobbi-nem-akadalyozhatja-meg-hogy-magyarorszagra-hozzaka-hatasos-vakcinat>.

17. *Shishelina L.N.* Uspekh vishegradskikh stran na postkovidnom sammite ES. Success of the Visegrad countries in the post-chase summit of the EU // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN. 2020. № 4. DOI: 10.15211/vestniki-eran420205157.

18. Tisková konference po jednání vlády, 19 dubna 2021. Vláda České republiky // Média centrum. 19.04.2021 // <https://www.vlada.cz/cz/media-centrum/tiskove-konference/tiskova-konference-po-jednani-vlady--19--dubna-2021-187818/>.

19. Věděl jsem dopředu, že do Moskvy nepoletím. Byla to koordinovaná akce, tvrdí Hamáček // Deník N. 18.04.2021 // <https://denikn.cz/606970/cesta-do-mosovy-byla-fingovana/?ref=tit1>.

A. SMIRNOV

*Candidate of Sciences (Political),
Senior Researcher at the Institute of World Economy
and International Relations Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

«CORONAVIRUS GEOPOLITICS» OF THE COUNTRIES OF THE VISHEGRAD GROUP

Pandemic COVID-19 has become a difficult test for the countries of the Visegrad Group. It was the tragic cause of numerous human losses and economic losses, but at the same time gave a new impetus to subregional cooperation in the fight against the infectious threat and its consequences. Since the end of 2020, the pledge of victory over the disease has become a mass vaccination. The main conditions for its conduct are beyond the resource potential of the Visegrad states and transfer the medical and social problem to the sphere of geopolitics. The behavior of the group member countries marked a whole range of approaches to solving an arisen problem. The most unequivocal position was occupied by the Poland authorities that use for vaccinations exclusively drugs approved by Brussels. In Hungary initially existed a flexible approach to the problem of vaccination funds, which corresponded to the pragmatic installations of the government of Viktor Orban. The beginning of mass vaccination in the Czech Republic and Slovakia, on the contrary, was accompanied by a series of scandals and fierce internal political confrontation. The conflicting parties here were not simply supporters and opponents of using the Russian vaccine, but carriers of various views on the strategy of relations with Moscow.

Key words: Visegrad Group, Coronavirus, pandemic, vaccination, Sputnik V, Russia, medicine, politics, geopolitics, international relations, EU, domestic political conflict.

*кандидат политических наук,
преподаватель Пекинского университета
иностранных языков, Китай, г. Пекин*

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ И РОССИИ

В статье языковое образование рассматривается как инструмент «мягкой силы» государства. В условиях глобализации наблюдается тенденция активизации межкультурной коммуникации, образовательных обменов, в процессе взаимодействий культур ключевую роль играет знание иностранных языков. В связи с этим, языковое образование в любой стране приобретает актуальное значение, служит связующим звеном с внешним миром. Успешная организация языкового образования, активное продвижение изучения национальных языков за рубежом, и качественная подготовка кадров привлекают иностранных студентов, формируют доброжелательные отношения между народами разных стран мира, способствуют межгосударственным контактам на основе взаимодоверия и взаимопонимания. Таким образом, языковое образование представляет собой рычаг внешнеполитического влияния, имеет огромное потенциальное воздействие на общественное мнение мирового сообщества, выступает эффективным инструментом «мягкой силы» страны. Китай и Россия в XXI веке начали поддерживать культурно-образовательные проекты по изучению своего национального языка во всем мире и выходить на международный рынок образовательных услуг, благодаря принятым мерам обе страны достигли успехов и по «мягкой силы». Однако Запад по-другому оценивает результаты работы Китая и России, пытается ограничить «мягкую силу» двух держав. При этом Китай и Россия продолжают использовать языковое образование для распространения своей «мягкой силы» по всему миру и дальше развивать гуманитарное сотрудничество между собой.

Ключевые слова: мягкая сила, языковое образование, Китай, Россия, влияние.

Введение. В информационный век образование практически стало общим достоянием всего человечества. Любой человек, вне зависимости от местонахождения, национальной принадлежности, социального статуса, имеет самые разные возможности использовать образовательные услуги

и разного рода информацию для своего развития. В процессе обменов знаниями и впечатлениями создается кросс-культурная среда, где разные культурные традиции и народные обычаи переплетаются. В данном поликультурном контексте рождаются новые точки зрения, достигается компромисс и взаимопонимание, осуществляются договоренности между участниками международной жизни.

Азиатско-тихоокеанский регион отличается разнообразной цивилизационной палитрой, в нем проживает большинство населения Земли. Регион уверенно демонстрирует остальному миру стабильный экономический рост и огромный потенциал развития. В связи с этим, в АТР сконцентрированы государственные интересы мировых держав. Все страны, претендующие на региональное или глобальное лидерство, включая США, Китай, Россия, Япония и другие государства, активно ведут свою работу по распространению собственного влияния в этой стратегически важной зоне. Таким образом, АТР вполне может стать главной площадкой, где рождаются конфликты. К счастью, конфликтогенность АТР не означает возникновение войн. Ядерный паритет между ключевыми игроками на международной арене сделал борьбу за влияние менее опасной. Конкуренция в основном осуществляется более мирным путем.

Именно поэтому известный американский ученый Дж. Най выдвинул теорию «SOFT POWER», по которой политолог рассматривает имидж страны и ее привлекательность как возможность одного государства воздействовать на внешний мир. Безусловно, менее рискованным, более эффективным способом для достижения цели повлиять на соперника является не военная агрессия или экономические санкции, а убеждение. Это значит, тот, кто на мировой арене умеет уговаривать других следовать правилам игры в международных отношениях, стремясь к желаемым результатам без принуждения, подачек и подавления, вполне может пользоваться уважением, авторитетом и большим успехом в международном сообществе.

Материалы и методы. Объектом исследования стало языковое образование Китая и России, которое используется государствами как инструмент «мягкой силы». Материалом послужили научные работы китайских, российских, американских исследователей и статистические данные, опубликованные в СМИ и в интернете – на сайте Фонда «Русский мир», рейтингового агентства QS. При анализе материала использовался сравнительный метод исследования, что представляет картину того, как дела обстоят с языковым образованием, применяемым при распространении «мягкой силы». Кроме того, в исследовании анализировались разные интерпретации самой концепции «SOFT POWER», чтобы определить общепринятый вариант перевода данного термина на китайский и русский язык.

Стоит отметить, предложенный Дж. Наэм термин «SOFT POWER» по сути не является новой идеей. В русском языке, например, есть устойчи-

вое выражение «кнут и пряник» (или «палка и морковка») – метод совмещения различных способов воздействия или стимулирования. А древнекитайский мудрец Лао-Цзы, рассуждая о политике и общественных отношениях, сравнивал их с водой: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет» [3. С. 78]. В русском языке словосочетание «мягкая сила» ученые употребляют чаще, в целом все согласны с тем, что «мягкая мощь», «гибкая власть» и др. считаются синонимами более общепринятого перевода «мягкой силы». В официальных источниках Китая преимущественно употребляется термин «软实力» (*ruan shi li* / жуань ши ли), вместе со словом-префиксом «文化» (*wen hua*/вэн хуа – культура), что связывает «мягкую силу» с культурой.

Результаты и обсуждение. Ввиду того, что образование тесно связано со всеми сферами общественной жизни, от него зависит дальнейшее развитие всего человечества. В условиях глобализации все осознали, что «знания – сила», а образование, в ходе которого передаются знания и весь человеческий опыт, имеет неизмеримое значение. Именно в этой связи в международных отношениях многие государства используют образование как канал распространения собственной «мягкой силы», так как оно отвечает за формирование взглядов, обмен знаниями. Достичь желаемого преобразования с помощью образования – достаточно эффективный способ воздействовать на внешний мир.

Без языка не может быть речи об образовании. Языковое образование для любой страны – структурообразующая часть всей работы по просвещению народа. С одной стороны, оно помогает сохранять культурную память, традиции и обычаи, национальную идентичность, формировать определенное общее коллективное мировоззрение у людей. С другой стороны, оно предоставляет практически равноправные условия для погружения в ту или иную культурную среду, способствует процессу обмена всей информацией, распространяющейся по всему свету. Именно через него проходит путь к самоидентификации человека и его интеграции в общество. Соответственно, каждая страна, развивая языковое образование в пределах своих границ или за пределами своих территорий, не только укрепляет комплексную мощь государства, но и расширяет возможности внешнего влияния при все более тесном взаимодействии с другими участниками международной жизни. Таким образом, языковое образование в современных реалиях приобретает новый смысл, который заключается в том, что его могут использовать для оказания влияния на окружающий мир.

Формирование имиджа страны непосредственно связано с языком и его ролью и конкурентоспособностью в современном мире [3. С. 272]. Ярким примером «мягкой силы» языкового образования является распространение по всему миру английского языка. Запад во главе с США за последние десятилетия привлек к себе огромное количество выдающихся специалистов

и молодых талантов, внесших большой вклад в социально-экономическое развитие государств принимающих этих высококвалифицированных кадров сторон. В результате ведущие западные страны укрепили свою лидирующую позицию в борьбе за человеческий капитал, тем самым обеспечили на достаточно долгое время свое доминирование в глобальных делах. На фоне успешной реализации «американской мечты» другие менее развитые страны в отличие от лидеров Запада стали «донором» ума, серьезно пострадали от «утечки мозгов». Ни Россия, ни Китай, не могли остаться исключением. По мере того, как английский язык вместе с его преподаванием во всем мире набирал обороты, в массовую культуру вошли и голливудские фильмы, поп-музыка, джинсы, кока-кола, фаст-фуд. Либерально-демократические и другие «традиционные» ценности Запада стали общим «культурным наследием» всего мирового сообщества. Формируя предпочтение людей, «мягкая сила» ведущих западных держав настолько возросла, что они нередко могли себе позволять действовать довольно гибко во многих международных делах, имея весьма широкую поддержку своих друзей или «младших братьев», при этом объясняют свои поступки тем, что они борются за свободу, демократию и права человека. С таким подходом к делам коллективный Запад в большинстве случаев не может оставаться равнодушным к тому, что происходит в остальных частях планеты. При этом он не привык к тому, что иногда необходимо строить диалог с партнерами на основе равноправия и взаимоуважения. Перед растущей силой развивающихся стран, новых центров силы образующегося многополярного мира представителям западоцентризма рано или поздно придется при решении региональных и глобальных вопросов считаться с интересами других участников международной жизни со всех континентов Земли, находить с ними компромисс и принимать в учет их точки зрения.

В XXI веке Китай постепенно выходит в мировые лидеры, Восточный гигант встал перед «Старым Светом» и укрепляет свой международный статус. И современная Россия смогла преодолеть трудности, сложившиеся после распада Советского Союза, вернулась в качестве одного из ключевых игроков глобального управления. Новые полюсы притяжения также осознали сугубо важное значение «мягкой силы» и не упустили главную роль языкового образования в ее распространении. Об этом свидетельствуют многочисленные культурно-образовательные программы, в том числе открытие научно-педагогических центров по изучению национального языка и культуры по всему свету, организация языковых стажировок за рубежом, создание разнообразного образовательного контента во Всемирной паутине. Все перечисленное охватывает более широкую публику за границей, усиливает потенциал «мягкой силы» государства-инициатора.

Будучи официальными рабочими языками Организации Объединенных Наций, китайский и русский языки широко применяются в межгосудар-

ственных контактах и в ряду международных и региональных организаций, где Китай и Россия вносят свою лепту в общее дело. Кроме того, оба языка особо популярны в своей традиционной зоне распространения: китайский язык в Юго-Восточной Азии; русский язык в Восточной Европе и Центральной Азии. Однако влияние национальных языков Китая и России не ограничивается данными регионами, а выходит на более широкомасштабный уровень: китайский язык – самый распространенный с точки зрения количества людей, говорящих на нем; а русский язык популярен за счет самой крупной территории и большого геополитического влияния СССР и РФ.

Обладая мощным инструментом по созданию «мягкой силы» государства, власти Китая и России за последние годы приложили колоссальные усилия для продвижения языкового образования. Основная работа велась и ведется параллельно в двух направлениях: в своей стране и за ее пределами.

6 июля 2020 года Министерство образования КНР объявило об учреждении Центра языкового образования и сотрудничества (Center for Language Education and Cooperation), который был учрежден вместо Штаб-квартиры Институтов Конфуция и о том, что наименование Канцелярия по распространения китайского языка за рубежом «Ханьбань» (Hanban) более не будет использоваться за пределами Китая. Все права на использование бренда «Институт Конфуция» по всему миру были переданы учрежденному в это же время Китайскому международному фонду образования (Chinese International Education Foundation) [4. С. 168]. Согласно информации на сайте China News Service (CNS), по состоянию на 24 июля 2021 года, сеть Институтов и Классов Конфуция открыта на всех континентах, работает в 158 государствах и регионах мира. Свыше 500 Институтов и Классов Конфуция уже получили от Фонда доверенность на осуществление образовательной деятельности. После модернизации механизма управления, китайский язык будет по-прежнему преподаваться для миллионов людей из разных стран мира [6].

Популяризацией русского языка и поддержкой программ изучения русского языка в России и за рубежом занимается Фонд «Русский мир», который был создан во исполнение Указа Президента РФ В.В. Путина от 21 июня 2007 года. К этому времени новый бренд китайского образовательного проекта, несущий имя великого древнекитайского мудреца уже успешно развивался почти 3 года. (Первый Институт Конфуция был открыт в Сеуле 21 ноября 2004 года). Фонд «Русский мир» в итоге разработал собственный международный культурный проект «Русский центр». Предполагается, российский проект был создан по опыту мировой практики, например, с учетом механизма работы Института Конфуция – в партнерстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами, или по схеме развертывания образовательной сети других предшественников (Alliance française работают с 1883 г., Goethe-Institut с 1951 г., The Japan Foundation

с 1972 г., Instituto Cervantes с 1991 г. и др.). Кроме «Русского центра», напоминающего Институт Конфуция, Фонд «Русский мир» открывает и «Кабинеты Русского мира» по разным континентам планеты, которые похожи на Классы Конфуция. По данным на официальном сайте Фонда, и «Русские центры», и «Кабинеты Русского мира» функционируют в более чем 50 странах мира [7; 8]. Справедливо отмечает китайский исследователь Чжао Синь, что Русские центры создают платформу, позволяющую демонстрировать культуру современной России гражданам других стран, тем самым развивая принципы «мягкой силы» и формируя благоприятный национальный имидж за рубежом [5. С. 146].

Кроме вышеописанного, Китай и Россия стремятся повысить качества языкового образования, тем самым развивают свою «мягкую силу». Власти двух стран предприняли ряд мер по привлечению иностранных студентов. Одним из нововведений в эпоху цифровизации международного образования служит создание официального информационного портала для иностранных студентов [9; 10]. Стоит отметить, что упомянутые сайты имеют несколько версий на иностранных языках. С помощью этих онлайн-ресурсов Китай и Россия демонстрируют свою готовность пригласить всех желающих на учебу, познакомить молодых учащихся со всего мира со своим национальным языком и культурой. Не менее важное значение для гостей из-за рубежа имеет канал подачи заявки на получение правительственноной стипендии. Каждый год власти Китая и России выделяют определенное количество бюджетных мест с должной финансовой поддержкой для иностранных студентов, чтобы последние могли хорошо жить и учиться в стране пребывания. Судя по последним новостям до эпидемии ковида, соответствующее число студентов, получающих стипендию, с каждым годом постепенно увеличивается. Акцент «рекламной кампании» онлайн-платформы еще часто делается на языковом образовании, публикуется информация об изучении языка, организовывается тест на определение уровня владения им, проводится экзамен по нему с последующей выдачей документа, который пользуется общим признанием и свидетельствует о том, какой языковой компетенцией учащийся владеет. Находясь на официальных сайтах об учебе в Китае или России, где собрано практически все, что связано с образованием в этих странах, любое заинтересованное лицо неосознанно становится ближе к тому языку и той стране, куда ему бы хотелось поехать учиться, превращается в потенциального носителя «мягкой силы».

В последние годы Китай и Россия активно развивают собственную систему образования, выходя на международный рынок образовательных услуг. В повышении качества образования особое внимание выделяется языковому образованию, которое в большей степени ориентируется на взаимодействие культур. Хорошо организованное и высококачественное языковое образование открывает не только внешний мир для своих граждан,

но и дает иностранным учащимся возможность лучше и больше понимать изучаемый ими язык и ту страну, где они учатся. В связи с этим, когда речь идет конкретно о создании «мягкой силы» страны и ее формировании с помощью образовательного процесса, стоит акцентировать внимание на языковом образовании. Чем лучше оно будет выглядеть (при том, что оно в первую очередь, безусловно, должно быть по-настоящему качественным), тем образование страны в целом будет привлекательнее для иностранной публикой. В результате приток молодых и талантливых студентов будет увеличиваться, тем самым будет успешно создан позитивный имидж страны. Например, об успехах совершенствования системы высшего образования Китая и России свидетельствуют последние данные рейтинговых агентств, где количество ведущих вузов двух стран с годом стабильно увеличивается:

Таблица 1

Время \ год		2019	2020	2021	2022
Количество вузов России	Top-1000	25	25	28	35
	Top-500	15	16	17	17
	Top-100	1	1	1	1
Количество вузов Китая (1)	Top-1000	40	42	51	53
	Top-500	21	24	26	35
	Top-100	6	6	6	6

(Таблица составлена автором данной статьи, согласно данным на официальном сайте QS World University Rankings // <https://www.topuniversities.com/>)

Перспективы развития языкового образования, которое является важной частью образования в целом, еще заключаются в том, что оно востребовано иностранными учащимися, которые уже проявляют заинтересованность в нем и готовы поехать заграницу учиться. Это подтверждает то, что существует сам по себе канал распространения «мягкой силы» через языковое образование, властям предстоит всего лишь задействовать данный инструмент для привлечения иностранной аудитории и максимально эффективно использовать его для оказания влияния на данную группу людей. Как заслуженный деятель науки РФ Понеделков А.В. с коллегами отмечает, «Иностранцы учат русский язык, прежде всего, для работы, получения образования в России. Спрос на русский язык определяется экономическими и образовательными причинами» [1. С. 102]. А Китай в свою очередь, с точки зрения экономического развития, для иностранцев не будет менее привлекательным, тем более страна достаточно открыта и добра по отношению к гостям. Многие выбирают китайский язык своей специальностью именно исходя из подобных соображений. Сегодня Китай и Россия не только стремятся к созданию топовых образовательно-научных учреждений, но и пред-

лагают иностранным учащимся широкий спектр образовательных услуг, в основе которых обязательно лежит качественная языковая подготовка.

Выводы. За последнее 2-3 десятилетия, «мягкая сила» прошла путь от научной концепции до реальной практики, и перестала быть многим неизвестным термином. Вместе с этим, языковое образование Китая и России начало занимать уникальное место в государственной стратегии по «мягкой силе», от чего в определенной степени зависят межгосударственные отношения двух держав с остальным миром. Сегодня языковое образование используется Китаем и Россией для наращивания «мягкой силы» государства, две страны достаточно успешно развиваются языковые и культурно-образовательные проекты за рубежом, направляют большие усилия для того, чтобы иностранные студенты приехали к себе на учебу и испытывали симпатию к принимающей стороне.

Несмотря на вышеупомянутые факты и успехи, языковое образование как инструмент «мягкой силы» Китая и России сталкиваются с рядом проблем, требующих своевременного решения.

Растущее влияние языкового образования Китая и России на внешний мир привело к тому, что в некоторых странах начали рассматривать популярность одного из двух языков как вызов, даже угрозу государственной безопасности. По соображениям игры с нулевой суммой или холодной войны, отдельные государства предпринимают разные меры для того, чтобы ограничить влияние языкового образования Китая и России, пытаются вытеснить китайский или русский из языковой среды. Например, языковая политика в постсоветских республиках часто вызывала и вызывает спорные вопросы, нередко наблюдается нарушение прав русскоязычного населения. А Институт Конфуция на западе не раз подвергается необоснованной критике. Со стороны западных теоретиков звучат негативные отзывы о китайской и российской «мягкой силе», разные эксперты вступают в полемику о самой концепции «мягкой силы», но многие из них сошлись во мнении в том, что «мягкой силы» у Китая и России якобы «на самом деле не существует», поскольку все проекты, связанные с этим видом внешнего воздействия, получают государственную поддержку. Однако вне зависимости от их точек зрения, власти Китая и России не собираются остановить свои шаги по развитию своей «мягкой силы» во всем мире согласно собственному видению.

Теперь на Западе стали чаще использовать для описания «мягкой силы» Китая и России новую придуманную международниками концепцию «острую силу» (Sharp Power). Суть трансформации данной политологической концепции состоит в том, что Запад имеет иной взгляд на то, чего достигли Китай и Россия, пытается пересмотреть результаты их работы по «мягкой силе». В этом подходе к оценке текущей международной обстановки отражается не только двойной стандарт, но и национальный эгоизм.

Это могло служить мотивом того, что Запад старается проводить четкую грань между своей «мягкой силой» и чужой «острой силой».

При этом не стоит недооценивать «мягкую силу» Запада, ряд европейских языков во главе с английским по-прежнему пользуется огромной популярностью во всем мире. Рост влияния китайского или русского языка не обязательно приводит к тому, что языковое образование как инструмент «мягкой силы» западных стран теряет свою позицию, поскольку в современных условиях перед всеми желающими изучать иностранные языки всегда предлагается широкий выбор языковых программ. Стоит отметить, что по мнению большого количества ученых и учащихся, английский считается одним из самых простых, а китайский и русский являются чуть не одними из самых сложных среди всех широко распространенных языков мира.

Сближение Китая и России обусловлено не только давлением со стороны Запада, но и общими интересами двух стран. Сотрудничество между державами, в том числе в сфере образовательных обменов, динамично развивается с каждым годом, по словам лидеров КНР и РФ, стало образцовым в межгосударственных отношениях. Как показывает практика, взаимное проникновение «мягкой силы» через языковое образование не наносит ущерб обеим сторонам, а наоборот, способствует взаимопониманию между народами, что создает предпосылки для сохранения благоприятной тенденции развития тесного взаимодействия и добрососедских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Речь идет о континентальной части Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Семеренко А.С. Сохранение языкового многообразия в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7.
2. Лао-Цзы. Дао Де Цзин // Litres. 2015.
3. Селезнева Л.В., Северская О.И., Саакян Л.Н. Имиджевые характеристики русского языка в аспекте политики «мягкой силы» // Русистика. 2021. Т. 19. № 3.
4. Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2.
5. Чжао Синь. Институт Конфуция и Фонд «Русский мир» в контексте глобализации: сравнительный анализ // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9.
6. <http://www.chinanews.com/cul/2021/07-24/9527533.shtml>.
7. <https://russkiymir.ru/rucenter/>.
8. <https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php>.

-
9. <https://www.campuschina.org/>.
 10. <https://studyinrussia.ru/>.

XIONG LEPING

*Ph.D., Beijing Foreign Studies University,
Beijing, China*

LANGUAGE EDUCATION AS A TOOL OF “SOFT POWER” OF CHINA AND RUSSIA

This article considers language education as a tool of “soft power” of the state. In the context of globalization, there is a tendency to intensify intercultural communication and educational exchanges, foreign language skills play a key role in the process of cultural interactions. In this regard, language education in any country acquires a topical importance, serving as a link with the outside world. Successful organization of language education, active promotion of the study of national languages abroad and high-quality training attract foreign students, form goodwill between the peoples of different countries of the world, contribute to interstate contacts on the basis of mutual trust and understanding. Thus, language education can be a lever of foreign policy influence, has a huge potential impact on the public opinion of the world community, and acts as an effective tool of “soft power” of the country. China and Russia in the 21st century began to support cultural and educational projects, try to attract foreigners around the world to study their national language. Two countries enter the international market of educational services, thanks to the measures taken both countries have achieved success in “soft power”. However, the West views China and Russia’s performance differently and tries to limit the “soft power” of the two powers. Meanwhile, China and Russia continue to use language education to spread their “soft power” around the world and further develop their humanitarian cooperation.

Key words: soft power, language education, China, Russia, influence.

DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.018

УДК 32.327

Н.В. КОВАЛЕВСКАЯ

кандидат политических наук,

доцент факультета международных отношений

Санкт-Петербургского государственного университета,

Россия, г. Санкт-Петербург

ORCID 0000-0003-0864-0937

ResearcherID: N-3486-2013

Scopus Author ID: 57204945748

К.В. ОРЛОВ

студент факультета международных отношений

Санкт-Петербургского государственного университета,

Россия, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА МИЛИТАРИЗАЦИИ КОСМОСА КАК ОДНА ИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В контексте перехода к новому политико-цифровому укладу, к развитию инновационной индустрии и дезрэктивных трендов все чаще звучат опасения об изменении принципов географии войны, которая будет делиться не только на привычные формы, на фронт и тыл, на экономические и идеологические противостояния, на борьбу в информационном континуме, а в перспективе серьезно расширится до космического пространства. Ведущие космические державы активно разрабатывают концепции ведения боевых действий в космосе, все чаще появляются новости о создании новейших средств космического вооружения. В данном контексте особенно актуальным является анализ расстановки сил в этой сфере и перспектив использования космоса как поля боя в будущих мировых конфликтах. Земля – не самое спокойное место во вселенной, только сегодня по всей планете идет около тридцати войн разной интенсивности и ничего не указывает на то, что в недалеком будущем хоть что-то изменится в сторону нормализации и стабилизации межстрановых отношений. Напротив, напряженность в отношениях между государствами, особенно между великими державами, растет, что может рано или поздно вылиться в открытый вооруженный конфликт и противостояние. Однако даже великие военные державы, такие как Россия, Китай и США, не могут позволить себе связаться в глобальную войну, так как перспектива полного уничтожения сдерживает их от полномасштабной войны с применением ядерного оружия, военную силу они применяют лишь локально, в особо сложных случаях,

когда иными способами решить поставленную задачу не удается. В данной связи одной из арен такой войны может стать и космос.

Ключевые слова: глобальные проблемы человечества, милитаризация космоса, запрет милитаризации космоса, космическое оружие.

Введение. Целью исследования является анализ состояния и перспектив развития оружия, способного выполнять задачи в космическом пространстве, перспектив использования такого оружия в будущем, а также опасностей, которые несет в себе милитаризация космоса

Методы исследования. Исследование производится с помощью мультипарадигмального метода исследования, сочетающего в себе различные методы, например, контент-анализ (необходим при изучении текстовых новостных материалов, нормативно-правовых актов и обработке информационных потоков.

История милитаризации космоса и нормативно-правовые аспекты. Военная сфера и освоение космоса всегда были неразрывно связаны. Так, «*Vergeltungswaffe-2*», так же известная как «*Fau-2*», разработанная немецким конструктором Вернером фон Брауном и принятая на вооружение немецкой армии в сентябре 1944 года, является первым в истории земным устройством, совершившим суборбитальный космический полет [5. С. 24]. И Советский Союз, и США, используя наработки побежденных немцев, стали создавать свои баллистические ракеты, уже в мае 1946 года было принято постановление правительства о создании в нашей стране ракетостроительной промышленности, главным конструктором РКТ был назначен С.П. Королев. Уже 10 октября 1948 года Королев проводит первый пуск ракеты «*P-1*» – первой крупной баллистической ракеты, созданной в СССР, и на базе которой следующее десятилетие советские ученые будут создавать все новые модели, американцы же продолжили работать над полученными «*Fau-2*», дорабатывая и модернизируя их. К середине 50-х США уже имели ракету «*Redstone*», СССР же в 1957 году испытал свою новую ракету «*P-7*» и именно эти военные разработки, созданные для доставки самого разрушительного оружия, ядерной боеголовки, открыли для сверхдержав и для всего человечества дорогу в космос: 4 октября 1957 года ракета-носитель «*Спутник*», созданная на базе «*P-7*» вывела на орбиту земли «*Простейший Спутник-1*», первый искусственный спутник земли, 1 февраля 1958 года свой спутник вывели на орбиту и американцы, использовав для этого ракету-носитель «*Jupiter-C*», созданную на базе «*Redstone*» [4].

Политические и военные руководители СССР и США не смогли преодолеть свои военно-политические и идеологические амбиции, оказались не в силах поставить свои космические программы на службу вековой мечте человечества. Реальные маршруты советской и американской космонав-

тики все очевиднее вели к интересам военных ведомств, тешивших себя надеждой, что, завоевав господство в космосе, можно установить контроль над планетой» [15. С. 416].

Предвидя очередную гонку вооружений в еще одной области, а также опасаясь появления у одной из сторон стратегического преимущества, в 1959 году государствами был создан Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях, которым был принят целый ряд многосторонних международно-правовых документов, которые действуют и сегодня. Среди них Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года, Договор о космосе 1967 года, Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 года; Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года и многие другие правовые акты, регулирующие деятельность государств в космосе и ограничивающие его милитаризацию [9].

Милитаризации космоса и ее нормативно-правовые аспекты в XXI веке: теоретические и практические аспекты. В современном мире не отрегулирован прямой запрет на милитаризацию космоса. Стоит отметить, что Россия неоднократно предлагала юридически обязывающее соглашение против милитаризации космоса. Так, например, выступая 6 сентября 2000 года на Саммите тысячелетия в ООН, Президент России Владимир Владимирович Путин выдвинул предложение провести весной 2001 года в Москве под эгидой ООН международную конференцию по предотвращению милитаризации космического пространства, однако его предложение не привело к желаемому результату [8]. Тогда, в 2008 году на Конференции по разоружению, совместно с Китаем был представлен проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов [7]. В 2014 году был представлен его обновленный проект, в 2017 году лидеры стран БРИКС вновь представили обновленный проект договора, который, как и предыдущие попытки заключения договора, остался незамеченным [11]. В 2020 году, выступая на ГА ООН Президент России вновь сообщил об инициативе РФ, предусматривающей запрет на размещение оружия в космосе – с юридически обязывающим соглашением, но на проходящих через некоторое время переговорах о стратегической стабильности между США и РФ Вашингтон отказался включать тему милитаризации космического пространства в повестку [14].

Именно Соединенные Штаты являются, во многом, идеологом милитаризации космоса, на протяжении всей космической эпохи именно Вашингтон втягивал сначала СССР, а затем и Китай, и Россию, в космическую гонку вооружений, которая не была им выгодна. Военно-космические раз-

работки Соединенных Штатов, направленные на создание стратегического превосходства и укрепление безопасности, не обеспечивали ее, а усугубляли проблему, так как другая сторона вынуждена была снова и снова отвечать на новые угрозы [7].

Так произошло, например, со знаменитым «Бураном», самым совершенным аппаратом своего времени, чудом инженерной мысли. Опасения Соединенных Штатов были небеспочвенными и «Буран» действительно создавался как совершенное техническое устройство, в том числе и военное, которое должно было во всем стать лучше американского многоразового пилотируемого корабля «Space Shuttle», а поводом для его создания стал доклад ученых Института прикладной математики АН СССР во главе с академиком Мстиславом Келдышем. В отчете от 24 марта 1976 года было сказано, что «космический самолет может быть использован в качестве орбитального бомбардировщика или разведчика, обеспечивающего эффективное решение поставленной военной задачи на первом витке. Скрытность, внезапность и скоротечность маневра существенно затрудняют противодействие» [1. С. 24]. Через два дня после успешного запуска «Бурана» 15 ноября 1988 года американские аналитики подготовили для Президента Рейгана доклад, в котором советский аппарат был назван «единственной в мире системой, способной полностью нейтрализовать спутниковую группировку США и нанести неприемлемый ущерб вооруженным силам на большей части территории Америки» [2]. Советская разработка могла не только доставить ядерную бомбу в нужное место, «Буран» мог разобрать спутник или иной объект прямо на орбите с помощью специального манипулятора и доставить его на Землю, кроме того, челнок мог похвастаться совершенной для своего времени автоматикой, системой автопилота и сотнями других прорывных систем, что, однако, не спасло его от недостатка финансирования и распада СССР. В 1990 году программу приостановили, а 25 мая 1993 года программа была закрыта.

Но несмотря на сворачивание программы «Бурана», да и советского проекта как такового, несмотря на долгое отсутствие хоть каких-то агрессивных действий со стороны России, а так же каких бы то ни было серьезных дестабилизирующих шагов со стороны Китая, американская сторона свои разработки и планы милитаризации космоса сворачивать не стала, ведь все это время работу не только по возвращению США в лидеры пилотируемой космонавтики, но и по достижению безоговорочного, в том числе и военного, превосходства в космической области. В таких условиях Москве и Пекину приходится тоже предпринимать активные действия по обеспечению своей безопасности и защите национальных интересов. Так, например, глава Космического командования BBC США генерал Джон Реймонд в апреле 2020 года заявил, что Россия провела испытание ракеты, которая может сбивать спутники с орбиты. По его словам, тест – «еще один пример того,

что угрозы космическим системам американцев и их союзников реальны, серьезны и растут» [14].

Действительно, возможность сбивать спутники была еще у СССР и сегодня Россия обладает еще большим потенциалом в этой сфере, разрабатывая при этом, сразу несколько образцов вооружения. Так, по словам главнокомандующего Воздушно-космических сил России Сергея Суровикина [12], перспективная система противовоздушной обороны С-500 «Прометей» сможет уничтожать гиперзвуковое оружие и спутники в ближнем космосе. Есть у Российской Федерации и другие интересные разработки: 15 ноября 2021 года Минобороны России успешно сбило недействующий российский космический аппарат «Целина-Д» [4], сделано это было, вероятнее всего, при помощи еще одной разработки «Алмаз-Антей», на создание которой потратили почти 10 лет – системы космической обороны «Нудоль». Не остаются от США и России Китай и Индия: 12 января 2007 года китайская ракета с кинетической боеголовкой на борту на высоте более 864 километров, а примерно на такой же высоте сегодня находится большинство современных спутников-шпионов, успешно поразила устаревший китайский метеоспутник «Фэньюнь-1С». Индийские же военные сбили космический спутник на низкой околоземной орбите, на высоте 300 км, в 2019 году в ходе испытаний, сделав Индию четвертой страной в мире, которой удалось применить противоспутниковое оружие. С одной стороны, возможность такого действия сразу у нескольких стран позволяет говорить о «балансе сил», с другой же несет серьезную опасность [16. С. 6]. Уничтожение спутников на орбите становится также очень серьезной проблемой.

Отличной иллюстрацией этой проблематике является сбитый Пекином в 2007 году спутник. По данным американских экспертов, Fengyun-1C развалился на более чем 40 000 обломков диаметром более одного сантиметра и на многие миллионы более мелких кусков, став одним из крупнейших источников загрязнения космоса [18. С. 24]. 22 января 2013 года небольшой фрагмент уничтоженного китайского спутника столкнулся с российским спутником «Блиц», предназначенным для лазерного зондирования [6]. В данном случае последствия ограничились лишь изменением орбиты «Блица», однако существуют и значительно более негативные сценарии развития событий, называемые эффектом Кесслера, которые могут положить конец всем исследованиям космоса и существенно повлиять на нашу повседневную жизнь. По расчетам Европейского космического агентства серьезное столкновение объектов на орбите происходит с частотой примерно раз в пять лет, а делающая практически невозможным выведение новых спутников частота в пять столкновений в год ожидается примерно в XXII веке, когда мы вероятно уже доведем до более-менее рабочего состояния те наработки, которые есть у нас для борьбы с крупным космическим мусором. Эффект или синдром Кесслера же предполагает, что столкновение даже двух крупных орбитальных спутников при определенном стечении

нии обстоятельств приведет к образованию тысяч и миллионов осколков, которые разлетятся во всех направлениях, поражая другие спутники и создавая новые осколки. Если представить цепную реакцию в ядерном заряде, экстраполированную до масштабов земной орбиты – это и будет эффектом Кесслера [17. Р. 2638]. Если такой гипотетический сценарий станет реальностью, то практически мгновенно ближний космос станет непригодным для использования на многие десятки, а скорее даже сотни лет. «Именно с уничтожения орбитальной группировки противника начнется конфликт. Любая страна-противник попытается ослепить своего врага, оглушить его, сделать его слепоглухонемым, потому что зрение, слух, обоняние – все это создается через космос. Только через космос можно видеть всю глубину территории потенциального противника. Чтобы лишить противника всех этих чувств, нужно уничтожить его орбитальную группировку, – с этого начинается война в космосе», – сказал Дмитрий Рогозин, глава госкорпорации Роскосмос в интервью изданию «Газета.ру» [10]. Возникает проблема, как минимизировать возможный урон. Летом 2021 года исследовательская служба Конгресса США представила доклад о милитаризации космоса, в котором авторы увидели угрозу в российских и китайских исследованиях: «Противники, такие как Китай и Россия, изучили концепции ведения войны и сосредоточились на космических системах», – говорится в документе. «Речь идет о лазерах, микроволновом и ядерном оружии, задача которого детонировать в космосе и вызвать электромагнитный импульс, пояснили эксперты» [14. С. 352]. Помимо лазерного оружия разрабатываются концепции космического пучкового оружия, основным элементом являются ускорители заряженных частиц, не менее важна и постоянная модернизация технологии радиоэлектронного подавления спутниковой связи, представляющую собой наступательную противоспутниковую систему РЭБ, предназначенную для постановки помех спутникам космической связи.

В современном мире возможности использования новейших видов космического оружия активно рассматриваются рядом ведущих мировых держав, в числе которых Россия, Соединенные Штаты и Китай.

Заключение. Милитаризация космоса, которая сегодня очень слабо ограничена с точки зрения международного права, будет прогнозируемо нарастать в XXI веке. Ряд государств, в числе которых Россия, Индия, США и Китай, на сегодняшний день имеют возможность уничтожать объекты в космосе. При этом массовое уничтожение вражеских спутников на орбите Земли может повлечь за собой непоправимые экологические и социальные последствия. Угроза Эффекта Кесслера, а также вызванный им космический мусор, может отбросить нашу цивилизацию на десятки лет в прошлое, лишив нас не только точных прогнозов погоды и спутникового телевидения, но даже сотовой связи.

В данном контексте изучение перспектив модернизации и развития систем космического вооружения представляет особое значение для будущего

всего человечества. Несмотря на возможность массового вывода из строя спутников при помощи систем РЭБ и лазеров, государства будут стремиться при этом минимизировать загрязнение орбиты космическим мусором. В условиях представляющейся невозможности соглашения по договору о полном запрете милитаризации космоса использование новейших технологий с одной стороны является компромиссным, но с другой стороны не сможет уменьшить накал международной напряженности в этой области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анализ возможных целей создания многоразовой космической транспортной системы США. SPACE SHUTTLE / автор-составитель П. Шубин. Отчет 1976 г. Кемерово: Издатель П.С. Шубин, 2019.
2. Андреев С. Космический солдат. Зачем построили «Буран» и кто погубил уникальную машину? // LIFE. 15.10.2020 // <https://life.ru/p/1354212>.
3. В США анонсировали секретное космическое оружие против России // Лента. 23.08.2021 // <https://lenta.ru/news/2021/08/23/classifiedspaceweapon/>.
4. Военные РФ подтвердили, что сбили советский спутник в ходе испытаний // Интерфакс. 16.11.2021 // <https://www.interfax.ru/russia/803293>.
5. Дорнбергер В. Фау-2. Сверхоружие Третьего Рейха. 1930-1945 = V-2. The Nazi Rocket Weapon / пер. с англ. И.Е. Полоцка. М.: Центрполиграф, 2004.
6. Космический буксир «Зевс» сможет выводить из строя спутники противника // РИА Новости. 09.07.2021 // <https://ria.ru/20210709/zevs-1740535623.html>.
7. Лавров оценил переговоры с США по стратегической стабильности // РИА Новости. 14.10.2020 // <https://ria.ru/20201014/peregovory-1579754682.html>.
8. О российской инициативе о предотвращении милитаризации космоса // https://www.mid.ru/iniciativy-rossii-v-oon/-/asset_publisher/l19FJKw0JOXM/content/id/597168.
9. Официальный сайт ООН // <http://www.un.org/ru/>.
10. Рогозин рассказал, с чего начнется война в космосе // РИА Новости. 29.08.2021 // <https://ria.ru/20210829/rogozin-1747733396.html>.
11. РФ и Китай представили проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе // ТАСС. 04.09.2017 // <https://tass.ru/kosmos/4529409>.
12. Система ПВО С-500 сможет работать против гиперзвукового оружия в космосе // Известия. 03.07.2020 // <https://goo.su/n1T>.
13. Системы радиоэлектронной борьбы. М.: Радиотехника, 2010.
14. США заявили об испытании Россией ракеты против спутников // Лента. 16.04.2020 // https://lenta.ru/news/2020/04/16/test/?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=Lenta.ru » %3A».
15. Хозин Г.С. Великое противостояние в космосе (СССР – США). М.: Вече, 2001.

-
16. Anders Roger M. "The Atomic Bomb and the Korean War: Gordon Dean and the Issue of Civilian Control" // Military Affairs. 1988. № 52 (1).
 17. Kessler D.J., Cour-Palais B.G. Collision Frequency of Artificial Satellites: The Creation of a Debris Belt // Journal of Geophysical Research. June 1, 1978. Vol. 83. No. A6.
 18. Uwe Reichert: Environmental disaster in orbit. In: Stars and space. April, 2007. No. 4.

N.V. KOVALEVSKAIA

*Ph.D. in political Sciences, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
ORCID 0000-0003-0864-0937*

K.V. ORLOV

*Student, Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

THE PROBLEM OF THE MILITARIZATION OF SPACE AS A GLOBAL PROBLEM OF HUMANITY

In the context of the transition to a new political and digital order, to the development of innovative industry and disruptive trends, there are growing concerns about changing the principles of warfare geography, which will be divided not only into familiar forms, front and rear, economic and ideological confrontation, the struggle in the information continuum, and in the future will seriously expand to outer space. The leading space powers are actively developing concepts for conducting combat operations in space, and news about the creation of the latest means of space weaponry is becoming more and more frequent. In this context, it is especially relevant to analyze the balance of power in this area and the prospects of using space as a battlefield in future world conflicts. Earth is not the most peaceful and peaceful place in the universe, only today there are about thirty wars of varying intensity on the entire planet and nothing indicates that in the near future anything will change towards the normalization and stabilization of inter-country relations. On the contrary, tensions between states, especially between the great powers, are growing, which may sooner or later lead to open armed conflict and confrontation. However, even the great military powers such as Russia, China and the United States can not afford to get involved in a global war, because the prospect of complete destruction restrains them from full-scale war with nuclear weapons, they use military force only locally, in particularly difficult cases, when other ways to solve the problem is not possible. In this regard, one of the arenas of such a war could also become space.

Key words: *global problems of humanity, militarization of space, ban on militarization of space, space weapons.*

*соискатель степени кандидата политических наук
МГИМО МИД России; 2-й секретарь Министерства
иностранных дел Российской Федерации (МИД России),
Россия, г. Москва*

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье методами агрегации, хронологизации и анализа доступных научных работ в области истории, политологии и экономики исследованы основные этапы эволюции экономической дипломатии в Российской Империи. Аккумулированы количественные и качественные показатели отечественной внешней торговли на протяжении указанного исторического периода. Проанализированы положительные и отрицательные факторы, которые оказывали влияние на интенсивность и вектор развития внешнеэкономической деятельности и экономической дипломатии того времени. Подсвечено влияние ключевые характерных черт, присущие внешней торговой политике России, которые сложились в древнерусский период, но продолжили оказывать влияние на данную сферу в рамках рассматриваемого временного отрезка. Изучены стадии трансформации организационных форм экономического звена российской дипломатической службы, кадрового становления отечественной школы. Последовательно рассмотрены особенности государственной экономической политики, подходы руководства страны к внешнеэкономической проблематике и реализации комплекса экономической дипломатии, восприятие ее значимости. Отражена роль и дана оценка вкладу отдельных государственных деятелей в развитии институтов внешней торговли и деле продвижения национального экспорта: как руководителей страны, так и глав профильных учреждений. Изучена имевшая место международная конъюнктура, оказавшая влияние на различные аспекты внешней экономической политики государства и расстановку приоритетов во взаимоотношениях с ключевыми зарубежными партнерами. Даны оценка влиянию деятельности иностранных коммерческих агентов на состояние и трансформацию политического и экономического ландшафта в России. Описаны обстоятельства возникновения новых или локализации уже, применяемых в других странах элементов из инструментария экономической дипломатии, описаны преимущества и недостатки отдельных из них. Уделено внимание процессу изменения отношения дипломатов к данной проблематике: от полного от-

рицания участия во внешнеэкономической деятельности до постепенного принятия и итогового включения ее в круг ключевых приоритетов дипломатической службы. Определены исторически характерные для российской политической и социально-экономической систем особенности, которые каким-либо образом препятствовали активному продвижению национальной продукции на внешние рынки.

Ключевые слова: российская экономическая дипломатия, экономическая дипломатия Российской Империи, эволюция экономической дипломатии, история экономической дипломатии, российская дипломатическая служба, продвижение экспорта, дипломатическое сопровождение экономики.

Правление первого императора России Петра I ознаменовалось преобразованием практически всех сфер жизни. И, разумеется, не остались обойденными вниманием внешнеэкономические вопросы и тематика экономической дипломатии, особенно учитывая влияние на самодержца западного образа жизни и организации труда.

Посетив Европу в рамках Великого Посольства 1698-1699 гг., он проникся идеями меркантилизма и протекционизма, согласно которым торговля должна поддерживать внутреннее производство и способствовать его развитию, а на экспорт должны отправляться преимущественно готовые товары [15].

Для нашего исследования значение имеют лишь некоторые из многочисленных достижений царя-преобразователя, а именно:

- **Великое Посольство**, которое имело цель найти новых союзников, ознакомиться с технологическим и культурным укладом европейской жизни, заказать постройку кораблей и изготовление оружия, нанять иностранных специалистов и закупить оборудование для создания в России новых отраслей промышленности.

- Преобразование в 1718-1720 гг. Посольского приказа в **Коллегию чужестранных (иностранных) дел**, нацеленное на приведение структуры данного органа к европейскому образцу. Это позволило повысить эффективность его работы, но не сказалось на повышении приоритетности внешнеэкономических вопросов.

- Значительный прирост объемов внешней торговли и двойное превышение экспорта над импортом.

Как представляется, достижения «царя-реформатора» в области внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и экономической дипломатии явились скорее побочным результатом модернизации страны, военных побед и территориальных приобретений, а не эффектом целенаправленной экспортноориентированной политики.

Последовавшие за Петром Великим российские государи не привнесли особого вклада во внешнеэкономическую деятельность и экономическую ди-

пломатию. Его недолго правившая супруга Екатерина I мало интересовалась даже более насущными государственными делами, Петр II правил всего три года и умер от оспы в подростковом возрасте, Анна Иоанновна предпочитала увеселения делам державным, Ивана VI, процарствовавшего всего 2 недели ребенка, можно вообще не принимать в расчет. Елизавета также не внесла существенного вклада в развитие ВЭД, отдавая государственные дела на откуп фаворитам. Пробывший на троне чуть более полутора лет неоднозначный Петр III отметился таким же неоднозначным Манифестом о свободной торговле 1762 г., который, с одной стороны, снимал ограничения на экспорт сырья и торговые барьера, поощрял экспорт пшеницы, а с другой – декларировал необходимость импортозамещения, бережного обращения к отечественным лесным ресурсам и отказа от импортного сырья.

Но затем на престол взошла Екатерина II, чье правление стало золотым веком и ознаменовалось развитием и преобразованиями множества отраслей. Ее внешнеполитические амбиции и деятельный характер многократно умножили международный авторитет России. Среди достижений в области ВЭД в этот период можно выделить колоссальный рост объемов внешней торговли при длительном доминировании экспорта и развитие материальной базы ВЭД.

В 1763 г. в целях развития внешней торговли правительством императрицы Екатерины II была учреждена «Комиссия о коммерции», на которую было возложено изыскание средств к увеличению экспорта сырых и обработанных продуктов и одновременно к охранению отечественной промышленности от иностранного импорта [4. С. 147].

Рост товарооборота был достигнут путем применения следующих инструментов:

- Снижение таможенного тарифа до 30% в 1766 и до 10% в 1782 гг., которое дало прирост общих показателей. Но важно отметить, что вместе с этим в Россию хлынул европейский импорт глубокой степени передела, и это консервировало имеющуюся во множестве отраслей отсталость.

- Отмена внешнеторговых монополий, которые существовали с петровских времен под названием «откуп» и давали отдельным частным лицам право эксклюзивно торговать отдельными категориями товаров.

- Резкое увеличение производства полуфабрикатного сырья, востребованного на внешних рынках, благодаря изданию в 1775 г. Манифеста о свободе предпринимательства, позволившего открыть массовое кустарное производство.

Под развитием материальной базы ВЭД в данном случае следует понимать прежде всего логистику, которая претерпела заметное усовершенствование за счет строительства новых портов на черноморском побережье, освоения приобретенных земель Крымского Ханства и вовлечения в экономический оборот территорий из «Польского наследства» [17].

При Екатерине II была создана Российско-Американская компания, занимавшаяся меховым промыслом на освоенных землях «Русской Америки», которая довольно быстро смогла оформиться в мощную монопольную структуру за счет выстраивания работы на основе принципиально новых форм ведения коммерции [12]. Данная компания является первым успешным национально ориентированным примером частно-государственного партнерства в области внешней торговли в России.

В период правления императрицы предпринимались активные попытки увеличить экспорт зерна через порты Санкт-Петербурга и Архангельска, но несмотря на высокий спрос на него за рубежом, крепостническое сельское хозяйство не могло выдавать товарные объемы продукции.

Постепенно снижалась в это время зависимость от иностранных купцов (в основном от английских). Их доля в ВЭД в начале правления Екатерины II доходила почти до 100%, учитывая, что ввоз и вывоз российско-европейского товарного грузопотока производился преимущественно на иностранных судах. К концу же XVIII столетия удалось снизить эту долю до 85%, что является крайне высоким показателем зависимости.

Подводя итог периоду правления Екатерины Великой, можно сказать, что несмотря на множество полезных нововведений в различных областях, экономическая дипломатия по-прежнему осталась «побочным» продуктом на периферии дипломатии политической, где было достигнуто немало славных побед. Экспорт готовой продукции снова оказался не в приоритете и не получил импульсов для развития, так как не было товаров глубокого передела. Вывозилось по-прежнему сырье или полуфабрикаты неглубокого передела, иностранные купцы «правили бал», а на внешнем треке все внимание было направлено на военные, политические и территориальные вопросы.

Правивший за Екатериной Павел I в области экономической дипломатии отметил тем, что нанес по комплексу ВЭД России сильнейший удар, введя в угоду сближению с Пруссией и Францией эмбарго на товары из Англии – крупнейшего российского иностранного торгового партнера и посредника [10]. В качестве ответных мер англичане перекрыли экспорт: английский рынок был потерян для российских производителей и продавцов железа, хлеба, льна, пеньки, парусины, корабельных стройматериалов, меха и сала.

Кроме того, в годы правления Павла I в России начала работу частная посредническая структура, ориентированная на развитие ВЭД. В 1792 г. в Санкт-Петербурге было основано иностранное торговое общество «Воут, Велио, Раль и Ко», получившее исключительное право переводить государственные капиталы в виде векселей за рубеж, осуществлять по поручению правительства государственные закупки за границей, влиять на биржевой курс и поддерживать его нарочным трассированием денег, производить банковские переводы и пользоваться кредитными ресурсами император-

ской казны [16]. При достаточно новаторской форме суть работы этой организации походила на петровские «откупы», только в данном случае речь идет о таком стратегическом активе как, выражаясь современным языком, «Внешторгбанк». Принимая во внимание сугубо потребительское отношение иностранцев к России, возникает мысль, что это предприятие вряд ли принесло пользу нашей стране.

Отличаясь непостоянством, Павел I незадолго до переворота ввел протекционистский запрет на вывоз российских товаров за рубеж.

В 1800 г. была возобновлена деятельность Коммерц-коллегии, одна из экспедиций которой ведала внешней торговлей и таможенными вопросами [11]. Коллегия иностранных дел в ВЭД была задействована минимально как в силу распределения обязанностей среди органов власти, так и в силу сохраняющейся специфики российской экспортно-импортной торговли, а именно по причине доминирования в этой сфере иностранных экономических агентов. Все сделки происходили у нас на территории, поэтому необходимости в каком-либо содействии в поиске иностранных партнеров и налаживании связей не было.

Вступивший в 1801 г. на престол Александр I имел грандиозные планы по развитию российской внешней торговли, продвижению экспорта и вообще проведению глубоких экономических преобразований, о чем свидетельствуют в том числе создание первой в России кафедры политической экономии, перевод труда А. Смита «О богатстве народов», планы по учреждению коммерческой газеты и изданию коммерческих отчетов.

Уже на третий день царствования был отменен введенный его предшественником запрет на экспорт отечественных товаров, снято эмбарго на торговлю с Англией и заключен новый торговый договор. Одновременно с мирным был подписан торговый договор и с Францией. В целях содействия увеличению внешнего товарооборота было принято решение вернуться к предыдущему таможенному тарифу [14. С. 136-213].

Намереваясь добиться преобладания русских купцов во внешней торговле и решить извечную проблему засилья иностранцев в ВЭД, Александр I издал Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», который разрешал русским купцам создавать внешнеторговые «товарищества» и вводил ряд ограничений для чужеземных торговцев [8].

Впоследствии эти благие начинания перечеркнул Тильзитский мир 1807 г., ставший итогом участия нашей страны в третьей антифранцузской коалиции. Мирный договор предусматривал полную континентальную блокаду Англии, по-прежнему остававшейся основным зарубежным торговым партнером России, что привело к практически полной остановке внешней торговли нашей страны и накоплению на складах огромного количества невостребованного экспортного сырья. В таких условиях государственная по-

литика кардинально поменялась – от почти «фритрейдерства» к жесткому протекционизму. Страна снова переориентировалась с торговли и промышленности на земледелие. Одновременно с этим под тяжестью долгов за военные кампании против Персии, Турции и Швеции обвалился курс и стала неконтролируемо расти инфляция, заключение международных контрактов стало крайне затруднительным.

В надежде переломить сложившуюся ситуацию и видя невыполнение условий Тильзитского мира самой Францией – инициатором континентальной блокады (Наполеон ввозил колониальные и даже английские товары), Александр I в 1810 г. утвердил новый таможенный тариф, разработанный при непосредственном участии академика М.М. Сперанского. Эта мера фактически выводила Россию из участия в колониальной блокаде, разрешая ввоз английских и колониальных товаров на судах под нейтральным флагом и одновременно запрещая ввоз широкой номенклатуры продукции по суше, шедшей в основном из Франции. Данное решение привело к разрыву российско-французских отношений и стало одним из поводов войны 1812 г., из которой Российская Империя вышла хоть и победителем, но обескровленной и с многократно возросшим государственным долгом.

Последовавшие за Венским конгрессом 1815 г. смягчения таможенного тарифа (в 1816 и 1819 гг.) привели к сильной либерализации внешней торговли и способствовали резкому росту товарооборота. Далее история повторилась: в страну хлынул импорт и подорвал отечественную неконкурентоспособную промышленность. Но иностранные партнеры обманули и не исполнили принятые на Венском конгрессе обязательства (Франция ввела запретительный тариф, а Пруссия взвинтила пошлины на ввоз сырья), что вынудило российское правительство также вернуться к политике протекционизма, подняв ввозные пошлины до 27% в 1822 г. и до 45% в 1830 г. [13. С. 122-165]. Эти меры привели в том числе к невероятному росту объемов контрабанды, поскольку импортные товары либо объективно были лучше, либо отечественные аналоги попросту отсутствовали.

Деятельность Коллегии по иностранным делам в вопросах внешней торговли продолжала оставаться минимальной, а из ликвидированной Коммерц-коллегии данная проблематика была передана в ведение отделения внешних сношений новообразованного Министерства финансов.

С 1817 г. в загранучреждениях МИД начали появляться должности «агентов по мануфактурной части», относящиеся к Министерству финансов. Создание независимого загранаппарата Минфина на практике привело к дублированию функций, а также обострению взаимоотношений между упомянутым ведомством и МИД.

Во времена правления Николая I усилия дипломатии были сосредоточены на политическом аспекте. Товарооборот рос значительными темпами, но представляется, что и это было следствием не целенаправленной уме-

лой внешнеэкономической политики, а скорее действием таких факторов, как восстановительный послевоенный рост за счет эффекта низкой базы, длительный мир и глобальный переход ко второму технологическому укладу. Из важных событий можно отметить участие России в Лондонской всемирной выставке в 1851 г., которая показала, что российские текстильные и ювелирные товары достигли качественного уровня лучших мировых производителей. Во внешнеэкономических операциях по-прежнему доминировали иностранцы, причем уровень их «засилья» примерно соответствовал поздне-екатерининскому – 84%. Немногочисленные суда русских купцов сталкивались в европейских портах с режимом наименьшего благоприятствования и платили повышенные (порой в разы) сборы.

Царствование Александра II ознаменовалось бурным развитием внешнеэкономической деятельности. Таможенная политика проводилась крайне взвешенно, были окончательно ликвидированы «откупы» – своего рода патенты на монопольную внешнеторговую деятельность в рамках отдельно взятой сферы, протекционистские ограничения вводились соразмерно развитию импортозамещения, активно совершенствовалась логистика. В 1856 г. МИД возглавил легендарный дипломат А.М. Горчаков, с которым связаны выдающиеся международные победы России.

Министерством иностранных дел была проведена большая работа в области расширения договорно-правовой базы ВЭД. В период с 1856 по 1876 гг. были заключены новые, более выгодные торговые договоры с Францией, Англией, Бельгией, Китаем, Австро-Венгрией, Италией, Гавайскими островами, Швейцарией, Испанией, Перу. В указанные 20 лет объемы внешней торговли выросли более чем в 3 раза: экспорт – с 160 до 400 млн. руб., импорт – с 122 до 478 млн руб. [5].

Впервые документально была зафиксирована роль МИД во внешнеэкономических делах. В тексте «Учреждения МИД 1868 г.» вторым пунктом значилось: «покровительство в чужих краях русской торговле и вообще русским интересам» [9].

При всей очевидности успехов, в ходе анализа источников не покидает ощущение, что и в данный период рост и развитие в интересующей нас области явились следствием особенностей эпохи – перехода к следующему технологическому укладу и длительной относительной стабильности. Усилия князя Горчакова были в основном направлены на большую дипломатическую игру в Европе, а не на развитие торговли.

Александр III продолжил дело отца по всем основным направлениям. Царь-миротворец сразу обозначил русским послам при иностранных дворах свои внутриполитические приоритеты, и они были далеки от экономической дипломатии и внешней торговли. В соответствующей депеше сказано: «государь император посвятит себя прежде всего делу внутреннего государственного развития, тесно связанному с успехами гражданственно-

сти и вопросами экономическими и социальными, составляющими ныне предмет особых забот всех правительств» [6].

Тем не менее, в период его царствования российские дипломаты добились улучшения условий, упомянутых выше торговых договоров или заключения новых, подразумевавших режим наибольшего благоприятствования для российских товаров. Из европейских стран такой договор отсутствовал только с Румынией, а из азиатских – с Сиамом.

К концу царствования Александра III – в конце 1880-х – начале 1890-х гг. – вопросу об активизации торговой экспансии на внешние рынки стало уделяться внимание, но сохранявшаяся угроза большой войны в Европе требовала искусной политической дипломатии для удержания баланса, а прокатившиеся в этот же период по стране голод (1891–1893 гг.) и эпидемия холеры (1892 г.) в значительной степени обескровили экономику.

Признавая ряд благих начинаний по развитию страны и разделяя мнение отдельных историков о недооцененности исторической роли царя-миротворца, считаем, что на внешнеэкономическом поприще в годы его правления было сделано недостаточно. Блоком внешних сношений император руководил лично, а сменивший А.М. Горчакова на посту министра иностранных дел Н.К. Гирс был по описаниям чиновником скромным и малоинициативным.

Период царствования последнего императора Николая II вплоть до 1913 г. включительно вошел в историю как период необычайного экономического подъема. Производство, сельское хозяйство, внешняя и внутренняя торговляросли крайне высокими темпами. В 1900–1913 гг. Россия занимала первое место в мире по экспорту зерновых, масла, яиц, леса, льна, нефтепродуктов, платины, асбеста, рельсов и вагонов. Большинство статей – это традиционно сырье, и даже рельсы являются продуктом не очень глубокого передела и, думается, пользовались спросом в силу своей дешевизны, но наличие в этом списке вагонов явно указывает на начало качественного структурного сдвига в отечественном экспорте, явившегося следствием изменений в хозяйстве страны. Всего же внешнеторговый оборот России вырос в указанный период на 200%, торговый баланс всегда был активным, а по темпам роста совокупного экспорта (на 97%) страна уступала только Германии (125,2%) и США (115,5%) [3].

Помимо этого, характерными чертами данного периода являются усиление протекционизма во имя развития отечественной промышленности, а также «метания» между двумя основными внешнеторговыми партнерами России – Англией и Германией, включая две таможенные войны с последней [1].

Экономическая составляющая в работе дипломатических представителей уже тогда достаточно серьезно регламентировалась, о чем можно судить по выдержке из инструкции от 9 января 1912 г. Внешнеэкономическая дея-

тельность вменялась прежде всего консулам, а в качестве основных ее задач обозначались оказание содействия и покровительства российским торговле и мореплаванию за границей, осведомление «правительства и частных лиц, по их просьбам, о состоянии торговли и промышленности в их округах и о возможности открыть туда доступ русским произведениям».

В инструкции подчеркивалось, что «консул обязан изучать местные экономические, торговые и промышленные условия и принять меры к тому, чтобы быть постоянно осведомленным:

- 1) о фирмах его округа, занимающихся привозом товаров из России, или таких, которые могли бы их оттуда привозить;
- 2) о причинах, которые вызывают больший успех иностранных товаров на данном рынке перед русскими;
- 3) о возникающих в его округе новых производствах;
- 4) о путях сообщения и развитии их в его округе;
- 5) об улучшениях в портовых приспособлениях;
- 6) о развитии телеграфов и телефонов;
- 7) о состоянии сельского хозяйства, урожае хлебов и успехах смежных с сельским хозяйством производств;
- 8) о скотоводстве и вывозе и привозе скота».

Несмотря на достаточно точно поставленные задачи, деятельность МИД подвергалась общественной критике за неэффективность участия во внешнеэкономической деятельности как центрального аппарата, так и сети загранпредставительств. При этом проблема дублирования функций сохранилась, так как экономические вопросы в рамках РЗУ начиная с 1905 г. были переданы из Министерства финансов в новообразованное Министерство торговли и промышленности.

Для обобщающего описания проблем, которые затрудняли развитие российской экономической дипломатии и внешней торговли, хорошо подходят следующие выводы исследователей.

Российская империя на протяжении всей своей истории экспорттировала в основном сырье в обмен на товары глубокой переработки (машины и оборудование, предметы роскоши и т.д.), что не способствовало развитию современной экспортно-ориентированной экономики [Валетов, 2017].

«Политика государственной поддержки российской внешней торговли длительное время была непоследовательной, тогда как западноевропейский капитал с самого начала Великих географических открытий осваивал международные рынки при постоянной и активной помощи своих правительств. В России же данный вопрос порой напрямую зависел от прихоти государей» [4. С. 147-148].

В нашей стране, в отличие, скажем, от Англии, не флаг шел за купцом, а купец – за флагом. Но, так или иначе, продвижение империи на юг стало реальностью [7].

Подводя итог анализу развития отечественной экономической дипломатии и внешней торговли данного исторического периода, мы видим, что концептуальная модель внешнеэкономической деятельности Российской Империи мало чем отличалась от Московской и Киевской Руси, Русских княжеств, Древней Руси, ранних племенных славянских союзов. Схема «сырые или полуфабрикат в обмен на готовый сложный товар» сохранялась вплоть до крушения Российской Империи, то есть более тысячи лет. Определенные подвижки наблюдались только в самом конце этого пути: политика Николая II способствовала экономическим переменам и этим сильно отличалась от линии поведения большинства российских правителей, озабоченных делами политическими, военными и территориальными, забывающих при этом о конкурентоспособном производстве, экспорте и товарной экспансии. Но последний император не смог удержать саму страну, и поддержанная им важнейшая экономическая надстройка в рамках свершившейся катастрофы перестала быть актуальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абезгауз С. Между Антантои и Германией: торговая политика России перед войной и революцией // Портал История.РФ. 18.04.2016 // <https://histrf.ru/biblioteka/b/miezhdu-antantoi-i-giermaniie-torghovaia-politika-rossii-pieried-voinoi-i-rievoliutsiei>.
2. Валетов Т.Я. Структура экспорта Российской империи по ежегодникам внешней торговли 1802-1915 гг. // Электронный научно-образовательный журнал История. 2017. Том 8. Выпуск 7 (61) // <https://history.jes.su/s207987840001954-8-1/>.
3. Внешняя и внутренняя торговля России в эпоху Николая II // <https://epoha-nikolaya-2.ru/vneshnjaja-i-vnutrenjaja-torgovlja/>.
4. Ионичев Н.П. Внешние экономические связи России. М.: Аспект Пресс, 2001.
5. История торговли в России // Экономический портал // https://economicportal.ru/facts/trade_russia_2.html.
6. Корнилов А.А. Александр III // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПб.: Акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1911-1916.
7. Ляшенко Л.М. Дипломатия и пушки. Александр II, или история Трех Одиночеств // Портал ВикиЧтение // <https://biography.wikireading.ru/91720>.
8. Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» // Информационно-правовая система Гарант // <https://base.garant.ru/58101877/>.
9. Министерство иностранных дел в 1856-1917 гг. // Историко-документальный Департамент МИД России // <https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoy>

sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/ministerstvo-inostrannyh-del-rossii-v-1856-1917-gg-?inheritRedirect=false.

10. Муравьева Л.А. Социально-экономическая и финансовая политика Императора Павла I // Финансы и кредит. 2010. № 19 (403).
11. Протопопов А.С. и др. История международных отношений и внешней политики России 1648-2000 гг. М.: Аспект-Пресс, 2001.
12. Савойский А.Г. Становление экономической дипломатии Российской империи в отношении США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2010. № 3 // <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10772>.
13. Таможенное дело России: сборник документов и материалов. М.: Автор, 1997.
14. Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: ЗАО Юстицинформ, 2009.
15. Торговля и предпринимательство при Петре I Великом // [https://petr1.rus/reformы/экономические/торговля-и-предпринимательство/](https://petr1.rus/reformy/экономические/торговля-и-предпринимательство/).
16. Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суворенного заемщика. М.: Экономика, 2003.
17. Экономика и развитие России во второй половине XVIII века при Екатерине II Великой // <https://екатерина2.рф/политика/экономическая/>.

D.V. BORTSOV

*Applicant for the degree of candidate of political sciences;
MGIMO MFA of Russia; 2nd Secretary of the Ministry
Foreign Affairs of the Russian Federation (MFA of Russia),
Moscow, Russia*

DEVELOPMENT OF ECONOMIC DIPLOMACY IN THE RUSSIAN EMPIRE

The author analyzes the emergence and main stages of the Russian economic diplomacy evolution applying methods of aggregation, dating and evaluation of available sources in the field of history, political science and economics. The stages of transformation of organizational forms of the economic branch in the Russian diplomatic service as well as the formation of the national school of personnel training are studied. Qualitative and quantitative indicators of Russian foreign trade during the mentioned historic period are accumulated and analyzed. Also author describes positive and negative factors influencing on direction and growth rate of foreign economic activities and economic diplomacy at that time as well as highlights key specific features of foreign trade area of Russia throughout its development. The state economic policy, the approaches

of the country's leadership to foreign economic issues and the implementation of economic diplomacy activities are consistently considered with a focus on the perception of its importance. The author also identifies the historical features of the Russian political and socio-economic systems which prevented the active promotion of national products to foreign markets. Contribution of separate politicians to development of foreign trade and national export – either country leaders or heads of specialized departments responsible for foreign economic area throughout the abovementioned period – is investigated with estimation of its results. The international situation that took place is studied with focus on its influence on state economic policy and priorities in relations with key foreign partners. The impact of foreign commercial agents' activities on the condition and transformation of the political and economic landscape in Russia is analyzed. The circumstances of introduction of new or localization of existing and already used in other countries tools of economic diplomacy are described with highlighting of their advantages and disadvantages. Special attention is paid to the process of changing the attitude of diplomats to this issue: from complete denial of participation in foreign economic activities to gradual acceptance and final inclusion in the circle of key priorities of the diplomatic service.

Key words: *russian economic diplomacy, economic diplomacy in the Russian Empire, evolution of economic diplomacy, history of economic diplomacy, Russian diplomatic service, export promotion, diplomatic support of the economy.*

преподаватель Департамента политологии и международных отношений факультета права и политологии Университета Бадахшана, Афганистан, г. Файзабад;

аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российской университета дружбы народов, Россия, г. Москва

КАСЕМИ МОХАММАД АРИФ

аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АФГАНИСТАНА ПОСЛЕ 2001 Г.

Достойная и благополучная жизнь – одно из давних желаний людей. Для этого человек создал политический институт, называемый правительством, целью которого было установление порядка в обществе. Исторические исследования показывают, что распределение власти в политических системах происходило в различных формах, и люди неизбежно подвергались действиям авторитарной системы. В ходе этих процессов представители авторитарных систем преследовали в основном свои личные цели, а трансформация традиционных (авторитарных) систем была неизбежной частью политической модернизации. С появлением демократических систем ожидания людей от системы возросли. Возможно, причина кроется в роли народа в выборе политической системы и ее должностных лиц. В демократических системах люди следят за деятельностью правительства, а правительственные чиновники обязаны отвечать на запросы людей.

Как подобные изменения происходили в Афганистане? В чем смысл политического развития после длительного периода авторитарных режимов и становления демократического государства после отстранения от власти талибов в Афганистане? Произошла ли в этой стране модернизация политической системы? Результаты показывают, что политическое развитие страны напрямую связано с появлением демократического правительства после крушения режима талибов в этой стране. Но страна также столкнулась с существенными проблемами. Данное исследование направлено на анализ сутиности политического развития в современном Афганистане.

Ключевые слова: политическое развитие, структура, политическая система, правительство, демократия, Афганистан.

Введение. Политика как программа и действие определяет поведение людей в обществе, направленное на благополучие их жизни. Поэтому древние люди проживали свою жизнь при различных обстоятельствах в исторических отрывках и всегда пытались добиться определенного прогресса. Эти события действительно имеют смысл в рамках политической системы. Потому что люди в сообществе делегировали свои полномочия государству в соответствии с общественным договором. Политические системы в историческом процессе имели различные формы, которые анализируются в соответствии с координатами их системы исполнения.

В обществах, где обсуждается политическое развитие, народ участвует в выборе политической системы и ее руководящих должностных лиц, а также наблюдает за деятельностью правительства, человек преследует одну и ту же главную цель – жить в достатке и комфорте. Конечно, это чувство возникло после полной социальной и политической трансформации с отказом от традиционных ценностей. Потому что в традиционных обществах существуют такие же авторитарные системы, в которых политическое развитие не имеет значения. В этой статье рассматривается, как Афганистан пережил длительные периоды истории с авторитарной политической системой и стал демократическим государством после падения режима талибов. Какими способностями и возможностями обладает новое, постталибское правительство, чтобы удовлетворить потребности людей? Какую роль играли люди в выборе правительенных чиновников и надзоре за деятельностью правительства? Имеет ли смысл политическое развитие после установления демократического правительства в этой стране?

Ориентировочные показатели политического развития в постталибском Афганистане. Во-первых, исследуется способность системы реагировать на запросы людей, что рассматривается с точки зрения функционалистского подхода к проблеме. С этой точки зрения функция обращает внимание на те цели, ощущимые эффекты или результаты явлений или действий, которые кажутся подходящими для поддержания системы. Некоторые функции, которые способствуют неэффективности и возможному краху системы, называются отрицательными функциями. По сути, функционализм подчеркивает результаты деятельности, институтов и явлений для различных элементов системы и результаты, связанные с выживанием этой системы, и стремится показать, как эти действия, институты и явления способствуют выживанию или эффекту. Они способствуют разрушению всей системы или (если желательны отрицательные функции).

Здесь мы можем проанализировать основные проявления функциональной модели. Но в функциональной модели для удовлетворения спроса граж-

дан рассматривается функция в разделе данных. В разделе данных Алмонд упоминает три функции, а именно: 1) формирование политики, в которой требования становятся авторитарными решениями и политикой; 2) обеспечение соблюдения законов, которое связано с эффективностью решений; и 3) вынесение приговоров. Закон, который очень похож на разделение традиционных властей, но в исследованиях Алмонда его сфера действия несколько шире. В следующих исследованиях исследуются пять типов потенциала и возможностей системы, а именно способность регулировать, извлекать, распределять, реагировать и символизировать эффективность системы в обществе.

Что играет ключевую роль в функционировании правительства, так это целостность системы. В контексте функционализма Парсонс считает, что человеческое общество можно рассматривать как биологический организм по нескольким причинам. Во-первых, различные компоненты организма соответствуют различным институтам, составляющим общество, и, как в организме компоненты взаимозависимы и взаимодействуют друг с другом, так и институты общества, такие как экономика и правительство. Во-вторых, подобно тому, как каждая часть организма выполняет определенную работу, необходимую для выживания других частей, каждое учреждение выполняет определенную работу для стабильности и роста общества. Парсонс считает, что если одна часть общества трансформируется, другие его части будут изменены, чтобы сбалансировать и уменьшить напряженность.

Второй аспект – это участие граждан в политике, участие людей в политике любым способом, необходимым и значимым для реализации демократии. Простейшая форма политического участия – это голосование граждан за партии, отдельных лиц и политику. Другие формы политического участия включают избирательные кампании, влияние на политиков, формирование групп влияния, политические партии и так далее.

В этом отношении легитимность политической системы на выборах правящей власти в Афганистане вызывает сомнение, что привело к общественному недоверию к президентским выборам и усилилось с созданием правительства национального единства на последних выборах. В то же время участие людей в политических партиях не заметно. Кроме того, партийные лидеры в Афганистане меньше руководят партией, чем демократические каналы. По этой причине избирательная кампания в Афганистане не носит партийного характера. Потому что люди не играют заметной роли в политических партиях. С другой стороны, большинство партий в Афганистане более этнически и не имеют моноэтнической поддержки.

Третий аспект – это народный мониторинг функционирования политической системы, одного лишь участия народа в избирательном процессе недостаточно. Людям необходимо знать, какие планы и решения стоят в повестке дня агентов системы в отношении судьбы их жизней. Также, как

реализуются решения. Контроль за деятельностью правительства – одна из основных обязанностей граждан в демократических системах. Когда эта обязанность снимается с граждан, система принимает форму диктатуры. В этом случае воля граждан для власти бессмысленна. Таким образом, в подобной ситуации люди не должны требовать большего от правительства, чтобы восстановить свою власть и контролировать деятельность правительства. Мониторинг деятельности правительства может осуществляться по разным каналам.

Другими словами, люди используют различные инструменты мониторинга для критики работы правительства, от митингов до средств массовой информации и парламента. Народный контроль за решениями правительства переводит систему от монополии к плюрализму. Другими словами, они действуют как народ, а не правительство, принимающее индивидуальные решения. В этих условиях люди получают больше того, чего хотят. В Афганистане правительственный надзор вряд ли осуществляется представителями народа в Национальном собрании или непосредственно народом, и он не может осуществляться непосредственно народом. Государственные ведомства отказываются предоставлять информацию гражданам. Люди имеют доступ к некоторой информации, когда правительственные чиновники или их представители проводят пресс-конференции.

Причины политического развития и его изучение в постталибском Афганистане.

1. Избирательность политических институтов. Политические институты включают не только государственные структуры, которые являются частью политической системы, такие как партии играющие важную роль в политических делах и игре власти. Избирательность политических институтов усиливает процесс их демократизации, чтобы они формировались в соответствии с волей народа и достигали общих целей общества путем его создания. Поскольку цель людей в сообществах предотвратить тиранию институтов и выполнить их требования. Демократия может существовать только посредством существования выборов правителя и членов парламента. Возможность создания правительства по воле народа является символом демократии.

Так, прошедшие в Афганистане 4 раунда президентских выборов, три раунда парламентских выборов и выборы в советы провинций способствовали укреплению демократического процесса в стране с участием населения, независимо от самого качества голосования. Фальсификация при подсчете голосов исказили смысл проведенных выборов в общественном сознании, но другого выбора не было, кроме как довольствоваться этой данностью. Так, результаты выборов 2014 года, также, как и выборов 2019, при формировании правительства национального единства, были искажены в политической борьбе между Мохаммадом Ашрафом Гани и доктором Абдуллоем

Абдуллой. Оба лидера одновременно объявили себя победителями выборов и более того, провели церемонию инаугурации в один день. Тот факт, что голос народа не был учтен в должной мере, усилило недоверие к власти и политической системе. Более того у людей сложилось мнение, что такой результат явился следствием договоренности между двумя лидерами. Народ потерял право избирать правителя страны, а народное правительство не установлено должным образом.

Основываясь на данных примерах, мы можем сделать вывод, что выборы в Афганистане происходили не на основе демократических принципов.

То есть демократия – это форма враждебности, при которой мужская власть представлена через самих людей или их избранных представителей [3].

Демократия подходит тем людям, которые используют свою власть для роста и процветания. Она работает на людей так, что эти люди могут гарантировать демократическое голосование, беря ответственность за свои судьбы [9. С. 368].

2. Народный контроль над политическими институтами. Мониторинг деятельности правительства является двойным (прямым и косвенным). Народный надзор за деятельностью правительства является косвенным, поскольку в основе демократии в Афганистане лежит вопрос представительства. Народ обязан избрать лидера, представляющего его суверенитет в политической системе. Как считает Чичис, политическая власть исходит от представительства.

Единственный человек, который представляет людей определенной политической географии перед другими странами – это президент, стоящий во главе системы. Кроме того, есть депутаты, которые создают законы для системы и контролируют ее работы от имени людей. Члены парламента всегда были в центре внимания общественности в отношении того, как они контролируют правительственные программы и операции, и с этой точки зрения они всегда подвергались критике со стороны народа, особенно в Афганистане.

3. Утрата племенного и традиционного общества. Сообщества, политическая система которых находится под влиянием традиционных обычаяев, испытывают меньшее политическое развитие. Потому что традиционные ценности являются препятствием для политического развития. Люди с прежними убеждениями, такими как отказ от обращения в суд для рассмотрения своих дел и проблем, предпочитают поступки, которые не кажутся справедливыми, например, плохие высказывания. Другие обычай включают в себя отказ от посылки девочек в школы, университеты и принятие или противодействие выбору религии. Некоторые религиозно считают, что проведение выборов и участие людей в выборах – не более чем ересь. Люди должны верить в халифат. В некоторых семьях женщинам не разрешается выходить

из дома за избирательными билетами. Фактически, из-за этих традиционных стилей женщинам не хватает роста и самосознания общества и правительства. Женщины, составляющие значительную часть общества, еще не спутались с политической социализацией и не знакомы с политической культурой. Как в этих условиях может быть отражено здесь политическое развитие?

Демократия в таких обществах противоречит традиционным нормам и сталкивается с большим количеством опасностей. Фактически, рост демократии зависит от политического сознания и культуры общества, которое принимает демократию спонтанно и эндогенно, понимая и созиная, как общество и народ Америки. Афганистан по-прежнему является сообществом третьего мира и страной с традиционными ценностями. Что такое демократия и политический рост в странах третьего мира? Следует сказать, что демократия в таких обществах и в обществах, где нет роста политического и культурного сознания на уровне всего мата, не свободна от серьезного вреда и опасностей [12. С. 28-29].

Следовательно, традиционные ценности, существующие перед лицом политического развития, должны быть потеряны, и это один из факторов политического развития. В стране, в которой мы живем, мы, с одной стороны, демократизируем политический процесс, а с другой стороны, наш подход к политической системе является диктаторским. В этом процессе мы действительно работаем между демократией и традиционным обществом. Фактически, демократия в Афганистане – это имитационная демократия.

То есть комбинация демократии и тоталитаризма создала нашу политическую систему. Квазидемократия зарождается в развивающихся странах. В таких системах политическая жизнь не является ни полностью демократической, ни полностью тоталитарной. Такие страны существенно вовлечены в процесс модернизации и развития, который перешел от традиций к современности, и возникающие конфликты препятствуют как установлению демократии, так и тоталитаризму. Кроме того, традиционная социальная структура и фрагментированная и традиционная культура отрицают возможность полного установления современной политической системы, будь то демократической или тоталитарной. Фактически Афганистан находится между этими двумя системами. С одной стороны, мы хотим демократизации, а с другой стороны, те, кто нами правят, хотят тоталитаризма, или общество и его лидеры стремятся сохранить традиционные ценности.

4. Граждане активны или участие граждан в политике. Участие людей в политике делает возможным политическое развитие. Другими словами, чем больше людей активны в политике, тем больше они развивают политическое развитие в своей стране. Наше участие в политике, от самого основного движения (от посещения избирательных участков) до наблюдения за деятельностью правительства с помощью различных методов,

в установлении и выживании народной системы, будет укреплять демократический процесс, посредством которого она обеспечивает политическое развитие. Выборы правителя и представителей по конкретной избирательной системе, участие людей в их выборе, участие мэров в политических течениях, таких как политические партии, членство людей в гражданских институтах, появление в СМИ и критика деятельности правительства или выражение требований народа. В этом смысле правительственные чиновники должны принимать требования людей и реагировать на них. Но в Афганистане правительственные чиновники уделяют меньше внимания народным протестам, а в некоторых случаях даже подавляют протестующих. При таком процессе активность граждан в политической сфере будет неэффективной и даже вызовет политическую нестабильность и беспорядки. Люди запутываются в политической системе и ее правителях и выражают свое недовольство. Каково удовлетворение людей в форме демократической системы? Следует сказать, что еще одним базовым принципом политической философии демократии является концепция удовлетворения граждан в подчинении правительству. С этой точки зрения легитимность демократии основана на том, что правительство действует в соответствии с волей и удовлетворением граждан. Демократия невозможна без общественного согласия, и легитимность такого согласия является основой демократии [6. С. 297].

5. Специализация рабочих мест вместе с повышением уровня грамотности. Какова роль специализации работы в институционализации политического развития? Следует отметить, что любой предварительный прием на работу или работа требует определенных знаний. Повышение уровня грамотности и продвижение знаний, а также создание разнообразия в областях обучения может помочь нам в направлении развития в различных областях, потому что создание рабочих мест будет требованием отдельных лиц и специалистов. Частные лица и профессионалы обладают необходимыми возможностями для продвижения желаемых дел и создания возможностей для продвижения по службе. Инфляция безработицы, например, вызванная недостаточной специализацией рабочих мест в некоторых обществах, влияет на популярность и легитимность избранных правительств. Для сравнения, в Афганистане, в области телекоммуникаций, большинство сотрудников телекоммуникационных компаний – пакистанцы и индийцы. Потому что у нас не хватает специалистов, а люди кричат о безработице. Высокий уровень безработицы даже поставил под сомнение функции правительства в стране, поскольку люди жалуются, что правительство не обеспечивает их работой. Из-за этого дистанция между народом и властью увеличилась. В этих условиях люди не очень заинтересованы в обсуждении политического участия и ищут кусок хлеба.

С другой стороны, образованная молодежь также критикует, что людей назначают на государственные должности не на основании их заслуг.

Такая критика фактически снизила популярность политической системы в Афганистане. Люди протестуют против отсутствия меритократии в государственных учреждениях. Меритократическая административная система имеет следующие характеристики:

- систематические и все сплетые;
- отзывчивый и прозрачный;
- ориентированы услуги и демократичные граждане;
- ориентированный на закон, дисциплинированный, этичный, развивающий и инновационный.

Согласно вышеперечисленным критериям, специализация находится в центре внимания авторитарной административной системы. С этой точки зрения специализация рабочих мест, которые играют роль в развитии и прогрессе общества, также влияет на политическое развитие, так что необходимая характеристика компетентности в меритократической административной системе, которая находится в рамках политической системы, формируется как подотчетная и прозрачная система. Наем специалистов в правительственный департамент увеличит потенциал человеческих ресурсов в этих департаментах, и система будет правильно функционировать. В этом наращивании потенциала человеческие ресурсы будут находиться в этих отделах, и система будет правильно функционировать. В этом случае политическая система будет принята народом.

Барьеры на пути политического развития Афганистана в постталибский период.

1. Политическое насилие. Политическое насилие имеет многомерный аспект. Во-первых, насильственное поведение людей со стороны государственных ведомств. Во-вторых, это насилие со стороны политических течений. В-третьих, насильственные действия, совершаемые гражданами, и, в-четвертых, группы, поддерживающие это насилие. Если взять Афганистан в качестве примера, можно говорить более документально. Офисы Дотли проявляли насилие против требований людей, но его следует резко критиковать за реакцию правительства на демонстрации на перекрестке Ирис в Кабуле и подавление протестов в Рошнаи. При таком подходе правительства можно доказать, что право людей на протест потеряно в результате таких столкновений. В ответ люди использовали резкие слова и действия против власти. От того, чтобы бросать камни в военных, рисовать людей и делать оскорбительные замечания, запутывающие государственные учреждения. В то же время на противостояние партий и членов общества повлияла их позиция, что сделало социальные страницы более фанатичными своими пошлыми словами. С другой стороны, некоторых людей, которые прибегают к насилию в обществе или освещают социальные сети своей фанатичной риторикой, поддерживают некоторые политические течения. Следовательно, этот уродливый социальный характер от правительства до лю-

бого другого уровня вызовет отсутствие политического развития в стране. В такой атмосфере демократию в Афганистане невозможно институционализировать. В чем необходимость для реализации демократии? Следует сказать, что если не существует необходимых оснований и условий для установления и укрепления демократии в личности и привычках общества, демократия как политическая реальность не будет реализована.

2. Проблемы безопасности. Незащищенность стоит перед безопасностью. Во-первых, каковы представления о безопасности? Каково это определение и какие побочные эффекты он будет иметь, когда станет небезопасным? Следует отметить, что безопасность означает отсутствие опасности или защиту от опасности. Безопасность также означает свободу от сомнений, свободу от беспокойства и бесстрашие, а также наличие оправданного и подтвержденного документами доверия. Безопасность, будь то индивидуальная, национальная или международная, – одна из проблем, с которыми сталкиваются люди. Безопасность широко используется в том смысле, что она относится к миру, свободе, доверию, здоровью и другим ситуациям, в которых человек или группа людей чувствуют себя свободными от беспокойства, страха, опасности или угроз изнутри или снаружи Бытия.

В целом безопасность дает человеку ощущение комфорта и спокойствия. В свете мира человек может участвовать в том, что считается его гражданской ответственностью. Например, посещение избирательных участков требует спокойствия, чтобы граждане не боялись и не боялись. Выборы возможны в тени безопасности. Когда в деревнях и городах царит небезопасная обстановка, нет места для выборов. Когда выборы не проводятся, люди фактически не участвуют в политике. Показателем политического развития считается участие в политической жизни. Отсутствие безопасности – серьезная проблема в Афганистане, которая не позволяет людям ходить на избирательные участки. Несколько лет назад на выборах в Национальное собрание пуштуны в провинции Газни в пуштунских районах страны не могли голосовать за себя, и все представители были избраны от племени хазарейцев.

3. Недоверие людей к политической системе. Недоверие возникает, когда правительственные чиновники и отдельные лица, которые ранее давали народу (в избирательных кампаниях) или не реагируют на новые требования, которые люди предъявляют к правительству, не отвечают. В обоих случаях работа правительства подвергается критике со стороны народа, и граждане повсюду выражают недовольство работой правительства. Таким образом, необходимо развить диапазон неудовлетворенности. В своей кампании президент Гани пообещал людям миллион рабочих мест, а когда он полагался на власть, он заставил людей эмигрировать в европейские страны в поисках работы. Фактически, это были данные, которые он передал народу после выборов. Исследователи проводят множество опросов,

аналогичные данные можно найти в опросах, в которых регулярно спрашивают, придерживаются ли респонденты различных мер государственной политики в отношении инфляции, безработицы, здравоохранения, образования. Защита и т.п. удовлетворены или не удовлетворены [9]. В Афганистане люди отрицательно отзываются об этих опросах. Люди всегда выражают недовольство работой правительства и системы.

4. Дискриминация как препятствие на пути становления наций в Афганистане. Дискриминация означает отделение одних от других. Предпочитайте одни другим. Это в основном означает акт записи различий. В демократических системах нация является принципом формирования правительства. Так что это возможно, когда между людьми не так много различий и глубоких разрывов. Разрыв между людьми порождает проблема дискриминации. Дискриминация разделяет членов общества. Или, говоря о дискриминации, одни предпочитают другие. В Афганистане, к сожалению, эти концепции более распространены, и правительственные лидеры чаще заявляют о дискриминации. Люди в Афганистане разделены по признаку этнической принадлежности, языка и религии. Между тем одни племена предпочитают счастливых другим племенам. В избирательных кампаниях люди решают, за кого голосовать, исходя из того же самого. Затем места в правительстве разделяют их веру по национальностям и языкам. Конечно, некоторые племена меньшинств не могут занимать эти места. В такой ситуации действия матери частичны, а не как единой нации. Существование рассредоточенной среди людей заставляет людей не принимать свободных решений, основанных на заслугах при выборе правителя. Такой процесс всегда препятствует политическому развитию в Афганистане, потому что политической культуры народа недостаточно, чтобы проложить путь для политического развития.

5. Экстремальные религиозные и традиционные верования. Некоторые верования до сих пор основаны на верованиях 1400-летней давности. Конечно, это обсуждение отличается от верований заповедей и принципов доисламской религии, которой мы все подчиняемся. Я хотел бы сказать здесь, что некоторые партии, такие как Хизб ут-Тахрир и террористические группы, такие как Талибан, создают халифат в эту эпоху. Но условий и времени халифата в эту эпоху не существует. Обсуждая халифат, все мусульмане должны следовать за халифом в одной стране. Однако это не представляется возможным из-за рассеивания мусульман по всему миру в странах, у которых есть отдельные правительства. Осуществляя такую пропаганду, они не позволяют людям перейти к демократическим системам и проголосовать за определение своих правителей, и они пропагандируют идею экстремизма в вере людей, и даже демократическая система считает выборы делом неверных и еретиков. Они считают, что простые люди невежественны и не могут выбрать своего правителя. Однако, согласно религии ислама,

это не проблема, и священнослужители должны назначить халифа или генерала из своего числа, потому что только они входят в число мудрых. Согласно традиционным поверьям, мужчины не позволяют женщинам голосовать. Эти представления являются препятствием на пути политического развития и политического участия населения Афганистана.

Заключение. Политическое развитие – это трансформация политической структуры наряду с увеличением необходимой способности системы реагировать на потребности и желания людей и разрешать конфликты между индивидуальными и коллективными интересами, и в то же время участие граждан в политике и узаконивание его при выборе. Это политическая структура и ее агенты. Хотя политическое развитие, его определения со временем Ахмад-шаха Абдали до падения правительства Талибана не распространяется на себя в этих системах, но можно сказать, что трансформация системы от абсолютной монархии к конституционализму во времена Аммана Аллах-хана и свержение монархии С возвышением Давуда-хана и республики, по крайней мере, он смог проложить путь для политического развития. Именно после Талибана в наших трудах мы придаем значение и смысл политическому развитию и тому, как оно выглядит в Афганистане. Рассмотрение показателей и факторов политического развития с точки зрения политического участия, мониторинга деятельности правительства, реакции системы на запросы народа, выборности политических институтов, трансформации традиционных ценностей и доверия системы к политическому развитию в Афганистане, мы даем. Недавние опросы показывают, что люди были политически вовлечены в выборы президента, национального совета и провинциального совета, но их голоса не имели такого влияния на избрание губернатора и их представителей.

В частности, с созданием правительства национального единства и разделением власти 50 на 50 между двумя ведущими победителями выборов в последних двух турах выборов 2014 и 2019 годов голоса людей потеряли свое влияние при выборе правителя. Реакция системы на требования людей под руководством Хамида Карзая, который в значительной степени зависел от иностранной помощи, на основе которой система имела хорошие возможности и возможности в различные периоды временной администрации до конца режима Карзая. Но с приходом к власти правительства национального единства и нынешнего правительства и сокращением помощи международному сообществу система неспособна реагировать на требования людей в целом. С этой точки зрения люди не доверяют нынешней политической системе, в которой отсутствие безопасности и безработицы растут день ото дня. Особенно обещания, которые оба кандидата (доктор Абдулла Абдулла и доктор Ашраф Гани) дали людям, но не выполнили. Общественный контроль также ослабил деятельность правительства с точки зрения активной гражданской позиции или представительства в парламенте. При таком

подходе было создано пространство для диктатуры и тоталитаризма системы. С другой стороны, из-за запутанных мирных переговоров между Соединенными Штатами и Талибаном боевой дух талибов укрепился на поле боя, и в настоящее время игра в мяч находится на поле боя оппозиционных сил и Талибана. С другой стороны, отсутствие безопасности лишало их возможностей, и бессердечные люди несколько раз протестовали против существующего положения вещей, но в конечном итоге протесты переросли в насилие с обеих сторон. В связи с показателями и факторами политического развития, оно столкнулось с проблемами и множеством препятствий на пути политического развития в этой стране, таких как политическое насилие, война и отсутствие безопасности, слабый контроль людей над политическими институтами, авторитарное принятие решений в политической системе, общественное недоверие к системе. Есть политические, дискриминационные и экстремистские религиозные и традиционные убеждения. В этом смысле то, что поставлено на карту в политическом развитии, такое как прогресс, индустриализация, сокращение масштабов нищеты и отмена зависимости, не было достигнуто с 2001 года. У нас все еще есть внешняя зависимость, и Афганистану нужно сильное демократическое правительство, чтобы устраниить ощущимые препятствия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Али Бабаи Голамреза*. Культура международных отношений. Тегеран: Управление политических и международных исследований, 2006.
2. *Атаи*. Современная история Афганистана. 1384.
3. *Баз Мохаммад Карим и Абдул Кадир Вариан*. Демократическое образование. Пешавар, 2004 г.
4. *Гасеми Наджиулла*. Афганские режимы за последнее столетие. Пешавар, 1999.
5. *Гавам Абдул Али*. Сравнительная политика. 2011.
6. *Дай Фолад*. Что такое демократия? / перевод Азизуллы Ройеш. Кабул: Издано Фондом гражданского развития, 2002.
7. *Мадани Сейед Джсалалуддин*. Принципы и общие положения политической науки.
8. *Мэри Льюис Клиффорд*. Земля и народ Афганистана. 1989.
9. *Раш Майл*. Общество и политика, переведенный Манучехром Сабури, Тегеран, 2013.
10. *Фарханг Мохаммад Сиддик*. Афганистан за последние пять веков. Кум, 1992 г.
11. *Эсматуллахи, Мохаммад Хашем*. Система афганской прессы. Тегеран, 2003.
12. *Элахи Абдул Хай*. Правительство и Исламское правительство. Кабул: Издательство Эрфан, 1995.

A.F. BAHADURI

*Lecturer Department of Political Science
and International Relations, law and political science faculty*

Badakhshan University, Faizabad, Afghanistan;

*PhD student in political science, Faculty of Humanities and
Social Sciences, Department of Comparative Political Science*

RUDN University, Moscow, Russia

QASEM MOHAMMAD ARIF

*Postgraduate Student at the Chair of theory
and history of international relations, RUDN,*

Moscow, Russia

AFGHANISTAN'S POLITICAL DEVELOPMENT AFTER 2001

A dignified and prosperous life is one of the long-standing desires of people. For this, a person created a political institution called government, the purpose of which was to establish order in society. Historical research shows that the distribution of power in political systems took place in various forms, and people were inevitably subjected to the actions of an authoritarian system. In the course of these processes, representatives of authoritarian systems mainly pursued their own personal goals, and the transformation of traditional (authoritarian) systems was an inevitable part of political modernization. With the advent of democratic systems, people's expectations of the system have increased. Perhaps the reason lies in the role of the people in the choice of the political system and its officials. In democracies, people monitor government, and government officials are required to respond to people's inquiries.

How did these changes take place in Afghanistan? What is the meaning of political development after a long period of authoritarian regimes and the establishment of a democratic state after the ouster of the Taliban in Afghanistan? Has the political system been modernized in this country? The results show that the country's political development is directly related to the emergence of a democratic government after the collapse of the Taliban regime in that country. But the country also faced significant challenges. This study is aimed at analyzing the essence of political development in modern Afghanistan.

Key words: political development, structure, political system, government, democracy, Afghanistan.

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ РОССИИ И АРГЕНТИНЫ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА

В данной статье рассматриваются проблемы и особенности развития политических систем России и Аргентины в начале XXI века, которые пережили непростые времена, преодолевая политические и экономические кризисы, возникшие в конце XX столетия. Для каждой страны политическая система является политическим пространством, которое связывает власть и общество и при этом укрепляет развитие политической социализации граждан и развивая их участие в политической жизни общества. Проведен сравнительный анализ политических систем России и Аргентины, как основы, для развития любого демократического государства. Рассмотрены особенности политической системы, как института, в котором развивается многопартийная система политической власти, партийные системы России и Аргентины. Партийные системы отражают расстановку, влияние и соотношение политических сил, взаимодействие с легитимной властью, представительными органами, с руководителями стран. Дано характеристика особенности политических систем России и Аргентины. Рассмотрены определяющие факторы развития политических систем, в специфичных для России и Аргентины условиях, в которых политические системы эволюционируют и функционируют.

Ключевые слова: политическая система, многопартийность, партия власти, оппозиция, легитимность выборов, кризис политической власти, стабильность.

Актуальность исследования обусловлена современными вызовами в международной политике, социальными и экономическими изменениями в России, которые стали проявляться еще в конце прошлого столетия. В конце XX века, во многих странах социалистического лагеря политические системы претерпевали трансформацию, а централизованная однопартийная система во многих странах социалистического лагеря утратила свою руководящую роль. СССР, как государство исчезло с карты мира, а идеология, единство и целостность, на которой взаимодействовали все республики как единое целое, утратили свою силу.

Терешкин А.Ю. рассматривая развитие в России политической системы отмечает, что консолидация общества в демократическом государстве является индикатором, который раскрывает уровень развития политической системы и политический партий. Россия, в начале XXI века, как молодое и обновленное демократическое государство переживало сложный период, отказ от пути социалистического развития был несовместим с демократическими принципами. Отмена Конституции СССР 1977 года способствовала формированию активности граждан России, а формирование новой российской государственности способствовало возникновению феномена российской многопартийности и оппозиции, как политической системы.

Политическая активность граждан и отмена в 1990 г. 6 статьи Конституции СССР (1977), о руководящей и направляющей роли КПСС, привели к созданию условий для возникновения новых политических партий и формирования таких политических феноменов, как многопартийность и партийная система [11].

Гурьянов П.А. поддерживая и развивая позицию Терешкина, отмечает, что с начала 90-х годов прошлого столетия в Российской Федерации начали формироваться легитимные органы партийной системы, как институт партийной власти, призванной осуществлять связь с властью и российским обществом. Новая политическая система предполагала участие российских граждан в политической жизни, формируя и развивая политическое пространство. Новое политическое пространство, в котором формировалась многопартийность и оппозиция, давали возможность увидеть и понять расстановку и соотношение политических сил. Взаимосвязи и взаимодействие всех политических партий стали приобретать законность, а легитимное функционирование политической системы, способствовало формированию института президентства в стране. Важным показателем консолидации российского общества, является степень развития в стране политической системы [4. С. 313-316].

В Конституции 1993 [6] года, был провозглашен этап становления новой российской государственности, которая предполагала формирование политических партий и общественных объединений. Государственная Дума РФ в 2001 году внесла поправки в ФЗ о «формировании партийной системы» и «политических партий», установила порядок, как образования, так и функционирования структурирования российского политического пространства. После принятия закона «о политических партиях» [9], партийные системы в России становятся легитимными.

Таким образом, государство гарантировало всем политическим партиям равенство перед законом, а формирование партийной системы не имело зависимости от идеологии, поставленных целей и задач, которые были прописаны в учредительных документах.

По мнению Терешкина А.Ю. поправки в период с 1992 по 1993 годы, в новую Конституцию воспринимались остро, борьба политических сил обострилась между реформаторами и контрреформаторами, особенно это прояв-

лялось в противостоянии власти с Советами. Борьба на федеральном уровне представляла собой тактику баланса, каждая, из ветвей власти пытаясь найти компромисс со своими политическими оппонентами, тем самым препятствуя развитию процесса формирования российской государственности. Порой, подчеркивает автор, курс политических реформ в политической системе приостанавливался, очень болезненно воспринимался и переходный период [11].

Степанченко В.А. считает, что разногласия внутри политических партий способствовали переходу партий в стадию единой современной политической системы, объединяя единомышленников, у которых появлялись олигополистические механизмы, что привело к коммерциализации партий. Занятия бизнесом давали возможность на разных уровнях власти использовать свои ресурсы, лоббировать между интересами государства и интересами общества. В начале 2000 годов экономика России стала развиваться, количество богатых людей в стране увеличивалось, крупный бизнес процветал, а у среднего бизнеса были туманные перспективы. Такое положение дел тормозило развитие инновационной экономики [10].

Стоит отметить и тот факт, что партийная система РФ имеет особенность, выраженная в альтернативности путей политического развития в контексте политической воли, в согласованности интересов российских граждан в процессах перемещения, в перестановке политических сил, элит в оппозиции и в политическом единстве общества, в мобилизации в обществе всех социальных групп.

Гасанов Г.А., характеризуя этапы становления в России в период с конца 80-х до начала 90-х годов определил типы политической системы:

- первый тип – доминантный тип, характеризующий особенность российской политической системы в котором, формируется и начинает формироваться конкурентный тип, вплоть до начала 2000 года;
- второй этап – начинается с 2000 года нового столетия, формируется и начинает функционировать доминантный тип партийной системы, в которой преобладает «партия власти» и занимает главенствующую позицию в партийной системе [3].

Еще в 1999 году, 31 декабря, Б.Н. Ельцин, снимая с себя полномочия президента страны, предложил на пост главы государства Путина В.В., который, после выборов, занимал пост Председателя Правительства РФ. Глава государства, в первые годы своего президентства уделял особое внимание проведению реформ по направлению укрепления государства, отстаивая интересы суверенитета и независимости России в международной политике и развитию экономической сферы. Внутриполитические реформы коснулись всех государственных и бюджетных предприятий и организаций, стал увеличиваться размер заработной платы, повышенны были стипендии студентам, увеличились размеры пенсий, и оплата военнослужащим и пр.

На выборах в 2000 году, в марте за В.В Путина отдали голоса 52% избирателей, обеспечив победу в выборах. Лидирующую позицию в партийной

системе стала занимать партия власти – «Единая Россия». Таким образом, в Государственной Думе, в правительстве РФ, большая часть государственных служащих, поддерживает и принадлежит одной партии – «Единая Россия», которая становится партией власти [8].

Борисенко В.И., Чернышева Е.Н в своем коллективной исследовании отмечают, что партия власти, начиная с 1993 года, стала занимать ведущую позицию в партийной системе, имея все необходимые административные ресурсы, становится ядром партийной системы. Начальный период функционирования партии власти представлял в большей степени, интересы самой власти, которые, с трудностями принимались Государственной Думой. Российская партийная система претерпевает трансформацию, а многообразие интересов общества в Государственной Думе выражалось в интересах политической и экономической элиты [1].

Стоит отметить и тот факт, что в законодательной сфере так же произошли изменения, эволюция законодательства в РФ претерпела реформы и процесс организации и проведения выборов, на всех уровнях власти, с 2000 по 2011 годы, когда были разработаны нормативные акты институциональные основы правовых актов избирательной системы. В избирательной системе, в указанный период совершенствовались правовые основы избирательного права, направленные на сохранение и единство российского государства. Комплекс разработанных мер предполагал, предотвращать все дезинтеграционные процессы, развивать демократический избирательный процесс, расширять права и возможности в российском законодательстве избирательного права, сделать выборы прозрачными и доступными для всех категорий граждан. Отличительной чертой избирательного права в РФ от других стран становится доступность на выборах наблюдения для общества [12].

Формирование и развитие избирательной системы проходило в сложных условиях, учитывая кризис государственной системы еще в 90-х годах, который привел к распаду СССР. В стране росли сепаратистские настроения во многих регионах, наблюдались национальные конфликты и множество противоречий, все пережил российский народ, но основы многопартийной системы и избирательного права на принципах демократии были заложены именно в данный период.

Таким образом, внесенные поправки в Конституцию 1993 года изменили политические институты, обеспечив стабильное развитие политической системы и ее функционирования в интересах гражданского демократического российского общества. Поправки в основной закон коснулись порядка работы Совета Федерации, Госдумы, всех легитимных политических партий, регулируя их деятельность.

Как в России, так и в Аргентине в конце XX века и в начале XXI века наблюдался экономический и политический кризис, который требовал реформ во многих сферах государственного устройства и политической системе.

Караханова Р.В. рассматривая, причины экономического кризиса в Аргентине пишет, что еще в конец 90-х годов прошлого столетия президентом Аргентины К. Менеме для предотвращения обострений в обществе, были одобрены экономические реформы неолиберальной направленности, которые предполагали развивать частный сектор предпринимателей. Средствами неолиберальных реформам предполагалось убрать все препятствия по движению капиталов, товаров и услуг на внутреннем и внешнем рынке, снизить прямое участие государства в экономической сфере. Реформы в течение небольшого промежутка времени давали результат, и экономика стала приходить в нормальное состояние, но именно неолиберальные реформы способствовали появлению стагнации, в стране начался глубокий кризис. Во внешней экономике Аргентина обрела репутацию несостоятельного должника. Ситуация осложнялась и тем, что аргентинское общество потеряло доверие к руководству страной, проявила неспособности власти стабилизировать ситуацию в обществе. Глубокий кризис проявлялся во всех сферах общества, и ни одна политическая сила не могла решить проблемы. За очень короткий промежуток времени, только с 20 по 31 декабря 2001 года, в стране четыре раза менялось руководство не по воле народа, а по решению парламента. В период с 2001 по 2002 годы обостряется и политический, институциональный, социальный и экономический кризисы, народ выражал свое недовольство политикам страны.

Как правило, кризис всегда показывает причины непродуманной политики, это путь поиска путей к прогрессу. Аргентинский кризис продемонстрировал несостоятельность проведенных неолиберальных реформ и необходимость для смены внутриполитического курса.

Развитая партийная система в Латинской Америке переживала небывалый кризис, причиной которого было военное правление во многих странах. Все представительские институты были либо запрещены, либо ограничены в полномочиях.

В первой половине 80- х годов в Аргентине начала формироваться многопартийная система, которая продвигала в жизнь разные взгляды и позиции. Президент страны К. Менем был отстранен от власти, его привлекли к суду за участие к контрабанде и продаже оружия в 2001 году. Новая супружеская чета Нестор и Кристина Киршнер долгое время в период с 2003 по 2015 годы управляла страной, в которой воцарилась стабильность [5. С. 1024-1026].

На протяжении всего XX века шла борьба аргентинских предпринимателей и рабочего класса за возможность иметь в стране демократические принципы между рабочими, олигархами и реформаторами вплоть до конца 80-х годов. Лишь в конце века, в третий период перонистского правления экономика страны стабилизировалась.

Носкова Е.Ю. отмечает, социальный, экономический и политический кризисы потрясли Аргентину в конце 90-х годов прошлого столетия, но все

политические партии, утеряв доверие народа, оказались несостоятельными справиться с проблемами. Дефолт в стране в период правления Фернандо де ла Руа, привел не только к спаду участия в выборах народа, но и расколу в парламенте партий, было много разногласий по идеологии, путем развития страны. Большая часть членов парламента представляла интересы юстициалистов, называлась партией юстициалистов, в которой произошел раскол. В 2003 году, после выборов лидером партии становится Нестор Киршнер, а оппозиционной партией, которая состояла из бывших членов самой многочисленной партии юстициалистов, образовалась партия Юстициалистов, союзниками которых стали радикалы. Радикальная партия, партия юстициалистов, партия Фронт Победы, на выборах в 2003 году получили большее число голосов, а супруга бывшего президента Нестора, и Кристина Киршнер, становится президентом страны. Партия президента Народный Фронт получила большее число голосов.

Став президентом, Кристина Киршнер поддерживала демократический путь развития, в результате переговоров с членами парламента были разработаны законопроекты, направленные на проведение в стране политических реформ. Новый закон предполагал проведение обязательных и открытых выборов. Так, новый законопроект способствовал проведения первых выборов, все партии, группы, стали иметь возможность выдвигать своих кандидатов. Общественность получила возможность делать выбор в президенты, сенаторов, депутатов по своему желанию из списка общедоступных национальных кандидатов. Многопартийность и доступность народа к выбору кандидатов партий положили начало формирования многопартийности и открытости. Все кандидаты пытались сохранить и утвердить, свою репутацию, разрабатывали программы и использовали их в борьбе за посты и должности [7].

Таким образом, на протяжении всего XX века в Аргентине сохранялись авторитарные и военно-диктаторские режимы, которые способствовали укреплению власти при поддержке армии. Единоличное правление президентов было характерной чертой правления, а военные силы были вовлечены в политическую жизнь страны. Военная сила и ее участие в политической жизни представляла собой феномен, который продвигал интересы близкого окружения главы государства, офицеров, генералов. Постепенно поддержка военных сил утратила поддержку общественности, разных слоев населения от элиты до самых низких слоев.

Борисова А.А. считает, что возникшие трудности в социальной, экономической сфере были продиктованы отсталостью в развитии модернизации во многих сферах. Аргентине была нужна модернизация в области экономики, политики, социальной сфере, но авторитарный режим отрицал процесс модернизации политической жизни с демократическими принципами. Все реформы в стране проводились авторитарными методами, которые не име-

ли успеха. Не развивалось предпринимательство, частный сектор и свободный рынок. Авторитарный и неолиберальный режим, с демократическими принципами давал возможность иметь политические партии с ограниченными возможностями, иметь относительную свободу, но развивать рыночные отношения и иметь гражданское общество в правовом поле это прерогатива демократии.

Начало XXI века можно характеризовать как рубеж, в ходе которого формируется и развивается политическая система Аргентины, ее многопартийность и оппозиция, развиваются демократические институты, оживает и стабилизируется социальная, экономическая и политическая жизнь в правовом поле гражданского общества и правового государства [2].

Анализируя политические системы двух стран России и Аргентины можно констатировать, что в конце XX века обе страны пережили глубокие кризисы, политический, экономический социальный и др. Процесс приватизации в России и формирование рыночной экономики, дефолт стали тем рубежом, после которого долгое время экономика страны не имела должного развития. У обеих стран, после падения авторитарного режима оставался внешний долг, партийная система практически отсутствовала, а партия власти имела преимущества и защищала интересы политических элит.

Как в России, так и в Аргентине авторитарные режимы не способствовали развитию политической культуры, на выборах наблюдалось принудительное присутствие участников, не было многопартийности и оппонентов в Государственной Думе. Та политическая система, в которой продвигаются интересы господствующей власти, в которой нет свободы выбора, нет доступности, открытости, гласности, демократических принципов и правовой основы в современном мире обречена на провал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Борисенко В.И., Чернышева Е.Н. Науч. статья. Преобразования политической системы России в начале XXI в. // <https://cyberleninka.ru/article/n/preobrazovaniya-politicheskoy-sistemy-rossii-v-nachale-xxi-v>.
2. Борисова А. Аргентина на рубеже XX-XXI веков: террор, стабильность, перемены // <https://ichebnik.ru/argentina/967-argentina-na-rubezhe-xx-xxi-vekov>.
3. Гасанов Г.А. Формирование российской многопартийности: Истоки, особенности, тенденции, конец 80-х – начало 90-х годов. Автореферат канд. истор. наук // <https://www.dissertcat.com/content/formirovanie-rossiiskoi-mnogopartiinosti-istoki-osobennosti-tendentii-konets-80-kh-nachalo->.
4. Гурьянов П.А. Политическая система России в XXI веке // Молодой ученый. 2012. № 4 (39) // <https://moluch.ru/archive/39/4626/>.
5. Карабанова Р.В. Аргентина в XXI веке: основные векторы внутриполитического развития // Молодой ученый. 2015. № 10 (90).
6. Конституция РФ 1993 года // <https://konstitucija.ru/1993/>.
7. Носкова Е.Ю. Науч. статья. Аргентина эпохи киршнеризма(2003-2015)// <https://cyberleninka.ru/article/n/argentina-epohi-kirshnerizma-2003-2015>.

-
8. Россия в начале XXI века // https://histerl.ru/novaia_rossia/v_nachale_21_veka.htm.
 9. Российская Федерация. Федеральный закон «О политических партиях». 1 июля 2001 года № 95-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/.
 10. Степанченко В.А. Трансформация политической системы России // <https://odnopartiec.ru/513>.
 11. Терешкин А.Ю. Особенности становления партийной системы в современной России. Автореф. диссерт. канд. полит. наук // <https://www.disscat.com/content/osobennosti-stanovleniya-partiinoi-sistemy-v-sovremennoi-rossii>.
 12. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-06121994-n-56-fz-ob>.

*M.A. IVANCHENKO
English Department №1
Lecturer MGIMO,
Moscow, Russia*

PARTY POLITICAL SYSTEMS IN RUSSIA AND ARGENTINA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

This article introduces the problems and features of the development of political systems in Russia and Argentina at the beginning of the 21st century. Both countries experienced complexities, economic crises that occurred at the end of the 20th century. For each country, the political system is a global space that links government and society and at the same time enhances the development of the political socialization of citizens and the developing participation in the political life of all spheres of society. A comparative analysis of the systems of Russia and Argentina, as the basis for the development of any democratic state, has been carried out. The features of the political system are excluded, as an institution with multi-party system of political power. Party systems reflect the alignment, influence and reflection of power; interaction with legitimate authorities, representative authorities, and leaders of countries. The determining factors in the development of political systems are considered, in conditions specific to Russia and Argentina, in which political systems evolve and function.

Key words: political system, multi-party system, the party of power, opposition, legitimacy of elections, crisis of political power, stability.

старший преподаватель кафедры
английского языка № 6 МГИМО Университета
МИД России, Россия, г. Москва

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ INTERSTATE OIL & GAS COMPACT COMMISSION (НЕФТЕГАЗОВОЙ КОМИССИИ ШТАТОВ) США

В США действует огромное количество лоббистских структур, напрямую связанных с правительством: научно-исследовательские центры, советы, ассоциации, этнические лоббистские группировки. Взаимоотношение лоббистских групп в США и законодательной власти является уникальным, и ни в одной стране мира не повторяется, благодаря особой структуре государственного устройства и системе регулирования. По данным различных исследований, лоббизм в США в основном носит корпоративный характер и применяется в сфере оборонной, энергетической, банковской, фармацевтической промышленности. В статье рассматривается деятельность Interstate Oil & Gas Compact Commission (Нефтегазовой комиссии штатов), официально не являющейся лоббистской организацией, но выполняющей функцию инструмента влияния нефтегазовой отрасли США.

Ключевые слова: лоббизм, нефтегазовая комиссия, внешняя политика США, внешнеполитический курс.

Интересы большинства нефтяных компаний США представляет Американский Институт Нефти, с помощью аппарата, которого через американский Конгресс проводятся различные законопроекты. **Любые действия лоббистских групп направлены на разработку надежной модели бизнеса на основе договоренностей или связей с ведущими «стейкхолдерами федерального и регионального уровня»** [6]. Как правило, устанавливаются стабильные отношения с государственными элитами, что обеспечивает «устойчивое развитие компаний в долгосрочной перспективе» [6], основанное на прозрачности государственной политики в той или иной отрасли, дающей компаниям стабильность, участие в разработке законопроектов, облегченную форму лицензирования и т.д., информированность о тех или иных законодательных инициативах государственных органов, а также во многих случаях, возможность получения государственного заказа на ту или иную продукцию, оказание влияния на принятие решений государственными органами.

Многие исследователи называют лоббистские группы «пятой ветвью власти» или «третьей палатой парламента» [4. С. 56], т.к. они обладают реальным политическим влиянием. К внешнему лоббизму относится использование СМИ. Очень часто лоббисты достигают успеха путем оказания спонсорской помощи в ходе предвыборных кампаний, оплаты взносов и т.д.

Среди лоббистских организаций, оказывающих влияние на формирование внешнеполитического курса, можно выделить так называемые «научно-исследовательские центры», в основном созданные на индивидуальные вложения. Первые центры начали создаваться при президенте Б. Вильсоне и почти за вековое участие в политической жизни США постепенно стали оказывать большое влияние и на политические партии, и на курс того или иного президента. Можно привести следующие примеры подобных организаций – «Центр за американский прогресс», «Внешнеполитическая инициатива», «Наследие» и т.д. Многие центры получают средства от зарубежных правительств, благотворителей [4]. Очень часто эти центры, по сути, выполняют роль иностранных агентов без необходимой для этого регистрации. Часто сотрудники центров получают должности в правительстве или выполняют функции приглашенных экспертов.

Среди лоббистских структур выделяются советы, ассоциации, например, – «Совет по международным отношениям», «Фонд Рокфеллеров» и т.д. считается, что именно подобные группы выполняют функции «серых кардиналов», лоббируя интересы определенных кругов на политической арене, путем проведения закрытых встреч, собраний, консультаций, публикаций специальных материалов. Многие из подобных структур носят яркую политическую окраску и лоббируют интересы определенных партий.

К середине XX века лоббисты начинают применять новые способы оказания влияния на политиков, включавшие применение «личных коррупционных схем» и т.д. в 1950-х гг. в США сложно было представить продвижение любого крупного бизнеса без личных контактов лоббистов (как правило занимавших ведущие должности в корпорациях) с политиками и законодателями. Многие лоббисты занимались представителями иностранных государств для продвижения интересов этих стран в Конгрессе США.

Можно выделить и этнические лоббистские группы, защищающие интересы своих меньшинств, причем, следует отметить, что для США эти лоббистские группировки особенно характерны – практически представители всех национальностей в США имеют свои организованный лоббистские структуры (произраильские, проиранские, проарабские, прокубинские, прогреческие, проармянские и т.д.) [2]. Особенно надо выделить роль произраильских и проарабских лоббистских группировок во влиянии на внешнеполитический курс ближневосточной политики США. («Национальная арабская лига», «Американские друзья арабов», «Институт по делам американских арабов», «Комитет по освобождению Ирака»).

Лоббированию свойственен закрытый, кулуарный характер отношений – большинство решений принимается тайно, скрытно от общественности. Безусловно, процесс лоббирования взаимовыгоден обеим сторонам – как политикам, так и группам интересов. Среди методов лоббирования можно «шантаж, подкуп, приемы насилия, обман, продвижение «своих» законопроектов» и т.д. [3].

Взаимоотношение лоббистских групп в США и законодательной власти является уникальным, и ни в одной стране мира не повторяется, благодаря особой структуре государственного устройства и системе регулирования, которой нет даже на родине лоббизма – Великобритании [5].

Вашингтон является центром мирового лоббизма. Основная статья расходов лоббистских кампаний – поддержка крупного бизнеса по отраслям. Очень часто крупные корпорации не прибегают к услугам лоббистских компаний, а самостоятельно, в рамках организаций, занимаются лоббистской деятельностью. По данным различных исследований лоббизм в США в основном носит корпоративный характер и применяется в сфере оборонной, энергетической, банковской, фармацевтической промышленности. Практически всегда бизнес волнуют вопросы, связанные с бюджетом, налоговыми льготами, поэтому лоббисты стремятся действовать на уровне Конгресса, Государственного Департамента и даже Верховного Суда США. Так же практически в каждой крупной юридической или медиа компании есть отдел, занимающийся лоббизмом [1].

Наиболее излюбленный способ оказания влияния со стороны лоббистов – финансирование избирательной кампании и дальнейшее «продвижение» избранных политиков по службе и спонсирование кампаний по переизбранию. Подобное сотрудничество всегда было взаимовыгодно как для политиков, так и для крупных корпораций. Зачастую конгрессмены в отставке в свою очередь становятся лоббистами интересов крупных корпораций, пользуясь своими связями [1]. Необходимо отметить политизированность лоббизма в США и прослеживающийся консервативный подход со стороны политических партий к определенным вопросам, связанными, например, с налогами, внешней политикой, однополыми браками и т.д., а также зависимость от мнения избирателей. Традиционно демократы представляют интересы «черных и бедных», а республиканцы – «белых и богатых» [8].

Но в США существует организация, официально не являющаяся лоббистской, тем не менее активно продвигающая интересы нефтяных компаний. Данной уникальной организации и посвящена настоящая статья.

В 1934 г. в г. Понка, штат Оклахома, США собрались представители крупнейших нефтедобывающих штатов США для обсуждения нестабильной ситуации в индустрии добычи нефти. В 1935 г. потери нефтедобычи были огромными, что с лихвой порывалось введением в эксплуатацию двух

новых месторождений – Восточно-Техасского и Оклахомского. Нефтяная отрасль США остро нуждалась в реструктуризации ради максимизации добычи и сокращения потерь. **В этих сложных условиях была создана Interstate Oil Compact Commission (нефтяная комиссия, действующая между штатами) по распоряжению Конгресса США в соответствии с ходатайством губернатора Оклахомы.**

Первоначально в комиссию входило шесть штатов (Колорадо, Иллинойс, Канзас, Нью-Мексико, Оклахома и Техас). Основной целью создания комиссии было регулирование деятельности в области нефтяной промышленности, не входившей в ведение федеральных органов, но выходившей за рамки юрисдикции штата. Целью работы комиссии стал контроль за нерегулируемыми отходами и потерями, сопутствующими нефтедобыче. Инициатором, приложившим огромные усилия по лоббированию создания комиссии, стал губернатор штата Оклахома Е.В. Марланд.

Усилия, предпринятые Комиссией совместно с федеральным правительством, оказались бесценными в период Второй мировой войны, когда остро всталла необходимость повышенной нефтедобычи. Штаты США, входящие в Комиссию, установили эффективный контроль за нефтегазовой промышленностью при помощи ряда программ по контролю за технологиями, мерами регулирования нефтегазовой отрасли.

В течение 1950-х гг. Комиссией было разработано большое количество технологий в области инженерной части нефтедобычи, а также нормативно-правового регулирования и контроля за производством. В 1961 г. Комиссией принимается Резолюция по сокращению импорта нефти с целью стимулирования нефтедобычи на территории США и недопущения ослабления программ по резервному хранению нефти. В середине 1970-х гг.

Комиссия вводит нормы контроля добычи на старых скважинах. Предпринятые Комиссией меры сокращению импортозависимости и формированию стратегических нефтяных запасов США, оправлялись во время нефтяного кризиса конца 1970-х гг.

С 1991 г. в деятельность комиссии были добавлены газовые операции. Постепенно комиссия превратилась в мощную лоббистскую группировку, хотя официально является государственной организацией по сохранению и эффективному восстановлению нефтегазовых ресурсов на территории страны.

Деятельность этой организации абсолютно непрозрачна и тесно связана с крупными нефтяными компаниями. В состав комиссии входят работники и высокопоставленные служащие нефтяных компаний и лоббисты, представляющие интересы бизнеса этой сферы. Представители комиссии выступают за соблюдение прав администрации каждого нефтяного штата США регулировать собственные нефтегазовые ресурсы, и, по сути, выполняет функции совещательного органа, в котором представители не-

фтегазовой отрасли и администрации могут обсуждать вопросы доступа к ресурсам, получать информацию о ресурсах других штатов, запрашивать информацию в Конгрессе, узнавать передовую информацию обо всех тенденциях нефтегазовой отрасли в США.

В настоящий момент в Комиссию входят 31 постоянный нефтедобывающий штат США, 7 ассоциированных штатов, 10 международных аффилированных стран (в том числе 7 провинций Канады). Членство в Комиссии осуществляется на уровне губернаторов штатов. Губернаторы штатов назначают по два или более представителя в Комиссию, как правило, данные представители занимают ведущие должности. Официально Комиссия позиционируется как государственный регулятор, но треть ее членов является действующими работниками нефтегазовой отрасли. Встречи членов Комиссии проводятся как минимум два раза в год на конференциях, финансируемых нефтяной отраслью.

Финансирование организации зависит от уровня добычи нефти и осуществляется за счет акцизных сборов на нефть, взносов стран-членов и поступлений от нефтяных корпораций и является абсолютно непрозрачным и пропорционально зависит от показателей добычи нефти.

Ярким примером деятельности комиссии является поощрение печально известного использования «лазейки» в законодательстве в деятельности компании «Халлибуртон» под руководством Дика Чейни.

Здесь уместно сделать отступление и рассказать о самом политике и истории компании. Назначение Дика Чейни на пост главы компании «Халлибуртон» было напрямую связано с американским правительством – огромный опыт в государственной службе превратил Д. Чейни в «своего» человека как в Сенате, так и в Пентагоне. За пять лет, которые Д. Чейни возглавлял «Халлибуртон», государственные дотации этой компании возросли со 100 млн долларов до 1,5 млрд, вдвое увеличилась деятельность «Халлибуртона» по государственному заказу, в том числе и по военным заказам по линии Пентагона [7].

Компания «Халлибуртон», основанная в 1919 г. Эрлом Халлибуртоном, сейчас предоставляет широкий спектр сервисных услуг, технологий и оборудования для всех видов нефтегазовой деятельности – платформ, трубопроводов, перерабатывающих заводов, строительству дорог и участию в военных операциях во многих странах мира. И хотя большинство доходов компании поступает благодаря предоставлению сервисных услуг в области нефти и газа, значительную долю доходов составляют военные и гражданские контракты, лоббируемые руководством в правительстве США.

Сама история компании напрямую связана с политической жизнью США. Руководство основанного в 1919 г. подразделения Халлибуртона «Браун энд Рут» (официальное слияние «Халлибуртон Компани» и «Браун энд Рут» произошло в 1962 г.) с самого начала использовало рычаги воздей-

ствия на правительство для получения контрактов на строительство дорог и обустройство инфраструктуры в сельской местности штата Техас, а затем получили крупнейший контракт на строительство дамбы на реке Колорадо, благодаря лоббированию конгрессмена Линдона Джонсона (будущего президента США).

Сотрудничество конгрессмена и руководителя «Браун энд Рут» Хенри Брауна было удивительно взаимовыгодным – бизнес предоставлял конгрессмену спонсорскую помощь на выборах, а Джонсон – лоббирование интересов компаний в государственных структурах. С 1937 г., когда Джонсон впервые стал конгрессменом по 1948 г., когда он занял кресло сенатора, Джонсон получил миллионы от компании «Браун энд Рут» в качестве спонсорской помощи и финансирования предвыборных кампаний.

Со временем «аппетиты» руководства «Браун энд Рут» росли, и при заключении новых государственных соглашений, прибыль компании возрастила, пропорционально увеличению стоимости услуг. Используя свои связи с конгрессменом Джонсоном, верхушка компании получала одобрение на бесчисленное множество дополнительных субконтрактов, расходы на которые никем не контролировались и не ограничивались. Удивительный альянс государственной власти и бизнеса был заключен [7]. Компания занималась строительством объектов военной инфраструктуры не только на территории США, но и в Латинской Америке, Франции, Испании. Наиболее известными проектами «Халлибуртон» стали заключенные контракты по «послевоенному освоению» Ирака и Афганистана, хотя и во Вьетнамской кампании «Халлибуртон» был активным участником.

Война в Ираке продемонстрировала насколько важным для бизнеса может быть влияние на политические элиты США – именно благодаря политическим связям компании удалось получить крупнейший логистический контракт на строительство инфраструктуры в Ираке и на поставки для ВВС и ВМФ США, строительство объектов военной инфраструктуры. Вряд ли какая-либо из «случайных» компаний может рассчитывать на заключение подобных по масштабу соглашений.

12 января 1991 г. Конгресс США дал разрешение президенту Дж. Бушу-старшему на проведение операции «Буря в пустыне», пять дней спустя в Кувейте началась операция. Победа оказалась достаточно легкой для американцев и к февралю о ней официально заявили, нов от восстановления инфраструктуры (отступавшие войска Хуссейна подожгли более 700 кувейтских нефтяных скважин) было куда более сложным занятием. Горели безвозвратно несколько миллионов баррелей нефти в день, что привело к густому смогу, в буквальном смысле ввергнувшему страну во тьму пожара [7]. Потери компании «Халлибуртон» от прекращения работ в регионе из-за ведения военных действий составили 29 млн долларов, **а прибыль от государственных контрактов по восстановлению инфраструктуры**

за последующие после 1991 года 10 лет составила более 200 млрд, благодаря подpisанию с правительством США рамочного соглашения на оказание сервисных услуг!

Помимо прочих контрактов, подразделение Халлибуртона «Браун энд Рут» получило госзаказ на обеспечение экипировкой и боеприпасами американских военных, отправляемых на военные базы Саудовской Аравии. А уже после событий 11 сентября 2001 г., на строительство инфраструктурных объектов по борьбе с терроризмом, таких как тюрьма Гуантаномо. На тот момент занимающий пост вице-президента США бывший руководитель «Халлибуртон» Дик Чейни, и его соратник президент Дж. Буш-младший настолько стремились провести вторую военную кампанию в Ираке, что сделали бы это вне зависимости от политики, проводимой Саддамом Хуссейном. При этом изначально было понятно, что компания «Халлибуртон» получит контракт на «восстановление» устаревшей инфраструктуры Ирака.

И несмотря на многочисленные расследования, в том числе на уровне конгресса, деятельности компании «Халлибуртон», проверки бухгалтерской отчетности и завышенных цен в государственных контрактах, компания оставалась крупнейшим подрядчиком госзаказа США.

Благодаря деятельности Комиссии в 2005 г. компании разрешили проводить операции по гидроразрыву пласта (фракинг) на территории США, несмотря на очевидный ущерб экологии, благодаря поправке к закону о «Сохранении питьевой воды 1999», принятой с помощью лоббирования комитета. Благодаря усилиям Комиссии также отходы нефтегазового производства были исключены из перечня федерального закона об охране окружающей среды и регулировании опасных отходов.

Таким образом, благодаря принятой поправке, нефтегазовая индустрия США стала единственной отраслью на территории Соединенных Штатов, получившей разрешение от Агентства по Защите Окружающей среды.

Конгресс США попытался отменить поправку в 2009 г., но безрезультатно – члены комиссии пролоббировали поддержку законодателей. Таким образом, деятельность комиссии, благодаря ее двойственному статусу, целиком посвящена лоббированию интересов нефтяной отрасли.

Деятельность Комиссии неоднократно попадала под шквал критики и обвинений в лоббировании интересов крупного нефтяного бизнеса официальная позиция членов Комиссии – они не занимаются лоббизмом, а просто информируют и консультируют представителей государственных органов, политиков и широкую общественность по вопросам в нефтегазовой области.

Примерно треть членов комиссии составляют представители нефтегазовых компаний, вторая треть – представители административных органов нефтедобывающих штатов, остальные члены – сотрудники экологических организаций, консалтинговых компаний и научных кругов [9]. Подобная

расстановка сил внутри комиссии облегчает «ведение диалога» с правительством.

На настоящий момент Комиссия выступает в качестве посредника-лоббиста между органами управления и представителями нефтегазовой промышленности. Незначительное количество организаций находится в столь завидном положении. По уставу комиссия является «государственной организацией», а, следовательно, освобождена от уплаты налогов, (правительство штата Оклахомы даже оплачивает аренду штаб-квартиры Комиссии!), официально не может назначать лоббистских представителей, но члены комиссии «на равных» общаются с представителями государственных органов и служб.

Практически столетие спустя возникновения крупнейших ТНК, в настоящий момент, можно с уверенностью заявить, что ТНК США в области энергетики, технологий, финансов, недвижимости, торговли и т.д., имеют гораздо большее влияние на людей, чем политики Государственного Департамента. Для большинства государств экономическая дипломатия – это и есть подлинная дипломатия. Ведь за экономической дипломатией – десятилетия упорного труда и инвестиций в развитие бизнеса как внутри страны, так и за ее пределами. Энергетическая же дипломатия и политика занимает и будет занимать ключевую роль еще долгое время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белоусов А.Б. «Современная практика лоббизма в США» // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Выпуск 2. ISSN 1818-0566.
2. Гришанов А.А. «Заинтересованные группы во внешнеполитическом процессе США в конце XX – начале XXI вв: Теория и практика» ФГБУ Институт США и Канады Российской академии наук. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук.
3. Захаров А.В., Зеленукин Р.В. «Правовое регулирование лоббистской деятельности, ее средств, методов и технологий» // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8 (030).
4. Малютин М.В. Кто такие лоббисты? Сама власть // Бизнес и политика. 1995. № 5.
5. Сергунин А.А. «Нужен ли России закон о лоббировании?» // Российское предпринимательство. 2011. № 2 (1).
6. Толстых П.А. «Экономическая теория лоббизма: оценка экономической эффективности» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. №. 1 (21). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-1-3 // www.sisp.nkras.ru.
7. Dan Briody. “The Halliburton Agenda – the Politics of Oil and Money”. WILEY. ISBN 9780471745945.

8. McKay D. Politics and Power in the USA. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1987.

9. <https://grist.org/article>this-influential-group-behind-the-halliburton-loop-hole-doesnt-lobby-so-why-did-it-hire-a-lobbyist/>.

E.M. MOKROVA

*Senior lecturer at English Language
Department № 6, MGIMO University,
Moscow, Russia*

US INTERSTATE OIL & GAS COMPACT COMMISSION ACTIVITIES

There is a great number of lobbying structures in USA directly connected with the US government: think tanks, councils, associations, ethnic lobby groups. Relations between US lobbying groups and legal authorities are unique due to the special system of organization and regulations. According to various studies US lobbyism is of corporate character and is used in defense, energy, banking and even pharmaceutical industry. The article considers Interstate Oil & Gas Compact Commission activities, a non-lobbyist organization providing interests of US oil and gas industry on a governmental level.

Key words: *lobbyism, Interstate Oil & Gas Compact Commission, US foreign policy, US foreign course.*

ДУХОВНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С МИССИОНЕРСТВАМИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

Данная статья посвящена месту и роли духовной безопасности включая ее культурно-исторические, информационно-психологические, религиозные, идеологические, научные, образовательные и другие компоненты, как одной из комплексных составляющих национальной безопасности. Автором проанализированы духовно-нравственные механизмы по борьбе с миссионерством.

Ключевые слова: миссионерство, религия, угроза, общество, молодежь, национальная безопасность.

Невозможно формулировать тезис об использовании миссионерской деятельности, как элемента geopolитики государств, не совершив хотя бы краткий экскурс в историю этого явления за двадцать веков существования христианства. Мы обратим особое внимание на те периоды, когда деятельность миссионеров наиболее активно использовалось для решения geopolитических задач. Геополитические цели, как правило, бываютозвучными с другими компонентами идеологической политики. Приоритетная цель идеологических войн – это целенаправленное идеологические воздействие и манипулирование общественным сознанием, завоевание и удержание власти, достижение политического, военного и экономического превосходства без учета интересов государств, уступающих в экономической, политической и военной мощи, что может представлять серьезную опасность для межгосударственных отношений.

Под духовной угрозой нужно, прежде всего, понимать, «идеологическую, идейную и информационную агрессию, направленную на любого человека независимо от языка, религии, веры, против его свободы в полном смысле слова, с целью полного разрушения его духовного мира» [3. С. 103].

По мнению К. Авазова что, «Идеологическое воздействие превращается в самое влиятельное средство geopolитики. Определенные политические силы имеют в виду создание идеологической среды подчинения своим интересам сознания и мышления различных слоев народов мира, особенно молодежи, посредством оказания идеологического воздействия. Для современного глобализирующегося мира характерны идеологические угрозы» [2. С. 42].

Исходя, из данной контекста надо отметить, что, сегодня миссионерское движение проявляет себя как духовная угроза в глобальном масштабе. Особенно в условиях глобализации, как миссионерская идеологическая угроза в современном информационном пространстве, она оказывает серьезное влияние на сознание, психику, культуру и духовность мирового сообщества. В конце концов, эти факторы требуют серьезного мышления в быстро меняющееся опасное время. В условиях глобализации миссионерская деятельность часто приводит к религиозным конфликтам и этноконфессиональным конфликтам через религиозную рознь. «Тот факт, что миссионеры работают под прикрытием привлекательных лозунгов и идей под видом «красивого», показывает, что они вызывают национальные, религиозные и расовые конфликты. Становится все более очевидным, что за такими миссионерскими усилиями скрываются скрытые политические цели, направленные на разделение нации на основе внутреннего хаоса на религиозной почве» [13].

Следует подчеркнуть, что в работах узбекских и российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [4; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 14; 15; 16; 26].

Однако проблему влияния миссионерских организаций на национальную безопасность суверенных государств нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Как отметил Президент Шавкат Мирзиёев: «Сегодня мы живем в быстро меняющемся мире. Борьба за интересы и конкуренция в мире обостряются, а международная ситуация ухудшается» [25]. Следовательно, проповедники миссионеров преследуют свои эгоистические цели под видом различных масок, привлекательных лозунгов и идей, часто проникая в культуру и духовность любой нации или народа. Миссионеры постоянно совершенствуют свои методы и инструменты, чтобы адаптироваться к пространству и времени [20. С. 184]. Посредством сильной политической пропаганды и защиты миссионеры по всему миру используют различные методы, чтобы доказать, что их религиозные учения истины среди представителей других религий. В частности, миссионерские организации требуют от приверженцев (новых членов, принятых в организацию) строго соблюдать законы организации, уделяя особое внимание постоянному надзору. В организации важно, чтобы действующие члены всегда отсекали или провоцировали другие источники информации, подчеркивая свою правоту. Превращение информации в мощное оружие в XXI веке играет важную роль в миссионерской деятельности. Чтобы использовать информацию как разрушительное оружие, миссионеры обращают особое внимание на идеологическое влияние, чтобы изменить человеческое сердце и разум. В результате активизации движений в современном информационном пространстве идеологическое влияние стало чрезвычайно острым оружием, и различные политические силы пытаются

использовать его в своих интересах и целях. Хотя военное, экономическое и политическое давление можно почувствовать, увидеть и предотвратить, очень трудно быстро понять идеологическое давление и его последствия. Ведь эти действия настолько ускоряются, что на эти действия невозможно смотреть равнодушно и безразлично. В связи с этим Первый Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов сказал: «Сегодня наряду с экономической борьбой в мире нарастает идеологическая конфронтация. Идеологическая борьба – это, прежде всего, борьба политическая. Естественно, что каждая страна имеет политические, экономические и духовные преимущества. Среди них интересы и борьба в области духовности являются наиболее важными» [18. С. 297]. Именно недавняя эскалация информационных атак, отражающих политические цели в глобальном масштабе, требует серьезного размышления в этом отношении. Информационная форма миссионерской работы осуществляется в устной, печатной, электронной и других формах. Вызывает беспокойство то, что миссионеры стремятся захватить человеческое сердце и разум духовно и культурно, рекламируя и распространяя свои религиозные взгляды.

Сегодня различные миссионерские секты эффективно используют Интернет, чтобы завладеть человеческим сердцем и разумом. Действительно, современные информационные технологии и средства связи под влиянием мощных политических центров, действующих в некоторых регионах мира, сознательно «нацелены» на определенные регионы и страны, пытаясь посеять разлад между существующим политическим режимом и гражданами. В результате такая ситуация вызывает недовольство системой управления, ослабляя существующее легитимное правительство. Сторонники миссии распространяют неточную информацию, чтобы изменить умы и психологию местных жителей, чтобы отвлечь их от преследования своих корыстных целей. В таком стремлении, конечно, есть определенная логика. Опыт показывает, что такой статус позволяет миссионерской деятельности пытаться обойти нормы международного права и использовать свои механизмы защиты, чтобы оправдать свои действия и избежать ответственности, когда они вызывают законные возражения [20. С. 176].

Большинство миссионерских организаций по всему миру сегодня имеют свои собственные веб-сайты. Согласно анализу религиозного сегмента Интернета, религиозные веб-порталы содержат следующие блоки: новости, информация об основах религиозного учения, проповеди в формате MR3, библейские свидетельства, выставки, статьи, тексты книг, конференции, анонсы, открытки, праздники, христианские магазины. На данный момент на религиозных объектах большинства сект, занимающихся миссионерской деятельностью, созданы условия для общения своих сторонников посредством гостевых книг, блогов, форумов.

Вы также можете найти онлайн, наставничество и обучение (по электронной почте или онлайн-изучение Библии), советы, уроки, молитвы

на сайтах миссий. Таким образом, следует отметить, что на миссионерских религиозных объектах присутствуют видеозаписи, аудиопроповеди, радиопередачи. В частности, стоит отметить, что «Христианский портал», «Интернет – церковь» работают с большим размахом. Стоит отметить, что цена тем из серии «Что говорит Библия» на этих порталах намного выше. На этом этапе мы сосредоточимся на некоторых примерах из него. Эти порталы включают «Мафия и рэкет в Ветхом Завете», «Виртуальный секс», «Ситуация в аду», «Церковь и сотня долларов», «Сотовая связь с Богом», «Смерть и утюги», «Калькулятор проверки Богом» [23]. Стоит отметить, что на сайте есть службы знакомств, информационные службы и даже специальные формы для отправки молитв. Таким образом, миссионеры умело используют эти методы для привлечения членов Церкви. Эксперты отмечают, что миссионеры используют эти коварные методы, чтобы повысить интерес людей к миссионерской работе. В результате эти ситуации на миссионерских площадках создают основу для формирования западного мышления, образа жизни, ценностей и идеалов, чуждых и противоречащих национальному менталитету людей среди населения того или иного региона. Действительно, следует понимать, что плюрализм, возникающий в результате миссионерской пропаганды, представляет собой серьезную угрозу стабильности общества и страны, поскольку она стремится каким-либо образом установить свое духовное превосходство. Эта ситуация заставляет народы забывать свои многовековые национальные ценности. В выполнении миссионерскими организациями информационной миссии, прежде всего, заложена идея идеологического воздействия через покорение человеческого разума и сердца. Сегодня в связи с развитием Интернета и социальных сетей расширяются возможности распространения информации, в частности идеологического и идеологического взаимодействия. Сегодняшняя идеологическая борьба – это борьба за сердца и умы людей, их убеждения, мировоззрения, социально-политические и духовные символы [24. С. 255]. Эта ситуация означает, что исторически сформированные ценности нации, ее идентичность, ее существование как нации и народа находятся под угрозой из-за угрозы стабильности государств. Действительно, в условиях глобализации информационный кризис является, прежде всего, ключевым фактором, угрожающим национальной безопасности той или иной страны. Кстати, в основе информационной миссии – создание противоречий и конфликтов между гражданами, обществами, государствами через реализацию экономических, социальных и политических целей. В то время, когда в мире бушует идеологическая борьба, одним из наиболее важных вопросов сегодня является обучение молодых людей, способных бороться против многих идей, которые приходят через информационный кризис: миссионерство, космополитизм, расизм, а также национализм, как пороки человека. В конце концов, нам нужно научить молодых людей различать хорошее и плохое и выбирать правильную информацию [19. С. 82].

Сторонники миссионерского движения, которое сегодня стремится подавить человеческий разум, сердце и психику, теперь эффективно используют газеты, журналы и Интернет как наиболее эффективное средство выполнения информационной миссии. В то же время тот факт, что молодежь принимает чуждые нашей национальной духовности идеи и информационные атаки, которые распространяются в Интернете, и их последствия беспокоят народы всех стран мира [17. С. 15]. Действительно, процесс глобализации и развитие информации и коммуникации создают основу для эффективного функционирования информационной миссии.

Миссионерские организации пытаются придать простое и новое значение простым словам, используя уловки в общении между членами. В миссионерских организациях слово «разум» как синоним глупых мыслей и сил внутри человека, кажется, отчуждает человека от Бога и истины. Внутри организации слово «мир» считается невежественным, потому что оно противоречит деятельности движения. В связи с этим особое внимание уделяется контролю деятельности участников путем «обеспечения» информационного контроля, установленного в организации. В отличие от религиозных фанатиков, миссионерское движение стремится привлечь новаторских и дальновидных молодых людей, некоторых проблемных интеллектуалов, деятелей оппозиции и прозападных женщин [21. С. 11]. Этот фактор позволяет миссионерским организациям увеличивать количество приверженцев за счет привлечения в свои ряды большего числа людей. В частности, они пытаются покорить мир своими идеологическими идеями, оказывая очень сильное влияние на человеческую психику с помощью современных технологий. Эта ситуация, расширяя (завоевывая) умы и сердца людей, изменяет их духовный мир и превращает их в зомби.

Следует отметить, что безразличие любого народа к своим историческим традициям и ценностям подрывает стабильность страны. В частности, миссионеры позиционируют себя как современный, привлекательный, активный, красноречивый человек в сознании населения того или иного региона и страны. В результате вскоре становится ясно, что миссионеры серьезно интересуются большинством людей. Однако такая ситуация создает новые проблемы для общества и страны в целом. Таким образом, пропаганда нетрадиционных религий миссионерами вызывает недопонимание среди людей. В результате человек отчуждается от своих близких, а также от общества и государства, а миссионеры попадают в сферу влияния. В этот момент люди, находящиеся под влиянием миссионеров, похоже, надеются, что они будут поддержаны миссионерами. Но эта «кузкая среда» дает новому члену полный контроль. Однако для людей, пострадавших от миссионерской работы, эта ситуация гораздо трагичнее и опаснее.

Миссионеры утверждают, что люди работают на «счастье». В частности, они образуют различные группы и обещают людям «все самое лучшее

в мире». Таким образом, люди должны полностью подчиняться в обмен на «эти благородные цели». В результате радикальные изменения в жизни людей, затронутых миссионерами, приводят к конфликтам с их близкими, родителями и правовой системой общества в целом из-за ошибок в их восприятии реальности и понимании социальных норм морали. Таким образом, в результате изменений в жизни людей, затронутых миссионерами, использование миссионерами методов воздействия на человеческую психику создает основу для психосоциальных проблем [5. С. 4].

Сегодня миссионеры стремятся влиять на религиозное и политическое управление, проникая в духовную, политическую и экономическую жизнь общества. Наиболее опасным аспектом деятельности миссионерских организаций является их криминализация. Известны случаи участия лиц, причастных к преступлению, в миссионерском менеджменте, попытках привлечь внимание различных слоев общества (саморекламы), за счет оправдания религиозных убеждений. Известны случаи, когда миссионерские организации используют новые методы психологического воздействия при проведении информационных атак. В частности, миссионерские организации показали, что их главная цель – «обеспечить» информационный контроль при выполнении информационной миссии. В частности: – обратить особое внимание на ограничение общения вещательных организаций, других источников информации с радио, телевидением, газетами с целью контроля сознания участников потока; – потеря контакта и провокация людей вне телерадиоорганизации; – «бомбардировка» членов миссии литературой о деятельности организации, идеологическими отчетами; – классификация определенной информации об организации передачи (например, лидер потока, сделанные пожертвования, изменение образа жизни, финансовые обязательства, требуемые от секты, цель, на которую расходуются деньги). Согласно доктрине организации, искажая правду (сектанты открыто лгут под предлогом, что мы собираем деньги для детей, живущих в бедности (члены организации не верят, что лидер организации – бог, никто не дает деньги руководителю организации). В то же время, «наладив» контроль информации в организации, можно предотвратить принятие решений участниками потока и высказывать критические мнения о деятельности потока. В то же время миссионерство представляет серьезную угрозу не только для состояния религиозной свободы, но и для мира во всем мире [10].

Следовательно, в результате миссионерского движения плачевное состояние лозунгов «свободы совести» и «прав человека» привело к религиозным и национальным конфликтам, а также вооруженным конфликтам. Следует отметить, что такая ситуация сейчас наблюдается в Нигерии и Танзании, где существует конкуренция между христианской и мусульманской религиями. По словам Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзи-

ёева: «... сегодня мы живем в эпоху информационной глобализации. Нравится нам это или нет, но естественно, что на нашу страну будут проводиться разного рода информационные атаки. Неоценима роль телевидения и радио в укреплении иммунитета населения, особенно молодежи, против таких нападений, в воспитании их в духе преданности нашим национальным ценностям и идее независимости [22. С. 256]. Действительно, настоящее требуют постоянной чуткости и бдительности в отношении угроз миссионерской работы, которая стремится привить «уникальное» мировоззрение, воздействуя на сердца и умы нашей молодежи.

Надо отметить что, «формирование угрозоустойчивого социума и поддержание политической стабильности, стабильное развитие страны, в том числе, предотвращение столкновений значительных социальных слоев (этносов, классов, религиозных общин и пр.) – стало приоритетной задачей» Республики Узбекистан [1. С. 46].

Таким образом, следует отметить, поскольку миссионерство представляет собой угрозу национальному единству и стабильности общества, систематическая организация работы по борьбе и предотвращению этого является одной из актуальных задач сегодняшнего дня. Наши граждане должны защитить себя от такого влияния. Если мы хотим жить мирной, гармоничной жизнью, мы не должны оставаться равнодушными к тому, что происходит вокруг нас, на наших глазах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авазов К.Х. Угрозоустойчивость общества в системе политического исследования // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история. 2018.
2. Авазов К.Х. Идеологические угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе, и их взаимосвязь // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4.
3. Авазов К. Внешние и внутренние угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе и их взаимосвязь // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301).
4. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Джсанкадыров С.С. Tolerance as the Basis of Political Culture and Ensuring Stability in the Society/Толерантность как основа политической культуры и обеспечения стабильности в обществе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 1 (41).
5. Вербальнаяnota – 2604 Посольства ФРГ Министерству иностранных дел Российской Федерации от 22 ноября 1995 года.
6. Гэн Ицзинь. Центрально-Азиатская политика правительства Узбекистана: современные реалии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 7 (76).

7. Давидченко А.В., Тюков Н.Л., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л. Технологии противодействия протестным акциям в Белоруссии в 2020-2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
8. Дронов М.В. Информационная подготовка НАТО к вторжению в Ливию в 2011 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82).
9. Залысин И.Ю. Противодействие терроризму: цели, субъекты, модели // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70).
10. Еленский В. Религиозная свобода: глобальные измерения // <http://tatpolit.ru/category/zvezda/2011-06-21/6008>.
11. Львов С.В., Максимова А.А., Нечаева С.В. Механизмы и мотивация участия педагогического сообщества в политических и гражданских процессах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).
12. Меньшиков П.В., Дресвянин Д.В. Информационное сопровождение внешней политики: социальные сетевые коммуникации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
13. Мусаев М.Т. Влияние миссионерства на социально-политические отношения // Инновационные подходы в современной науке. Сборник статей по материалам LXXIX международной научно-практической конференции. Октябрь 2020 г. № 19 (79) // <https://www.internauka.org/conf/inno>.
14. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).
15. Сулейманова Ш.С. Политическая коммуникация в современном мире: роль и влияние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 6 (75).
16. Чжсан Ваньтин, Любина Д.Е. Вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии в контексте развития инициативы «Один пояс – один путь»: освещение событий в Казахстане китайскими СМИ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 1 (41).
17. Бекпұлатов Х., Мамадалиев Р. Глобаллашув шароитида ахборот хурожларига қарши курашнинг айрим масалалари // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. 2016 йил № 1.
18. Каримов И. Она юртимиз баҳту иқболи ва буюк келажаги йўлида хизмат қилиш – энг олий саодатдир. Т.: «Ўзбекистон», НМИУ, 2015.
19. Қодиров Бўри. Ахборот оқими ва ёшлар маънавияти. Т.: «Тафаккур», 2015 йил. № 2.
20. Қурунов М., Даминов И., Юнусов А., Кахарова М., Бозоров О., Саттаров У., Жўракулов Ф., Раҳманов Б. Дунёнинг мағкуравий манзараси. «Муҳаррир нашриёти». Т., 2017.

-
21. Қурунов М. Никоб ортига бир нигоҳ. Т., 2018.
 22. Мирзиёев Ш. Буюк келажагимизни мард ва олижаноб халқимиз билан бирга қурамиз. Т.: Ўзбекистон, 2017.
 23. Оразбаева Г.К. Президент ОФ РИКЦ «Сана». К проблеме миссионерской деятельности в РК // uvr.akmol.kz/home/relig_101.
 24. Ҳасанбоев Ўтқир: Ўзбекистонда даавлат ва дин муносабатлари: диний ташкилотлар, оқимлар мағкуравий курашнинг долзарб йўналишлари. «Тошкент ислом университети» нашриёт матбаа босмахонаси. Т., 2014.
 25. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг 2018 йил 28 декабрдаги Олий Мажлисга қилган Мурожаатномаси // <http://www.aza.uz/oz/politics/zbekiston-respublikasi-prezidenti-shavkat-mirziyeevning-oliisy-28-12-2018>.
 26. Lantsov S.A. Ethnic Terrorism and Ethnic and Political Conflicts of the XIX-XX Centuries: Analysis of Socio-Political and Ideological Factors // “Political Science Issues”. Volume 10, Issue 1 (35-28), 2020.

Sh.M. TANIMOV
*Independent researcher of the Republican
Center of Spirituality and Enlightenment,
Tashkent, Republic of Uzbekistan*

SPIRITUAL AND MORAL MECHANISMS OF COMBATING MISSIONARIES IN THE VIRTUAL WORLD

This article is devoted to the study of the place and role of spiritual security, including its cultural-historical, informational-psychological, religious, ideological, scientific, educational and other components) as one of the complex components of national security. The author analyzes the spiritual and moral mechanisms for combating missionaries.

Key words: missionary work, religion, threat, societies, youth, national security.

*аспирант факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС),
Россия, г. Москва
SPIN-код автора: 9914-8262*

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

В статье исследуется необходимость выработки русской национальной идеи, как основное условие единства государственного общежития. Статья состоит из двух частей. В первой, исследуется онтология национальной идеи, ее этногенез. Доказывается, что исторический код России заложен пассионариями разных эпох. Предложены варианты патриотизма для внутреннего (духовного) и внешнего (организационного) содержания национальной идеи. В период противоречий либерализма и консерватизма предлагается встроить в систему государственного управления концепцию эмпириомонизма. Во второй части исследуется патриотизм, как базовый элемент психического и организационного опыта при создании сильного государства. В ходе исследования предложено два пути реформы в системе образования: преобразование системно-деятельного подхода в гуманистическую парадигму дополненную акмеологическими принципами христианского экзистенциализма, основанную на культурных ценностях православной цивилизации; поэтапное моделирование системы образования (В.Б. Титов). В заключении предлагается институализировать Русский мир с целью осуществления контроля над ключевыми сферами формирования национального сознания: культуры, образования, СМИ.

Ключевые слова: национальная идея, Русский мир, патриотизм, гуманистическая парадигма, пассионарность, экзистенциализм.

Введение. Русская национальная идея, как и любая теоретическая модель социально-политического устройства, это идеологический вектор развития общества внутри государственного устройства. В зависимости от внутренних потребностей общества, формируется форма государственного устройства. Если власть входит в противоречие с обществом и не отвечает на современные вызовы, то российское общество либо отстраняется от государственной жизни, либо входит в конфликт с властью.

Потребность в национальной идее возникла не только внутри российского общества. Концепцию идеологического вектора ждут, и наши союзники как в православном мире, так и среди государств-традиционистов иных конфессий. Любая национальная идея того или иного народа описывается на прошлое и смотрит в будущее. В неолиберализме нет будущего. И здесь не отвергаются идеи либерализма в широком понимании. Дело в том, что либерализм – это настоящее, современное, деятельное и без этого тоже нет развития.

Актуализировалась проблемная ситуация с началом специальной военной операции России на Украине. Как отметил [12] на проповеди Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, это война между добром и злом на метафизическом уровне, где Россия выступает на стороне добра и не позволит «врагу рода человеческого» разделить братские народы.

1. Онтология русской национальной идеи. Любое философское творчество, к которому относится и формирование национальной идеи, относится к построению системы. Как показал историк русской философии В.В. Зеньковский [6. С. 221], русская философия всегда связана со своей религиозной стихией, опирающаяся на культурную почву. Поэтому наблюдается особое отношение к онтологизму, где базовой основой построения системы является не рационализм и прагматизм, а историсофичность человека в мире. К отличительному свойству русской мысли относится антропоцентризм. Русская философия ищет пути развития человека, его судьбу и смысл истории. Поэтому она в меньшей мере теоцентрична и космоцентрична. Русским не свойственны религиозные войны и мировое господство. Русская мысль историсофична в поисках смысла истории и конца истории, бессмертности души. И в этом особенность русской философии – в ее эсхатологичности, синтезе элементов теории познания и сведения к универсальной целостной системе.

Противоречия между социализмом и капитализмом, славянофилами и западниками, идеализмом и рационализмом, классовая борьба – в широком понимании социальные брожения между творческим меньшинством и нетворческим большинством. Творческому меньшинству свойственна историсофичность, смысл бытия, утопизм. Нетворческое большинство стремится к рационализму, деятельности в настоящем.

А. Тойнби [14. С. 304] в теории «вызыва и ответа» подчеркивает слабость растущих цивилизаций в пропорциональном несоответствии нетворческого большинства и творческого меньшинства. В задачу творческого меньшинства входит вовлечение нетворческого большинства в своих последователей. Отрицательным свойством мимесиса является утрата творческим меньшинством потребности в преобразовании нетворческого большинства и тогда система общественных отношений (энергия) уходит только на поддержание ранее достигнутого положения. Наступает период распада общества, когда

меньшинство уходит чтобы найти ответ на исторический вызов, а представители нетворческого большинства занимают их место в правящих элитах и становятся нетворческим меньшинством. Однако представители нетворческих элит не могут дать творческий импульс нетворческому большинству и всячески сопротивляются любым инициативам, чтобы удержать свое положение. Ореол власти творческого меньшинства более не привлекает нетворческое большинство, и оно перестает подражать и поклоняться ему.

Л. Гумилев [5. С. 320] предложил рассмотреть концепцию пассионарности, которая связывает фазы этногенеза и их смену с изменением уровня пассионарного напряжения системы. Пассионарии являются необходимой энергией для жизнеспособности государственного пространства и повышения активности этнических коллективов. Выполняют организующую и связующую роль в системе распределения энергии между творческим меньшинством и нетворческим большинством.

Задачей лидера государства является выстроить монистическую систему, объединяющую все слои общества. Предложенная А. Богдановым [3. С. 544] философская система эмпириомонизма заключается в монизме организационного (коллективного) и психического (индивидуального) опытов. Психический опыт свойственен консервативным культурным ценностям, направленные из прошлого в будущее. Организационный опыт – эмпирическая составляющая деятельности, направленная в настоящее. Пассионарии занимают организующую роль, совмещающие в себе психический опыт и направляют энергию на деятельность коллективную.

Творцам истории России (пассионариям) присущ христианский экзистенциализм. Чтобы стать пассионарием требуется пройти тяжелейший экзистенциональный отбор. В Руси пассионарность направлена на святость. В имперской России пассионарность направлена на героизм во имя страны и общества. Причем, чтобы стать пассионарием в России, национальность не имеет значения. Чтобы русское общество признало иноверца или иностранца за русского с большой буквы, такому пассионарию необходимо совершить героический подвиг. Причем не только в военном деле, но и в других областях деятельности, развивающих и возвышающих Россию (Екатерина Великая, Пушкин, Суворов, Багратион и многие другие, чьи родовые корни не являются русскими).

Индивидуальный опыт пассионария накапливается в процессе экзистенциональных испытаний. Если он пройдет это испытание путем смирения с неизбежностью детерминизма, осознает благодать человеческой жизни, то на него снизойдет Святой Дух, с помощью которого пассионарию дается дар пророчества. Заглянув в будущее, пассионарий уже не может жить старыми императивами, его целью жизни становится стремление к идеальному будущему и деятельность направлена на изменение настоящего. Для достижения этих целей он готов к личной и общественной жертвен-

ности. Н. Бердяев [2. С. 400] назвал это движение эпохой Святого Духа, где основным пафосом философии является защита достоинства человеческой личности – дара Божьего.

Отрицательной стороной пассионарности является возможная массовая жертвенность. Для сдерживания этого феномена требуется введение в государственное управление бирегулируемой системы [4. С. 690] на основе эмпирионизма. Психическим регулятором государственной системы, направленным на внутреннее содержание общества, его духовности и моральных качеств, может стать институализация Русского мира. В сферу контроля этого института должно войти образование, культура и СМИ. Данные элементы системы отвечают за формирование и трансляцию национального самосознания при соборном принятии решений. Другие институты государства направлены на осуществление деятельности общества. После достижения своих целей в деятельности государства, пассионарии перенаправляются в институт Русского мира для передачи своего опыта следующим поколениям. Такая бирегулируемая система поможет повысить стратификационную мобильность и замкнуть жизненный цикл воспроизводства власти. Таким образом будут достигнуты основные цели теории организаций: устойчивость и целостность.

Как показывает история, носителями национальной идеи являются пассионарии и их деятельность на благо общества. С учетом того, что общества разделены на творческое меньшинство и нетворческое большинство, то для формирования национальной идеи нужны как минимум две интерпретации национальной идеи. Одна направлена на внутренне (духовное) содержание русской мысли (из прошлого в будущее), другая на внешнее (организационное), которое можно отнести к либеральным началам, на свободу деятельности (в настоящем).

Внутреннее (духовное) содержание идеи можно выделить из предложенного автором определения Русского мира: «Русский мир – многомерное геополитическое, социально-экономическое и культурно-историческое пространство, окаймленное границами «живых» приходов Православной Церкви Московского Патриархата, скрепленных носителями культурно-исторического типа русского многонационального народа посредством Святого Духа с целью поддержания мирового цивилизационного баланса и стабилизации Абсолюта (сердце мира), а также установления Царствия Небесного (справедливое государственное устройство)» [1. С. 36-44]. И хотя богословы опровергают строительство Царствия Небесного на земле, стремление к такому строительству и поиск идеального прослеживается в русской философской мысли.

Внешняя (организационная) идея сформулирована современником А.М. Новиковым «духовность, народность, державность». «Эти три обобщающих понятия: духовность, народность, державность, если обратиться

к трем категориям – личность, общество, государство: выстроены в определенной логической схеме: духовность – как направленность личности каждого отдельного человека; народность – как отношения каждого человека с обществом, с народом и как система общественных отношений; наконец, державная система как система отношений человека и государства, общества и государства» [9. С. 45].

В.И. Лутовинов обратил внимание, что державность состоит из двух важных качеств: патриотизма и сильного государства. «Сильная государственная власть вовсе не противоречит демократии – ведь демократия может быть сильной и слабой. Так что сильная державная власть России сегодня в условиях демократических реформ крайне необходима» [8. С. 90-96].

Для русской мысли и русской свободе деятельности присущи сверхзадачи, сверхчеловеческие напряжения. Это именно русское отличие от других народов, описанных классиками русской литературы, акцентирующие внимание на экзистенциональное преодоление внутренних барьеров. Русским свойственно самобичевание за свои недостойные поступки. Причем осознав свою греховность, русским недостаточно внутреннего прощения, для него важно добиться общественного признания. Поэтому для самопрощения своих грехов русскому свойственен героизм в деятельности. Только героические поступки могут успокоить его душу и найти покой. Возможно, поэтому Россия постоянно ищет признания в западной цивилизации.

В связи с этим народу России нужны сверхчеловеческие задачи, со сроками «вчера», с запасом прочности качества сверх заданных нормативов, строительство «на века». Кроме этого, такие проекты (в сфере услуг и производства) необходимо дополнить национальной символикой, чтобы проекты были не только государственными, но и общенациональными.

Такие сверх задачи помогают самореализоваться и создать фундаментальные проекты опережающего развития. История создания российских атомной, космической, военной отраслей доказывают возможность реализации сверх задач. Необходимым условием реализации роста темпа опережающего развития в других областях, в том числе и культуры, является восполнение патриотично-настроенного человеческого ресурса.

2. Патриотизм – базовый элемент психического и организационного опытов для создания сильного государства. Диагностика психического состояния общества на основании анализа СМИ позволяет сделать вывод, что наш народ прошел стадию скучающих и не находящих себе дела Чацких, Онегиных, Печориных и перешел в состояние, описанное в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Как помним историю, следующая стадия – смута (революция).

Такое состояние общества, по нашему мнению, сложилось по ряду причин:

1. Недоверие общества к власти и отказа от мимесиса предложенным социально-политическим и социально-экономическим моделям. Здесь име-

ется ввиду, что антикоррупционные меры кроме положительного эффекта, дали и отрицательный результат. С одной стороны, власть принимает в рамках своих компетенций усилия по выявлению и пресечению коррупционных проявлений. С другой стороны, общество наблюдает феномен, что во власть и другие отрасли идут люди с эгоистическими целями получения финансового благополучия, исключая при этом гражданскую ответственность и целеполагание с занимаемой должностью. Т.е. имея необходимые компетенции в той или иной сфере, и даже обладая способностями вундеркинда, в своей деятельности преследуют исключительно корыстные цели.

2. Возрастание пропаганды деструктивными обществами девиантного поведения и обскурантизма. Глобальные социальные сети, находящиеся под контролем наднациональных элит, выявляют среди населения молодых людей с неблагополучной историей в семье. Выделяются необразованные, нетворческие личности, которые публично превозносят низменные человеческие качества. Затем, начинается «раскрутка» таких аккаунтов, финансовое насыщение, транслируется девиантное поведение. До широких масс доводится мысль, что только так можно получить финансовое благополучие и заслужить высокое положение в обществе. Далее наблюдается мимесис такого поведения, что с точки зрения кибернетики является положительной обратной связью.

Для преодоления перечисленных феноменов предлагаем рассмотреть ряд теоретических решений:

1. Повышение доверия общества к власти и следование мимесису предложенным социально-политическим и социально-экономическим моделям. Власть и интеллигенция должны показывать пример для подражания обществу. Для этого нужны общегосударственные цели и индивидуальные психические качества лидеров (пассионариев) по строительству сильного государства. «Стремление к цели, является основой адаптации, и существование человеческой души немыслимо без цели, к достижению которой направлены все наши усилия. Этой целью и определяется умственная жизнь личности. Ни один человек не способен мыслить, чувствовать, желать или мечтать без того, чтобы все эти действия определялись, продолжались, модифицировались и направлялись к какой-нибудь цели, которую всегда можно отыскать» [11. С. 6-11]. В этой связи формулирование национальной идеи, как цели государственного строительства, жизненно необходимо для целостности государства.

Для повышения доверия к власти требуется персонифицированная диагностика личностей на ключевых государственных позициях. А.Н. Лебедев и О.В. Гордякова предложили проводить индивидуальные психодиагностические измерения по выявлению патриотизма. Они разделили патриотизм на три типа: «имперский», «конструктивный» (проблемный) и «конформный» [7. С. 23-40]. Причем авторы статьи «имперский» тип патриотизма от-

носят к неконструктивному типу. Однако автор не согласен с этим выводом, так как в многонациональной стране именно «имперский» тип патриотизма наиболее приемлем, иначе он будет иметь различные «окраски», вплоть до национализма и шовинизма. Здесь мы согласны с оценкой А.В. Павлова [10. С. 175-191], что патриотизм, национализм или шовинизм между субъектами исследования (индивидуов-обществ) отличаются в объекте привязанности. Если в патриотизме объектом привязанности выступает государство и населяющее его общество, то для национализма объектом привязанности является отдельная нация.

Исходя из вышеизложенного следует, что необходимым качеством патриотизма является любовь, а это психическое (духовное) качество индивида, которое относится к длительному воспитательному процессу.

2. Реформирование системы образования на принципах гуманистической парадигмы. В советское время патриотизм транслировался через постулаты КПСС. С исчезновением последнего, воспитание возложено на семью. Для государственной целостности и решения глобальных задач – это неприемлемо. В этой связи становится актуальным рассмотрение исследования В.С. Соловьева «Смысл любви», где он доказывает развитие чувства любви в отказе от эгоизма и стремлению к любви к Богу через поступательное развитие чувства любви от двух противоположностей до любви братской, природной, Отечественной, всечеловеческой. Т.е. к стремлению к основным христианским заповедям: «мира и любви» (1 Кор., XIII: 4-10).

В связи с этим, автором предложена онтологическая модель христианского экзистенциализма: «гордец – борьба с гордыней – благолюбие – патриотизм». Данная модель существенно отличается от западного онтологизма: «гордец – возвеличивание гордыни до ценностей – космополит – саморазрушение». Здесь мы наблюдаем основное отличие между ценностями русской и западной цивилизациями на онтологическом уровне.

Сознание общества следует сформировать из поступательного осознания своего места в этом мире по модели сферного анализа постепенно расширяя кругозор человеческой личности: «Я – индивид» – «Я – семья» – «Я – коллектив» – «Мы(Я) – общество» – «Мы(Я) – государство» – «Мы(Я) – международное общество». По данной модели можно проводить диагностику и самодиагностику. Допустим, человек в своем развитие остановился на «Я – семья», но это не является проблемной ситуацией, так как индивид в первую очередь «зашщищает» интересы своей семьи в социально-политической системе. И в условиях внешних угроз или постановки национальной задачи, его кругозор расширится до «Мы(Я) – государство». Другое дело, что индивиду прививается сразу чувство «Мы(Я) – государство», обойдя при этом первичные императивы. В таком случае его чувства будут неполноценными, скорее декларируемыми и действенными, чем чувственными.

Не будет связи психического (индивидуального) и коллективного (организационного).

Таким образом, реформирование системы образования состоит из двух важных компонентов:

– преобразованием системно-деятельного подхода в гуманистическую парадигму дополненную акмеологическими принципами христианского экзистенциализма, основанную на культурных ценностях православной цивилизации;

– поэтапным моделированием системы образования, предложенным В.Б. Титовым «Система российского образования способна работать с целостной совокупностью известных кибернетических понятий: «наблюдаемость», «управляемость», «устойчивость», «достижимость». Золотой ключик для решения проблемы устойчивого развития человечества – отрефлексированное российскими исследователями понятие «педагогико-эргономическая основа» как состояние целостности, включенности, приспособленности человека к переходу от реального состояния качества члена «образованного общества» к идеальному сообществу HOMO FUTURUM» [13. С. 61-63].

Заключение. Вопрос национальной идеи является приоритетным направлением в осуществлении национальной безопасности. Различные философские течения среди либералистов и традиционалистов это вечные вопросы гносеологии. Но для государственной политики необходима философия эмпириомонизма. Это даже не философия, а концепция управления сложной системой, где найдут свое место и либеральные теории, и традиционные культурные ценности. Институализация Русского мира сформирует и сохранит культурные ценности России. Для этого необходим контроль над ключевыми отраслями, формирующими национальное сознание: культура, образование, СМИ. Представители этого института как раз и будут ответственны за рациональное развитие консерватизма. Преобразования в образовательной системе в пользу гуманистической парадигмы, воспитание патриотизма, позволят получить отрицательную обратную связь. Это повысит стратификационную мобильность и воспроизведение власти, что приведет государственную систему к гомеостазу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алимов А.В. Место и роль Русского Мира в современном государственном устройстве. Интегрально-онтологический подход // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 2.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Философия. Мастера. Харьков: Фолио: М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999.
3. Богданов А.А. Эмпириомонизм: статьи по философии / Послесловия В.Н. Садовского, А.Л. Андреева и М.А. Маслина. Канон философии. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014.

-
4. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / под ред. Г.Д. Гловели. Изд. 6-е, испр. и доп. // Классики науки. № 30. М.: ЛЕНАД, 2019.
 5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: РГ-Пресс, 2021.
 6. Зеньковский В.В. История русской философии. Ленинград: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1.
 7. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально-ориентированного поведения // Психология массовых явлений и коммуникаций. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1 (1).
 8. Лутовинов В.И. Патриотическое воспитание молодежи – основа духовной безопасности Российской Федерации // Воспитание наследников великой победы в условиях дополнительного образования. XXVIII международные рождественские образовательные чтения I направление: «Деятельность церкви в сфере образования и катехизации». 2020.
 9. Новиков А.М. России необходима национальная идея // «Специалист». 2008. № 11.
 10. Павлов А.В. Патриотизм. Очень краткая история // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1.
 11. Секач М.Ф., Смульский С.В., Шевченко А.В. Политическое поведение индивида // Человеческий капитал. 2016. № 1 (85).
 12. Статья «Патриарх Кирилл открыто выступил против «империи лжи» // https://www.ng.ru/faith/2022-03-09/7_8386_lie.html.
 13. Титов В.Б. Способна ли культура устойчивого развития стать человеческой? // Государственная служба. 2012. № 3 (77).
 14. Тойнби А., Хантингтон С. Как гибнут цивилизации / перевод с английского. Москва: Родина, 2018.

A.V. ALIMOV

*Postgraduate student of the Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia
Author's SPIN code: 9914-8262*

RUSSIAN NATIONAL IDEA

The article examines the need to develop a Russian national idea as the main condition for the unity of the state community. The article consists of two parts. The first examines the ontology of the national idea, its ethnogenesis. It is proved that the historical code of Russia is laid down by passionaries of different eras.

Variants of patriotism for the internal (spiritual) and external (organizational) content of the national idea are proposed. During the period of contradictions between liberalism and conservatism, it is proposed to integrate the concept of empiriomonism into the system of public administration. The second part explores patriotism as a basic element of mental and organizational experiences in creating a strong state. In the course of the study, two ways of reform in the education system are proposed: transformation of the system-active approach into a humanistic paradigm supplemented by the acmeological principles of Christian existentialism, based on the cultural values of Orthodox civilization; step-by-step modeling of the education system (V.B. Titov). In conclusion, it is proposed to institutionalize the Russian world in order to exercise control over the key areas of the formation of national consciousness: culture, education, the media.

Key words: national idea, Russian world, patriotism, humanistic paradigm, passionarity, existentialism.

Д.М. МУСИЕВА

*аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета*

имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

Ю.В. МАНУЙЛОВА

*аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета*

имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ США ПРОТИВ РОССИИ И КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО И ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСОВ

В статье рассматриваются вопросы межгосударственного противоборства крупнейших держав современности, а именно Соединенных Штатов Америки с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, на примерах украинского и тайваньского вопросов. Цель данного исследования – доказать, что действия России и Китая на международной арене направлены на установление полицентричного мирового порядка, что противоречит интересам США. В ходе исследования были использованы методы исторического и сравнительного анализа, прогностический метод, системный подход, контент-анализ СМИ и стратегических документов и ряд других общенаучных методов. На основании проведенного анализа авторы выявляют, что события на Украине являются частью общей попытки преобразования действующего мирового порядка, продолжением которого может стать столкновение США уже с КНР в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: стратегическая конкуренция, украинский вопрос, тайваньский вопрос, ребалансировка мирового порядка.

В рамках первой пресс-конференции после избрания на пост президента США Джозеф Байден отметил, что в современном мире разворачивается борьба «демократий и автократий» [1]. При этом в качестве автократий президент подразумевает Россию и КНР, борьбу с которыми США будут вести «во имя победы демократии» [1].

Наряду с этим, в декабре 2021 г. в газете The Wall Street Journal в разделе «Мнения» Эндрю Мичта отмечает, что на данный момент как для России,

так и для КНР важно использовать возможность предотвратить превращение США в более опасного противника и действовать как можно скорее в сложившихся условиях. Таковыми условиями он выделяет следующие факторы:

- вооруженным силам США потребуется время, чтобы перестроиться и отказаться от борьбы с терроризмом и перейти к межгосударственному конфликту великих держав высокой интенсивности;

- внутренняя ситуация в США и Европе на данный момент обострилась – западные демократии страдают от тройного удара: Covid-19, усиление массовых миграционных потоков, на которые их правительства оказались неспособны эффективно отреагировать, а также культурная революция, конкретно в США, пик которой, по его мнению, наступит в ближайшие два года.

Автор отмечает, что данные условия подрывают национальную сплоченность на Западе, из-за чего возрастают недоверие к правительству, а также возникают сомнения в том, что унаследованные демократические институты и процессы способны удовлетворить интересы граждан и решить проблему глобального управления. В связи с этим Э. Мичта делает вывод, что Россия и КНР вряд ли будут ждать, пока США выйдет из данной зоны турбулентности, и предпочтут использовать возможность воздействия на страну в период ее относительной уязвимости [6].

Сегодня российско-американские отношения находятся под пристальным вниманием международного сообщества. Обострение отношений, которые объективно можно называть не просто новой холодной войной, а скорее «горячей», создает серьезные опасения в отношении будущего не только двусторонних взаимоотношений, но также международной безопасности. Несмотря на то, что отсутствуют прямые столкновения России и США, последние активно обеспечивают Вооруженные силы Украины необходимым вооружением и финансированием для развития военного потенциала страны [3]. В ходе конфликта ведется агитация по привлечению бойцов-контрактников из других стран. Тяжелые экономические санкции, приводящие к губительным последствиям для экономики России и ее граждан, обоснованы политическими обстоятельствами принуждения России к миру.

Еще до октября 2021 г., когда началась кампания западных СМИ по де-зинформации относительно подготовки «вторжения» России на Украину, Чарльз Купчан, старший научный сотрудник Совета по международным отношениям, работавший в Совете национальной безопасности Белого дома при президенте Бараке Обаме, отмечал, что отношения России и США достигли «дна» [9].

Ситуация вокруг России на международной арене также усложнялась с формированием антироссийских настроений и демонстративно враждебных действий со стороны отдельных государств Восточной Европы – Поль-

ши, Чехии, Словакии и стран Прибалтики, которые высылают российских дипломатов, предъявляют необоснованные обвинения и пр. Очевидно, подобное развитие событий связано с давлением, оказываемым США на эти государства. Все обвинения против России, связанные не только с ситуацией на Украине, но и вмешательством в выборы, кибератаками на крупные предприятия США, так называемым отправлением российского оппозиционера Алексея Навального и др. – являлись по сути мерами единой политики, направленной на дискредитацию России, создания «недружественного» окружения, ее международной изоляции и подрыву авторитета.

В ответ на волну антироссийских действий Россия предпринимала меры по защите своих национальных интересов и поддержанию международной стабильности [2]. Однако исключительно «наступательный» характер политики США и НАТО в отношении расширения на Восток побудил страну предпринять более решительные меры. В этой связи можно предположить, что Эндрю Мичта был прав, Россия действительно осознает, что сейчас подходящее время для принятия решительных и эффективных мер по защите своих национальных интересов, особенно на фоне длительного и грубого наступления влиятельного и сильного противника.

Военная операция России на территории Украины, несомненно, служит примером в решении длительных территориальных вопросов в различных регионах мира, в частности в Азии. Так, внимание международного сообщества приковано сегодня и к тайваньской проблеме, которая имеет более чем полувековую историю.

Начиная с 1974 г. правительство КНР придерживается принципа «одного Китая» [10], суть которого состоит в том, чтобы признавать и поддерживать официальные дипломатические отношения только лишь с правительством Китая. Тайвань же рассматривается как провинция, отделившаяся от Китая в 1949 г. после окончания гражданской войны. Множество событий, произошедших за это время, приводят к постоянным преобразованиям конфликта: от мирных переговоров до конфронтации, балансирующей на грани военного столкновения.

В целом, важность тайваньской проблемы для Китая заключается не только в вопросе суверенитета и территориальной целостности, но также в утверждении своей морской мощи. Тайвань является пограничной базой в Восточно-Китайском море, и в случае «воссоединения» двух стран Китай получит беспрепятственный контроль над Тихим океаном и сможет реализовать свои геополитические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Большая роль в тайваньском вопросе отводится Соединенным Штатам, которые, с одной стороны, официально придерживаются принципа «одного Китая», а с другой – рассматривают Тайвань как самостоятельное государство и своим стратегическим партнером в сдерживании возрастающего влияния Китая не только в регионе, но и в мире. Так, согласно принято-

му Соединенными Штатами в 1979 г. закону об отношениях с Тайванем (*Taiwan Relations Act*) [5], правительство США в случае внешней угрозы острову предоставляют ему гарантии безопасности.

На фоне украинских событий американские и тайваньские специалисты говорят о готовящемся вторжении материкового Китая на остров. В последние годы Коммунистическая партия Китая (КПК) значительно усилила свое военное давление на Тайвань, направляя военные корабли и самолеты к территории Тайваня для проведения военно-морских и воздушных учений, разведки, демонстрации силы. Тайвань рассматривает данные действия как провокацию и угрозу своей безопасности. Интенсификация военной активности китайской армии в тайваньских водах и воздушном пространстве также обусловило увеличение числа проходов военных кораблей США в акватории Тайваньского пролива [8].

В знак поддержки Тайваня 2 марта 2022 года правительство США направило неофициальную делегацию во главе с бывшим председателем Комитета начальников штабов вооруженных сил США Майклом Малленом для обсуждения вопросов региональной безопасности [4]. В это же время с визитом в Тайбэй прибыл бывший государственный секретарь США Майк Помпео, который призвал отказаться от политики невмешательства и официально признать независимость острова. Так, мы можем наблюдать открытые провокационные действия со стороны США с одной целью – втянуть КНР в активные действия в отношении Тайваня (по примеру России и Украины), чтобы ослабить внутриполитическое и экономическое развитие Китая, особенно в преддверии предстоящего XX съезда КПК.

В свою очередь, министр иностранных дел Китая Ван И 7 марта 2022 года на пресс-конференции заявил, что между тайваньским и украинским вопросами есть существенное различие. Фундаментальное отличие, по мнению государственного чиновника, заключается в том, что Тайвань – неотъемлемая часть территории Китая, поэтому тайваньский вопрос касается внутренней политики Китая, а украинский вопрос решается между двумя суверенными государствами – Россией и Украиной [11]. Министр иностранных дел КНР также заявил, что «Тайвань в конце концов вернется в объятия родины». В связи с этим, мы предполагаем, что тайваньский вопрос может развиваться в соответствии с двумя сценариями.

Первый сценарий подразумевает воссоединение родины мирным путем на основе принципа «одна страна – две системы», согласно которому утверждается принадлежность Тайваня к материковому Китая, при этом остров получает статус особого административного района с правом на самоуправление, что дает ему много свободы для сохранения своих политических, социальных и экономических систем.

Второй сценарий подразумевает воссоединение путем применения инструментов политики «жесткой силы» со стороны Китая (например, ввод

войск на территорию Тайваня, блокада острова). В результате незамедлительно последуют жесткие экономические и политические санкции против Китая, что может трансформироваться в открытое военное противостояние между США и КНР.

Из всего этого следует, что политика администрации Байдена неслучайно выделяет в рамках внешнеполитической деятельности стратегическую конкуренцию с КНР и Россией. Если обратить внимание на Закон о национальной обороне США (NDAA), то есть оборонный бюджет страны на 2022 год, принятый в декабре 2021 года, можно заметить, что в рамках сдерживания России расходы на Европейскую инициативу с 2019 года постепенно снижаются и достигли 4,3 млрд долл. США [7]. В то же время в отношении КНР принятая новая Тихоокеанская инициатива сдерживания, расходы на которую составляют вдвое больше – 7,1 млрд долл. США [7]. Последнее отражает приоритеты США в отношении Индо-Тихоокеанского региона над Европейским, что позволяет нам ожидать более активных действий в данном направлении, нежели мы наблюдаем сегодня в Европе, предупреждая решительные действия по ребалансировке мирового порядка со стороны России и КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Забродин А. Пресс-преференция: как прошло первое масштабное общение Байдена со СМИ // Известия. 2021 // <https://iz.ru/1142483/aleksei-zabrodin/press-preferentciia-kak-proshlo-pervoe-masshtabnoe-obshchenie-baidena-so-smi>.
2. Путин утвердил меры воздействия на недружественные государства // Российская газета. 2021 // <https://rg.ru/2021/04/23/putin-utverdil-mery-vozdejstviia-na-nedruzhestvennye-gosudarstva.html>.
3. Additional Military Assistance for Ukraine // U.S. Department of State. 2022 // <https://www.state.gov/additional-military-assistance-for-ukraine/>.
4. Biden sends former top defense officials to Taiwan in show of support // The Taipei Times. 2022 // <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2022/03/01/2003773962>.
5. H.R.2479 – Taiwan Relations Act // Library of Congress // <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479>.
6. Michta A. Russia and China's Dangerous Decline // The Wall Street Journal. December 15, 2021.
7. The FY2022 National Defense Authorization Act // Center for a New American Security // <https://www.cnas.org/press/press-note/the-fy2022-national-defense-authorization-act>.
8. US warship transits sensitive Taiwan Strait in first such sailing for 2022 // South China Morning Post. 2022 // https://www.scmp.com/news/world/europe/article/3169875/britain-sending-more-missiles-ukraine-help-resist-russian-attack?module=perpetual_scroll_2&pgtype=article&campaign=3169875.

9. What to Expect From the Biden-Putin Summit // Time. 2021 // <https://time.com/6053298/putin-biden-summit/>.

10. 一个中国原则 // 中华人民共和国中央人民政府 // http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18293.htm.

11. 王毅：台湾的前途希望在于两岸关系和平发展，在于实现国家统一// 中华人民共和国外交部// https://www.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202203/t20220307_10648905.shtml.

D.M. MUSIEVA

*Postgraduate Student, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Yu.V. MANUYLOVA

*Postgraduate Student, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

US STRATEGIC COMPETITION AGAINST RUSSIA AND CHINA ON THE EXAMPLE OF UKRAINE AND TAIWAN ISSUES

The article deals with the issues of interstate confrontation between the largest powers of our time, namely the United States of America with the Russian Federation and the People's Republic of China, on the examples of the Ukraine and Taiwan issues. The purpose of this study is to prove that the actions of Russia and China in the international arena are aimed at establishing a polycentric world order, that is contrary to the interests of the United States. During the study, methods of historical and comparative analysis, a prognostic method, a systematic approach, content analysis of the media and strategic documents, and a number of other general scientific methods were used. Based on the analysis, the authors reveal that the current events in Ukraine are part of a general attempt to transform the current global order, that can be continued in the Indo-Pacific region as a clash between the United States and China.

Key words: strategic competition, Ukraine issue, Taiwan issue, global order rebalancing.

*аспирант кафедры европейских исследований
факультета международных отношений и мировой
политики Санкт-Петербургского государственного
университета, Россия г. Санкт-Петербург*

«ПОЯС И ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ГЕОСТРАТЕГИИ

После окончания холодной войны, изменения в соседстве Китая сделали традиционную geopolитическую стратегию Китая не подходящей для нового geopolитического ландшафта. В данной статье рассматривается и анализируется взаимосвязь между пространством безопасности Китая, традиционными стратегиями и национальной безопасностью, что позволяет определить взаимосвязь между стратегией «Пояс и путь» и геостратегией Китая.

Ключевые слова: Китай, geopolитика, «Пояс и путь», geopolитическая традиция, национальная безопасность, geopolитическое пространство.

Введение. После окончания холодной войны глобальный политический порядок и порядок безопасности, равно как Азиатский политический порядок и отношения безопасности сильно изменились. Существенным изменениям также подверглась политическая обстановка в целом и обстановка безопасности вокруг Китая. На этом фоне традиционная китайская теория безопасности, ранее используемая лишь для обеспечения китайской безопасности, уже не могла содействовать развитию китайского geopolитического пространства [2. С. 4-11]. В связи с этим, Китай стал испытывать потребность в новой стратегии подобного плана и в ее надлежащем теоретическом обеспечении [3. С. 18-25]. В качестве стратегии такого рода выступила стратегия «Пояс и путь». Изначально данная стратегия была предложена Китаем как стратегия, соответствующая тенденциям развития новой эпохи. По сути, она является одновременно наследством, дополнением к традиционной geopolитической стратегии Китая, а также концепцией, основанной на новом geopolитическом воображении (1). Эта стратегия изменяет конфигурацию geopolитического пространства Китая и пересматривает geopolитическую среду, необходимую для обеспечения национальной безопасности Китая. Более того, ее можно рассматривать как план будущих потребностей национальной безопасности Китая и его стремления к развитию.

В новую эпоху стратегия «Пояс и путь» реализуется и становится важной внешней стратегией страны. В то же время, как геостратегия и теория с китайской спецификой, достигшая определенного прогресса, «Пояс и путь» представляет собой будущее направление стратегического и теоретического развития Китая в соседних странах [4. С. 15]. Поэтому представляется весьма актуальным рассмотреть предпосылки, подтекст и теоретическое развитие стратегии «Пояс и путь».

В первом разделе описывается развитие традиционной геостратегии Китая и ее влияние на формирование китайского пространства безопасности, а также необходимость выдвижения Китаю предложения «Пояса и пути». Во втором разделе описывается стратегический подтекст «Пояса и пути» и его наследование китайской традиции безопасности, а также анализируется неизбежный выбор нынешней стратегии Китая. Третий раздел посвящен роли «Пояса и пути» в развитии теории geopolитической стратегии Китая. Цель данной статьи – прояснить значение «Пояса и пути» для национальной безопасности Китая, рассказав о предыстории и введении «Пояса и пути», а также предложить рамки для общего анализа.

Современное китайское пространство безопасности и традиционная geopolитическая стратегия Китая. Геополитическое пространство и пространство безопасности Китая имеют четкую иерархическую структуру: глобальный уровень, азиатско-тихоокеанский уровень и периферийный уровень. Эти уровни образуют трехкольцевую структуру geopolитического пространства и пространства безопасности Китая. На каждом из этих уровней geopolитическое пространство и пространство безопасности Китая сталкивается с различными вызовами и угрозами. Некоторые вызовы и угрозы уникальны для конкретного уровня, в то время как другие являются общими для всех уровней. Именно в процессе решения этих вопросов формировались основы традиционной geopolитической стратегии Китая: безопасность, стабильность и развитие. Также сформировалось пространство безопасности Китая, доминирующее на двух базовых линиях северо-запад – юго-восток в рамках традиционной geopolитической стратегии, однако такое традиционное закрытое и стабильное geopolитическое пространство, и традиционная стратегия Китая столкнулись с рядом серьезных вызовов в условиях резких изменений в глобальной политической среде на рубеже веков.

1. Современное китайское пространство безопасности. Китай граничит с морем на востоке и окружен горами на западе, имеет относительно закрытую географическую среду. Эта характеристика оказала влияние на структурную композицию пространства безопасности и стратегию национальной безопасности Китая [1]. С момента установления Нового Китая, Китай создал традиционное пространство безопасности с территорией и территориальными водами в качестве ядра и периферийным простран-

ством безопасности в качестве воспитателя, а также сформулировал стратегию безопасности, главным приоритетом которой является национальная безопасность.

Современное пространство безопасности Китая имеет характерную трехкольцевую структуру. В соответствии с распределением интересов безопасности Китая, эта структура образует основной слой, состоящий из территории Китая, территориальных вод и прилегающих районов, периферийный слой, состоящий из Азиатско-Тихоокеанского региона и трехкольцевую структуру внешнего слоя, состоящего из глобальной системы. Он представляет собой три уровня пространства безопасности Китая и интересов безопасности Китая [5. С. 140-143].

1.1. Пространство безопасности Китая в меняющейся глобальной системе. Окончание холодной войны, финансовый кризис 2008 года и новая эпидемия коронавируса привели к ряду изменений в глобальной системе, а однополярная гегемония, в которой доминировали Соединенные Штаты, находится в фазе относительной потери силы в глобальном геополитическом ландшафте и ландшафте безопасности [2]. Это дало возможность развивающимся странам, к которым относится Китай, передать власть и ускорило развитие многополярности. В то время, когда на первый план выходят нетрадиционные проблемы безопасности, глобальная эпидемия covid-19, начавшаяся в 2020 году, выявила серьезную нехватку механизмов глобального управления. В то же время, она также выявила, что однополярная гегемония Соединенных Штатов не может поддерживать глобальный порядок. Напротив, Китай получил пространство для улучшения геополитической обстановки и безопасности на глобальном уровне.

1.2. Пространство безопасности Китая в Азиатско-Тихоокеанской системе. С реализацией американской стратегии «возвращения в Азиатско-Тихоокеанский регион» и укреплением системы альянсов под руководством США, американская «Стратегия вовлечения в сдерживание» продолжает геополитически «сдерживать» Китай [6. С. 99-105]. С этой целью Соединенные Штаты осуществили ряд военных развертываний, угрожающих национальной безопасности Китая. С одной стороны, они укрепили союз США и Японии и установили трехсторонние отношения сотрудничества США, Великобритании и Австралии (AUKUS). С другой стороны, Соединенные Штаты еще больше усилили свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, развернули систему Thaad (TMD) в Южной Корее, начали продажу оружия Тайваню и развернули атомные подводные лодки в Азиатско-Тихоокеанском регионе на основе регионального сотрудничества в области безопасности. Объективно говоря, это проявление того, что США меняют свой стратегический фокус и корректируют свою военную стратегию [7. С. 18-25]. Стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и военное развертывание создают серьезные проблемы и угрозы национальной безопасности Китая.

После холодной войны изменения в геоэкономическом ландшафте Азиатско-Тихоокеанского региона более глубоки, чем geopolитические изменения [8. С. 32-59]. Заявка Китая на вступление в ТТП и вступление в силу РПЭП в 2022 году дополнят страны и регионы, не охваченные китайской программой «Пояс и путь» и обеспечат дальнейшее расширение пространства экономической безопасности Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

1.3. Основное пространство безопасности Китая. С точки зрения политической географии, периферию Китая можно разделить на три геостратегических рубежа: северо-северо-западный, юго-западный и юго-восточный. Эти три границы определяют основное направление пространства безопасности Китая и очерчивают основное пространство безопасности материковой части Китая [6. С. 99-105]. Пространство безопасности современного Китая формируется с материковой частью Китая в качестве ядра и периферийными регионами в качестве поддержки. В этом пространстве Китай сталкивается с целым рядом сложных geopolитических вызовов и угроз, а сложная geopolитическая обстановка и обстановка безопасности будет преследовать китайскую стратегию geopolитики и безопасности в течение длительного времени [2]. Китай также сталкивается с проблемой суверенного единства и территориальной целостности, которая останется важным ограничителем национальной безопасности Китая.

2. Геостратегические традиции Китая. Соседние с Китаем страны находятся на совершенно разных уровнях развития, что создает сложную geopolитическую и геоэкономическую обстановку, а постепенно сжимающееся геополитическое пространство и сложная окружающая обстановка, создают серьезные проблемы в сфере безопасности [9. С. 289-302]. Можно сказать, что среда безопасности Китая является самой враждебной среди крупных мировых держав [10. С. 4-7]. Такая жесткая обстановка в сфере безопасности побудила Китай принять трехэтапную стратегию «безопасность – стабильность – развитие».

После установления Нового Китая первое поколение лидеров, ядром которого был Мао Цзэдун, придерживалось «односторонней» и «однолинейной» стратегии в соответствии с особенностями международной обстановки и потребностями внутреннего строительства [12]. Обе стратегии «одна сторона вниз» и «одна линия» по существу воплощали принцип примата национальной безопасности, что в основном соответствовало международной политической реальности того времени, а также определяли ядро стратегии Китая с защитой национального суверенитета и национальной безопасности в качестве фундаментального ядра.

В конце 1970-х и начале 1980-х годов лидеры во главе с Дэн Сяопином скорректировали прошлую стратегию Китая, которую можно рассматривать как стратегию «одной линии». Они весьма точно проанализировали обстановку того времени и начали с поддержания единства национального

суверенитета, придерживались независимой дипломатической стратегии, стабилизировали окружающую среду с помощью политики «добрососедства и дружбы», поддерживая долгосрочную стабильность окружения Китая [12].

Третье поколение лидеров, которым являлся Цзян Цзэминь, использовало теорию Дэн Сяопина в качестве руководства для обобщения основных проблем, стоящих перед Китаем. Цзян Цзэминь отметил, что «экономика – это основа, а решение всех проблем Китая зависит от экономического развития» [11. С. 120]. На этом фоне он предложил «всеобъемлющую стратегию безопасности», основанную на экономическом строительстве, укрепил отношения с соседями и установил стратегическое партнерство с Россией, что значительно расширило геополитическое пространство и пространство безопасности Китая [13. С. 7].

С точки зрения геостратегического пространства Китая, страна всегда придерживалась традиции «опираться на север и запад, чтобы развивать на юго-восток» [2]. В рамках данного направления можно было проследить стремление развивать морские права, стабилизировать региональную ситуацию и развивать отношения сотрудничества. Приходим к выводу, что с момента установления Нового Китая, геополитическая стратегия страны прошла три этапа: «безопасность – стабильность – развитие». В целом, геостратегическая традиция Китая характеризуется «приоритетом национальной безопасности и внутреннего порядка, затем стабилизацией периферийного окружения и захватом центральной позиции в регионе, и, наконец, развитием пространства Китая». Именно это характерно для геополитической стратегии Китая сегодня [14. С. 1-17].

Хотя пространство безопасности Китая остается в целом стабильным, относительно закрытая география Китая и нынешняя внешняя зависимость от его экономической структуры, делают эту стабильность крайне хрупкой, а традиционная стратегия Китая затрудняет обеспечение политической и экономической безопасности страны в условиях перемен. По мере углубления китайско-американской игры, нельзя полностью исключать возможность китайско-американского конфликта. В случае, если такой конфликт все-таки возникнет, Китай столкнется со следующими проблемами:

1. Закрытие морских путей и блокада на море.
2. Экономические санкции со стороны США.
3. Локальные конфликты или даже полномасштабные конфликты.

Поэтому, чтобы максимально повысить безопасность и развитие Китая, Китай предложил проект «Пояс и путь» для развития своей стратегической глубины на суше, на северо-западе и на море на юго-востоке, что, как надеется китайское правительство, позволит преодолеть нынешнюю дилемму.

Рассмотрим стратегический смысл «Пояса и пути», наследование и развитие китайской традиции геополитической безопасности

В отличие от статичных географических условий, geopolитическая стратегия страны часто приводит к динамичным корректировкам в межгосударственных отношениях, вызывая изменения в geopolитических отношениях [15. С. 140-143]. Как основная стратегия, предложенная Китаем, инициатива «Пояс и путь» сыграла важную роль в перестройке среды Китая и регулировании geopolитических отношений. Несмотря на то, что она следует традиционной китайской концепции безопасности, она также представляет собой новое понимание усилий Китая по обеспечению собственной национальной безопасности в новую эпоху.

1. Стратегический подтекст «Пояса и пути».

1.1. «Пояс и путь» соответствует geopolитической реальности Китая. Китай является сухопутной и морской страной. В свою очередь, любая большая стратегия должна в значительной степени отражать объективные geopolитические реалии, иначе успех или даже выживание государства окажется под угрозой. Только те государства, которые реализуют некую большую стратегию, отражающую объективные geopolитические реалии, смогут приобрести или сохранить свое положение силы [16. С. 52-66]. Как уже упоминалось выше, Китай имеет обширные интересы, как на традиционной суше, так и на развивающемся море. Поэтому Китай должен учитьывать сушу и море в своем геостратегическом строительстве и не должен быть предвзятым [17. С. 50-54]. Поддержание сухопутной мощи и развитие морской мощи – это два крыла стратегии Китая, которые зависят друг от друга [18. С. 145-152]. На этом фоне стратегия «Пояс и путь» – это проявление одновременного развития сухопутной и морской мощи. В последние десятилетия слабость морской мощи Китая удерживала его в пассивном geopolитическом положении, в то время как открытость внешнему миру и экономическое развитие, усилили его зависимость от заграницы, что в конечном итоге привело к формированию «внешне ориентированной экономики с морем в качестве канала». Сформировавшись, данная экономика потребует превращения Китая в морскую нацию [19. С. 62-67]. Поэтому развитие морской мощи и строительство «морского Шелкового пути» стало неизбежным выбором для великого омоложения китайской нации. Реализация стратегии «Пояса и пути» будет способствовать продвижению стратегии Китая на запад, расширению стратегического пространства, снижению прямой geopolитической конкуренции с США и значительному улучшению geopolитической обстановки в Китае [15. С. 140-143].

1.2. «Пояс и путь» и стратегическое пространство Китая. С трансформацией китайской экономики и ростом китайской мощи экономическое пространство Китая должно расширяться как в сухопутном, так и в морском направлениях, так как внутренний спрос Китая может лишь частично удовлетворить потребности экономического развития страны. Стратегическое пространство «Пояса и пути» как в сухопутном, так и в морском на-

правлениях является глобальным геополитическим стратегическим местом, вызывающим большую озабоченность у классических западных геополитических мыслителей [20. С. 46-50]. Стратегические интересы Китая широко распространены в этом диапазоне трех уровней кругов, в центре которых находится Китай.

«Пояс и путь» отражает пространственное распределение стратегических интересов Китая на периферии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и его глобальной системе на трех уровнях. С точки зрения внутреннего регионального развития Китая, инициатива «Пояс и путь» является необходимостью для достижения сбалансированного регионального развития [21. С. 545-553]. Так, «Пояс и путь» способствует улучшению региональных условий, стимулированию регионального экономического роста и обеспечению экономической безопасности Китая [22. С. 50-59]. Это соответствует общей концепции безопасности Китая, которая основана на национальной экономической безопасности. С точки зрения Азиатско-Тихоокеанского региона, «Пояс и путь» является продуктом геополитической игры между Китаем и США в процессе взаимодействия между подъемом Китая и трансформацией Азиатско-Тихоокеанской международной системы [20. С. 46-50]. Стратегия «Пояс и путь» с ее одновременным размещением в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе образует противовес стратегии США по перебалансировке Азиатско-Тихоокеанского региона и является продуманным решением и эффективной контрмерой против сдерживания и сдерживания подъема Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе со стороны США. С точки зрения глобальной геополитики, проект «Пояс и путь» – это потребность Китая более глубоко интегрироваться в глобальную экономическую систему в соответствии с современными механизмами и тенденциями мирового развития [23. С. 538-544]. Это также соответствует потребностям Китая в обеспечении национальной безопасности, стабильности и развития в соседних странах.

2. «Пояс и путь» и китайская традиция наследования и развития в сфере безопасности. «Пояс и путь» стал наследником стратегической концепции Китая «безопасность, стабильность и развитие» и продолжает развивать китайскую концепцию безопасности, институциональные гарантии и инструменты формирования окружающей среды в контексте текущих обстоятельств. В традиционной китайской концепции геобезопасности, национальная безопасность достигалась путем ограждения страны от внешнего влияния и закрытия границ, но инициатива «Пояс и путь» открыла границы Китая, связала Китай с его соседями посредством регионального экономического сотрудничества, разработала концепцию безопасности, которая заменяет военную оборону общим развитием и попыталась органично объединить сушу и море [6]. Что касается институциональных гарантий, то инициатива «Пояс и путь» изменила уклончивую позицию Китая, кото-

рую он занимал с 1990-х годов, попытавшись создать единую архитектуру безопасности в рамках сотрудничества [25. С. 3-19]. С точки зрения формирования среды, инициатива «Пояс и путь» расширила среду Китая, интегрировала его соседей, соседей в сфере безопасности и экономики, укрепила его геополитические связи и высвободила его геоэкономическую энергию.

«Пояс и путь» наследует и развивает стратегические традиции Китая и является попыткой позиционирования роли Китая на международной арене, а также является ответом на объективную политическую обстановку. Что еще более важно, «Пояс и путь» предлагает новый взгляд на региональную стратегию Китая, широко распространяя интересы Китая по Азии и Европе и способствуя формированию и развитию нового мирового политического и экономического ландшафта с китайскими идеями.

3. Стратегия «Пояс и путь» и развитие китайской геополитической теории. По сравнению с мощной образностью классической западной геополитической теории, развитие китайской геополитической теории все еще находится в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что за свою историю Китай создал множество геополитических идей с китайской спецификой, универсальной китайской геополитической теории так и не было разработано. По мере углубления интеграции Китая в мировую экономику и быстрого роста его мощи, геостратегия Китая нуждается в соответствующей теоретической поддержке. К счастью, «Пояс и путь» станет редким «теоретическим полигоном» для ученых-геополитиков в Китае и во всем мире [25. С. 3-19]. В основе вопроса лежит степень, в которой «Пояс и путь» может преодолеть государство центризм и перспективу «дихотомии суши и моря» и действительно выйти за рамки политики власти [25. С. 3-19]. Являясь сухопутным и морским государством [28. С. 127-129], дихотомия между морской и сухопутной мощью, равно как и дебаты по этому поводу, были в центре политического и академического внимания с конца правления династии Цин [27. С. 38-50]. Кроме того, они нашли свое распространение на нынешние дискуссии о внешней и оборонной стратегии Китая [28. С. 127-129]. Полагаем, что «Пояс и путь» не только преодолевает ограничения традиционной геополитической дихотомии между сушей и морем, но и предоставляет некоторые конкретные механизмы реализации для интеграции грандиозной национальной стратегии Китая [29. С. 65-71]. В «Поясе и путях», суша и море связаны в региональной политической и международной системой строительства, являясь, при этом, двумя направлениями в механизме политического и экономического сотрудничества между Китаем и его соседями. Транспортная система, созданная в рамках «Пояса и пути», будет в полной мере использовать транспортные функции моря и суши, а не просто станет местом для игр великих держав.

3.1. «Пояс и путь» с точки зрения традиционной геополитической теории. Центральный вопрос в развитии китайской геополитической тео-

рии – «кто такой Китай?» [30. С. 46-71]. Инициатива «Пояс и путь» глубоко исследует этот вопрос в то время, когда Китай активизирует свои периферийные отношения и ускоряет интеграцию в глобальную систему как региональная держава, перед которой стоит задача поддержания стабильности и развития в Азии, и как глобальная держава, вносящая вклад в поддержание мира.

Инициатива «Пояс и путь» определяет пространственную структуру географической теории Китая. В концепции инициативы «Пояс и путь», Китай должен создать пространство политического и экономического сотрудничества, охватывающее Центральную Азию и Россию, чтобы соединить восточное побережье Китая с Восточной Европой и создать эффективный механизм сотрудничества в этом пространстве, который может способствовать общему развитию, а не контролю и конкуренции за пространство в традиционной географической теории. В то же время, с точки зрения силы, в то время, когда экономическая мощь Китая не превзошла мощь Соединенных Штатов, что касается существующей экономической мощи и военной мощи Китая, Китаю следует сосредоточиться на областях, где сосредоточена и излучается мощь Китая – прилегающих районах Китая.

3.2. «Пояс и путь» в контексте критической геополитики. С точки зрения критической геополитики, инициатива «Пояс и путь» предлагает geopolитическое воображение, отличное от западного. Это отражает новую «стратегическую концепцию», предложенную Китаем в новых внутренних и международных условиях. Так называемый «стратегический нарратив» относится к дискурсивной системе, сформированной страной, фильтрующей, представляющей и реорганизующей символы, практики и события, чтобы позиционировать свою собственную позицию и разъяснить цели, которые она преследует в своем взаимодействии с другими странами. В качестве стратегического нарратива, концепция «Пояса и пути» наиболее значима, поскольку она представляет собой новое geopolитическое воображение для Азии, Европы и Африки, которое способно выйти за рамки современного geopolитического воображения. Концепция «Пояс и путь» рассматривает geopolитические представления различных культур, цивилизаций и стран как равные, существующие в одном пространстве и времени, причем не западные страны и их культуры не обязательно развиваются в направлении Запада. Критический и geopolитический анализ стратегического видения «Одного пояса, одного пути» показывает, что его наиболее существенное значение заключается в том, что оно предлагает новое geopolитическое воображение, которое отличается от европейского и американского восприятия мирового пространства, и что это воображение помогает преодолеть некоторые слепые пятна и недостатки современного geopolитического воображения [30. С. 46-71].

Заключение. «Пояс и путь» унаследовал различные черты стратегии Китая и объединил их с реальными geopolитическими потребностями, рас-

ширил геополитическое пространство в соответствии с современной геополитической реальностью, отразил характеристики геополитики Китая. Данную систему можно описать как самодостаточная система, которая направлена на заботу о периферии, мирное сосуществование, ориентацию на безопасность и стратегический приоритет. Она отражает особенности китайской геополитики, стабилизирует экономическую ситуацию в стране и способствует ее развитию. Представляется, что данная система не только окажет глубокое историческое воздействие на социально-экономическое развитие Китая и его всестороннее открытие внешнему миру, но и положительно повлияет на экономическое развитие стран, расположенных вдоль маршрута, и внесет вклад в изменение международного экономического ландшафта. Что еще более важно, «Пояс и путь» представляет собой теоретический и практический «полигон» и направление развития для будущего развития геополитической теории Китая. Кроме того, стратегия обеспечивает определенную теоретическую поддержку мирному подъему Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В отечественных научных кругах существуют разногласия по поводу того, является ли «Пояс и путь» инициативой, концепцией или стратегией. Китайское правительство чаще использует термин инициатива и концепция, в то время как многие в академическом сообществе считают это стратегией. Со стратегической точки зрения «Один пояс, один путь» обретает форму, уже есть стратегические цели, стратегические ресурсы, стратегические средства и другие стратегические элементы. Научное сообщество больше обеспокоено стратегическим позиционированием проекта «Пояс и путь» из-за трудностей, с которыми он сталкивается в процессе реализации, а также тем, сможет ли он быть успешно запущен и поддержан, но возможность его стратегического позиционирования нельзя отрицать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Китайский институт изучения современных международных отношений // География и национальная безопасность. Current Affairs Press.
2. 潘忠岐 黄仁伟, 《中国的地缘政治与安全战略》 = Пань Чжунци, Хуан Жэньвэй. Геополитика и стратегия безопасности Китая // Общественные науки. 2011. № 10 (на кит. яз.).
3. 黄仁伟, 《地缘理论演变与中国和平发展的道路》 = Хуан Жэньвэй. Эволюция геополитической теории и путь Китая к мирному развитию // Национальные отношения. 2010 (на кит. яз.).
4. 叶自成, 地缘政治与中国外交 = Е Цзычэн. Геополитика и китайская дипломатия. Пекин; М., 1998 (на кит. яз.).
5. 陆俊元, 中国安全环境结构: 一个地缘政治分析框架 = Лу Цзюнюань. Структура среды безопасности Китая – рамки для геополитического анализа // География человека. 2010. № 2 (на кит. яз.).

6. 王国梁, 中国周边安全环境与地缘战略构想 = Ван Голян. Периферийная среда безопасности Китая и геостратегические концепции // Исследования мировой географии. 2003. № 2 (на кит. яз.).

7. 樊吉社, 美英澳三国新防务合作探析 = Фань Цзишэ. Исследование нового сотрудничества в области обороны между Соединенными Штатами, Великобританией и Австралией // Современные международные отношения. 2021. № 11 (на кит. яз.).

8. 吴心伯, 论亚太大变局 = У Синьбо. О больших переменах в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и политика. 2017. № 6 (на кит. яз.).

9. 毛汉英, 中国周边地缘政治与地缘经济格局和对策 = Мао Ханьин. Геополитические и геоэкономические модели вокруг Китая и контрмеры // Прогресс в географических науках. 2014. № 3 (на кит. яз.).

10. 林宏宇, 突破困境—中国周边地缘战略安全环境透析 = Линь Хуньюй. Преодоление дилеммы – взгляд на геостратегическую среду безопасности вокруг Китая // Форум «Современный Китай». 2012. № 6 (на кит. яз.).

11. 军队高中级干部理论学习读本 = Чтения по теоретическим занятиям для военных кадров высшего и среднего звена. Пекин; М., 1997 (на кит. яз.).

12. 王存福, 论中共三代领导人的地缘战略思想及其实践效应 = Ван Цунфу. О геостратегических мыслях трех поколений руководителей Коммунистической партии Китая и их практических последствиях // Журнал Наньинской партийной школы Коммунистической партии Китая. 2001. № 2.

13. 刘妙龙, 孔爱莉, 张伟, 《地缘政治历史、现状与中国地缘战略》 = Лю Мяолун, Конг Айли, Чжан Вэй. Геополитическая история, текущая ситуация и геополитическая стратегия Китая // Географические исследования. 1994. № 3 (на кит. яз.).

14. 葛汉文, 心脏地带、帝国威望与意识形态—中国的地缘战略传统及其效应 = Гэ Ханьвэнь. Регион сердца, имперский престиж и идеология – геостратегическая традиция Китая и ее последствия // Международные перспективы. 2017. № 1 (на кит. яз.).

15. 凌胜利, “一带一路”战略与周边地缘重塑 = Линг Шенгли. Стратегия «Пояс и путь» и переделка geopolитики периферии // Международные отношения. 2020. № 2 (на кит. яз.).

16. 吴征宇, 海权、陆权与大战略—地理政治学的大战略内涵 = У Чжэньюй. Морская мощь, сухопутная мощь и великкая стратегия – геополитический подтекст великой стратегии // Европейские исследования. 2010. № 1 (на кит. яз.).

17. 吕彬, “一带一路”与中国的地缘政治战略 = Люй Пин. «Пояс и путь» и геополитическая стратегия Китая // Наука, экономика, общество. 2015. № 1 (на кит. яз.).

18. 杨震, 周云亨, 中国海权战略选择与战略海疆拓展 = Ян Чжэнь, Чжоу Юньхэн. Стратегический выбор Китая в пользу морской мощи и расширение его стратегической морской границы // Социалистические исследования. 2014. № 1 (на кит. яз.).

19. 卢兵彦, 从大陆到海洋—中国地缘政治的战略取向 = Лу Бинъян. От континента к морю – стратегическая ориентация геополитики Китая // Тихоокеанский журнал. 2009. № 5 (на кит. яз.).

20. 刘文波, “一带一路”战略构想的地缘政治分析 = Лю Вэньбо. Геополитический анализ стратегической концепции «Пояс и путь» // Журнал Тяньцзиньского нормального университета (издание по общественным наукам). 2016. № 1 (на кит. яз.).

21. 刘慧, 叶尔肯·吾扎提, 王成龙, “一带一路”战略对中国国土空间格局开发的影响 = Лю Хуэй Йеркен, Гузати Ван Чэнълун. Влияние стратегии «Пояс и путь» на развитие территориально-пространственной структуры Китая // Достижения в области геонаук. 2015. № 5 (на кит. яз.).

22. 罗国强, 赵睿, 总体安全观下“一带一路”的和平与安全问题及其法制构建 = Ло Гоцян, Чжао Жуй. Вопросы мира и безопасности «Одного пояса, одного пути» и его правовое строительство в рамках концепции общей безопасности // Гуманитарный журнал. 2016. № 9 (на кит. яз.).

23. 刘卫东, “一带一路”战略的科学内涵与科学问题, 地理科学进展 = Лю Вэйдун. Научные понятия и научные вопросы стратегии «Пояс и путь» // Успехи географических наук. 2015. № 5 (на кит. яз.).

24. 王春亮, “一带一路”建设的安全观研究, 黄河科技学院学报 = Ван Чунълян. Исследование концепции безопасности строительства «Одного пояса, одного пути» // Журнал Института науки и технологии Желтой реки. 2019. № 6 (на кит. яз.).

25. 陈寒溪, 刘学勤, 中国地区安全合作政策的变化 = Чэнь Ханьси, Лю Сюэйцинь. Изменение в китайской политике сотрудничества в области безопасности // Исследования стратегических решений. 2015. № 6 (на кит. яз.).

26. 科林·弗林特, 张晓通, “一带一路”与地缘政治理论创新 = Колин Флинт, Чжан Сяотун. «Один пояс, один путь» и инновации геополитической теории // Дипломатический комментарий. 2016. № 3 (на кит. яз.).

27. 吴征宇, 海权与陆海复合型强国 = У Чжэньюй. Морская мощь и комплексная мощь суши и моря. 2012. № 2 (на кит. яз.).

28. 尹全海, 学术视野中的晚清海防与塞防之争 = Инь Цюаньхай. Дебаты между морской обороной и обороной на море в конце правления династии Цин в академической перспективе // Социальные науки Хэнань. 2007. № 1 (на кит. яз.).

29. 吴征宇, 论陆海复合型国家的战略地位-理论机理与政策选择 = У Чжэньюй. О стратегическом положении государства-комплекса суши и моря – теоретические механизмы и варианты политики // Преподавание и исследования. 2010. № 7 (на кит. яз.).

30. 曾向红, “一带一路”的地缘政治想象与地区合作 = Цзэн Сянхун. Геополитическое воображение «Пояса и пути» и региональное сотрудничество // Мировая политика. 2016. № 1 (на кит. яз.).

31. 秦亚青, 国际关系理论中国学派生成的可能和必然 = Цинь Яцин. Возможность и необходимость создания китайской школы теории международных отношений // Теория международных отношений. 2006. № 3 (на кит. яз.).

CHEN ZONI

*Postgraduate Student at the Chair
of European studies, Faculty of International Relations
and World Politics, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

“THE BELT AND THE ROAD” IN THE CONTEXT OF MODERN CHINESE GEOSTRATEGY

Since the end of the Cold War, changes in China’s neighborhood have made China’s traditional geostrategy inadequate in the face of the new geopolitical landscape that has taken shape since the Cold War. This article discusses and analyzes the relationship between China’s security space, traditional strategies, and national security, which will allow to determine the relationship between the “Belt and Road” and China’s geostrategy.

Key words: China, geopolitics, Belt and Road, geopolitical tradition, national security, geopolitical space.

*аспирант кафедры социологии и психологии
политики факультета политологии Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТЕКСТА НА ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье анализируется значимость изучения отражения символов в понимании современной политической карты мира, рассмотрены исследования тенденций формирования восприятия государств, протекания внешнеполитических изменений и взаимоотношений, создания пространства символических репрезентаций. Сформулирована и в общих чертах пояснена классификация наиболее важных факторов, влияющих на восприятие в массовом сознании образов как собственной страны, так и других стран мира. Отмечено, как в процессе формирования образов зарубежных стран, о которых российские респонденты недостаточно осведомлены, проявляется перенесение характеристик политического или экономического союза, в которые данные страны входят. Рассмотрен процесс соотнесения гражданами России компонент сложного образа других стран с собственной страной при попытке сформулировать набор характеристик зарубежных государств. Классифицированы наиболее значимые в системе международных отношений страны как новые центры роста или центры силы, в той или иной области противостоящие глобальному доминированию США. Внимательно исследован процесс конструирования образов зарубежных стран под влиянием ряда ситуативных факторов – наиболее значимых событий, повлиявших на общественное мнение. Показано, как власть и средства массовой информации используют данные события при формировании национально-государственной идентичности. Данными актуальных опросов общественного мнения подкреплены рассуждения о том, как ситуативные факторы влияют на формирование в массовом сознании образов «стран-друзей» и «стран-врагов». На основании проведенного анализа международного контента сделаны выводы о длительности влияния устойчивых и изменчивых факторов и риске трансформации образов стран под воздействием данных факторов.

Ключевые слова: политический образ страны, массовое сознание, устойчивые и изменчивые факторы, ситуативные и коммуникативные факторы, образы «друзей» и «врагов».

Анализируя актуальные труды в области изучения отражения символов в понимании современной политической карты мира, в первую очередь необходимо рассмотреть научные исследования, касающиеся тенденций формирования восприятия государств, протекания внешнеполитических изменений и взаимоотношений в международной сфере, а также определяющих данные тенденции факторах. Кроме того, следует ознакомиться с теоретическими исследованиями в области создания пространства символических презентаций.

Исследование политического образа страны имеет синергетическую направленность [4. С. 29-45]. Зарубежные исследователи подчеркивали психологические аспекты выработки решений в системе внешнеполитических отношений (К. Боулдинг, Р. Котам, Д. Ларсон); российские разработали подходы к формированию образа страны за ее пределами (Д. Заяц, В. Колесов, И. Киселев, А. Смирнова). В политической социологии акцент сделан на составных частях имиджа (образ страны, власти и т.п.) [15]. В работах политических географов изучены пространственные аспекты образа, объективные территориальные характеристики, стереотипы и символы.

В настоящей работе сделан выбор в пользу теории политического восприятия, созданной Е.Б. Шестопал и ее учениками. В ней изучается психологическое устройство образа страны, включая осознаваемые и неосознаваемые части, описан механизм восприятия государств, рассмотрен геополитический статус, исследованы фобии, стереотипы, ложные представления и их формирование [15]. Д. Гранберг, Т. Херман и Б. Каплан рассмотрели иррациональные составляющие восприятия. Условные компоненты образа страны исследованы Т. Евгеньевой, О. Малиновой, И. Семененко, В. Титовым и др. Для формулирования механизма восприятия государств значимы концепция презентаций на базе интенционального, конструктивистского и рефлексивного подходов [17]; концепция символической презентации политических явлений и процессов, восходящая к учению П. Бурдье о «символической власти»; концепция символической политики М. Эдельмана; концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана.

Изучение образа зарубежья в сознании граждан России уточняет степень одобрения внешнеполитической стратегии. Характеризуя отражение объективной действительности в субъективном сознании, отметим, что факторы, влияющие на восприятие, подразделяются на «независимые», существующие в объективной реальности (исторический и современный событийный контекст международных отношений) и «зависимые», относящиеся к психологическим особенностям воспринимающего (поколенческой, гендерной, ментальной специфике и др.). В пределах небольшого сообщества могут быть сформированы отдельные образы вплоть до противоположных по содержанию и оценке.

Ключевые факторы соответственно политику-психологической парадигме делятся на устойчивые и изменчивые. В массовом сознании распознавание контекста, связанного с центрами силы, соотносится с характеристиками военной и экономической мощи, влияния на международные дела, принуждения стран к подчинению своей политической воле. Воспринимая зарубежные страны, россияне сопоставляют их с положением России (оценка относительно себя). Если осмысливать дифференциацию стран в сознании по признаку мощи, то логично выделить слабые, удаленные, не имеющие значительных ресурсов либо передавшие природные богатства под «управление» более мощных государств.

Важной характеристикой для восприятия образа является альянсопригодность (альянсоактивность) страны. Граждане могут быть недостаточно осведомлены об исследуемых странах, не знать их историю, культуру, лидеров и геополитическую роль. Но, примерно осознавая, что более известная страна находится близко территориально, состоит в союзе, респонденты переносят характеристики «центра силы» на его спутники и находят категории малоизвестной страны из приписываемых всему альянсу.

Характеризуя страну, индивид стремится к сравнению ее с Россией (режимов, экономической, социальной и культурной сфер, места в мире); описанию положения относительно России на международной арене; оценке влияния на Россию (экономического, гуманитарного, духовно-культурного, политического, отраженного во времени); оценке того, как Россию воспринимают в данной стране.

В современном мире наблюдается доминирование США и рост Центров экономического и технологического роста (Китай, Япония, Индия, Мексика), Центров ресурсной перспективы (Бразилия, Индия, страны Африки), Центров, стремящихся восстановить былое господство (Россия), Центров идеологического влияния в субрегионах (Германия в ЕС, Иран на Ближнем Востоке), Центров, претендующих на мировое политico-экономическое господство (Великобритания). Концепция внешней политики России [6; 18] и Стратегия нацбезопасности США содержат взаимную настороженность. В российском документе признается полицентричность мироустройства, необходимость России выполнять роль одного из лидеров в мире, а в американском РФ и КНР объявлены «врагами», угрожающими лидерству и безопасности США. Устойчивым фактором восприятия зарубежных стран является изменение их положения на международной арене, обусловленное смещением центров силы.

Далее необходимо рассмотреть изменчивые факторы международного контекста восприятия, к которым мы относим события и действия на мировой арене, имеющие ситуативное влияние. Примечательно, что сложившаяся специфика массовой коммуникации, позволяющая проникать внутрь стран информации, отличной от национальных парадигм, создает ситуацию

смысловой перегрузки, сегментации населения и их замыканию внутри суб-политико-культурных сообществ. Вместе с тем, смысловая и информационная перегрузка способствуют скорейшему «забыванию» ситуационного контекста. Население стран как бы привыкает к зависимости от постоянной накачки информационного пространства политическими топиками, и мы считаем, что ситуативные факторы международного контекста идут в тесной привязке к коммуникативному фактору как таковому, так как события, происходящие в мировой практике тут же, подхватываются национальными властями и СМИ и интерпретируются в необходимом государственно-идейной парадигме контексте. К подобному событийному фону, способствующему конструированию определенных образов зарубежных стран, можно отнести наиболее яркие события, отдаленные от настоящего времени несколькими годами (более отдаленные события уже не являются ситуационным контекстом):

– события Крымской весны 2014 г. – этот триггер запустил целую серию реакций-действий на мировой арене, которые активно используются СМИ и властью для конструирования образов «чужих»/«врагов» и укреплению у граждан чувства «патриотизма» и национально-государственной идентичности, в частности, санкционный режим в отношении российских чиновников и территории Крыма, ответное продовольственное эмбарго, дефицит товаров народного потребления, рост цен, скачки курсов валют, газовые конфликты с Украиной по проблеме транзита и необходимость в строительстве новых газопроводов (Северный поток, Турецкий поток), проблемы политики импортозамещения, ухудшение качества жизни россиян, затяжной экономический кризис, приостановление членства России в «Группе восьми», «восточный поворот» во внешней политике нашей страны, противоречия с интересами стран ОПЕК и кризис рынка продажи энергоносителей;

– действия России в отношении своих соседей, в частности противоречивая роль в конфликте в Нагорном Карабахе, оценка российскими властями событий президентских выборов в Белоруссии, а также контртеррористическая операция в Сирии. Следует отметить, что исследования степени одобрения внешнеполитических решений российских властей гражданами имеет свою специфику [1; 12]. Преимущественно на старте подобных событий население предпочитает одобрять решения российских властей [7], личность министра иностранных дел одна из вызывающих наибольшее доверие граждан (Путин В.В. – 26,9%, Шойгу С.К. – 13,9%, Лавров С.В. – 11,2%, Мишустин М.В. – 8,7%) [7], но по прошествии какого-то времени, когда эмоциональный накал вокруг «несправедливой» ситуации, требующей решительных действий отечественной власти проходит, во главу угла оценки событий могут встать более эгоистические ценности (как личное благополучие или достаток). В таком случае граждане могут начать критиковать политику изоляционизма, протекционизма, ввиду чего властям

становится необходимым почти постоянно поддерживать событийный фон в выгодном свете. Например, события, связанные с так называемым «отравлением блогера А. Навального» и реакция на это мирового сообщества, тоже является одним из подобных триггеров (событий, не связанных с военными противостояниями, или какими-то катализмами, а замкнутых, например, на популярных персонах) [10].

В целом, рассмотренные ситуативные факторы послужили складыванию определенных образов некоторых стран «друзей» и «врагов». Испортившиеся отношения России и США и стран Западной Европы, несомненно, отразились на их восприятии нашими гражданами [11]. Согласно недавнему исследованию, проведенному «Левада-центром», наиболее дружественной воспринимается Беларусь (58%), далее следует КНР (38%) и Казахстан (34%), затем следуют Армения, Индия, Азербайджан, Кыргызстан, Сирия, Германия (единственная европейская страна в ТОП 10) и Куба. Максимально недружественной страной россияне считают США (66%), Украину (40%), Великобританию (28%), далее следуют Латвия, Польша, Литва, Германия, Грузия, Чехия, Эстония [3]. Примечательно, что антирейтинг Чехии в ТОП 10 недружественных стран в 2020 году был равен 2%, а в 2021 стал 9%. Вероятно, такому взлету антирейтинга послужила ситуация с признанием Чехии врагом России на политическом уровне, после событий в 2014 г. (взрыв во Врбетице) и последующем охлаждении отношений между странами (вплоть до попадания Чехии наряду с США в список недружественных России стран) [14].

Подытоживая результаты анализа международного контекста восприятия образа страны необходимо сделать ряд выводов:

- во-первых, международный контекст восприятия имеет существенное значение для возможности верной интерпретации эмпирических данных, полученных в результате исследования, и позволяет достаточно строго систематизировать полученные образы стран «друзей», «врагов», «партнеров», «соперников», «союзники» и их коалиции;

- во-вторых, нами были выделены как устойчивые, так и изменчивые факторы международных отношений, к последним мы отнесли и коммуникативные факторы. К устойчивым факторам geopolитического контекста мы отнесли – положение страны на международной арене; степень дружественности внешней политики страны по отношению к России; участие в международных экономических и политических союзах и др.

- в-третьих, изменчивые факторы международного контекста воздействуют на целостный образ страны в течение незначительного периода времени, но при этом связаны более с эмоциональной составляющей восприятия, ввиду чего могут серьезно трансформировать образ (например, изменять вектор одобрения и дружбы на вектор вражды и отторжения).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белоруссия, Россия, Союзное государство // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/belorussiya-rossiya-coyuznoe-gosudarstvo>.
2. ВЦИОМ. Доверие политикам // <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>.
3. Главные «дружественные» и «недружественные» страны // <https://www.levada.ru/2021/06/15/glavnye-druzhestvennye-i-nedruzhestvennye-strany/>.
4. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: исследования // Вестник Томского государственного Социологии. Политология. 2012. № 3.
5. Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. 2011. № 4.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, 12 февраля 2013 г. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.
7. Крым: 7 лет с Россией. Россияне гордятся вхождением Крыма и Севастополя в состав России // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-7-let-s-rossiei>.
8. Конфликт в Нагорном Карабахе: послесловие // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konflikt-v-nagornom-karabakhe-posleslovie>.
9. МИД: РФ не будет огульно всех заносить в список «недружественных стран» // Российская газета // <https://rg.ru/2021/04/28/mid-rf-ne-budet-ogulno-vseh-zanosit-v-spisok-nedruzhestvennyh-stran.html>.
10. Мировой беспорядок: с чем российская дипломатия начинает 2021 год. Главной темой пресс-конференции Сергея Лаврова стало противостояние с Западом // <https://iz.ru/1113058/ekaterina-postnikova/mirovoi-besporiadok-s-chem-rossiiskaia-diplomatii-a-nachinaet-2021-god>.
11. Отношения России и США. Кто больше заинтересован в налаживании отношений: США или Россия? // <https://fom.ru/Mir/14592>.
12. Россия – ЕС: мониторинг. Россияне миролюбиво настроены к Евросоюзу, но вступать в него не собираются // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-es-monitoring>.
13. Указ Президента Российской Федерации от 23 апреля 2021 г. № 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств» // Российская газета // <https://rg.ru/2021/04/26/protivodeistvie-dok.html>.
14. Что ж ты, Бабиш, сдал назад: Почему Чехия решила помириться с Россией и в чем ее интерес? // <https://life.ru/p/1404275>.
15. Шестопал Е.Б. Образы других стран в восприятии российских граждан // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2021. № 2.
16. Шестопал Е.Б., Смулькина Н.В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 2.

17. Hall S. The work of representation // Representation: Cultural representation and signifying practices / Ed. by Stuart Hall. London: Sage publ. The Open univ., 1997.

18. National Security Strategy of the United State of America. December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

I.A. TSYMBAL

Graduate student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF A MODERN INTERNATIONAL CONTEXT ON THE PERCEPTION BY RUSSIAN CITIZENS OF FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes the importance of studying the reflection of symbols in the understanding of the modern political map of the world, studies the trends in the formation of perception of states, the course of foreign policy changes and relationships, and the creation of a space of symbolic representations. The classification of the most important factors influencing the perception in the mass consciousness of the images of both one's own country and other countries of the world has been formulated and outlined. It is noted how, in the process of forming the images of foreign countries, about which Russian respondents are not sufficiently aware, the transfer of characteristics of the political or economic union to which these countries are included is manifested. The process of correlating the components of a complex image of other countries with their own country by Russian citizens when trying to formulate a set of characteristics of foreign states is considered. The most significant countries in the system of international relations are classified as new centers of growth or centers of power; in one area or another opposing the global domination of the United States. The process of constructing images of foreign countries under the influence of a number of situational factors – the most significant events that influenced public opinion – has been carefully studied. It is shown how the authorities and the media use these events in the formation of national-state identity. The data of current public opinion polls support the reasoning about how situational factors influence the formation of images of "friend countries" and "enemy countries" in the mass consciousness. Based on the analysis of international content, conclusions were drawn about the duration of the influence of stable and changeable factors and the risk of transforming the images of countries under the influence of these factors.

Key words: political image of the country, mass consciousness, stable and changeable factors, situational and communicative factors, images of "friends" and "enemies".

аспирант кафедры политологии Востока

Института стран Азии и Африки

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНДИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНДИИ

В статье рассматривается взаимодействие Индии – КНР, анализируются основные тенденции двусторонних отношений в последнее десятилетие. В исследовании используется комплексный подход для выявления совокупности проблем, связанных со становлением Индии как нового центра регионального и глобального влияния, что вызывает формирование новых направлений во внешнеполитических стратегиях Китая, также актуализируется вопрос конкуренции между КНР и РИ в регионе. Полученный результат исследования позволяет утверждать, что положительные и отрицательные тенденции китайско-индийских отношений равновероятны. Прогноз динамики китайско-индийских отношений зависит не только от позиции Китая, но и от дипломатического выбора Индии и привлечения других, связанных с ней крупных стран.

Ключевые слова: политическое взаимодействие, безопасность, Индо-тихоокеанской регион, территориальный вопрос, Тибетский вопрос, пакистанский фактор, конкуренция, ДНЯО, СБ ООН, ГЯП, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, пояс и путь, Африка, Ближний Восток, Quad, Моди, РИК.

Геополитическая позиция Индии в вопросах обеспечения безопасности и стабильности в Южной Азии имеет важное значение как на региональном, так и глобальном уровнях.

Индия признана одной из четырех древних цивилизаций в мире. Она расположена в относительно закрытой и целостной геополитической единице – южноазиатском субконтиненте, обладает огромной территорией, богатыми ресурсами и населением на 2021 год – 1,38 миллиарда человек. Организация Объединенных Наций прогнозирует, что население Индии превысит население Китая уже в 2024 году [13], что также способствует процессу превращения Индии в мировую державу.

Среди других факторов следует назвать рост экономического и военного потенциала. Так, с 1992 года ежегодный экономический рост Индии в основном сохранялся на уровне 6-10%, после 2003 года он превышал 8%, что позволило Республике стать одной из немногих крупных стран с самыми быстрыми темпами роста. ВВП Индии в 2020 году достиг 22 660,2 миллиарда долларов США, шестое место в мире. С экономическим ростом соответственно возросли военные расходы Индии, она стала четвертой по величине военной державой в мире после Соединенных Штатов, России и Китая.

Цель Индии в стремлении к статусу великой державы определил индийский лидер Джавахарлал Неру: «Индия не может играть второсортную роль в мире. Либо она будет престижной державой, либо исчезнет» [12]. В рамках данного вектора следует назвать государственную деятельность по стремлению получить статус постоянного члена в Совете Безопасности ООН, а также членство в «Шанхайской организации сотрудничества», «БРИКС», «Группы 20», «Движении неприсоединения». Индия активно участвует в многосторонней дипломатии, например, формат «Россия – Индия – Китай» (РИК), Диалоговый форум IBSA (Индия, Бразилия, Южная Африка), Четырехсторонний диалог по безопасности (Австралия, Индия, США и Япония), саммиты Индия – АСЕАН, стремление создать механизм саммита ЕС, АСЕАН, Индия. Названные мероприятия также подтверждают активность внешнеполитической деятельности Индии и ее стремление добиться статуса великой державы. Отдельного упоминания в этой связи требует и факт разработки ядерного оружия по причине ядерной угрозы со стороны Китая и вооруженным конфликтам с Пакистаном.

Проведенный анализ взаимодействия Китая и возвышающейся Индии позволяет выделить:

1. Позитивные факторы для Китая.

Китай является крупнейшей соседней страной Индии. Обе страны являются древними цивилизациями с долгой историей и имеют историю культурных и коммерческих обменов на протяжении более 2000 лет. Буддизм был введен в Китай из Индии и оказал глубокое влияние на китайскую культуру, язык, искусство, архитектуру и т.д. Китайский шелк, фарфор, технология производства сахара распространились на Индию. Согласно исследованию китайского ученого Цзи Сяньлина, «сахар» и «Китай» в индийском языке используют одно и то же слово [14].

Население обеих стран подвергалось агрессии со стороны иностранных колонистов и империалистов, испытывало схожие страдания. В современной эпохе обе страны выступают за многополярность мира и против гегемонизма одной страны. Современная международная политическая система, созданная после Второй мировой войны со стремлением Соединенных Штатов к собственному гегемону, наносит ущерб развивающимся странам, таким как Китай и Индия.

На саммите G20 в Питтсбурге в 2009 году Китай и Индия призвали к расширению права голоса развивающихся стран в международных финансовых институтах (например IMF) и добились успеха. И уже 15 июля 2014 года, после шестой встречи лидеров стран БРИКС, была опубликована «Форталезская декларация», в которой было объявлено о создании Нового банка развития БРИКС с целью разрушения финансовой монополии Запада [15]. Первым его президентом стал индиец Кундапур Ваман Каматх (K.V. Kamath). Индия также стала вторым главным акционером управляемого КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Две страны поддерживают тесное сотрудничество по глобальным климатическим проблемам. На Конференции по изменению климата в Копенгагене в 2009 году они совместно придерживались принципа «общей, но дифференцированной ответственности» и выступали за определение обязательств стран по сокращению выбросов на основе стандартов «выбросов на душу населения» и «исторических совокупных выбросов», потребовали от развитых стран передачи технологий развивающимся странам, чтобы помочь развивающимся странам повысить энергоэффективность для сокращения выбросов углерода. Этот принцип был четко прописан в Парижском соглашении [11] и принят на 21-й конференции Организации Объединенных Наций по климату 12 декабря 2015 года.

В области безопасности обе страны являются государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества. Они разделяют общие интересы в борьбе с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом в Центральной Азии. Они активно участвуют в стабилизации Центральной Азии и Афганистана. Китай стал крупнейшим иностранным инвестором Афганистана, а Индия стала третьим по величине донором Афганистана после Соединенных Штатов и Японии [16].

При поддержке правительств двух стран стремительно развиваются научно-образовательные отношения, проводятся совместные исследования, растет грантовая поддержка научных проектов, увеличивается количество индийских студентов обучающихся в Китае и китайских студентов в Индии.

Сотрудничество активно развивается в туристической, медицинской, культурной сферах, кинематографе, художественной литературе [2].

Можно отметить, что по большинству глобальных вопросов и национальных проблем Китай и Индия придерживаются одинаковых или схожих позиций и взглядов. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других государств на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входит в тройку стран имеющих наименьшее количество расхождений с итогами голосования КНР [4].

В области экономических и торговых отношений, согласно данным, опубликованным Главным таможенным управлением Китая, объем двусто-

ронней торговли между Китаем и Индией в 2021 году составил 125,6 миллиарда долларов США, что в 43 раза больше, чем в 2000 году. Китай превзошел Соединенные Штаты, став крупнейшим торговым партнером Индии с большим потенциалом для будущего развития [9].

2. Следует выделить сохраняющиеся проблемы – три основных противоречия в развитии китайско-индийских отношений: территориальный вопрос, тибетский вопрос и «пакистанский фактор», которые со временем, к сожалению, не становятся менее конфронтационными.

2.1. Территориальный вопрос:

Спорная территория между Китаем и Индией достигает 125 000 квадратных километров, что является самой большой неопределенной границей в мире, эквивалентной площади 48 городов, как Москва. Индия в качестве основы для территориального деления использует линию Мак-Магона, незаконно очерченную британцами, а Китай рассматривает административную юрисдикцию тибетского местного правительства при династии Цин как основу для определения китайско-индийской границы [17]. В 1962 году произошла серьезная пограничная вооруженная война, Индия приняла форвардную политику(front policy) на границе, воспользовавшись стихийными бедствиями в Китае, тем самым подрывая территориальный суверенитет Китая. После длительного терпения и бесплодных предупреждений Мао Цзэдуна пришлось принять решение дать отпор. Официальное определение этой войны Китаем «中印边境自卫反击战» – контратака в целях самообороны на китайско-индийской границе. Поражение Индии в этой войне стало источником постоянной общественной фрустрации. Можно считать, что война 1962 года стала источником подозрительности и враждебности Индии по отношению к Китаю. Правительства двух стран провели много встреч по пограничному вопросу, однако переговорный процесс не приносит существенных успехов. Поскольку и Китай, и Индия подверглись вторжению империалистических держав, они чрезвычайно чувствительны к территориальным вопросам, между КНР и Индией действует принцип «ни пяди земли» [5]. В процессе экономического подъема Китая и Индии, расширения их политического влияния в обеих странах наблюдается развитие чувство патриотизма и национальной гордости. Можно предположить, что любые уступки по территориальным вопросам встретят сильное сопротивление внутреннего общественного мнения, особенно в Индии. Усиливается политический популизм. Жесткое отношение к Китаю часто является отличным способом для политических партий получить голоса, «китайскую карту» активно используют для достижения собственных политических целей.

2.2. Тибетский вопрос.

Выгодное геоположение и природный богатый потенциал Тибета в сочетании с исторически нерешенным вопросом оставляют этот регион в центре политических притязаний. Тибетский вопрос напрямую затрагивает терри-

ториальную целостность Китая и его внутриполитическую стабильность. Китай считает, что Индия должна отказаться от минувших британских привилегий в Тибете и прекратить принимать тибетских сепаратистов для организации разделения Китая. Индия планировала, по сути, превратить Тибет в буферное государство между Китаем и Индией [18]. В дополнение к предоставлению политического убежища в Дхарамсале Далай-ламе в 1960 году, Индия также поддержала восстание тибетских рабовладельцев и позволила Соединенным Штатам создать разведывательную станцию в Чалбадии в Индии для оказания военной помощи повстанцам. По предложению британского империалиста Олафа Карло большое количество изгнанных тибетцев было завербовано для военной подготовки. В 1960-х годах Индия тайно сформировала индо-тибетские «специальные пограничные силы», в которых преобладали изгнанные тибетцы, а в 1980-х годах сформировала тибетские силы коммандос численностью до 8000 человек [19]. С потеплением китайско-индийских отношений, индийское правительство внесло определенные корректизы в тибетский вопрос. Когда премьер-министр Индии Ганди посетил Китай в декабре 1998 года, Индия окончательно признала Тибет частью Китая.

2.3. Пакистанский фактор.

Относительно китайско-пакистанских отношений, Китай занимает позицию, что китайско-пакистанские отношения являются межгосударственными отношениями, должны развиваться на основе международного права. Пакистан является суверенной страной, признанной Индией, но Индия считает, что экономическое, торговое и военное сотрудничество между Китаем и Пакистаном негативно влияет на доминирование Индии в Южной Азии. Проект «Китайско-Пакистанский экономический коридор», запущенный Китаем в 2015 году, Индия расценила КПЭК как дальнейшее наступление на ее позиции в регионе. По мнению индийской стороны, данные действия со стороны КНР подрывают относительный паритет сил между Индией и Китаем в регионе, который поддерживался до 2015 г. [1]. Именно по этой причине, Индия торпедирует китайскую инициативу «Пояс и путь» (ИПП) [20].

2.4. СМИ как фактор негативного влияния в отношениях двух стран. Необъективные сообщения средств массовой информации двух сторон усиливают разногласия между государствами.

Среди трех основных противоречий территориальный вопрос является объективной причиной, вызванной историческими событиями в Британской Индии. Ни одна из сторон не отрицает данного факта, но два других противоречия могут быть разрешены путем укрепления коммуникации и взаимопонимания. Однако, односторонняя пропаганда и недостоверность изложения исторических фактов в СМИ способствуют формированию ненавистей у народов обеих стран, углублению непонимания друг друга.

Новостные репортажи индийских СМИ о Китае сосредоточены на политических, экономических и военных аспектах. Индийские СМИ считают, что в политической сфере, преимущества китайско-индийского сотрудничества перевешивают недостатки, но всегда преувеличивают различия между двумя сторонами. В экономической сфере признают, что достижения Китая на данном этапе выше, чем у Индии, но считают, что достижения Китая в основном обусловлены «авторитарной системой», которая, по мнению индийской стороны, неустойчива. В индийских СМИ присутствует такой пассаж, отражающий их менталитет: «Хотя Мумбай обветшалый и грязный, в нем есть жизненная сила и своя душа, а в Шанхае – нет». В сфере вооруженных сил, считается, что быстрое военное развитие Китая в последние годы представляет собой «угрозу», и СМИ изо всех сил старались ее рассеять [3].

Китайские новостные блоки об Индии в основном содержат негативные новости: кастовые конфликты, террористические атаки, тропические штормы, частые сексуальные преступления, ракетные испытания, крушения поездов.

3. Конкуренция на глобальном уровне.

Когда Соединенное Королевство поднялось, его население составляло около 10 миллионов человек, создав «бесконечную империю», которая доминировала в международных делах почти столетие; когда Соединенные Штаты возвысились, население составляло около 100 миллионов человек, США превратились в мирового гегемона. Индия и Китай – обе страны с населением более 1 миллиарда. Подъем Китая и Индии оказывают глубокое влияние на мировую политическую и экономическую структуру. Поэтому Палагконер сказал, что в XXI веке в мире больше не будет доминировать Запад, а азиатские страны станут главными действующими лицами этого столетия [10].

В дополнение к трем основным противоречиям в отношениях между Индией и Китаем, как двумя великими державами, которые поднялись одновременно за короткий промежуток времени, можно предположить, что не удастся избежать жесткой конкуренции в различных областях.

3.1. Нарушения Индией ДНЯО и преднамеренное попустительство США.

С 11 по 13 мая 1998 года Индия в течение 48 часов провела пять последовательных ядерных испытаний и объявила себя государством, обладающим ядерным оружием. Спровоцированная Индией ядерная гонка представляет серьезную угрозу безопасности Китая и нанесла урон глобальному режиму нераспространения ядерного оружия. Индия до сих пор не подписала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, инициатива которого, по иронии судьбы, была инициирована первым премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру.

Индийские ученые заявляют: «собственная программа Индии по созданию ядерного оружия обеспечивает не что иное, как «минимальное надежное сдерживающее средство», необходимый для ее региональной безопасности, Индия не способствовала распространению ядерного оружия за пределами своих границ [8].

В августе 2021 года Индия успешно провела испытания ракеты Agni-5. Agni 5 – это индийская баллистическая ракета класса «земля-земля» большой дальности, которая может поражать цель с точностью до 5000 км [7]. Индия теоретически обладает потенциалом ядерного удара, охватывающего всю территорию Китая, что явно превышает уровень минимального надежного сдерживания.

Президент Индии Мукерджи заявил: «Судя по любым объективным условиям, таким как население, площадь территории, валовой внутренний продукт, экономическая мощь, культурное наследие, культурное разнообразие, политическая система, а также прошлые и нынешние вклады в деятельность ООН, особенно участие в операциях по поддержанию мира, Индии очень подходит состав постоянного члена СБ ООН» [21]. Пять постоянных членов Совета (P5) не отражают население мира в равной степени, и состав P5 не соответствует современным реалиям глобального распределения власти. Постоянные места Великобритании и Франции остались в прошлом, в то время как Африканский континент, хотя и является центром большей части работы совета, не имеет постоянного места [6]. В 2004 году министры иностранных дел Индии, Японии, Германии и Бразилии встретились в Брюсселе, чтобы сформировать «Группу четырех», претендующую на постоянное членство в СБ ООН с правом вето. Италия, Испания, Аргентина, Мексика, Южная Корея, Пакистан и другие страны сформировали группу «Единство за консенсус». Они считают, что право вето, требуемое Группой четырех, противоречит принципам демократии и суверенного равенства, и право вето существующих постоянных членов должно быть ограничено, не говоря уже о распространении на новых постоянных членов.

В качестве вывода необходимо подчеркнуть, что стремление Индии к доминированию в регионе по всем направлениям, усиливает противоречия двусторонних отношений с Китаем. Но Китай и Индия разделяют широкий спектр общих интересов, развитие китайско-индийских отношений зависит не только от позиции Китая, но и от дипломатического выбора Индии и связанных с ней крупных стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Замараева Н.А. Индия и проект китайско-пакистанского экономического коридора // Восточная аналитика. 2018.
2. Китайско-индийские отношения на современном этапе. 2020. № 4.

3. Лихачев К.А. Изменение характера китайско-индийских отношений на фоне обострения пограничных противоречий: взгляд из Нью-Дели // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. DOI: 10.24412/261868882021267996.
4. Лунев С.И. Значение форматов РИК, БРИК, и БРИКС для Индии // Международные отношения КНР.
5. Уянаев С.В. Индийско-китайский пограничный спор: возможен ли свет в конце тоннеля? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. DOI: 10.24412/26186888-2021-26-63-78.
6. Binder M. and Heupel M. The Intricacies of UN Security Council Reform. Survival Global Politics and Strategy. 2021. DOI: 10.1080/00396338.2021.1905984.
7. Explained: Agni (ICBM) vs China's Hypersonic missile The indianexpress // <https://indianexpress.com/article/explained/agni-ballistic-missile-vs-china-hypersonic-missile-7595125/>.
8. India, China and the Non Proliferation Treaty (NPT) – World Nuclear Association // <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/appendices/india,-china-npt.aspx>.
9. Table of total values of major countries (regions) of import and export commodities in May 2021 (RMB value). 2021年5月进出口商品主要国别(地区)总值表(人民币值) // <http://www.customs.gov.cn//customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/3700044/index.html>.
10. The Future Is Asian, Parag Khanna. Simon & Schuster Press, February 5, 2019.
11. The Paris Agreement. Article 2 This Agreement will be implemented to reflect equity and the principle of common but differentiated responsibilities and respective capabilities, in the light of different national circumstances // <https://www.un.org/en/climatechange/paris-agreement>.
12. The Discovery of India JAWAHARLAL NEHRU. Oxford University Press, Sixth impression, 1994.
13. World Population Prospects, the 2015 revision // <https://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-2015-revision.html>.
14. 《糖史》季羨林 江西教育出版社 2009.09.01. “History of Sugar” Ji Xianlin Jiangxi Education Publishing House.
15. 人民网：金砖国家开发银行打破了垄断. People’s Daily Online: The BRICS Development Bank broke its monopoly // <http://world.people.com.cn/n/2013/0412/c157278-21118931.html>.
16. 《印度大国外交》龙兴春 中国社会科学出版社 2016.08. India’s Great Power Diplomacy Long Xingchun China Social Sciences Press // <http://www.customs.gov.cn//customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/3700044/index.html>.
17. 西藏自治区志外事志 西藏外事志编纂委员会/中国藏学出版社/ 2005-07. Tibet Autonomous Region Foreign Affairs Journal Tibet Foreign Affairs Journal Compilation Committee. China Tibetan Studies Press, 2005-07.

-
18. 中印边界问题、印巴领土纠纷研究 吕昭义, 孙建波著 人民出版社
China-India Border Issues, Research on India-Pakistan Territorial Disputes Lu Zhaoyi, Sun Jianbo, People's Publishing House.
 19. 中印关系研究 (1947-2003) 张敏秋 北京大学出版社 Research on China-India Relations (1947-2003) Zhang Minqiu Peking University Press.
 20. “印度部分媒体拿中印冲突当娱乐靠反华报道赚钱”《中国新闻网》“Some Indian media use the China-India conflict as entertainment and rely on anti-China reports to make money”. China News Service // <https://www.chinanews.com/gj/news/2010/03-30/2197793.shtml> 2010.3.30.
 21. <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/no-reform-of-un-will-be-complete-without-reforms-of-unsc-president-pranab-mukherjee/articleshow/17510796.cms>.

CHZHAN CHEN'I

Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia

POLITICAL INTERACTION BETWEEN INDIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE EXPANSION OF INDIA'S INFLUENCE

The article examines the interaction between India and China, analyzes the main trends of bilateral relations in the last decade. The study uses an integrated approach to identify a set of problems related to the formation of India as a new center of regional and global influence, which causes the formation of new directions in China's foreign policy strategies, and the issue of competition between China and RI in the region is also being updated. The obtained result of the study suggests that positive and negative trends in Sino-Indian relations are equally likely. The forecast of the dynamics of Sino-Indian relations depends not only on China's position, but also on India's diplomatic choice and the involvement of other major countries associated with it.

Key words: political interaction, security, Indo-Pacific region, territorial issue, Tibet issue, Pakistani factor, competition, NPT, UNSC, NSG, South Asia, Southeast Asia, Central Asia, Belt and Road, Africa, Middle East, Quad, Modi, RICK.

АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО ВОПРОСА: КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД)

Важнейшие внешнеполитические решения не только во многом определяют судьбу страны, но и могут вызвать ряд цепных реакций мирового устройства. Известный ученый Бобо Ло считает, что внешняя политика зависит от консенсуса широкой элиты [8]. Для осуществления научных и рациональных своих внешнеполитических решений зрелыми странами, особенно державами с глобальным влиянием, процесс принятия внешнеполитических решений не просто заключается в организации встречи или принятия решения непосредственно отдельными лицами, а обычно имеет сформированный механизм реализации внешней политики, соответствующий национальным условиям и интересам. Дипломатия – это продолжение внутренней политики [9]. Исследование механизма формирования внешней политики России требует анализа механизма ее внутреннего режима. Любой политический строй – это, и результат деятельности политических элит, а участники этого процесса включают в себя элитарные представления и модели поведения. В данной статье рассматривается механизм формирования внешней политики России в украинском вопросе с точки зрения российских политических элит.

Ключевые слова: политические элиты, РФ, внешнеполитическая концепция, внешнеполитический курс, ситуация на Украине.

Элитный механизм принятия решений во главе с Президентом России В. Путиным. Определение политической элиты в научных кругах весьма широкое, в основном считается, что политическая элита – это привилегированная группа, занимающая доминирующее положение в структуре власти и непосредственно участвующая в принятии важных решений, связанных с использованием власти. Определение российской политической элиты можно привести в отчете «Российская элита – 2020», опубликованном Международным дискуссионным клубом «Валдай» в 2013 году:

Элиты – это особая группа, имеющая способность влиять на политические решения России. В том числе, можно выделить три основных типа элит. Первый тип – разрозненные элиты, то есть те элиты, которые не достигли компромисса относительно единой ценностной структуры и кодекса поведения и политических системы, поддерживаемые такими элитными группами, характеризуются неустойчивостью и неэффективностью. Второй тип – элиты, объединенные на базе идеологии. Этот вид элиты отличается высоким уровнем централизации и тесной интеграции на основе единой совокупности ценностей, которые определяются доминирующей идеологией. Обычно в этом случае власть сосредоточена в руках узкой группы политических элит. Третья категория – согласованные элиты. Они функционируют в соответствии с единым кодексом поведения, сформированным на базе системы ценностей, которой согласны придерживаться все элитные группы. Ценностная основа их деятельности не декларируется в открытую, как в случае с идеологически объединенными элитами, однако существуют негласные правила существования в политической системе страны, ограничения и принципы, нарушение которых не поощряется. По мнению Хигли, современные российские элиты принадлежат категории идеологически объединенных элит [17]. С моей точки зрения в основном это выражается в двух аспектах: единой системе ценностей и высокой степени концентрации власти, которые также имеют соответствующие характеристики во внешней политике.

С другой стороны, с точки зрения политической системы, согласно положениям конституции РФ, президент РФ как самостоятельный субъект права не принадлежит ни к одной из трех ветвей власти [5]. Президент фактически осуществляет руководство и контроль над тремя ветвями власти: административной, законодательной и судебной, в том числе, и над внешней политикой, посредством консультативных органов, учреждений и политических партий.

Таким образом, современная политическая система России представляет собой не строгое разделение исполнительной, законодательной и судебной властей, а разделение трех ветвей власти под руководством президента Путина, который также играет ведущую роль во внешней политике. Можно сказать, что формирование внешней политики России имеет явные черты элитарной политики, и сформировался элитный механизм принятия решений с участием узкой группой политических элит, в которой Путин является ядром.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 6; 7; 10; 11; 13; 14; 15; 20].

Однако проблему принятия стратегических государственных решений по внешней политике России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В

силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной автором темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Группа принятия решений по внешней политике в рамках Совета Безопасности России. После вступления Путина в должность президента в 2000 году, политические элиты России приспособились к изменениям во внутренних и внешних делах страны, демонстрируя разные характеристики в каждый срок Путина. В период первого президентского срока Путина, во имя обеспечения плавного перехода и стабильности власти, он в основном назначил своих близких и доверенных лиц на важные должности и принял ряд жестких мер против олигархической группы в лице Михаила Ходорковского, чтобы держать в руках жизненно важные звенья экономики страны. К концу второго срока Путина в 2008 году, в основном, сложилась вертикаль власти, ядром которой являлся сам президент.

В докладе «Большое правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0», опубликованном Коммуникационным холдингом «Минченко консалтинг» и основанном на результатах экспертного опроса более 60 экспертов, (представителей политических и коммерческих элит страны), говорится, что правящая элита России может быть описана в модели советского коллегиального властного органа – Политбюро ЦК КПСС. Путин, играя роль арбитра и модератора, управляет всей страной через членов «Политбюро 2.0». В этой узкой группе политических элит, управляющей страной, помимо Путина как ядра, есть 8 элит из политических и деловых кругов, председатель правительства РФ Дмитрий Медведев, Глава администрации президента России Сергей Иванов и его помощник Володин Вячеслав, Глава «Роснефти» Игорь Сечин, Генеральный директор корпорации «Ростех» Сергей Чемезов, Предприниматель Геннадий Тимченко, Председатель совета директоров банка «Россия» Юрий Ковальчук и Мэр Москвы Сергей Собянин [8].

Начиная с периода Путина 3.0, Россия столкнулась с такими внутренними проблемами, как дилемма экономического развития страны, осложненная западными санкциями, внутренние противоречия в системе власти и низкая эффективность национального управления, а также с внешней проблемой, связанной с растущим geopolитическим давлением и ухудшением отношений с Западом, особенно после возвращения Крыма в Россию. В то же время с ростом geopolитического давления российские военные и силовые ведомства в лице Минобороны и ФСБ стали обладать большей властью, что также обострило противоречия внутри элит страны, в связи с чем Путин приступил к перестройке политических элит России. В этот период президент РФ больше внимания уделял таким факторам, как способность, эффективность управления и преемственность, что продолжилось после периода Путина 4.0 с 2018 года. При корректировке структуры правительства Путин смело назначил молодых представителей политических элит на важные должности, таких как Заместитель председателя правительства РФ –

Дмитрий Чернышенко, Министр сельского хозяйства – Дмитрий Патрушев, Министр науки и высшего образования РФ – Валерий Фальков и др.

В последнем докладе «Политбюро 2.0» отмечено, что в состав ближнего круга Владимира Путина (полноправных членов Политбюро 2.0) к середине 2021 года входят в руководство Совета Безопасности (секретарь Совета – Николай Патрушев и заместитель Путина в Совбезе – Дмитрий Медведев), руководители трех крупнейших корпораций (лидер ВПК «Ростех» – Сергей Чемезов, лидер ТЭК «Роснефть» – Игорь Сечин, «корпорация Москва» – Сергей Собянин), министр обороны Сергей Шойгу, а также три доверенных бизнесмена, операторы инфраструктурных проектов (Юрий Ковальчук, Геннадий Тимченко, Аркадий Ротенберг) [9].

В то же время Путин жестко контролирует полномочия по принятию решений по основным направлениям внутренней политики страны посредством проведения различных важных конференций и консультативных органов, в которых участвуют главы правительства, субъектов Федерации и законодательных органов. В том числе постоянно укрепляется статус Совета Безопасности РФ как высшего консультативно-совещательного органа в сфере обеспечения национальной безопасности. Совет Безопасности РФ был создан в 1992 году, как консультативно-совещательный орган при Президенте РФ для координации действий разных властных секторов. Председателем Совбеза является президент Путин. В 2020 году Путин подписал указ о введении должности заместителя председателя Совета безопасности РФ и назначил на эту должность Дмитрия Медведева, что продемонстрировало усиление роли Совета безопасности. Постоянными членами являются: Заместитель председателя Совета Безопасности – Дмитрий Медведев, Секретарь Совета Безопасности – Николай Патрушев, Председатель Правительства – Михаил Мишустин, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации – Антон Вайно, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – Вячеслав Володин, Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ – Валентина Матвиенко, Министр иностранных дел – Сергей Лавров, четыре лидера силовых ведомств (Министр обороны – Сергей Шойгу, Директор Федеральной службы безопасности – Александр Бортников, Министр внутренних дел – Владимир Колокольцев, Директор Службы внешней разведки – Сергей Нарышкин) и Специальный Представитель Президента по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта – Сергей Иванов.

Помимо этого, с 2011 года функционирует Научный совет в рамках Совета безопасности РФ, в состав которого включаются представители российской академии наук, отраслевых академий наук, руководители научных организаций и образовательных учреждений высшего профессионального образования, а также отдельные специалисты [18].

Вероятно, что Совет безопасности РФ как совещательный орган при президенте постепенно превратился в высший центр принятия решений в сфере национальной безопасности и дипломатии. Если сравнить членов Политбюро 2.0 с членами Совета Безопасности, Совет безопасности по-добен расширенному заседанию Политбюро 2.0, а его основная элитная команда остается неизменной. По сути, сформировалась элитная группа принятия внешней политики во главе с Политбюро 2.0 в рамках Совета Безопасности РФ.

Живое воплощение механизма принятия решений по внешней политике политическими элитами в украинском вопросе. Ситуация на Украине в последнее время обострилась. После того, как 21 февраля Путин подписал указ президента о признании независимости Донецка и Луганска, 24 февраля против Украины была начата специальная военная операция по мотивам «демилитаризации» и «денацификации». 27 февраля Путин объявил решение о приведении сил сдерживания в готовность. Новый виток украинского кризиса, обострившийся в конце прошлого года, вступил в наиболее напряженную фазу. В то же время российская сторона подверглась более жестким экономическим санкциям со стороны запада, чем даже после возвращения Крыма, в таких сферах, как энергетика, транспорт, научная технология и т.д. Масштаб и степень санкций беспрецедентны.

В то же время внутри страны ожидается экономический кризис, девальвация рубля, несогласие с действиями на Украине и другие.

Отчего Россия в этот раз приняла ряд решений такой ценой? Мы попытаемся рассмотреть механизм формирования внешней политики России по данному направлению с точки зрения политических элит.

Во внешнеполитическом курсе России с Путиным как ядром группы политической элиты в основе принятия решений лежит дипломатическая концепция, определяемая единой совокупностью ценностей. С точки зрения ядра Путина, с момента вступления его в должность президента, независимо от изменения внешней ситуации, он твердо придерживается трех основных принципов: во-первых, Россия должна стать сильной страной, во-вторых, необходимо сосредоточиться на окружающем пространстве, в-третьих, быть бдительными в отношении к внешним угрозам [12].

Резкий рост геополитического давления на Россию и прямые внешние угрозы, вызванные дальнейшим расширением НАТО на восток, нетерпимы для российского президента, а также это нарушает принципы внешней политики РФ. В то же время, в июле 2021 года Путин в своей статье «Об историческом единстве русских и украинцев» указал, что русские и украинцы – один народ. Современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи, созданное во многом за счет исторически русских земель. Все существующие разногласия зависят от нынешней украинской власти, которая испытывает огромное давление со стороны западного блока, но Рос-

сия никогда не позволит использовать свою историческую территорию против себя. Только в партнерстве с Россией Украина может обрести настоящий суверенитет [5]. Кроме того, 21 февраля Путин в своем телеобращении по ситуации в Украине повторил, что современная Украина полностью создана Россией, точнее, большевиками, коммунистической Россией. Украина для нас – это не просто соседняя страна, это неотъемлемая часть нашей собственной истории, культуры, духовного пространства. Таким образом, по мнению В.В. Путина, Украина является частью России. Противоречие между Россией и Украиной кажется внутренней проблемой, а долгосрочное историческое и структурное противостояние России и Запада является корнем проблемы. Данный аспект также подготовил почву для признания независимости Донецкой и Луганской республик, сформировал рациональность военных действий против Украины. Ряд принятых внешних решений соответствует дипломатической концепции Путина, логика которой заключается в защите безопасности страны, в решении внутренних проблем, в сопротивлении западным угрозам и нападкам.

Также следует отметить, что на стороне группы политбюро 2.0 в рамках Совета Безопасности, в докладе «Российская элита – 2020» отмечается, что хотя во внутренней идеологии российских элит наблюдается тенденция дифференциации либерально-демократических и авторитарных взглядов, но некоторые элиты более склонны считать, что угрозы национальным интересам исходят от внутренних неустойчивых факторов, таких как дисбаланс экономического развития, этнические конфликты, рост цен и инфляция и т.д. Но ядро группы элит страны рассматривает угрозы от Запада как приоритетную проблему, угрозу развитию России. Кстати, исторический военный опыт подтверждает, что внешние враги чаще сплачивают политических элит с разными идеологиями и ценностями ради восстановления стабильности и сохранения развития страны [6]. Такие взгляды отражены в ситуации на Украине.

Перед лицом давления Европы и США элитная группа по принятию внешнеполитических решений во главе с Политбюро 2.0 в рамках Совета Безопасности РФ, возведя угрозу Запада в главное противоречие, продемонстрировала тесное единство и эффективное исполнение. 21 февраля 2022 г. после конференции Совета Безопасности РФ по вопросам Донбасса, Путин выступал с телеобращением к россиянам и объявил о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, 22 февраля Совет Федерации дал согласие Президенту на использование вооруженных сил за рубежом. 24 февраля Путин в обращении к россиянам объявил, что принял решение о специальной военной операции в Донбассе. 25 февраля Путин провел видеоконференцию с членами Совета безопасности РФ, на которой обсудили спецоперацию на Украине. 26 февраля заместитель председателя Совета Безопасности Дмитрий Медведев заявил, что санкции

помогут России объединиться. 1 марта министр обороны РФ Сергей Шойгу заявил, что российская армия продолжит проведение специальных боевых операций на территории Украины для достижения поставленных целей...

Анализ подтверждает, что инициаторами и участниками принятия ряда важных внешних решений, является группа во главе с Политбюро 2.0 в рамках Совета Безопасности РФ.

Процесс принятия внешнеполитических решений с участием узкой группы политических элит во главе с Путиным живо и конкретно показывает сценарии Украинской ситуации.

Политические элиты являются основным субъектом в процессе принятия решений по внешней политике. В этой статье анализируются характеристики и члены команды политических элит России с помощью результатов и информации официальных, аналитических центров и других важных каналов. Проделанный анализ в контексте политических элит, позволяет прийти к выводу, что в России сформирован элитный механизм принятия решений с участием узкой группой политических элит, в которой Президент В.В. Путин и элитная группа приятия внешней политики во главе с Политбюро 2.0 в рамках Совета Безопасности РФ является ядром.

Одновременно на примере ситуации в Украине продемонстрирована реализация механизма принятия внешнеполитических решений политическими элитами в интересах национальной безопасности.

По результатам опроса фонда «Общественное мнение», доверие россиян к Президенту Владимиру Путину за неделю вырос на 11 процентных пунктов, прогнозируется, что нынешняя ситуация на Украине не повлияет на статус ядра Путина в группе политических элит России, а что касается дальнейшей ситуации, то, как сказал сам Президент: «это зависит от конкретной ситуации, которая развивается на местах».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ардзинба Д.К. Концептуальные основы принятия решений органами государственной власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
2. Виноградов В.В. Украинская дилемма: Запад и Восток в выборочных циклах // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 3 (29).
3. Власов А.В. Влияние использования публичной дипломатии на обеспечение информационной безопасности государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82).
4. Кетцян Г.В. О влиянии этноязыкового фактора на политическую стабильность на постсоветском пространстве: на примере Украины, Армении и России // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 3 (21).

5. Конституция Российской Федерации. Статья 11 // <http://constitution.kremlin.ru/>.
6. Лузан А.А. К вопросу о политическом урегулировании конфликта или признании ЛНР и ДНР Украиной // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).
7. Меньшиков П.В., Дресвянин Д.В. Информационное сопровождение внешней политики: социальные сетевые коммуникации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
8. Минченко Е., Петров К. Доклад «Минченко консалтинг»: Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0» // http://www.stratagema.org/exclusive/research/research_2391.html.
9. Минченко Е., Петров К. Доклад «Минченко консалтинг»: «ПОЛИТБЮРО 2.0» И «НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: ЭЛИТЫ В ПОИСКАХ «НОВОЙ НЕФТИ» // https://minchenko.ru/analitika/analitika_90.html.
10. Наледин И.И. Угрозы национальной безопасности России в Крымском регионе // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76).
11. Николенко А.А. Фрактально-эмурдентное свойство политической власти русской локальной цивилизации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 6 (40).
12. Пан Да Пэн: «Держава, соседство и внешние угрозы: дипломатическая концепция Путина и перспективы на будущее» // World Knowledge. 2018. № 10.
13. Папченкова А.Н. Современные исследования политического лидерства: эволюционная теория // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).
14. Полищук В.У. Россия – Украина. Невыученные уроки истории // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 3 (33).
15. Пряхин В.Ф. История и перспективы российской демократии в контексте международного опыта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
16. Путин: «Об историческом единстве русских и украинцев». 2021 // <http://www.kremlin.ru/DDoS01/b93823b9/events/president/news/66181>.
17. Российская элита – 2020: Эксперты описали взгляды российской элиты на развитие страны // <http://svop.ru/meeting/y2013/5369/>.
18. Совет Безопасности Структура Президент России // <http://www.kremlin.ru/structure/security-council>.
19. Bobo lo, Russia and the New World Disorder, Brookings Inst. Press Chatham House. August 17, 2015.
20. Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A. Gorbachev-Yeltsin – Putin: Discussion around Models of Political Regime. What's next? // “Political Science Issues”. Volume 9, Issue 2 (32), 2019.
21. The Oxford Dictionary of Quotations, Oxford University Press, 1996.

CHEN HANZHI

*Intern at the Chinese Institute
of International Studies, China*

ANALYSIS OF THE MECHANISM OF FORMATION OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF POLITICAL ELITES ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN ISSUE: CHINESE VIEW

The most important foreign policy decisions not only largely determine the fate of the country, but can also cause a number of chain reactions of the world order. The well-known scientist Bobo Lo believes that foreign policy depends on the consensus of the broad elite. For the implementation of scientific and rational foreign policy decisions by mature countries, especially powers with global influence, the process of making foreign policy decisions does not simply consist in organizing a meeting or making a decision directly by individuals, but usually has a formed mechanism for implementing foreign policy that corresponds to national conditions and interests. Diplomacy is a continuation of domestic politics. The study of the mechanism of formation of Russia's foreign policy requires an analysis of the mechanism of its internal regime. Any political system is the result of the activities of political elites, and the participants in this process include elite ideas and behaviors. This article examines the mechanism of formation of Russia's foreign policy in the Ukrainian issue from the point of view of Russian political elites.

Key words: political elites, the Russian Federation, foreign policy concept, foreign policy course, the situation in Ukraine.

*аспирант Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА БРИКС НА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

В исследовании рассматривается трансформация существовавшего мирового порядка, следствием которого стало появление группы стран: Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки (БРИКС). Глобальным вызовом для современной политической действительности стала мировая пандемия, когда страны БРИКС показали не только свою жизнеспособность, как политического инструмента, но и как устойчивого социально-экономического пространства. Объектом исследования выступает межгосударственные устойчивые политические и социально-экономические общности. Предметом исследования выступает потенциал, как сложная многосоставная категория, определяющая жизнеспособность и перспективы межгосударственных образований. Целью исследования является установление потенциала группы стран БРИКС, как жизнеспособного межгосударственного образования. Результатом исследования является установление и объективации эффективности и жизнеспособности межгосударственного образования БРИКС на основе публичных данных официальной статистики.

Ключевые слова: межгосударственное образование, региональные державы, международные финансовые институты, глобальное управление.

Нестабильность общемировой политической глобальной ситуации, обусловленной различием политических целей, определяемых страновыми и социальными различиями развития, определило появление стран группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). Группу стран БРИКС можно определить, как межгосударственное образование по признаку локальности и региональности задействованных в общности развивающихся стран. При этом потенциал БРИКС различными исследователями предлагается рассматривать с разных методических подходов. Так исследователи Rabia Akram et al.: «The study suggests that more prolific use of energy can stimulate EG in BRICS countries by improvement in EE and

renewable energy (RE)». Так авторы утверждают, что политическая стабильность и устойчивость межгосударственного образования БРИКС определяется в большей степени экономическими, но не политическими причинами. Считая, что основой межгосударственного образования выступает энергоэффективность (ресурсы) экономик политических общностей. Исследователь D. Nayyar считает, что страны БРИКС выходят за рамки политических и экономических концепций, по выражению автора «...in the wider global context...» [4. Р. 585], являясь фактором глобального управления. Исследователь D. Floyd выделяет ключевые факторы оценки потенциала БРИКС, «...outlining the key factors necessary for success...» [3. Р. 284], считая, что основой выступают демографические факторы, факторы открытости национальных рынков, роста потребления и тесноты межгосударственных связей. Исследователь S. Chakraborty развернуто и научно-обоснованно аргументирует создание межгосударственного образования БРИКС как политического образования, вызванного глобализацией, фактором сдерживания и противодействия США, ЕС, Японии. «The emergence of BRICS could pose a political challenge to traditional power blocks comprising of the USA, EU, and Japan» [2. Р. 187]. В настоящее время страны БРИКС охватывают около сорока процентов от общей величины населения в мире (рисунок 1), занимают в совокупности двадцать пять процентов материковой суши, в совокупности вклад в мировой ВВП около тридцати процентов.

Из рисунка 1 видно, что страны межгосударственного образования БРИКС по совокупности населения занимают порядка сорока процентов от совокупной величины населения мира.

Рассматривая рисунок 3, объективно видна тенденция роста, локомотивом которой выступает в большей степени Китай, с 2011 года двукратный рост ВВП.

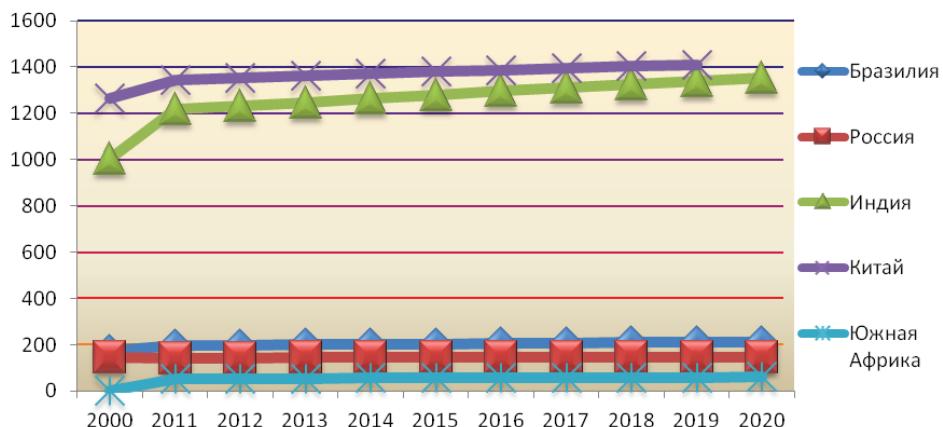
Из рисунка 4 прослеживается стагнация в секторах промышленного производства с незначительным спадом. Стагнация 2019 года и 2020 года объясняется мировой пандемией COVID-19.

Очевидно, что с ростом численности населения объем продовольствия также растет опережающими темпами, что обуславливает позиции стран БРИКС с учетом территории и населения крупнейшим фактором противостояния блоку США и ЕС.

Количество охвата глобальной сети интернет показывает резкий рост, что является важным фактором в современном информационном пространстве, так у России и Китая обеспеченность приближается к 100 процентам.

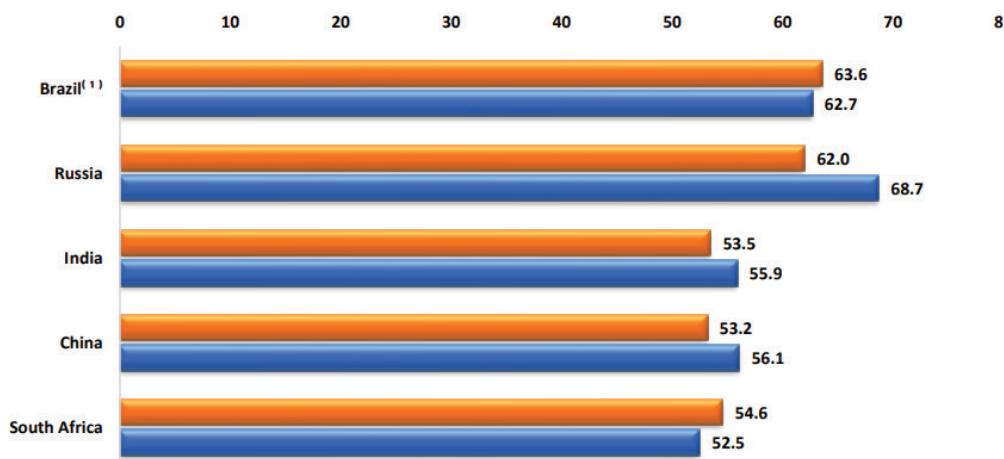
Также наблюдается значительное замедление изменения уровня потребительских цен, что сохраняет параметры микроэкономической стабильности в странах БРИКС.

Таким образом, мы выделяем ряд уровней для оценки потенциала стран группы БРИКС: микроуровень и макроуровень. Микроуровень – это наци-

Источник: Составлено автором по данным BRICS Joint Statistical Publication 2021.

Рисунок 1. Население стран группы БРИКС, млн. чел.

Источник: данные BRICS Joint Statistical Publication 2021.

Рисунок 2. Доля рабочей силы в численности населения 15 лет и старше, в процентах (первая строка 2012 год, вторая строка 2020 год)

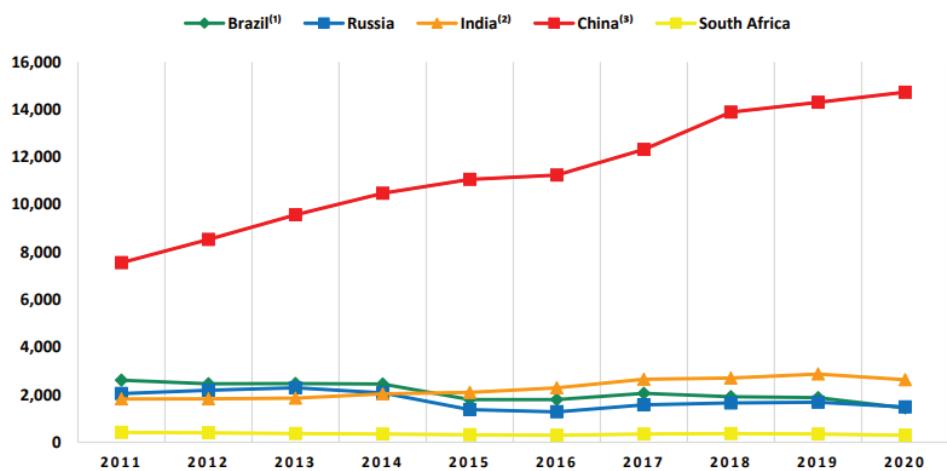

Рисунок 3. Объем ВВП (внутренний валовой продукт), млн. долл.

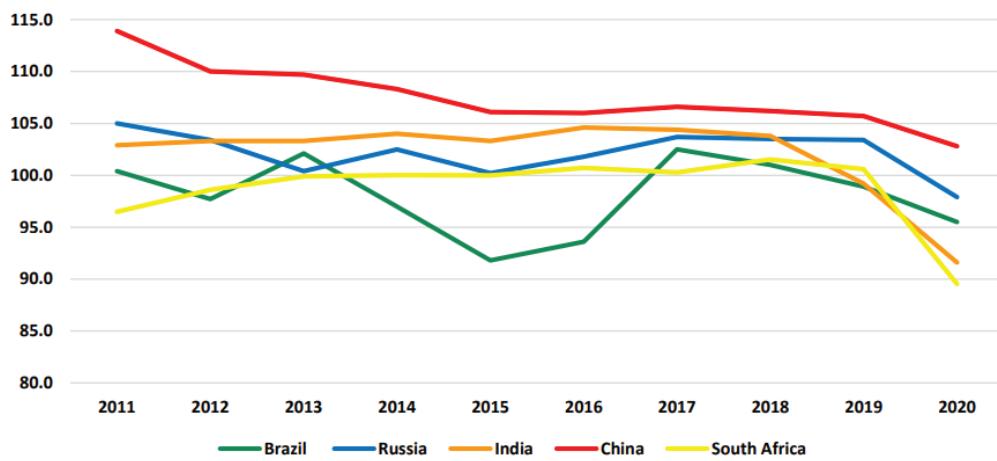
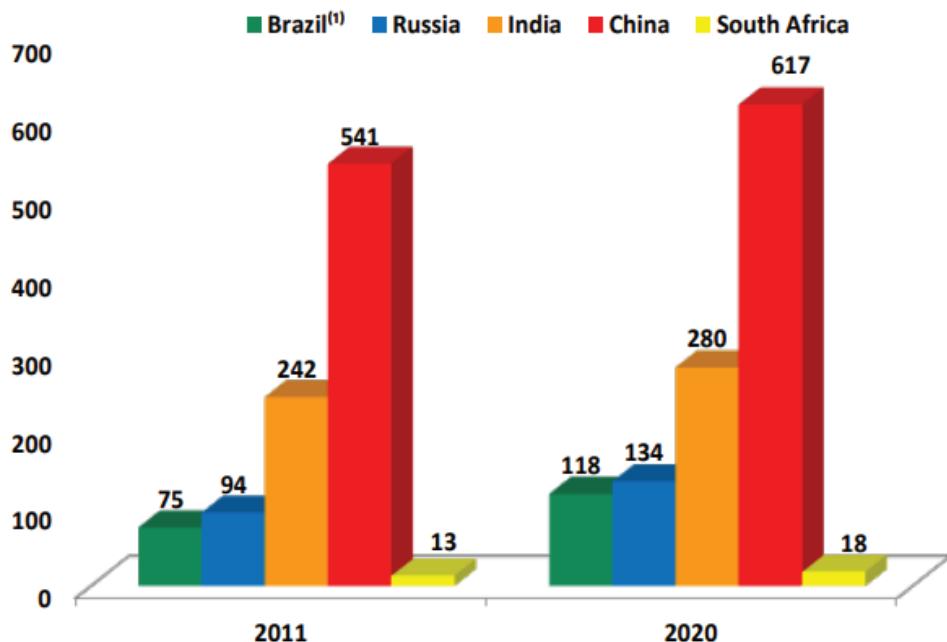
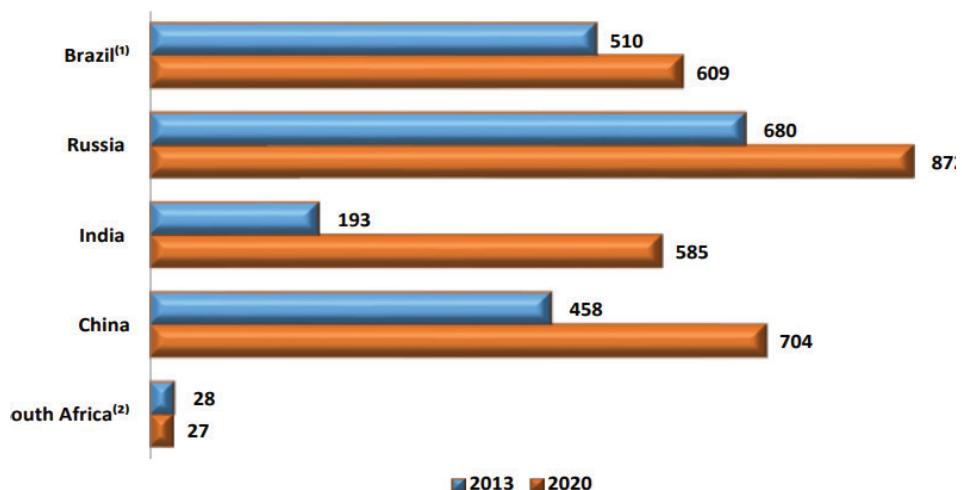

Рисунок 4. Индекс промышленного производства (цепной метод – предыдущий год принимается за 100 процентов)

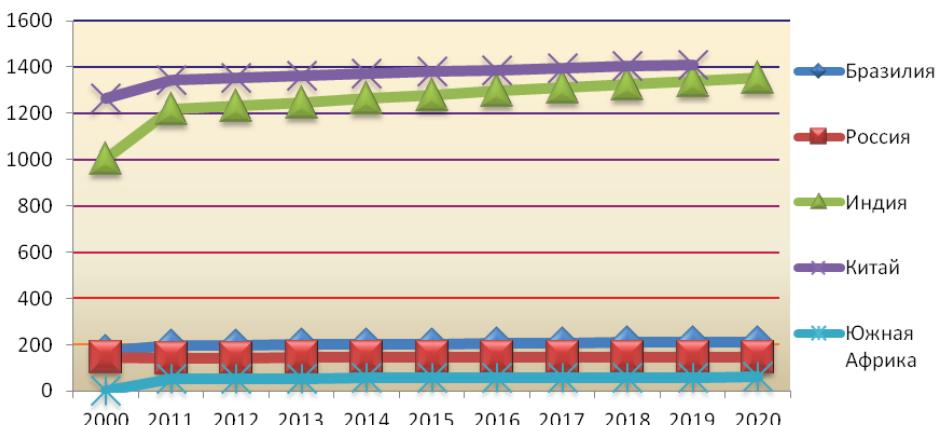
Источник: данные BRICS Joint Statistical Publication 2021.

Рисунок 5. Объем производства зерновых культур, млн. тонн

Источник: данные BRICS Joint Statistical Publication 2021.

Рисунок 6. Количество пользователей Интернета на 1000 жителей, чел.

Источник: данные BRICS Joint Statistical Publication 2021.

Рисунок 7. Индексы потребительских цен
(изменение в процентах от предыдущего года)

ональные показатели: индекс промышленного производства, количество пользователей Интернета на 1000 жителей, индексы потребительских цен. Макроуровень отражает вовлеченность стран группы БРИКС в глобальное политическое пространство, вес в котором определяется по результатам исследований D. Floyd и S. Chakraborty рядом показателей: население стран группы БРИКС, доля рабочей силы в численности населения, объем ВВП, объем производства зерновых культур. Все перечисленные показатели макроуровня и макроуровня позволяют сделать следующие выводы: 1. Наблюдается рост по всем группам показателей; 2. Основным драйвером роста выступает Китай; 3. Занимаемый вес стран группы БРИКС в общности мировых политических институтов показывает с момента основания постоянный рост. Таким образом, рассматривая страны группы БРИКС необходимо отметить, что как глобальный политический инструмент сдерживания и противовеса политическим и силовым блокам США, ЕС и Японии межгосударственное объединение укрепляет и развивает свои позиции по всем основным категориям. Страны группы БРИКС в настоящее время являются успешным инструментом глобализации политического и общественного пространства, потенциал которого, очевидно из рисунков 1-7, находится в стадии роста и в последнее время занимает значимое место на международной политической арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Akram R., Chen F., Khalid F., Huang G. & Irfan M. Heterogeneous effects of energy efficiency and renewable energy on economic growth of BRICS countries: a fixed effect panel quantile regression analysis. 2021. Energy, 215. DOI: 10.1016/j.energy.2020.119019.
2. Chakraborty S. Significance of BRICS: Regional powers, global governance, and the roadmap for multipolar world // Emerging Economy Studies. 2018. № 4 (2). DOI: 10.1177/2394901518795070.
3. Floyd D. “Assessing the potential of new emerging markets. Should the BRICS and Western markets be the sole focus for business opportunities?” // Business Strategy Series. 2012. Vol. 13. No. 6. DOI: 10.1108/17515631211286128.
4. Nayyar D. BRICS, developing countries and global governance // Third World Quarterly. 2016. № 37 (4). DOI: 10.1080/01436597.2015.1116365.

A.V. VLASOV

*Postgraduate student of the Institute
of Law and National Security Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

ASSESSING THE POTENTIAL OF BRICS IN THE MODERN POLITICAL ARENA

The study examines the transformation of the existing world order, which resulted in the emergence of a group of countries: Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS). The global pandemic has become a global challenge for modern political reality, when the BRICS countries have shown not only their viability as a political tool, but also as a sustainable socio-economic space. The object of the study is interstate stable political and socio-economic communities. The subject of the study is the potential as a complex multi-component category that determines the viability and prospects of interstate entities. The purpose of the study is to establish the potential of the BRICS group of countries as a viable interstate entity. The result of the study is the establishment and objectification of the effectiveness and viability of the BRICS interstate education on the basis of public data of official statistics.

Key words: *interstate education, regional powers, international financial institutions, global governance.*

*аспирант кафедры европейских исследований
Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

АНАЛИЗ ХРОНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В ЕС В ПЕРИОД С 2005-2020 ГОДЫ

Протесты являются одним из важнейших способов политической социализации и волеизъявления населения, законодательство стран Европейского союза не ограничивает права граждан на мирные протесты. На протяжении последнего десятилетия уровень подобной социально-политической активности существенно возрос. В статье проанализированы причины и тенденции протестного движения на территории ЕС.

Ключевые слова: общественное мнение, протест, Европейский союз (ЕС), экономический кризис, миграционный кризис.

Одним из императивов общественно-политических процессов в Европейском союзе последнего десятилетия является существенно возросший уровень протестной активности. Протесты являются одним из способов политической социализации и волеизъявления населения, важно отметить, что основной закон Европейского союза не ограничивает права граждан на мирные протесты.

Необходимо определить, является ли рост протестной активности в странах ЕС реально наблюдаемой динамикой, отражает ли он общие для объединения тенденции (или характерен для малого числа стран), соответствует ли глобальным тенденциям. В ряде исследований отмечается, что социальные медиа являются одним из значимых факторов протестной активности, в особенности этот вопрос проработан в контексте «цветных революций».

Анализ источников позволил выявить проблему информационного сопровождения анализа протестной активности в странах Европейского союза. В отдельных публикациях в периодических источниках отмечается рост уровня протестов в странах Европы на 71% за 2010-2020 годы, но детализированной информации о статистике не предоставляется. Компанией «CHAUCER» представлен аналитический отчет о состоянии социальных протестов в общемировом разрезе с оценкой по частным странам ЕС, но детальных данных по странам также не приводится.

Специалистами фонда Карнеги (Carnegie Endowment for International Peace) приводится статистика по протестам в странах Европы, но времен-

ной период ограничен 2017-2021 годами. Сотрудниками European University Institute представлены данные о протестной активности в странах Европы, период исследования ограничивается 2000-2015 годами. Дискуссионным является вопрос сопоставимости наблюдаемых данных. В материалах центра Карнеги в учет принимаются протесты численностью от 300 человек, а в материалах European University Institute – 1 человек, например, одиночный пикет. Соответственно, полученные исследователями результаты не в полной мере сопоставимы.

Как следует из аналитических материалов компании «CHAUCER», в действительности, рост протестной активности в странах Европы является частью глобального тренда, начало которому было положено на рубеже 2010-х годов и связывается специалистами компании с ухудшением экономической обстановки после глобального финансового кризиса. По данным компании, количество крупных протестов и демонстраций в мире выросло на 36% (с 355 в среднем в год до 2009 года до 482 в год после). По данным «CHAUCER», рост числа протестов вызвал повышенный интерес к страхованию забастовок, бунтов и гражданских беспорядков (SRCC) – специальной категории покрытия, которая защищает предприятия от убытков, понесенных в результате протестов и других гражданских беспорядков. Рост числа крупных протестов был заметен в Европе, а также на Ближнем Востоке и в Африке. Количество крупных протестов в Европе увеличилось на 71%, в среднем 92 в год в 2000-2009 годах и 157

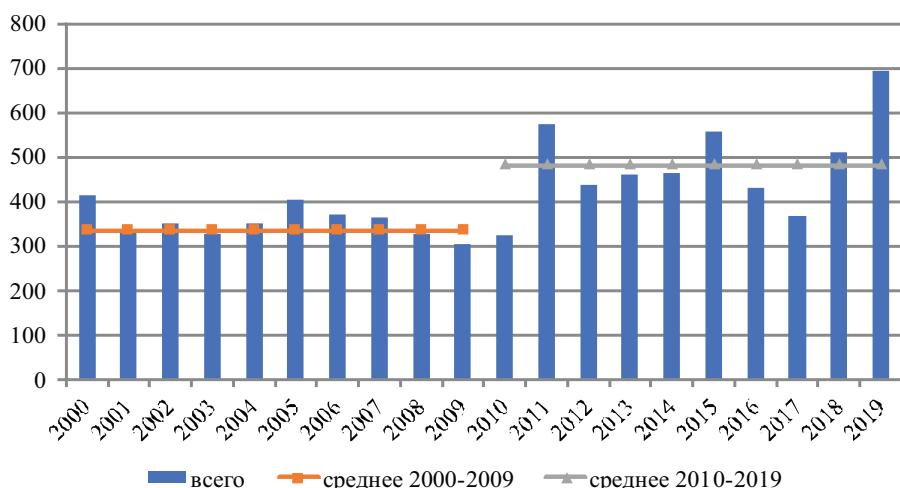

Рисунок 1. Динамика среднего количества крупных (более 100 участников) социальных протестов в странах мира (в оценках «CHAUCER»), ед.

в 2010-2019/2020 годах. При этом европейский регион не является лидером по росту количества социальных протестов. Среднегодовые показатели в регионе MENA (Ближний Восток и Северная Африка) выросли на 229% (от 22 до 72 в год), а в странах Африки к югу от Сахары – на 48% (от 59 до 88 в год). Влияние глобального финансового кризиса на государственные финансы привело к принятию мер жесткой экономии во многих странах – от сокращения расходов и уменьшения субсидий до повышения налогов. Политическая оппозиция проявилась в народных движениях и уличных протестах – от «indignados» в Испании и «gilets jaunes» во Франции до движения «Occupy» в США и других странах [9].

Социальные протесты в странах Европейского союза мотивируются как внутренними для объединения факторами, так и глобальной конъюнктурой общественно-политических отношений. Определенную роль в социальных протестах в Европейском союзе начала 2000-х годов сыграл глобальный тренд «цветных революций».

Среди внутренних факторов до 2020 года ведущую роль занимали экономика и миграционная политика. В Германии, где за последнее десятилетие прошли масштабные протесты по таким вопросам, как меры жесткой экономии ЕС и антииммигантские настроения, наблюдался самый большой рост протестов среди крупнейших европейских экономик. Число протестов выросло с 4,7 в среднем в год (2000-2009) до 16,3 (2010-2019), то есть на 247%. За тот же период во Франции произошло второе по величине увеличение и второе по количеству крупных демонстраций (с 7,1 в год до 14,8-108%) [8].

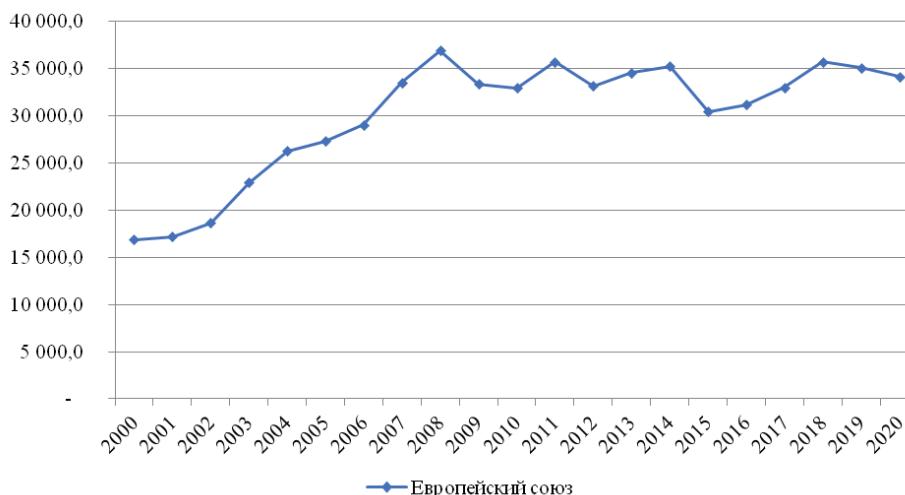

Рисунок 2. ВВП на душу населения в странах Европейского союза, 2000-2020 гг., долл. США

Мобилизационный потенциал экономической обстановки в Европейском союзе в рассматриваемый период можно оценить, как высокий. Трижды с начала 2000-х годов в странах объединения наблюдалось снижение ВВП, а после ужесточения бюджетной политики в странах PIGS (наиболее пострадавших от долгового кризиса после 2008 года) в них существенно возросла протестная активность. Разумеется, Европейский союз не является образованием с едиными параметрами ВВП на душу населения во всех странах. Но даже ВВП на душу населения наименее развитой экономики объединения (Болгарии) находится на уровне среднемировых значений, а большинство стран – опережают их. Наличие структурных диспропорций в экономическом развитии стран ЕС рассматривается, с одной стороны, как структурная проблема всего объединения, а, с другой стороны, как отражение принципиально различающихся моделей капитализма на пространстве ЕС. Подобный вывод, в целом, подтверждается результатами теоретических исследований и выступает основанием для высказывания политическими элитами и представителями населения более развитых стран сомнений в целесообразности дальнейшей интеграции. Подтверждением того можно считать механизм, согласно которому страны, чей ВРП на душу населения менее 75%, подвергаются усиленному субсидированию со стороны финансовых институтов ЕС. Как видно из приведенных данных, после 2008 года темпы роста ВВП на душу населения в странах объединения существенно снизились. Это косвенно указывает на возросшую значимость экономического фактора в мобилизации протестных настроений населения образования.

В 2008-2010 годах существенно возросла протестная активность в Греции, Испании и ряде других стран. Во многом она была мотивирована состоянием экономик этих государств – высокой долговой нагрузкой, кредитами наднациональных структур ЕС и последовавшими за этим требованиями к ужесточению бюджетной политики (в отношении социальных пособий, пенсий и т.п.). В частности, по отношению дефицита государственного бюджета к ВВП, в 2020-м году страны объединения далеко вышли за пределы установленных Мaaстрихтских критериев. Стоит признать, что ситуация 2020 года во многом обусловлена не системными проблемами Еврозоны, но воздействием на объединение кризиса на фоне пандемии COVID-19. Если рассматривать данные о состоянии дефицита бюджетов стран объединения в предшествующие периоды, ситуация не видится столь угрожающей. В то же время, и в предкризисный период наблюдались проблемы с соответствием критерию Мaaстрихтского договора у Франции, Кипра, Испании, Португалии.

Более неблагоприятна ситуация в сфере соблюдения такого Мaaстрихтского критерия как отношение государственного долга к ВВП. Как следует из данных систем национальных счетов стран Еврозоны, еще до начала связанных с пандемией COVID-19, отношение государственного долга к ВВП

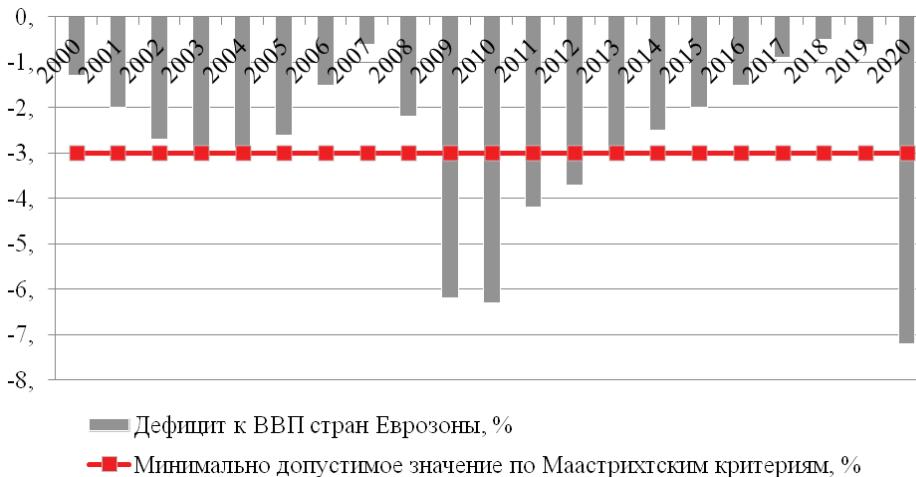

Рисунок 3. Дефицит бюджета стран Еврозоны в % к ВВП
в среднем для стран Еврозоны (в оценках Евростат)

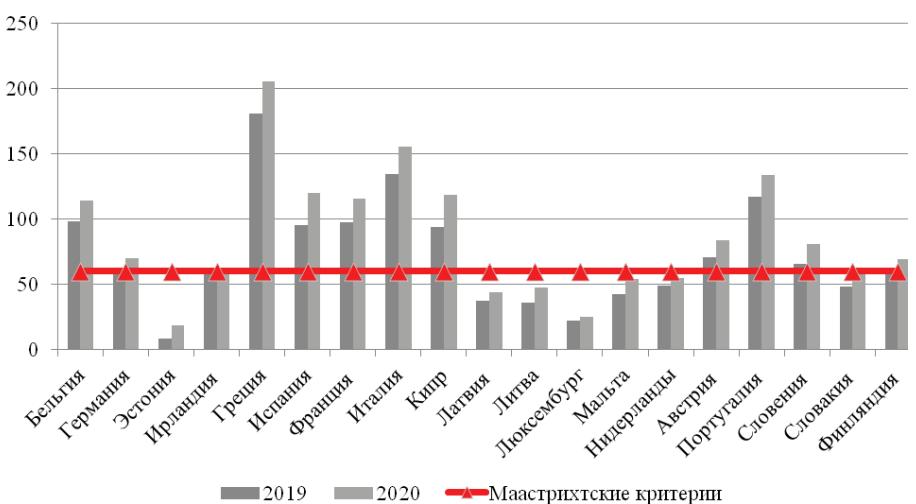

Рисунок 4. Состояние долговой нагрузки на экономики
стран Еврозоны и ЕС, отношение государственного долга к ВВП, %

превышало установленные Маастрихтскими соглашениями 60% у Бельгии, Греции, Испании, Франции, Италии, Кипра, Австрии, Португалии и Словении. В итоге часть самих стран Еврозоны не соблюдает те требования, которые предъявляет кандидатам на вступление в интеграционное объединение. Состояние долговой нагрузки на экономики стран объединения выступает одним из базовых параметров и должно расцениваться как среда накопления кризисных явлений. Интеграция в экономических системах формирует не только позитивные последствия для сближающихся экономик, но и несет в себе определенные риски и угрозы. Одной из таких угроз является подверженность экономик интегрирующихся стран действию мировых финансово-экономических кризисов.

В 2020 году пандемия коронавируса привела к крупнейшему экономическому спаду со времен Великой депрессии, усугубив нагрузку на мировую экономику, все еще находящуюся в процессе восстановления после Глобального финансового кризиса. Данные последнего десятилетия свидетельствуют о том, что в ближайшие годы после Covid-19 возникнут новые политические беспорядки. Вследствие того, что предприятия и домовладельцы оказываются без покрытия ущерба, нанесенного протестующими, они все чаще обращаются к специализированному страхованию SRCC в дополнение к своим стандартным полисам.

Одной из значимых тенденций развития миграционной политики стран ЕС на современном этапе выступает усиление миграционного регулирования на национальном уровне в основном – транзитных стран. Мотивы стран, через которые проходят транзитные потоки беженцев в Германию и Великобританию ясны, находясь в первом контакте с носителями иных культур, испытывают от миграционных процессов преимущественно негативные эффекты. Характерно, что в транзитных странах вопросы миграционной политики оказывают влияние на расстановку политических сил [1].

Совокупное влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие европейских стран, активность политических деятелей и общественных организаций привели к формированию нескольких блоков стран, каждый из которых характеризуется различным уровнем лояльности к мигрантам неевропейского происхождения. Состояние этих блоков приведено в таблице ниже. Закономерно, что уровень протестной активности по вопросам миграционной политики варьируется от страны к стране.

Принятие антикризисных мер Евросоюзом реализуется в рамках коллегиальных решений наднациональных органов (Советом ЕС, Европейской комиссией и другими), в которых страны-члены ЕС имеют формально равное присутствие. В реальности же о каком-либо равноправии говорить не вполне корректно, так как реализация антикризисной политики требует значительных финансовых ресурсов, но ресурсы эти распределены неравномерно. После того как в марте 2020 года Всемирная организация

**Группировка европейских стран по отношению
к актуальным миграционным процессам**

Блок стран, скептически настроенных по отношению к актуальной миграционной политике	Блок стран, не занимающих какой-либо активной позиции по вопросу	Блок стран, продвигающих политику интеграции и принятия мигрантов
транзитные государства, являющиеся первичными реципиентами	государства, слабо затронутые новой волной миграции	государства – вторичные реципиенты, на плечи которых ложится основная обязанность по инклузии и социальной интеграции мигрантов
Греция, Италия и Венгрия	Испания, Португалия, Прибалтика, Польша и другие	Германия, Великобритания, а также ряд других стран Северной и Центральной Европы

здравоохранения объявила вспышку коронавируса пандемией, правительства Европы предприняли беспрецедентные действия, такие как введение комендантского часа, ограничение передвижения людей, ограничение или запрет собраний. Согласно международному праву, некоторые из этих мер вышли за допустимые пределы ограничения прав во время чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения – пределы, призванные обеспечить, чтобы такие меры были соразмерными, необходимыми и недискриминационными. В своем последнем отчете CIVICUS Monitor – онлайн-инструмент, который отслеживает пространство для гражданского общества во всем мире – показывает, что правительства стран ЕС, Норвегии и Соединенного Королевства (Великобритании) ограничивали гражданские свободы под предлогом борьбы с пандемией. В частности, под ударом оказалось право на мирные собрания. Авторитарные и правые правительства в таких странах, как Венгрия, Польша и Словения, воспользовались пандемией, руководствуясь различными политическими мотивами и местными политическими условиями. Однако даже те страны, в которых люди обычно могли реализовывать свои гражданские свободы без особых препятствий, такие как Швеция, раздвинули границы ограничений. В то же время гражданское общество активизировало свою деятельность, часто вмешиваясь в ситуацию, когда правительства выходили за рамки необходимого и пропорционального для борьбы с кризисом общественного здоровья.

Монитор CIVICUS, чей отчет «Сила людей под ударом 2020» основан на сотнях, обновленных данных о гражданском пространстве, опублико-

ванных организацией в период с ноября 2019 года по октябрь 2020 года, зафиксировал задержание протестующих как наиболее распространенное нарушение гражданского пространства в Европе и во всем мире. Среди основных нарушений в странах ЕС, которые зафиксировал монитор, – задержания, цензура, ограничительные законы, чрезмерное применение силы, запугивание и преследование. Эти данные рисуют тревожную картину, осложненную пандемией: право на мирные собрания в Европе находится под угрозой.

Когда летом 2020 года ограничения на распространение коронавируса были ослаблены, правительства некоторых стран разрешили людям собираться большими группами в торговых центрах или ресторанах, но при этом продолжали ограничивать количество людей, которым разрешено собираться для проведения акций протеста. Так произошло в Швеции, где во время второй волны пандемии правительство запретило публичные собрания более восьми человек, хотя разрешило коллективным группам собираться в ресторанах, на спортивных мероприятиях и в других подобных местах. Во Франции протесты оставались под запретом, и правительство применяло этот запрет с поразительной строгостью, несмотря на то что собрания были возможны в культурной среде. Правительство продолжало запрещать протесты, несмотря на юридическое заключение Государственного совета о том, что эта мера не оправдана с точки зрения общественного здоровья.

По отношению к правоохранительным органам поступали претензии, согласно которым были использованы чрезмерная сила и неоправданные тактики для разгона протестов за нарушение мер по борьбе с пандемией. Все эти методы предполагают тесный контакт и могут привести к повышению риска заражения. Это наблюдалось в Польше во время протестов, начавшихся в октябре 2020 года против почти полного запрета на аборты, когда протестующие столкнулись с насилием со стороны полиции и задержаниями. Задержания, протестующих были зафиксированы как минимум в шестнадцати странах ЕС, а применение чрезмерной силы – как минимум в десяти государствах ЕС.

Анализируя данные European University Institute о динамике протестной активности в регионе, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, при рассмотрении общего количества протестов (от 1 участника) их пик в период наблюдения организации пришелся на 2008 год. Но в учет European University Institute не принимаются протесты после 2015 года. С этой точки зрения протесты 2008 можно считать результатом ухудшения состояния в экономике объединения. Рост количества протестов в 2015 можно считать восходящим трендом реакции общества на миграционный кризис.

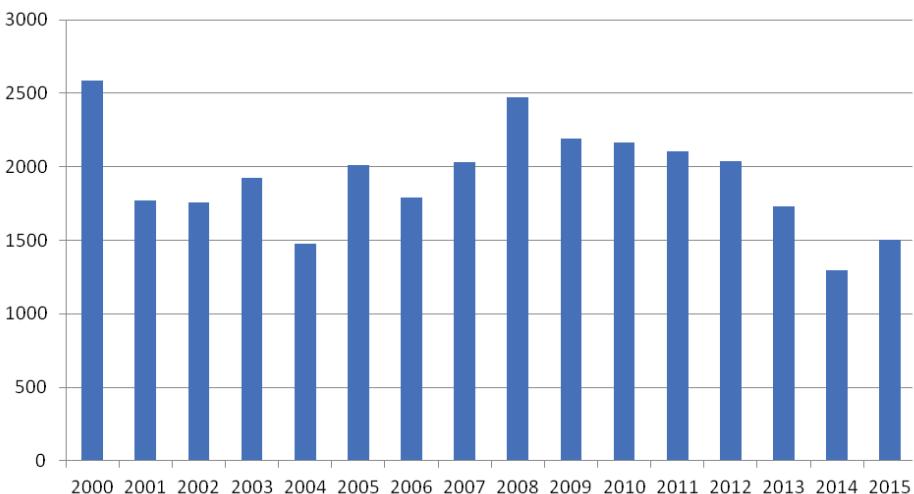

Рисунок 5. Динамика общего количества протестов всех форм в странах Европейского союза (в оценках European University Institute для периода 2000-2015 гг.), ед.

Во-вторых, рассматривая данные European University Institute исключительно о масштабных протестах (от 50 тыс. чел. участников), наблюдается несколько иная ситуация – пик протестов пришелся на 2003-2005 года. В 2010-2012 после кризиса также наблюдался рост массовых протестов, но он не был сопоставим с началом 2000-х.

Дополним данные European University Institute статистикой фонда Карнеги. Материалы фонда охватывают период 2017-2021 гг. и рассматривают протесты масштабом от 500 чел. Как следует из анализа базы данных Global Protest Tracker, в 2016-2021 годах, в странах Европейского союза, в действительности наблюдается рост протестной активности с пиком в 2020.

К числу приоритетных направлений протестов в 2017-2021 годах относятся исключительно протесты, связанные с коронавирусными ограничениями. Сопоставление данных European University Institute и Carnegie Endowment for International Peace позволяют сформулировать предположение о некорректности полного сопоставления наблюдавшихся протестов, но данные с достаточной наглядностью иллюстрируют связь социально-экономической и общественно-политической обстановки с протестной активностью:

- пик протестной активности 2008-2010 был мотивирован ухудшением состояния экономики под влиянием глобального финансового кризиса;
- в 2015 рост протестной активности происходил на фоне миграционного кризиса и кризиса еврозоны;

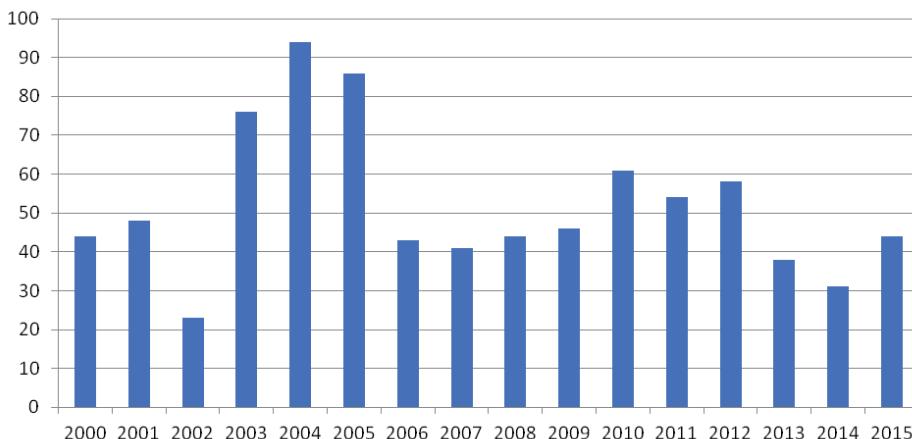

Рисунок 6. Динамика общего количества протестов всех форм с количеством участников свыше 50 тыс. чел. в странах Европейского союза (в оценках European University Institute для периода 2000-2015 гг.), ед.

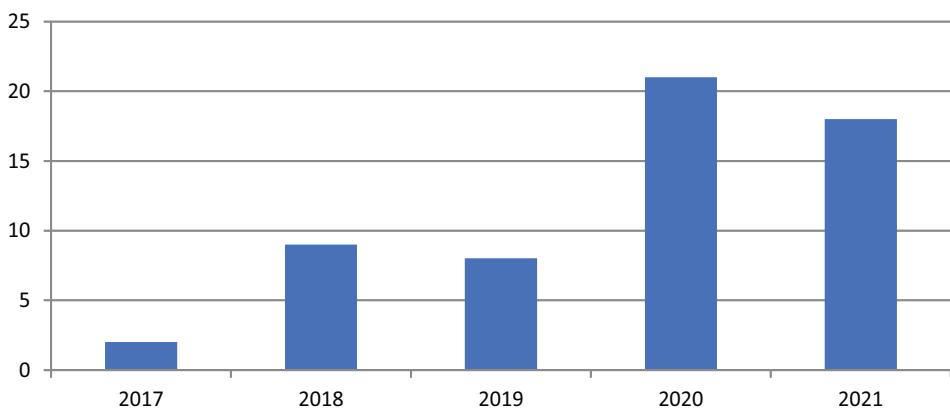

Рисунок 7. Динамика общего количества протестов всех форм с количеством участников свыше 300 чел. в странах Европейского союза (в оценках Carnegie Endowment for International Peace для периода 2016-2021 гг.), ед.

– в 2020-2021 мобилизационным фактором становятся ограничения, связанные с пандемией COVID-19.

Таким образом, статистические данные позволяют подтвердить мобильность протестной активности в регионе [7].

Климатический активизм также становится важным мобилизационным ресурсом протестов в странах Европейского союза. Несмотря на пандемию

коронавируса и беспрецедентные сопутствующие ограничения на передвижение и общественные собрания, люди не только продолжали выходить на улицы традиционными способами, но и устраивали физически дистанцированные, творческие, символические и сетевые протесты. В Польше в апреле 2020 года женщины, находящиеся на физическом расстоянии друг от друга, протестовали у супермаркета, чтобы показать свое неодобрение предлагаемых ограничительных изменений в законах страны об abortах. В октябре 2020 года, когда эти предложения были подтверждены в постановлении Конституционного трибунала Польши, протестующие продемонстрировали свою поддержку сексуальных и репродуктивных прав женщин, изобразив на своих автомобилях символ молнии Всепольской забастовки женщин. Медицинские работники в Испании устроили несколько физически дистанцированных акций протesta по поводу трудовых прав в условиях пандемии.

На фоне пандемии климатические протесты также приобрели творческий характер. В Нидерландах активисты передали символическое послание о климатическом кризисе, заполнив площадь перед парламентом Нидерландов в Гааге 1 000 ботинками со всей страны. Аналогичным образом, в Германии активисты разместили более 1 000 плакатов об изменении климата перед зданием парламента. Известная шведская климатическая активистка Грета Тунберг положила начало глобальным физически дистанцированным климатическим протестам у здания шведского парламента.

Антиправительственные протестные движения также нашли новые способы проведения демонстраций. В Хорватии группа гражданского общества Zagreb Is Calling You провела балконные протесты против работы действующего мэра во время пандемии, а также в связи с землетрясением в марте 2020 года. В Словении активисты устраивают акции протesta на велосипедах против правительства премьер-министра Янеза Янши, начиная с марта 2020 года. Кампания «Миллион мгновений за демократию» продолжала возглавлять физически дистанцированные демонстрации против правительства премьер-министра Андрея Бабиша в Чешской Республике. В Венгрии в течение более двух месяцев студенты проводили различные формы протестов против нападок правительства премьер-министра Виктора Орбана на академическую свободу в высшем образовании. Студенты провели несколько инновационных мероприятий, в том числе одно, в ходе которого они образовали цепь между парламентом и своим университетом. Эти примеры показывают, что гражданское общество демонстрирует солидарность и устойчивость, часто беспрецедентными способами. Гражданское общество дает четкий сигнал: даже в условиях глобальной пандемии, которая остановила многие аспекты жизни, люди никогда не перестанут бороться за основные свободы [6].

Таким образом, действия правительств стран Европейского союза в период пандемии COVID-19 стали одним из факторов роста социальных протестов. Но определяющим фактором они не стали, так как уже с начала 2010-х годов среднее количество протестов в странах объединения существенно возросло. Одним из факторов политической мобилизации населения Европейского союза является расхождение внутригосударственных интересов отдельных стран и общеевропейским вектором политики. Структурными причинами мобилизации населения являются проблемы в экономике, миграционный кризис, нарастающие внутри объединения движения евроскептиков. Дальнейшего исследования заслуживает то, какую роль в мобилизации населения сыграли социальные медиа, и насколько значимой для создания предпосылок тому стала модернизация модели потребления информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кулага М.В. Последствия радикализации миграционной политики в Западной Европе: социально-экономический аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3.
2. Медушевский Н.А. Влияние миграционного кризиса 2014-2016 годов на политику и социальные настроения в странах Европейского союза // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3.
3. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.
4. Data Portal on Political Conflict and Protest in Europe // European University Institute, WZB Berlin Social Science Center // <https://poldem.eui.eu/download/protest-events/>.
5. Data Portal on Political Conflict and Protest in Europe // <https://www.wzb.eu/en/research/dynamics-of-political-systems/center-for-civil-society-research/projects/daten-portal-zu-politischen-konflikten-und-protest-in-europa>.
6. Europe sees 71% rise in civil unrest protests over past decade, finds Chaucer // A Rubicon Media Ltd // <https://www.commercialriskonline.com/europe-sees-71-rise-in-civil-unrest-over-past-decade-finds-chaucer/#:~:text=Home%2FInsurance-,Europe%20sees%2071%25%20rise%20in%20civil%20unrest,over%20past%20decade%2C%20finds%20Chaucer&text=Chaucer%20said%20the%20jump%20was,during%20the%20past%20ten%20years>.
7. European University Institute, WZB Berlin Social Science Center // <https://poldem.eui.eu/download/protest-events>.
8. GDP per capita (current US\$) // World Bank national accounts data // https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true.
9. General government debt, 2019 and 2020 // Eurostat // https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:General_government_

debt,2019_and_2020_(%C2%B9)_(General_government Consolidated_gross_debt,_%25_of_GDP).png.

10. Global Protest Tracker // Carnegie Endowment for International Peace // <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker>.

11. Government deficit/surplus, debt and associated data // Eurostat // https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/gov_10dd_edpt1/default/table?lang=en.

12. Mass protests and demonstrations surge 36% globally in decade following 2008 Financial Crisis // CHAUCER // <https://www.chaucer-group.com/news/mass-protests-and-demonstrations-surge-36-globally-in-decade-following-2008-financial-crisis>.

13. Narsee A. Europeans' Right to Protest Under Threat // Carnegie Endowment for International Peace // <https://carnegieeurope.eu/2021/01/27/europeans-right-to-protest-under-threat-pub-83735>.

14. The right to peaceful protest and the proportionate use of force // European parliament // https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0127_EN.html.

K.A. NOVIKOVA

*PhD student, European studies department,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

ANALYSIS OF THE CHRONOLOGY OF SOCIAL PROTESTS IN THE EU IN THE PERIOD FROM 2005-2020

Protests are one of the most important ways of political socialization and expression of the will of the population. The European Union laws do not restrict the right of citizens to peaceful demonstrations. Over the past decade, the level of such socio-political activity has increased significantly. The article analyzes the causes and trends of the protest movement in the EU including during pandemic situation.

Key words: public opinion, protest movement, European Union (EU), economic crisis, migration crisis.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ КНДР И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Целью статьи является анализ актуальных вопросов урегулирования отношений между Северной и Южной Кореей в контексте денуклеаризации Корейского полуострова. Для этого в статье решены следующие задачи. Рассмотрены возможности воссоединения двух корейских государств в контексте трансформации северокорейского режима. Сделан вывод, что в текущих условиях является маловероятным сценарием развития. Проданализированы актуальные события последнего времени, свидетельствующие о повышении рисков дестабилизации военно-политической ситуации на территории Корейского полуострова. Для решения данных задач использованы общенаучные методы (анализ, индукция, исторический метод) и контент-анализ публичных выступлений и новостных публикаций по теме. Результатом статьи является вывод о длительном характере возможного интеграционного процесса, который неизбежно повлечет за собой множество препятствий и издержек, начиная от нынешнего режима КНДР и заканчивая экономическим и социальным планированием развития двух государств.

Ключевые слова: Северная Корея, Южная Корея, корейский полуостров, Пхеньян, Россия, воссоединение.

Актуальность обращения к проблеме военно-политических факторов интеграции государств корейского полуострова обусловлена значимостью данного вопроса для безопасности всего азиатско-тихоокеанского региона и возможной вовлеченностью России в данный процесс. Исторически ядерная угроза Северной Кореи остается одной из наиболее постоянных и сложных внешнеполитических проблем, стоящих сегодня перед государствами азиатско-тихоокеанского региона. Растущий риск, который ядерные и ракетные программы северокорейского режима Кима представляют для Южной Кореи и ее союзников, подчеркивает необходимость рассмотрения всех доступных инструментов государственного управления для достижения политических целей в отношении денуклеаризации корейского региона.

Воссоединение Кореи может произойти по двум возможным вариантам: внезапный крах режима КНДР и постепенный и взаимный переговорный процесс, который проложит путь к воссоединению. Многочисленные опросы показывают, что поддержка воссоединения среди южнокорейцев относительно высока. Среди всех возрастных групп географическое объединение Корейского полуострова неизменно занимает первое место в ответе на вопрос, что означает воссоединение. Однако между старшим и молодым поколениями существуют некоторые различия: первое придает большее значение культурному и этническому родству, а второе – предотвращению войны между РК и КНДР или улучшению экономики [5. С. 135].

Таким образом, воссоединение Кореи пользуется значительной поддержкой среди населения Южной Кореи и, несмотря на его трудности, является целью, к которой стоит стремиться. В случае КНДР решающее значение имеют информационные кампании. В отличие от Восточной Германии, которая имела хоть какую-то стабильность и экономический успех для страны Восточного блока, северокорейцы часто сталкиваются с голодом и более откровенными репрессивными средствами и, следовательно, несомненно, оценили бы выгоды, принесенные воссоединением.

Издержки воссоединения являются одним из особенно разоблачающих факторов. Реалистично, объединенная Корея, возможно, не превратится в гигантскую экономику за одну ночь или даже за несколько лет, но синергию между севером и югом, если ею разумно управлять, трудно отрицать. Самое главное, что цена воссоединения и интеграции намного ниже, чем человеческие и экономические издержки войны, которая остается возможной до тех пор, пока демилитаризованная зона остается горячей точкой.

Предполагается, что воссоединение будет мирным. Однако Вооруженные силы РК действительно должны сыграть определенную роль в воссоединении. Прежде всего, поглощение значительного объема территории огромной армией требует ее мобилизации. Во-вторых, особенно в случае внезапного краха режима, на Севере может возникнуть нестабильность. В-третьих, и это самое главное, при таком сценарии группировки внутри северокорейских вооруженных сил могут отвергнуть южную власть и спровоцировать проблемы безопасности.

Хотя воссоединение Кореи в целом поддерживается теми, кого можно было бы назвать заинтересованными сторонами в этом вопросе (ее соседями и великими державами, более или менее), Китайская Народная Республика (Китай, КНР) представляет собой наиболее сложную проблему после самой Северной Кореи. Несмотря на общественную и личную поддержку объединения, позиция Китая остается двусмысленной. Несмотря на растущее число свидетельств того, что Пекин недоволен поведением Северной Кореи, он продолжает поддерживать ее, и на карту поставлены, по крайней мере, два основных интереса: возможность беженцев и рост корейского на-

ционализма в пределах своих границ, а также размещение американских войск в Корее [2. С. 132].

Внешняя политика Южной Кореи традиционно сосредоточена на четырех странах: Соединенных Штатах, Китае, Японии и России. Хотя сегодня Москва играет меньшую роль на полуострове, внимание Сеула к этим четырем державам было необходимостью на протяжении большей части современной истории страны [1. С. 5]. С момента начала специальной военной операции России на территории Украины позиции двух Корей по рассматриваемому вопросу принципиально разделились. Северная Корея поддержала позицию России, проголосовав против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающей действия российской стороны конфликта. В то время как Южная Корея присоединилась к осуждению действий России. Вполне вероятно, что значение России в дальнейшем интеграционном процессе на Корейском полуострове может снизиться в ближайшее время.

По заявлению США Северная Корея недавно провела испытания частей новой системы межконтинентальных баллистических ракет (МБР), что было названо «серьезной эскалацией». Пхеньян заявил, что запуски 26 февраля и 4 марта были направлены на разработку разведывательного спутника. Пхеньян не проводил никаких межконтинентальных баллистических ракет или ядерных испытаний с 2017 года, хотя северокорейский лидер Ким Чен Ын время от времени намекал, что может это сделать. Соединенные Штаты и их союзники рассматривают запуски северокорейских спутников как тщательно замаскированные испытания ракетной технологии дальнего радиуса действия, запрещенной резолюциями Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Американские военные объявили, что активизируют усилия по разведке и наблюдению вблизи Северной Кореи, а также повышают готовность своих сил противоракетной обороны в регионе [6].

Публичная дипломатия обладает потенциалом для стимулирования внутренних изменений в Северной Корее – изменений, которые могут привести к улучшению условий в области прав человека, что приведет к изменению поведения режима Кима и, в конечном итоге, к денуклеаризации. Стремление вызвать изменения в поведении режима не является новой стратегией, предпочтительным инструментом которой являются экономические санкции. Однако санкции – это лишь один из путей содействия изменению поведения. Публичная дипломатия могла бы значительно расширить диапазон давления в области, к которой режим наиболее уязвим, – внутреннему давлению. Разумно предположить, что при отсутствии каких-либо фундаментальных изменений в мировоззрении Пхеньяна Северная Корея продолжит развивать свой ядерный арсенал и участвовать в актах принуждения, распространения и других незаконных действиях [4. С. 58].

10 марта 2022 на выборах президента Южной Кореи победу одержал оппозиционный кандидат Юн Сок Ёль, получивший 48,59% голосов. После

победы Юн заявил, что будет считать своим главным приоритетом «национальное единство». Новый президент может значительно изменить внешнюю политику страны, включая взаимоотношения с Северной Кореей. Юн занимает жесткую позицию по национальной безопасности и даже допускает нанесение превентивного удара для ответа на угрозы КНДР. Он также указывал на планы развернуть дополнительные подразделения американской противоракетной системы THAAD в Южной Корее для сдерживания северокорейской агрессии.

На своей первой пресс-конференции 10 марта 2022 года в качестве избранного президента Юн пообещал строго ответить на северокорейские провокации, но настаивал на том, что он открыт для диалога с Пхеньяном. Все больше похоже на то, что этот диалог не состоится в ближайшее время. К настоящему времени в этом году Северная Корея запустила 13 ракет в ходе девяти раундов запусков. Стратегия Северной Кореи на данный момент, независимо от результатов президентских выборов в Южной Корее, заключается в том, чтобы сосредоточиться на экономическом выживании и добиться максимального прогресса в своем пятилетнем плане развития обороны, насколько это возможно, пока она не будет готова вернуться к переговорам с Южной Кореей и США [3. С. 337].

Сейчас, по-видимому, особенно подходящее время для Северной Кореи, чтобы сосредоточиться на этом плане разработки оружия. Мало того, что Южная Корея переживает смену руководства, дипломатическое внимание США сосредоточено на противостоянии России и Украины. Ухудшение отношений Вашингтона с Пекином и Москвой также может повлиять на ситуацию.

Избрание Юна, скорее всего, позволит Белому дому Байдена более четко сформулировать свою политику в отношении Северной Кореи, не опасаясь трений с Сеулом. В целом следует признать, что смена руководства Южной Корея не дает возможности для построения оптимистических прогнозов на разрешение проблем денуклеаризации Корейского полуострова и дальнейшей интеграции двух корейских государств. Вероятно, принципиальная позиция нового главы южнокорейского государства создаст трудности для диалога между странами. Эскалация противостояния между Северной и Южной Кореей чревата дестабилизацией военно-политической ситуации на корейском полуострове и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Можно сделать вывод, что воссоединение двух корейских государств рассматривается как важный, но также длительный процесс, который влечет за собой множество препятствий и издержек, которые необходимо преодолеть, начиная от нынешнего режима КНДР и заканчивая экономическим и социальным планированием после этого для обеспечения стабильности. Центральной рекомендацией в процессе дипломатического урегулирования возможных разногласий между государствами корейского полуострова

является необходимость обеспечения безопасности региона и отказ от силовых методов решения возникающих споров. Дестабилизация азиатско-тихоокеанского региона несет чрезвычайно высокие риски для всего мира, поэтому дипломатические усилия двух государств должны быть направлены на минимизацию вероятности негативного сценария развития событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Карпович О.Г., Смагина Л.А. Россия и Республика Корея: итоги и перспективы сотрудничества // Международное публичное и частное право. 2021. № 2.
2. Отарчиеv A.M. Как Южная Корея реагирует на соперничество США и Китая? // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. Т. 2. № 2.
3. Палченков В.А. Состояние военного присутствия США в Южной Корее в период президентства Д. Трампа // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1.
4. Прозоровский А.С. Северная Корея: каков вектор дальнейшей эволюции? // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4.
5. Трифонов К.Г. Военная готовность Южной Кореи при президентстве Мун Чжэ Ина // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. Т. 2. № 2.
6. North Korea recently tested intercontinental missile system: BBC News // <https://www.bbc.com/news/world-asia-60702463>.

S.V. TCOI
Postgraduate student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia

MILITARY-POLITICAL FACTORS AS AN OBSTACLE TO THE INTEGRATION OF THE DPRK AND THE REPUBLIC OF KOREA

The purpose of the article is to analyze topical issues of the settlement of relations between North and South Korea in the context of the denuclearization of the Korean peninsula. To do this, the following tasks are solved in the article. The possibilities of reunification of the two Korean states in the context of the transformation of the North Korean regime are considered. It is concluded that in the current conditions it is an unlikely scenario of development. The current events of recent times are analyzed, indicating an increase in the risks of destabilization of the military-political situation on the territory of the Korean peninsula. To solve these problems, general scientific methods (analysis, induction, historical meth-

od) and content analysis of public speeches and news publications on the topic were used. The result of the article is the conclusion about the long-term nature of the possible integration process, which will inevitably entail many obstacles and costs, starting from the current regime of the DPRK and ending with the economic and social planning of the development of the two states.

Key words: North Korea, South Korea, Korean peninsula, Pyongyang, Russia, reunification.

*аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ТАИЛАНДОМ И РОССИЕЙ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Статья посвящена текущему состоянию экономического сотрудничества между Таиландом и Россией. Цель – изучить текущие проблемы Таиланда, а также потенциальные возможности для экономического сотрудничества с Россией. Неолиберализм и теория связей (Linkage Theory: теория взаимопересечения внутриполитической и международной систем) используются в качестве концептуальной основы в данном исследовании для изучения возможностей и препятствий для экономического сотрудничества между двумя странами. При анализе собранных данных используются качественные методы исследования. Эта статья основана на углубленном анализе как первичных, так и вторичных данных.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработка соглашения о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом в настоящее время является возможностью для укрепления таиландско-российского экономического сотрудничества. Однако препятствиями для сотрудничества являются действующие правила Евразийского экономического союза, торговые конкуренты Таиланда в Юго-Восточной Азии, пандемия коронавируса, влияющая на экспорт товаров и поездки, а также внутренние политические проблемы Таиланда и методы реализации его внешней политики. Новизна статьи заключена в выводе о значительной роли правительств государств и международных организаций в развитии экономического сотрудничества. Возможности и препятствия двустороннего экономического сотрудничества в настоящий период – это новые инициативы и торговые барьеры, возникшие в дополнение к предыдущим. Кроме того, данные в этой статье являются самой актуальной информацией и позицией тайской стороны. Выводы этой статьи полезны людям, которые интересуются экономическими связями Таиланда и России.

Ключевые слова: Таиланд, Россия, экономическое сотрудничество, Евразийский экономический союз, пандемия коронавируса, возможности, вызовы, препятствия.

Введение. Отношения между Таиландом и Россией основаны на политическом и дипломатическом взаимодействии. Таиланд и Россия стремятся расширить двустороннее сотрудничество во всех аспектах. В частности, обе стороны уделяют внимание экономическому сотрудничеству, поскольку благосостояние народа является одним из национальных интересов государства. Экономическое сотрудничество между Таиландом и Россией основано на государственном механизме, который управляет деятельностью как государственного, так и частного сектора. Правительства формируют механизмы для обсуждения и поддержки, государственный и частный секторы подписывают соглашения, касающиеся политики, торговли, инвестиций, культуры и туризма, безвизового режима, образования, энергетики, военной сферы, сельского хозяйства. Двусторонние механизмы и соглашения сыграли решающую роль в поддержке сотрудничества между Таиландом и Россией, а объем торговли между ними значительно вырос с 2000-х годов. В 2015 году Россия предложила премьер-министру Таиланда обсудить вопрос о заключении соглашения о свободной торговле между Таиландом и Евразийским экономическим союзом. Это новая инициатива, направленная на развитие торгового сотрудничества между Таиландом и Россией, а также государствами – членами Содружества Независимых Государств. С другой стороны, нынешнее экономическое взаимодействие еще не достигло оптимального уровня. Влияние на обе страны оказывают политические инциденты и внутренние экономические факторы. Кроме того, на сотрудничество Таиланда с Россией влияет международная политика.

В этой статья автор уделяет внимание текущему экономическому сотрудничеству между Таиландом и Россией. В настоящее время наблюдается период активного сотрудничества и разнообразных экономических взаимодействий. Автор рассматривает возможности, которые появились после 2015 года, в связи с проведением Таиландом активной политики в отношении России и принятием Россией программы «Поворот на восток». Однако Таиланд и Россия сталкиваются с новыми вызовами и препятствиями, которые оказывают влияние на их отношения. В этом исследовании авторы рассматривают факторы, способствующие возникновению препятствий. Автор использует теорию неолиберализма для изучения двустороннего экономического сотрудничества. Можно утверждать, что правительства двух стран выполняют важную роль в поддержке и развитии экономического сотрудничества. Кроме того, автор применяет теорию связей для изучения внутренних и внешних факторов Таиланда и России, которые влияют на сотрудничество между двумя странами.

Текущие экономические отношения. В 1990-х годах объем торговли между Таиландом и Россией постепенно увеличивался. Из-за экономического кризиса в Таиланде в 1997 году и в России в 1998 году объем двусторонней торговли сократился. Таиланд всегда имел дефицит торгового

баланса с Россией. Основными статьями экспорта Таиланда в Россию были сельскохозяйственные товары, такие как сахар, каучук и рис, а также промышленные товары, такие как мыло, косметика, средства по уходу за кожей, автомобили и кондиционеры. Импорт Таиланда из России включал железо, сталь, металлическую руду, удобрения, бумагу, синтетический каучук и другие товары [11. С. 47-49]. Экономический кризис в России привел к сокращению инвестиций между этими странами, поскольку Таиланд не решался инвестировать в Россию по причине языкового барьера, географической удаленности и незнакомой экономической структуры [16. С. 237].

Во время правления премьер-министра Таксина Чиннавата с 2002 по 2005 год Таиланд пытался наладить сотрудничество с Россией в различных аспектах. Можно утверждать, что в тот период сотрудничество было всеобъемлющим и прочным. По итогам государственного визита в 2002 году обе стороны подписали Соглашение о сотрудничестве в области туризма, Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений и Соглашение о взаимном отказе от визовых формальностей для владельцев дипломатических и служебных паспортов. В 2005 году обе стороны подписали Соглашение об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан Российской Федерации и подданных Королевства Таиланд, которые вступило в силу 24 марта 2007 года. Это важное соглашение, которое сегодня способствует развитию туризма и укреплению взаимопонимания между народами. В 2009 году обе страны подписали Соглашение о сотрудничестве между Российско-тайландинским деловым советом и Таиландско-российским деловым советом и Соглашение о документации между Экспортно-импортным банком Таиланда (ЭКСИМБАНК) и Внешторгбанком России [4. С. 71-72].

Премьер-министр России Дмитрий Медведев посетил Таиланд с официальным визитом в 2015 году. Обе страны подписали пять правительственный соглашений между двумя правительствами и пять соглашений между частным сектором Таиланда и частным сектором России [3]. Среди важных правительственный соглашений – Программа совместных действий в сфере туризма на 2015-2017 годы и Меморандум о взаимопонимании и партнерстве между Советом по инвестициям Королевства Таиланд и Министерством экономического развития Российской Федерации. Частные соглашения включали Меморандум о взаимодействии между ОАО «Российские железные дороги» и тайландинской компанией «Банпу Паблик Компани Лимитед» по проекту строительства железнодорожной инфраструктуры и морского угольного терминала на о. Калимантан (Индонезия), также Меморандум о взаимопонимании между Государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования Московским государственным областным университетом и Технологическим колледжем «Сайам» (Таиланд).

Премьер-министр Таиланда генерал Прают Чан-оча посетил Россию 17-19 мая 2016 года, а также принял приглашение Президента принять участие в Юбилейном саммите Россия-АСЕАН 19-20 мая 2016 года. Результатом стало подписание соглашений о сотрудничестве между правительствами и частным сектором [2]. Среди важных соглашений можно отметить Меморандум о взаимопонимании по развитию торгово-экономического сотрудничества между Министерством торговли Таиланда и Министерством экономического развития России, Меморандум между Правительством Рязанской области, Российским фондом прямых инвестиций и компанией «Чароен Покпанд Групп» (Таиланд) о строительстве на территории Рязанской области современного молочно-товарного комплекса полного цикла и Меморандум о взаимопонимании между ПАО «Газпром» и Таиландской национальной нефтегазовой компанией «Паблик Компани Лимитед Пи-Ти-Ти».

В 2018 году министр торговли Таиланда, и министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, подписали меморандум о взаимопонимании. Стороны договорились сотрудничать в области обмена торговой информацией для достижения взаимного понимания торговой политики и правил, таких как интеллектуальная собственность, торговая конкуренция и меры торговой защиты, защита прав потребителей, санитарные и фитосанитарные меры, технические регламенты и инвестиционные правила.

В рамках современного развития экономического сотрудничества между Таиландом и Россией 22 октября 2020 года в режиме видеоконференции состоялось 4-е заседание таиландско-российской подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Обе стороны договорились расширять и развивать экономическое и торговое сотрудничество, например, обе стороны стремятся увеличить объемы двусторонней торговли до 10 млн долларов США в 2023 году, восстановить туризм между Таиландом и Россией после пандемии коронавируса, провести переговоры по соглашению о свободной торговле между Таиландом и Евразийским экономическим союзом и согласовать новый Меморандум о взаимопонимании по расширению торгово-экономического сотрудничества для укрепления двустороннего сотрудничества [5].

С 1993 года Совместная таиландско-российская комиссия по двустороннему сотрудничеству служит механизмом укрепления и расширения двусторонних отношений. Кроме того, были учреждены Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, Подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству, а также Рабочая группа по банковскому и финансовому сотрудничеству, Совместная рабочая группа по энергетическому сотрудничеству [12]. Проводятся заседания Совместной рабочей группы между Евразийской экономической комиссией и Министерством торговли Таиланда, 2-е заседание состоялось в сентябре 2021 года.

По данным торговой статистики Таиланда к концу 2020 года товарооборот составил 2 464 млн долларов США, при этом экспорт Таиланда составил 726 млн долларов США, а импорт – 1 738 млн долларов США, что привело к отрицательному сальдо в размере 1 013 мин долларов США. Россия была на 29-м месте среди торговых партнеров Таиланда.

Основными статьями экспорта Таиланда в Россию были автомобили и запчасти к ним, изделия из резины, продукты переработки фруктов, машины и оборудование, кондиционеры и оборудование, драгоценные металлы и камни, распределительные щиты и электрические панели управления, пластмассы, косметические или туалетные принадлежности и натуральный каучук. Основными статьями импорта Таиланда из России были сырая нефть, черные металлы и изделия из них, удобрения и инсектициды, родентициды, фунгициды, гербициды, зерновые, уголь, алюминий и изделия из него, свежая и замороженная рыба, растительное масло и драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия [20].

Во время визита премьер-министра Таиланда в Россию в мае 2016 года Таиланд и Россия договорились увеличить объем торговли между обоими государствами в 5 раз, с 2 000 млн долларов США до 10 000 млн долларов США в течение 2020 года. Однако объем двусторонней торговли составил 3 023, 3 490 и 3 105 млн долларов США в 2017, 2018 и 2019 годах соответственно. Когда в 2020 году произошла вспышка коронавируса, торговля и поездки между странами прекратились, что повлияло на экономическое сотрудничество обеих сторон.

Что касается объема тайских инвестиций в Россию, то он все еще довольно низкий. Объем инвестиций из Таиланда в Россию в 2018 году составил 3 149 млн долларов США. В России есть несколько тайских предприятий: компанией «Чароен Покпанд Груп» (завод по производству комбикормов и выращиванию свиней и кур, запущен в 2009 году), «Вэахаус Компани» and «Феннел Компани» (производство косметики) и «Дуде Компани» (спа-салон и ресторанный бизнес) [22]. Расширилось сотрудничество в области банковских услуг, например, ЭКСИМБАНК способствует организации и упрощению ведения торговых и инвестиционных операций между Таиландом и Россией. В настоящее время ЭКСИМБАНК имеет 12 банков-корреспондентов, осуществляющих платежи между Таиландом и Россией [23]. Сложность правового и инвестиционного законодательства в России влияет на объем тайских инвестиций в Россию.

В 2018 году российские инвестиции в Таиланд при инвестиционной поддержке Таиланд составили 396,75 млн долларов США (9), включая разведение осетровых и производство икры (тайско-российское совместное предприятие), «Амек Индастриз» (деревянная мебель), «Формика-Фианит» (проекты по производству цветных камней и бриллиантов, кубического циркония и нано кристаллов) и «Аспак» (торговый посредник тайско-рос-

сийского совместного предприятия, например, химических удобрений, химикатов, оборудования, ювелирных изделий и экспорт маниоки и составляющих компьютеров) [15].

Новые вызовы для экономических отношений Таиланда и России: возможности и препятствия. Соглашение о свободной торговле между Таиландом и Евразийским экономическим союзом. Экспортный сектор является ключевым сектором экономики Таиланда. Таиланд пытается выйти на новые рынки и выступает за создание зон свободной торговли для содействия расширению торговли. Торговые отношения между Таиландом и Россией продолжают развиваться. Таиланд заинтересован в заключении соглашения о свободной торговле с Россией. Таиланд предпринимал попытки изучить возможность создания зоны торговли между Таиландом и Россией с 2008 года [18]. После вступления России в Евразийский экономический союз Таиланд не смог подписать соглашение о свободной торговле с Россией. В результате, если Таиланд желает сделать это, он должен заключить ЗСТ с ЕАЭС [7].

Россия предложила новую инициативу сотрудничества, которой стало Соглашение о свободной торговле между Таиландом и Евразийским экономическим союзом, которое было инициировано российской стороной во время визита премьер-министра России в 2015 году. Российская сторона выразила стремление убедить другие государства-члены поддержать заключение соглашения о свободной торговле с Таиландом. 19 ноября 2018 года Таиланд подписал Меморандум о сотрудничестве с Евразийской экономической комиссией, а 4 июня 2019 года в Таиланде состоялось первое заседание Совместной рабочей группы между Таиландом и Евразийской экономической комиссией.

Преимущества, которые получит Таиланд, заключаются в создании новых рынков, расширении экспорта и каналов сбыта. Таиланд может использовать Россию в качестве узлового пункта для стран Кавказа и Центральной Азии. Таиланд также может воспользоваться инвестиционными возможностями и доступом к ресурсам в государствах-членах Евразийского экономического союза. Тайские инвесторы смогут распространить свой бизнес на государства-члены Евразийского экономического союза [6].

Несмотря на то, что Таиланд и Россия официально не имеют соглашения о свободной торговле, Таиланд пользуется Всеобщей системой преференций России (ВСП) с 1965 года, от ЕАЭС, введенной в действие 1 января 2010 года. Тайский экспорт, включая сельскохозяйственную продукцию (мясо, продукты рыболовства, молочные продукты, свежие и обработанные овощи и фрукты, кофе, рис, муку из тапиоки, приправы, натуральный каучук), шелк и мебель, подпадают под действие ВСП [8].

С другой стороны, ЕАЭС исключил Таиланд из списка стран, имеющих право на ВСП, с 12 октября 2021 года. Отмена тарифных привилегий ВСП

приведет к тому, что тайский экспорт, в частности, сельскохозяйственная продукция, будет облагаться по обычной тарифной ставке. Когда ЕАЭС лишит Таиланд статуса страны, имеющей право на ВСП, Россия аналогичным образом лишит Таиланд привилегий ВСП, поскольку Россия ратифицирует договор ЕАЭС, который имеет приоритет над национальными законами России. Кроме того, Таиланд не подписал соглашение с ЕАЭС, а преимущества, заявленные ЕАЭС, не были реализованы между ЕАЭС и Таиландом. Вьетнам, страна АСЕАН с наибольшей долей на российском рынке, будет иметь большее преимущество, поскольку Евразийский экономический союз и Вьетнам заключили соглашение о свободной торговле, которое освобождает большинство вьетнамских товаров от импортных пошлин [13].

Торговая конкуренция между Таиландом и странами Юго-Восточной Азии. Вьетнам – одна из стран Юго-Восточной Азии, с которой Таиланд конкурирует в плане торговли. В 2015 году Вьетнам и Евразийский экономический союз подписали соглашение о свободной торговле. Соглашение вступило в силу 5 октября 2016 года [17]. Таиланд и Вьетнам считаются конкурентами в экспортне продукции, поскольку они производят много видов схожей сельскохозяйственной и промышленной продукции, например, рис и текстиль. В последнее время мощность по производству текстиля в Таиланде сократились, в то время как мощности по производству текстиля во Вьетнаме остались неизменными [14].

Сингапур – еще одна страна, которая стремительно наращивает товарооборот с Россией. Сингапур отдает приоритет либерализации услуг и инвестиций, а не товарам и услугам, особенно с услугами. 1 октября 2019 года две страны подписали соглашение о свободной торговле, причем Сингапур стал второй страной Юго-Восточной Азии, заключившей такое соглашение. Это первое всеобъемлющее соглашение о свободной торговле ЕАЭС, охватывающее товары, интеллектуальную собственность, электронную торговлю, трудоустройство на государственном уровне, торговую конкуренцию и окружающую среду [9].

Можно сказать, что Вьетнам и Сингапур приступили к значительному развитию экономического сотрудничества с Евразийским экономическим союзом. Таиланд упустит возможности для расширения торговли с Россией и ЕАЭС, если будет медленно вести переговоры.

Вспышки коронавирусной инфекции и экономика России. Вспышка коронавирусной инфекции оказала значительное влияние на мировую торговлю. Таиланд и Россия также испытывали трудности в связи с осуществлением различных мер по борьбе с коронавирусом, таких как приостановлением поездок. Кроме того, потребителей беспокоит состояние внутренней и международной экономики [21]. Эпидемия является одним из препятствий для торговли между Таиландом и Россией. Но учитывая внутренние факторы Таиланда и России, есть события, которые влияют на их внутренние экономики.

Если рассматривать российские факторы, влияющие на экспорт Таиланда с 2014 года, то это спад, вызванный экономическими санкциями Запада из-за Украины, которые начались в 2014 году. Санкции повлияли на торговый и экспортный секторы России, а также на доверие инвесторов, что привело к падению курса рубля [10]. Кроме того, в 2014-2015 годах наблюдалась нестабильность мировых цен на нефть. Это привело к ослаблению рубля. В 2017 году российская экономика восстановилась благодаря собственной экономической политике России, которая включала поощрение иностранных инвестиций и расширение сельскохозяйственного сектора, поиск экспортных рынков, а также рост мировых цен на нефть [19]. Однако во время эпидемии коронавируса на российскую экономику повлияло снижение мирового спроса на нефть, увеличение добычи нефти в Саудовской Аравии и снижение курса рубля. Такие обстоятельства влияют на поведение потребителей в отношении расходов. Это касается товаров не первой необходимости, таких как драгоценности и ювелирные изделия. Между тем, экспортёры свежих и переработанных продуктов питания и фруктов столкнулись с проблемами, вызванными нехваткой морских контейнеров и ростом цен на фрахт, особенно в связи с географической удалённостью России от Таиланда. Если рассматривать объем торговли между Таиландом и Россией, когда Россия подверглась санкциям со стороны Запада в 2015 и 2016 годах, то объем торговли значительно снизился. Однако в 2017 году объем торговли немного восстановился, хотя и не до уровня 2014 года.

Внутренняя политика Таиланда и реализация внешней политики. Экономическое сотрудничество между Таиландом и Россией в основном определяется ролью правительства. Несмотря на то, что две страны поддерживают дипломатические отношения уже почти 125 лет, экономические отношения все еще находятся на ранней стадии развития. В результате правительство играет важную роль в развитии и поощрении взаимодействия частного сектора между двумя странами. Если рассматривать факторы Таиланда, влияющие на экономическое сотрудничество после политического инцидента в 2014 году, то темпы экономического роста и объем торговли снизились. Политические перемены привели к непоследовательности в проведении экономической политики, что препятствует развитию отношений между Таиландом и Россией. Более того, в те времена лицами, принимающими решения, были политики, а не специалисты в области экономики. Можно сказать, что политические инциденты оказывают влияние на экономические возможности. Таиланд стремится сосредоточиться на экономических отношениях со значимыми торговыми партнерами, такими как Китай, Япония, США и Европейский союз.

После 2014 года Таиланд сблизился с Китаем и Россией и сделал их приоритетными направлениями, чтобы добиться международного признания и уменьшить зависимость от США и западных стран. Россия имеет

свой стимул для ускорения сотрудничества с Таиландом. Например, политика России претерпела изменения и стала больше ориентирована на азиатские страны, включая Таиланд, с целью развития экономических, торговых, энергетических отношений и отношений в области безопасности. Россия рассматривала Юго-Восточную Азию как потенциальный экспортный рынок энергоносителей и вооружений и убедила страны Юго-Восточной Азии инвестировать в российский Дальний Восток [1]. Возглавляемый Россией Евразийский экономический союз предложил создать зону свободной торговли с Таиландом в 2015 году. Это пример вовлечения России в дела Юго-Восточной Азии. Можно заметить, что факторы Таиланда, включая внутреннюю политику и конфликт с США, и факторы России, такие как конфликт с Западом, оказывают влияние на двустороннее сотрудничество. В результате и Таиланд, и Россия сосредоточены на расширении своих политических и экономических связей.

Вывод. Россия является привлекательным рынком для Таиланда, благодаря своей огромной экономике и населению. Развитие отношений, особенно заключение ССТ с ЕАЭС, рассматривается как возможность для двустороннего экономического сотрудничества. Экономическая система Таиланда опирается на международную торговлю, и экспорт является важнейшей частью тайской экономики. Таиланд пользовался Всеобщей системой преференций от своих торговых партнеров, но в настоящее время Евразийский экономический союз, в который входит Россия, уже отменил ВСП, что привело к неопределенности тайского экспорта. Подписание соглашения о свободной торговле с ЕАЭС поможет Таиланду преодолеть барьеры для входа на российский рынок, а также Таиланд сможет экспорттировать тайские товары и услуги при одновременном снижении тарифных и нетарифных барьеров. Кроме того, благодаря соглашению о свободной торговле с ЕАЭС Таиланд мог бы получить новых экономических партнеров, поскольку Россия могла бы служить узловым центром для Содружества Независимых Государств и государств-членов ЕАЭС, что позволило бы Таиланду расширить свой торговый рынок на эти страны.

Основными факторами, влияющими на экономическое сотрудничество между двумя странами, являются отсутствие политической стабильности в Таиланде, последовательность тайской внешней политики, санкции Запада в отношении России, эпидемия коронавируса, влияющая на тайский экспорт и российское потребление тайских продуктов, а также новые правила ЕАЭС. В силу этих факторов Таиланд утрачивает способность к торговой конкуренции на российском рынке.

Таиланд может использовать АСЕАН как платформу для двустороннего и многостороннего взаимодействия для изучения возможности сотрудничества и ускорения переговоров друг с другом. Таиланд может использовать события этого года, такие как 125-летие дипломатических отношений меж-

ду Таиландом и Россией, а также проведение в Таиланде саммита АТЭС-2022, в качестве платформы для укрепления отношений между Таиландом и Россией после кризиса, вызванного эпидемией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. กุณิช จอมใจ. ในการกลับสู่ความเป็นมาอีกครั้งของรัสเซีย: ศึกษากรณีวิกฤตการณ์โควิดเมือง / จุลสารความมั่นคงศึกษา (พ.ค.-มิ.ย. 2560) ฉบับที่ 185-186; บรรณาธิการ สุรชาติ บำรุงสุข. กรุงเทพฯ: สถาบันท่าข่ายกรองสำนักท่าข่ายกรองแห่งชาติ, 2560. 81 หน้า.
2. กระทรวงการต่างประเทศ, ศูนย์ข่าว. นายกรัฐมนตรีเข้าร่วมการประชุมสุดยอดผู้นำอาเซียน-รัสเซีย ที่เมืองโซchi ประเทศรัสเซีย // กระทรวงการต่างประเทศ. 2559. สืบค้นจาก // <https://www.mfa.go.th/th/content/5d5bcfef15e39c306001c62d?cate=5d5bcb4e15e39c306000683b> (สืบค้นเมื่อวันที่: 8 มกราคม 2565).
3. กระทรวงการต่างประเทศ, ศูนย์ข่าว. นายดมิตรี เมเดฟ นายกรัฐมนตรีสหพันธ์รัสเซีย เดินทางเยือนไทยอย่างเป็นทางการ ระหว่างวันที่ 7-8 เมษายน 2558. 2558 // กระทรวงการต่างประเทศ. สืบค้นจาก // <http://www3.mfa.go.th/main/th/media-center/28/55351-นายดมิตรี-เมเดฟ-นายกรัฐมนตรีสหพันธ์รัสเซีย-เดินทางเยือนไทย.html> (สืบค้นเมื่อวันที่: 8 มกราคม 2565).
4. กระทรวงการต่างประเทศ, สำนักนโยบายต่างประเทศ. รายงานประจำปีกระทรวงการต่างประเทศ พ.ศ. 2552. กรุงเทพฯ : เอ็ม.ไอ.ดับบลิว. กรุ๊ป, 2553. 239 หน้า.
5. กระทรวงพาณิชย์, กรมเจรจาการค้าระหว่างประเทศ. จุรินทร์ อดมีขา กระตุ้นความร่วมมือ ด้านการค้ามูลค่าหมื่นล้านเหรียญสหรัฐ // กรมเจรจาการค้าระหว่างประเทศ. 2563. สืบค้นจาก // <https://www.dtn.go.th/th/news/-จุรินทร์-อดมีขา-กระตุ้นความร่วมมือ-ด้านการค้ามูลค่าหมื่นล้านเหรียญสหรัฐ?cate=5cff753c1ac9ee073b7bd1c5> (สืบค้นเมื่อวันที่: 4 มกราคม 2565).
6. กระทรวงพาณิชย์, กรมเจรจาการค้าระหว่างประเทศ, สำนักยุโรป. ข้อมูลการค้าไทย-สหภาพยุโรปเรซิช // กรมเจรจาการค้าระหว่างประเทศ. 2561. สืบค้นจาก // <https://www.uat-web.dtn.go.th/th/country-data>. (สืบค้นเมื่อวันที่: 8 มกราคม 2565).
7. กระทรวงพาณิชย์, กรมเจรจาการค้าระหว่างประเทศ, สำนักยุโรป. EAEU ก้าวต่อไปของไทย-รัสเซีย // การสารการค้าระหว่างประเทศ. เมษายน-มิถุนายน 2559. ปีที่ 3. ฉบับที่ 12. หน้า 10-13.
8. กระทรวงพาณิชย์, กรมส่งเสริมการค้าระหว่างประเทศ. สภาพแวดล้อมธุรกิจยุโรปให้สอดคล้องกับ GPS แก่ไทย // กรมส่งเสริมการค้าระหว่างประเทศ. 2560. สืบค้นจาก // http://www.ditp.go.th/ditp_web61/article_sub_view.php?filename=contents_attach/168531/168531.pdf&title=168531&cate704&d=o (สืบค้นเมื่อวันที่: 4 มกราคม 2565).
9. กระทรวงพาณิชย์, กรมส่งเสริมการค้าระหว่างประเทศ. หลักประกันของไทย FTA กับ EAEU // กรมส่งเสริมการค้าระหว่างประเทศ. 2564. สืบค้นจาก // http://www.ditp.go.th/ditp_web61/article_sub_view.php?filename=contents_attach/568861/568861.pdf&title=568861&cate=704&d=o (สืบค้นเมื่อวันที่: 30 กันยายน 2564).
10. ระบุชื่อพัฒนาสุกุล พัชพล. ปรับโภคภัณฑ์ มองรัสเซีย โอกาสของธุรกิจไทย // ธนาการแห่งประเทศไทย Focused and Quick (FAQ) Issue 172 (June 26, 2020). 2563. สืบค้นจาก // https://www.bot.or.th/Thai/AboutBOT/InternationalCooperation/Doc_Articles/FAQ_Russia.pdf (สืบค้นเมื่อวันที่: 5 มกราคม 2565). 11 หน้า.
11. ชินวราราม จุลเชษฐ์. สถานะรัสเซีย ไทย การทุตการเมือง การเมืองการทุต อดีต ปัจจุบัน อนาคต. กรุงเทพฯ : สำนักพิมพ์มหาวิทยาลัยธรรมศาสตร์, 2556. 125 หน้า.
12. ดิษฐบูรณะ อิทธิ. เอกสารประกอบการบรรยาย รู้จริง ทำได้ ในรัสเซีย // กองส่งเสริมการลงทุนไทยในต่างประเทศ สำนักงานคณะกรรมการส่งเสริมการลงทุน. 2561. สืบค้นจาก // https://www.itd.or.th/wp-content/uploads/2021/06/ekson_rus.pdf

content/uploads/2018/08/5.TOISC14-15_180818_.pdf (สืบค้นเมื่อวันที่: 4 มกราคม 2565).10 หน้า.

13. ธนาคารเพื่อการส่งออกและนำเข้าแห่งประเทศไทย. สถาบันการเงินไทยเรซิเดนซ์สิตี้ GSP // EXIM Thailand. 2564. สืบค้นจาก // <http://kmc.exim.go.th/detail/economy-news/20210429101651>. (สืบค้นเมื่อวันที่: 30 กันยายน 2564).

14. พนิดพงศ์ศรี ชนวัฒน์ และ จรุญพิพัฒน์กุล นัชพล. เจาะลึกความสามารถในการแบ่งปันของเวียดนาม // ธนาคารแห่งประเทศไทย Focused and Quick (FAQ) Issue 178 (October 30, 2020). สืบค้นจาก // <https://www.bot.or.th/Thai/MonetaryPolicy/ArticleAndResearch/Pages/FAQ178.aspx>. (สืบค้นเมื่อวันที่: 5 มกราคม 2565).14 หน้า.

15. พูนเข้า จิตติภาร. ความสัมพันธ์ไทยรัสเซีย: กำลังสู่ทุนส่วนยุทธศาสตร์. กรุงเทพฯ: โรงพิมพ์จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2557. 165 หน้า.

16. กิริมนต์ ร่มย. รายงานวิจัยเรื่อง โครงการวิจัยรัสเซียใหม่และคู่ทางความสัมพันธ์กับไทย. กรุงเทพฯ: สำนักงานกองทุนสนับสนุนการวิจัย, 2548. 298 หน้า.

17. ลักษณ์ สารพงษ์. เวียดนามกับสถาบันการเงินไทย // นักทัศน์อาชีว: หลักมิติความเปลี่ยนแปลงในประชาคมและภูมิภาค; บรรณาธิการ กิตติ ประเสริฐสุข และ พินิพันธ์ บริพัตร. กรุงเทพฯ: ภาพพิมพ์, 2560. 217 หน้า.

18. สถาบันวิจัยนโยบายเศรษฐกิจการคลัง. รายงานวิจัยเรื่อง โครงการศึกษาความเป็นไปได้ในการจัดทำเขตการค้าเสรี (FTA) ระหว่างไทยกับรัสเซีย. กรุงเทพฯ: กรมเจ้าการค้าระหว่างประเทศ, 2551.

19. สำนักงานการ統計 สถาบันวิจัยรัสเซีย 2565 // สำนักงานการ統计แห่งชาติ. 2565. สืบค้นจาก: <https://www.nia.go.th/almanac/almanacpage/34/>(สืบค้นเมื่อวันที่: 18 กุมภาพันธ์ 2565).25 หน้า.

20. สำนักงานปลัดกระทรวงพาณิชย์, ศูนย์เทคโนโลยีสารสนเทศและการสื่อสาร. การค้าระหว่างประเทศของไทยกับประเทศต่างๆ // ศูนย์เทคโนโลยีสารสนเทศและการสื่อสาร. 2565. สืบค้นจาก // <http://www.tradereport.moc.go.th/Report/Default.aspx?Report=TradeThCountryTrade> (สืบค้นเมื่อวันที่: 6 มกราคม 2565).

21. สำนักงานส่งเสริมการค้าในต่างประเทศ ณ กรุงมอสโก. รายงานเศรษฐกิจการค้า: สรุปสถานการณ์ส่งออกไทยไปรัสเซียเดือนแรก ปี 2021. 2564. สืบค้นจาก // https://www.ditp.go.th/contents_attach/721895/721895.pdf (สืบค้นเมื่อวันที่: 5 มกราคม 2565). 3 หน้า.

22. อุปีดีกุลงค์ ชนาธิป. ITD Insight Forum พลิกโอกาสการค้าการลงทุนไทย-รัสเซีย สู่ความทุกข์ ยุโร-เอเชีย // International Institute for Trade and Development: ITD. 2563. สืบค้นจาก // <https://www.itd.or.th/wp-content/uploads/2020/01/PPT-ITD-revised.pdf> (สืบค้นเมื่อวันที่: 6 มกราคม 2565).31 หน้า.

23. EXIM Thailand. Financial Facilities: List of Correspondent Banks // EXIM Thailand. 2021 // https://www.exim.go.th/th/Products_Services/corlistnew.aspx?country=RUSSIA.

POUNGCHINGNGAM KATIMA

*Postgraduate student at School of International Relations of
Saint-Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THAILAND AND RUSSIA: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

The article is devoted to the current economic cooperation between Thailand and Russia. Its goal is to study Thailand's current challenges as well as potential opportunities for economic cooperation with Russia. The Neoliberalism and Linkage Theory are used as a conceptual framework in this study to examine the opportunities and obstacles of economic cooperation between the two countries. Qualitative research methodology is used in analyzing collected data. This article is on in-depth analysis of both primary and secondary data.

The findings suggest that the development of a free trade agreement with the Eurasian Economic Union is currently an opportunity to strengthen Thai-Russian economic cooperation. However, the obstacles to cooperation are the current regulations of the Eurasian Economic Union, Thai trade competitors in Southeast Asia, the Covid-19 pandemic affecting goods exports and travel, and Thai internal political problems and the implementation of Thailand's foreign policies. The novelty of the article concludes that the role of governments and international organizations in promoting economic cooperation is significant. The opportunities and obstacles of bilateral economic cooperation in the present period are new initiatives and trade barriers that have arisen in addition to the previous ones. Furthermore, the data in this article is the most up-to-date information and viewpoints from the Thai side. The findings of this article are useful for people who are interested in Thailand-Russia economic ties.

Key words: Thailand, Russia, Economic cooperation, Eurasian Economic Union, Covid-19 pandemic, Opportunities, Challenges, Obstacles.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Авторитарные режимы являются одним из наиболее распространенных типов политических режимов в мире. Целью исследования является анализ классификации авторитарных режимов и изучение их развития на современном этапе. Задачи исследования включают в себя проведение анализа особенностей различных авторитарных режимов и развития авторитарных режимов в условиях распространения Интернет-технологий. В результате проведенного исследования выделяются авторитарные режимы без выборных органов власти (военные авторитарные режимы и монархии), авторитарные режимы с выборными органами власти (персоналистские режимы, партийные режимы) и гибридные авторитарные режимы. Делается вывод о том, что активное и бесконтрольное использование современных Интернет-технологий негативно сказывается на существовании авторитарных режимов, в связи с чем многие государства с авторитарными режимами правлением стараются контролировать данную сферу (в частности, концепция внутреннего суверенного Интернета в Китае).

Ключевые слова: виды авторитарных режимов, автократии, авторитарные режимы и Интернет, персоналистские автократии, партийные автократии.

Введение. Понятие авторитарного режима часто противопоставляется понятию демократии, хотя существование рассматриваемых режимов очень часто схоже внешне с демократическим управлением. Исследователями отмечается, что различные вариации авторитарных режимов могут нести в себе различные социальные и экономические последствия для граждан данных стран. Некоторые типы авторитарных режимов имеют более стабильный характер, нежели даже самые развитые демократические общества [11], некоторые обеспечивают большой экономический рост своих

общественных институтов [20] или качественное государственное управление в различных сферах [10]. В данной статье будут рассмотрены классификация авторитарных режимов и особенности их развития на в условиях распространения Интернет-технологий.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 18].

Однако проблему квалификации современных авторитарных режимов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной автором темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Классификация авторитарных режимов. Существует несколько типологий дифференцирования различных авторитарных режимов [15], в данном исследовании будут рассмотрены авторитарные режимы в зависимости от наличия выборных органов в государстве.

Авторитарные режимы без выборных органов власти: военные авторитарные режимы и монархии. Военные режимы в оригинальной статье Геддеса [13] о долговечности авторитарных режимов обозначались наименее стабильной версией авторитаризма. Автор объясняет нестабильность этих режимов, ссылаясь на их чувствительность к внутренним расколам, поскольку военные офицеры часто предпочитают уходить от власти, а не создавать внутренние разногласия.

Другой тип авторитарного режима без выборных органов власти – монархия. Под монархиями можно понимать режимы, в которых лицо королевского происхождения унаследовало должность главы государства в соответствии с принятой практикой и/или конституцией. Случай, когда монарх обладает ограниченными политическими полномочиями и не является эффективным главой правительства, не классифицируются как монархические авторитарные режимы (т.е. церемониальные или конституционные монархии). Однако наследование не обязательно должно следовать принципу первородства. Могут также использоваться другие принципы, как в «династических» монархиях Персидского залива, где преемник выбирается семейным консенсусом [16].

Авторитарные режимы с выборными органами власти делятся на две категории: персоналистские и партийные режимы. Первые – это те режимы, в которых диктаторы лично контролируют политику и избирают должностных лиц режима. Персоналистские режимы часто поддерживаются партиями или военными, но не ограничены этими организациями [12]. В партийных режимах политическая партия оказывает, по крайней мере, некоторую степень влияния на главу исполнительной власти. После окончания холодной войны число авторитарных режимов, организующих выборы, резко возросло. Как обозначил исследователь Шедлер, начал развиваться

«электоральный авторитаризм», где многопартийные выборы использовались для легитимизации авторитарных режимов [19].

Многопартийная авторитарная категория соответствует режимам, которые Шедлер Э. называет «электоральные авторитарные». Такой режим допускает минимальный уровень партийной конкуренции, некоторым кандидатам от оппозиции (хотя и не обязательно всем) разрешается участвовать в национальных выборах. В некоторых случаях оппозиционные кандидаты не представлены в парламенте из-за добровольных бойкотов, но, в отличие от однопартийных режимов, им не мешают баллотироваться. Многопартийный авторитарные режимы обычно имеют более одной партии, представленной в парламенте.

Гибридные авторитарные режимы. В этом случае объединяются институты двух основных типов режимов. В частности, военные или монархические режимы могут быть объединены с использованием избирательных механизмов (многопартийность, однопартийность или беспартийность). В качестве примера может служить Иран после революции.

Развитие авторитарных режимов в условиях распространения Интернет-технологий. В настоящее время все авторитарные правительства пытаются управлять потоком новостей и политической информации. Они стремятся, с одной стороны, наполнить средства массовой информации постоянным потоком проправительственных сообщений, а с другой – подавить независимую критику. С помощью этих средств авторитарные правительства пытаются формировать политические взгляды своих граждан. Поскольку эти правительства редко разрешают проводить независимые опросы, объективная информация о реальной популярности режима отсутствует. В современных авторитарных режимах государство часто играло важную историческую роль в развитии информационных технологий и средств массовой информации, а также контроле над данными средствами. Обычно ресурсы контроля сохраняются при развитии Интернет СМИ. Демократическим правительствам сложнее эффективно регулировать СМИ, т.к. они не имеют средств непосредственного надзора. В то же время авторитарные режимы часто доминируют в Интернет-пространстве с самого его зарождения, определяют его рост и распространение.

Важно рассмотреть проблемы для авторитарных режимов, которые могут возникнуть в результате активного распространения Интернет-технологий. Мы рассмотрим потенциальные проблемы, возникающие при использовании Интернета в четырех категориях: общественность, развитие гражданского общества, экономика, международное сообщество.

1. Общественность. Как утверждают исследователи, анализирующие влияние телевизионных передач в Восточной Европе, публичный доступ к сети Интернет может способствовать «эффекту демократизации», при котором воздействие внешних идей или образов переходных процессов

в других странах стимулирует революцию растущих ожиданий и возможное свержение авторитарного режима [17]. Использование социальных сетей, интернет-чатов, досок объявлений и Интернета может способствовать «идеологическому плюрализму» и постепенной либерализации публичной сферы в авторитарных странах.

2. Развитие гражданского общества. Общественные организации могут использовать Интернет для поддержки своей деятельности различными способами, включая организацию материально-технического обеспечения и публичное распространение информации. Во многих случаях организации гражданского общества играют решающую роль в подрыве авторитарных режимов за счет протестов или скандалов, которые делегитимизируют авторитарное правление.

3. Экономика. Использование Интернета в экономической сфере может создать множество проблем авторитарному правлению. Интернет может предоставить значительные возможности для предпринимательства в развивающейся экономике, что может привести к появлению новой бизнес-элиты. Кроме того, если Интернет способствует экономическому росту, то он также может способствовать росту среднего класса. Обе эти силы могут предъявлять все возрастающие требования к режиму.

4. Международное сообщество. Усилия иностранных правительств и многосторонних институтов часто являются важным фактором демократизации. В частности, они могут использовать такие инструменты, как введение санкций и предоставление условных займов и помощи. Международные информационно-пропагандистские сети организаций гражданского общества, общественных движений, средств массовой информации и других субъектов за пределами целевой страны могут играть ключевую роль в организации политических кампаний оппозиционной направленности, и использование Интернета часто имеет решающее значение для успеха их деятельности.

Такое использование Интернета потенциально может бросить вызов стабильности авторитарных режимов. В тех случаях, когда использование Интернета представляется опасным, режимы будут реагировать, стремясь сохранить контроль над Интернетом, как это было с другими средствами массовой информации в прошлом. Эти ответные меры, скорее всего, будут включать комбинацию двух типов стратегий: реактивных и упреждающих. Активное и бесконтрольное использование современных Интернет-технологий негативно сказывается на существовании авторитарных режимов, в связи с чем многие государства с авторитарными режимами правлением стараются контролировать данную сферу (в частности, концепция внутреннего суверенного Интернета в Китае).

Заключение. Классификация авторитарных режимов включает в себя авторитарные режимы без выборных органов власти (военные авторитар-

ные режимы и монархии), авторитарные режимы с выборными органами власти (персоналистские режимы, партийные режимы) и гибридные авторитарные режимы. В современном мире наиболее стабильными и долговременными являются авторитарные режимы, которые обеспечивают видимость политического плюрализма в государстве. Кроме того, при анализе влияния выборов на демократизацию мы должны учитывать, в какой степени поведение оппозиционных партий или отдельных избирателей определяется вероятностью демократического перехода. Также авторитарные лидеры могут принять решение о проведении выборов, когда они оценивают вероятность потери власти как высокую, предпочитая возможность мирного перехода через выборы более насилиственному свержению (например, Казахстан).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аюрова З.К., Кусаинов Д.У., Сабырбаева Г.К. Правовые основы конституции республики Казахстан: опыт 25- летнего развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).
2. Гончарова И.В. Устойчивое развитие государства и социальные технологии // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77).
3. Давидченко А.В., Тюков Н.Л., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л. Технологии противодействия протестным акциям в Белоруссии в 2020-2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
4. Меньшикова Е.О. Политическое лидерство как система образов в эпоху deep-fake // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).
5. Осипов А.В. Основные тенденции, динамика и противоречия процессов консолидации политической власти в современной России (на материалах социальных мониторингов 1998-2021 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
6. Пряхин В.Ф. История и перспективы российской демократии в контексте международного опыта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
7. Тонких А.П. Исторические закономерности последствий длительного пребывания у власти первых лиц государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82).
8. Хаджиева Б.М., Гаиева Т.И. Сирийский кризис: позиция РФ и США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
9. Blaydes L.A. Competition without democracy: elections and distributive politics in Mubarak's Egypt. Los Angeles: University of California, 2008.
10. Charron N., Lapuente V. Which dictators produce quality of government? // Studies in Comparative International Development. 2011. Т. 46. № 4.
11. Cheibub J.A., Gandhi J., Vreeland J.R. Democracy and dictatorship revisited // Public choice. 2010. Т. 143. № 1.

-
12. *Geddes B.* Paradigms and sand castles: Theory building and research design in comparative politics. University of Michigan Press, 2003.
13. *Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // Annual review of political science. 1999. T. 2. № 1.
14. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Authoritarian regimes: A new data set // Unpublished data set in progress. 2012.
15. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* New data on autocratic regimes // Manuscript, September. 2012. T. 10.
16. *Herb M.* All in the family: absolutism, revolution, and democracy in Middle Eastern monarchies. Suny Press, 1999.
17. *Linz J.J.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Jhu Press, 1996.
18. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A.* Gorbachev-Yeltsin – Putin: Discussion around Models of Political Regime. What's next? // "Political Science Issues". Volume 9, Issue 2 (32), 2019.
19. *Schedler A.* Judgment and measurement in political science // Perspectives on politics. 2012. T. 10. № 1.
20. *Wright J.* Do authoritarian institutions constrain? How legislatures affect economic growth and investment // American Journal of Political Science. 2008. T. 52. № 2.

A.L. PROTSENKO

*Master's Student at the Chair of history
and theory of politics, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia*

CLASSIFICATION OF AUTHORITARIAN REGIMES AND THEIR DEVELOPMENT AT THE PRESENT STAGE

Authoritarian regimes are one of the most common types of political regimes in the world. The aim of the study is to analyze the classification of authoritarian regimes and study their development at the present stage. The objectives of the study include an analysis of the features of various authoritarian regimes and the development of authoritarian regimes in the context of the spread of Internet technologies. As a result of the study, authoritarian regimes without elected authorities (military authoritarian regimes and monarchies), authoritarian regimes with elected authorities (personalist regimes, party regimes) and hybrid authoritarian regimes are distinguished. It is concluded that the active and uncontrolled use of modern Internet technologies negatively affects the existence of authoritarian regimes, and therefore many states with authoritarian regimes

are trying to control this area (in particular, the concept of an internal sovereign Internet in China).

Key words: *types of authoritarian regimes, autocracies, authoritarian regimes and the Internet, personalist autocracies, party autocracies.*

*магистрант Института государственной
службы и управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются существующие проблемы реализации международных стандартов в борьбе с коррупцией и акцентом на международный опыт. Международные антикоррупционные конвенции опираются, главным образом, на императивные международно-правовые предписания, обязывающие государства при вступлении в силу соответствующих международных договоров имплементировать их в национальное законодательство. Зачастую указанные международно-правовые акты содержат собственные имплементационные положения, конкретизирующие нормы общего международного права. В завершении работы автор анализирует зарубежный опыт борьбы с коррупцией, который может быть реализован в российском частном секторе. Предлагаются некоторые новеллы для успешной работы организационно-правового механизма борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционные стандарты.

Одним из основных и фундаментальных правовых актов на международном уровне, который способствует борьбе с коррупцией, а также предупреждению порождаемых коррупцией проблем, является Конвенция ООН против коррупции. Следует отметить большой вклад и активное участие России в разработке самой Конвенции, а также участие в формировании механизма ее реализации и оценки государствами участниками, которые также обеспокоены угрозами стабильности и безопасности общества, которым дает начало – коррупция [6. С. 7-54].

Необходимо отметить, что антикоррупционные стандарты, предполагающие общие для всех правила, зачастую опираются на положения и нормы разных международных соглашений, содержащих предписания, которые имеют свои особенности, что не позволяет практически их применять

участникам. Конвенция ООН принятая в 2003 году, в борьбе с коррупцией, определяет, что государства-участники международного соглашения имеют право, в борьбе с этим злом, использовать большие возможности своих правовых систем, национальные механизмы в разработке мер антикоррупционного характера, но в то же время, обозначенные ОЭСР и Совета Европы образцы положений, предусматривают ограниченные определенными рамками стандарты для государств-участников в определении и применении административных или законодательных норм.

Еще одним законодательным препятствием является обозначение терминов и определений в конвенциях, которые имеют различия и воспринимаются, истолковываются, также по-разному, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние не только на правоприменительную практику, но и на установление правил и международных обязательства на внутригосударственном уровне [2. С. 22-25].

Необходимо отметить, что Конвенция ООН, более широко обозначает, допустим к рассмотрению, такое понятие, как подкуп иностранного публичного должностного лица, включая в его содержание обещания, предложения, а также вымогательство взятки, предусматривая возможность учета ситуации совершения противоправного деяния, при проведении международных деловых операций. Конвенция ОЭСР, посвященная этой проблеме, не определяет, таких фактических обстоятельств. Таким образом, складывается ситуация, при которой разные участники ратифицировавшие международные договоры, могут использовать их различно в своих правовых системах, а также применять, что в конечном счете будет способствовать недопониманию в урегулировании конфликтных ситуаций, странами участниками. Более того, обусловит определенные трудности во взаимодействии государств при решении важной задачи противодействия коррупции.

Одной из проблем, является установление мер ответственности за противоправные действия, связанные с подкупом должностных лиц иностранных государств, разработки соразмерного их характера, без оказания влияния на правовые системы государств участников. Теоретическое изложение положений, относительно этого вопроса в Комментариях к Конвенции ОЭСР, имеется. Однако, вопросы практической их реализации, не решены.

Такое положение дел, в свою очередь, обуславливает законодательный пробел и в правовых системах государств-участников. Так, в Российской Федерации законодательно не закрепляются положения, регулирующие данные правоотношения, более того, данная проблема, остается не разрешенной и в отечественной правовой теории [5. С. 217].

Необходимо подчеркнуть, что проблемы имплементации международных стандартов и близких к данной сфере вопросов широко освещается российскими, а также и зарубежными авторами [1. С. 270-272; 3; 9; 10; 11].

Определение международными Конвенциями положений, согласно которым, должны выстраивать свои законодательства страны участники, в вопросах борьбы с коррупцией, являются не единообразно толкуемыми и неопределенными, с точки зрения, применения их содержания. Многими правоведами, изучающими, проблемы международного законодательства, видится разрешение такой ситуации, установлением категории приоритетности положений. Более, общие, универсальные стандарты необходимо выделить в отдельную категорию, а региональные международно-правовые нормы, обозначить, как второстепенные, то есть основные принципы должны быть, априори, главными перед специальными нормами международных договоров и конвенций. Важнейшими принципами, которые имеют обязательственный характер выступают демократические основы, провозглашающие защиту прав и свобод человека, обозначение их, как высшей ценности в любом государстве, что определяет международный правопорядок. Таким образом, в определении международных договоров, приоритетным должно стать, наличие обязательств по соблюдению таких условий.

Антикоррупционные стандарты, определенные международными организациями, должны быть четко определены, что не позволит их толковать различными способами государствами-участниками.

Важно отметить, что, помимо, установления международных предписаний, странам-участникам Конвенций, для обозначения в своих законодательствах, соответствующих норм и положений, способствующих и основывающихся на международном стандарте, эффективно осуществлять меры по борьбе с коррупцией, определена практика контроля за данной деятельностью. Но, как и международные стандарты, установленные в разных Конвенциях, являются не единообразно толкуемыми, по ряду причин, так и практика международного надзора, не содержит общих теоретических обоснований, что отражается на возможности неоднозначного объяснения предписаний для органов международных организаций, которые осуществляют свою деятельность по противодействию коррупции. К ним относят такие, как ОЭСР, ГРЕКО и другие.

Таким образом, установление единого стандарта для всех стран участников международных соглашений, относительно норм законодательства в противодействии с коррупцией, а также контролирующих, соблюдение их государствами, организаций, является первостепенной задачей, поскольку такие действия, позволяют защитить национальные интересы, стран-участников.

Исследования практики деятельности международных организаций, показывают, что их органы, применяя предписания, содержащиеся в Конвенциях и определяющие специальные международные договоры с антикоррупционной составляющей, слишком широко толкуют их содержание в отношении установления обязательств.

Также, многими правоведами, отмечается, что эксперты данных организаций, в полномочия которых входит осуществление контроля, часто меняются и это обстоятельство, негативно сказывается на восприятии их доводов государствами, ратифицировавшими международные соглашения.

Так, отмечены такие случаи, когда действующие органы международных организаций, в своем истолковании, положений Конвенций, в вопросе установления множественной, различной ответственности за коррупцию в законодательствах различных государств, имеют неравноценный подход. Ярким примером этого, может служить, то обстоятельство, что в законодательстве Российской Федерации, закрепляющем меры ответственности за противоправные действия, связанные с коррупцией, учитываящем становление правовой системы в соответствии с исторически сложившимися традициями, устанавливает, как уголовную, так и административную, дисциплинарную, гражданско-правовую, общественную и другие меры и соответствующие им наказания.

При этом, контролирующие международные организации настаивают на неправильности определения в отечественном законодательстве, указывая излишней мерой, административную ответственность, юридических лиц за незаконное вознаграждение, оказываемое юридическим же лицом. Более того, основывая свои доводы на определении международными стандартами, предложено, без учета национально сложившейся правовой системы, внести изменения ужесточением меры ответственности, уголовным наказанием за такие противоправные действия.

Однако организации Группы государств против коррупции (ГРЕКО) имеют различное отношение в толковании международных стандартов предписаний Конвенций в установлении антикоррупционных норм и положений в законодательствах стран-участников. Так, в законодательстве Испании, меры ответственности за преступления коррупции, закреплены только в уголовном кодексе, и ГРЕКО, отмечает это недостаточной мерой, рекомендуя ввести и иные меры ответственности за подобного вида преступления. Таким образом, различные международные организации, контролирующие соблюдение международных соглашений, установленных Конвенциями, имеют разное видение ситуации и применяют неравнозначные меры к государствам, являющимся участниками таких договоров.

Необходимо также учитывать, что подписание международного договора, конечно предполагает приобретение обязательств в его соблюдении, но использование международных стандартов в обозначении антикоррупционных мер в законодательстве, может осуществляться не в полной мере, а только в рамках, обозначенных членством в соответствующей международной организации и оформленных, при этом, документах. Российская Федерация является участницей ОЭСР и реализует обязательства, установленные, соответствующей Конвенцией ОЭСР, содержащей предписания

о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок.

По мнению Илия С.К. в соответствии с уголовным законодательством в качестве взятки не рассматриваются такие нематериальные блага как выдача положительной характеристики, рекомендации по устройству на работу и так далее. Тем не менее, Илия С.К. считает, что опасность данных действий является ничуть не ниже той опасности, которую приносит взятка или коммерческий подкуп [4].

Следует включить в предмет понятия взятки любые преимущества, которые носят нематериальный характер, вне зависимости от того подлежат ли они оценке по рыночной стоимости или нет.

Важно отметить, что международные нормы, определяющиеся различными Конвенциями в антикоррупционной борьбе, должны быть приведены к единому «знаменателю», определяющему способы и правила рекомендательного характера, а также их единообразное истолкование для всех участников таким международных соглашений [9].

Набирает силу тенденция активизации вмешательства государства в частную сферу. Так, в США и Великобритании законодательство впрямую предписывает коммерческим компаниям организацию надлежащего порядка их деятельности, недопускающего коррупционные практики (Закон Сарбанса-Оксли 2002 г., Закон о взяточничестве 2010 г.). Последний закон предусматривает ответственность юридических лиц за непредотвращение взяточничества, совершенного от имени компаний лицами, связанными с ними (менеджерами, работниками, агентами, посредниками, консультантами и иными лицами). Надо заметить, что в целях реализации указанных норм, Министерство юстиции Великобритании подготовило специальное руководство по мерам воздействия, которые могут применяться компаниями с целью предотвращения взяточничества в отношении связанных с ними лиц, подготовленное Министерством юстиции Великобритании. Руководство предписывает компаниям осуществлять проверку бизнес-партнеров на причастность к коррупционным правонарушениям; внедрять внутрикорпоративные процедуры предотвращения коррупции; принимать обязательные к исполнению инструкции о действиях сотрудников в случаях шантажа или вымогательства со стороны чиновников и конкурентов.

Автор считает, что пример активного зарубежного опыта, то есть прямое внедрение государства в частный сектор с целью устранения любых коррупционных действий, путем установления контроля над российским бизнесом и всеми формами предпринимательской деятельности, послужит росту социально-экономического уровня страны и снижению коррупции в целом. Такого рода новелла может быть реализована и для российских компаний, в соответствии со статьей 13.3. Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Также стоит затронуть весьма современную и актуальную тему, связанную с противодействием коррупции, а именно антикоррупционный комплаенс-контроль, который активно изучается и обсуждается многими российскими и зарубежными авторами. Данный опыт уже используется многими российскими компаниями, к примеру, один из крупнейших банков в России, Центральной и Восточной Европе ПАО «Сбербанк» осуществляет комплаенс-регулирование путем осуществления своей деятельности в данной сфере в соответствии со стандартами и принципами деловой этики [7; 15]. Таким образом, на примере зарубежных стран российские компании хоть и не активно внедряют данные методы борьбы с коррупцией, но все же постепенно вводят практику защиты бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белёнова Т.С. Международный опыт борьбы с коррупцией / Т.С. Белёнова, Н.В. Саклакова // Молодой ученый. 2019. № 47 (285).
2. Бельский К.С. Об уточнении понятия «коррупция» // Государство и право. 2016. № 12.
3. Володина Н.А., Ретинская В.Н. Особенности реализации российской государственной антикоррупционной политики в условиях информационного общества и электронного государства // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).
4. Ильи С.К. Имплементация норм международных антикоррупционных конвенций в отечественное законодательство // Борьба с коррупцией: теория и практика: сб. материалов науч.-практ. конф. Волгоград: Волгоград. акад. МВД России, 2012.
5. Кобрияк Р. Кодификации. М.: Норма, 2018.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003 // СЗ РФ. 2006 № 26. Ст. 2780; Бюл. междунар. договоров. 2006. № 10.
7. Кражсан А.С. Актуальность введения антикоррупционного комплаенс-контроля в российский бизнес // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77).
8. Кузнецов А.Ю., Силинский Ю.Р. Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействию коррупции / А.Ю. Кузнецов, Ю.Р. Силинский. М.: «Юрист», 2012.
9. Кулигин С.В. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике: опыт стран ЕАЭС и других стран Большой Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1.
10. Лепешкина О.И. Международные коррупционные стандарты и УК РФ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 2 (8).
11. Петрашева Н.В., Мамин А.С. Административно-правовое регулирование антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных гражданских служащих // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-2.

-
12. Полукаров А.В. Проблемы противодействия коррупции и формирования социальной функции государства // Российская юстиция. Недостатки. 2018. № 12.
 13. Сухаренко А. Декриминализация системы госзакупок в России // Безопасность бизнеса. 2017. № 1.
 14. Трунцевский Ю.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // Журнал российского права. 2018. № 1.
 15. Официальный сайт ПАО «Сбербанк» // Комплаенс – СберБанк // sberbank.com.

A.B. SOKTOEVA

Master's Student at the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION STANDARDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article reviews the problems occurring in the process of implementation of international anti corruption standards with the emphasis on the experience of foreign countries. International anti-corruption conventions are based mainly on imperative international legal prescriptions that oblige states to implement them into national legislation upon entry into force of relevant international treaties. Often, these international legal acts contain their own implementing provisions that specify the norms of general international law. In conclusion the author sums up the experience of foreign countries which may be helpful for Russian regulation in the fight against corruption. Some novelties are proposed for the successful operation of the organizational and legal mechanism for fight against corruption.

Key words: corruption, anti-corruption, anti-corruption standards.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

В последнее десятилетие международное наблюдение за выборами распространилось на Карибский бассейн как часть глобальной тенденции развитых государств, свидетельствующее об их приверженности либерально-демократической традиции, определяемой международным порядком после холодной войны. Развитые страны видят необходимость в замечании, что они достигли и поддерживают базовые уровни демократического управления и стабильности. Вопрос заключается в том, является ли приглашение международных наблюдателей за выборами свидетельством принятия или готовности страны принять и придерживаться международных избирательных стандартов «свободных и справедливых выборов». В некоторых случаях политическая риторика подразумевает такое принятие без реальной приверженности улучшению и обеспечению целостности избирательного процесса. Однако исследования, проведенные в Карибском бассейне, показали, что страны считают важным иметь этот международный знак одобрения и демонстрируют приверженность достижению приемлемых стандартов. В большинстве случаев в Карибском бассейне за выборами в той или иной стране будет наблюдать одна крупная группа наблюдателей. Как правило, международные группы наблюдателей придерживаются согласованных на международном уровне руководящих принципов работы, но допускают некоторую свободу действий.

Ключевые слова: наблюдение, развитые страны, государства, международные отношения, Карибский бассейн, тенденции.

Международное наблюдение за выборами больше не является табу. Это стало устоявшейся, если не укоренившейся практикой для многих государств. Основные предпосылки для наличия наблюдателей не изменились. Так, например, группы не могут наблюдать за выборами без приглашения правительства. Это сохраняет понятие суверенного равенства государств, тем более что большинство стран, принимающих международных наблюда-

телей, все еще являются развивающимися государствами. Вместе с тем имеются изменения в процедурных и технических аспектах международного наблюдения за выборами. Это также были достижения в области технологий, связанные с цифровизацией и доступом к Интернету, которые влияют на управление выборами и то, как они наблюдаются. В настоящее время некоторые организации проводят курсы профессиональной подготовки в целях создания сети и пула экспертов по выборам для миссий по наблюдению.

Одной из повторяющихся тем наблюдения за выборами было то, что они представляют собой нечто большее, чем голосование в день выборов. Успешные выборы начинаются с надежной избирательной и правовой базы, надлежащей системы регистрации и многих других элементов, которые предшествуют и выходят за рамки дня выборов/голосования. Сфера наблюдения за выборами вышла за рамки традиционной деятельности в избирательном цикле. В будущем наблюдение за выборами будет все чаще включать в себя новые цифровые Домены, включая «процессы регистрации избирателей, онлайн-кампании по просвещению избирателей, партийные программы, целенаправленную онлайн-кампанию, онлайн-сбор данных о партиях, ряд связанных с выборами приложений, онлайн-платформы пожертвований партий и возможности предоставления партийных счетов и избирательных кодексов в сети» [3. Р. 405-407].

Появление онлайновых источников местных знаний, и оцифровка информации являются важными событиями для отслеживания международными организациями-наблюдателями. Онлайн-источники местных знаний включают группы WhatsApp, SMS-сообщения, группы социальных сетей, такие как Facebook, электронные платформы и приложения, которые ориентированы конкретно на конкретные страны. Наблюдателям будет все более важно использовать эти ресурсы на различных уровнях путем набора местного персонала, такого как водители, капитаны лодок, аналитики или переводчики, а также путем более устойчивого присутствия в общинах в предвыборный период.

Одним из организованных подходов к использованию этих онлайновых источников знаний является использование краудсорсинга в наблюдении за выборами. Краудсорсинг берет свое начало в деловом мире и относится к аутсорсингу задачи, обычно выполняемой назначенным агентом большой группе людей. Instagram, Facebook, Twitter и Instagram, чтобы сообщать о нарушениях на выборах, которые затем записываются в виде данных и проецируются на интерактивные карты. в лучшем случае, этот подход включает в себя развитие сетей и обучение людей использовать текстовые сообщения, сайты социальных сетей, такие как Facebook, Twitter и Instagram, чтобы сообщать о нарушениях на выборах, которые затем записываются в виде данных и проецируются на интерактивные карты.

Краудсорсинг официально использовался на выборах в Армении (2012 год), Нигерии (2015 год) и США (2016 год). Он был полезен для повы-

шения осведомленности о фальсификациях на выборах, помогая собирать поддающиеся проверке данные и обосновывать заявления отдельных лиц, политических партий, организаций и других заинтересованных сторон. В частности, совокупность собранных данных дает представление об эффективности процесса и легитимности полученных результатов. В более общем плане, поскольку краудсорсинг зависит от участия обычных граждан, эта стратегия наиболее подходит для внутренних групп наблюдателей за выборами.

Выгоды от такого участия граждан весьма существенны. Массовое наблюдение за выборами обеспечивает среду для документирования событий в рамках избирательного процесса в режиме реального времени. Этот метод может повысить честность выборов путем выявления случаев запугивания избирателей, наполнения избирательных урн, подкупа голосов и других подобных нарушений. Это онлайн-внимание к избирателям, органам управления выборами, кандидатам и политическим партиям усиливает некоторые преимущества внутреннего наблюдения за выборами и поощряет подотчетность. Большая вовлеченность граждан или большие «толпы» создают среду для более проверяемых данных и лучших возможностей для перекрестной проверки [2].

С другой стороны, массовое наблюдение за выборами может привести к стадному поведению и заведомо ложным сообщениям. Это может также опорочить укоренившийся раскол. Кроме того, хотя этот метод обеспечивает доступ к гораздо более широкому диапазону информации, он также рискует обеспечить информационную перегрузку и нерелевантную, повторяющуюся и избыточную информацию.

До сих пор массовое наблюдение за выборами формально набирало обработы в некоторых восточноевропейских и африканских государствах. Другие государства используют онлайновые источники участия граждан менее систематически [4]. Так, например, наблюдатели Содружества на Мальдивских выборах 2013 года остро осознавали высокий уровень использования Твиттера населением и использовали его для сбора информации о деятельности и восприятии различных аспектов выборов. Это было очень полезно, учитывая географическое распространение атоллов на Мальдивах. Международные наблюдатели за выборами также весьма вероятно воспользуются этими ресурсами для активизации сбора информации и компенсации недостатков в развертывании и охвате.

Массовое наблюдение за выборами, скорее всего, станет более распространенным инструментом для местных и международных организаций, участвующих в Карибских выборах. В частности, он обеспечит важный доступ к информации в географически разбросанных странах, таких как Багамские острова, и в отдаленных или опасных районах некоторых карибских территорий, таких как Гайана и Ямайка.

Международным группам наблюдателей необходимо будет разработать совместимые учебные программы и методологии для повышения их потенциала по сбору и анализу информации во все более цифровую эпоху. Что касается оцифровки информации – это поможет с новым элементом увеличить онлайн-источники знаний и провести расшифровку того, что действительно полезно и актуально для процесса наблюдения. Эти новые области включают оцифровку регистрации избирателей, кампаний по просвещению избирателей, кампаний в социальных сетях и другие онлайн-Домены, включая пожертвования и платформы сбора данных [1. С. 41-47].

Из этого следует, некоторые страны уже вступили в зону оцифровки многих этапов и процессов выборов, и наблюдатели должны быть компетентны в оценке этих элементов. Для Карибского бассейна это области, которые уже находятся на горизонте для некоторых стран. В этой связи наблюдателям за выборами необходимо будет пройти подготовку по оценке оцифрованного контента и результатов, связанных с выборами.

Заключение. Для того чтобы наблюдение продолжало играть свою роль в совершенствовании избирательной и политической практики и избавилось от обоснованного негативного впечатления, связанного с некоторыми аспектами его деятельности, все заинтересованные стороны должны будут ответить на критические замечания путем пересмотра своих подходов, материально-технического обеспечения и методов. В этой области уже были достигнуты определенные успехи, о чем свидетельствуют усилия по созданию передовой практики, кодексов поведения и так далее. Следует также отметить вероятность разработки новых норм и возможность того, что международное сообщество уже пересматривает существующие нормы.

В целом эффект международного наблюдения был хорошим и создает еще более полезную синергию, если существует партнерство с региональными и местными субъектами. Карибский опыт показывает, что наблюдение улучшило международный профиль стран, обеспечило материальные выгоды, техническую поддержку и улучшило условия проведения выборов.

Помимо этого, в интересах Карибских стран, как малых государств, было бы более активно продвигаться к обеспечению равенства в области наблюдения за выборами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Христофорова Е.И. Перспективы развития правового регулирования института наблюдателей в интернет-пространстве / Е.И. Христофорова, Е.А. Соколова // Юридическая наука. 2018. № 1.
2. Ford Jared. Crowdsourcing Political Incidents Online. National Democratic Institute // NDI.tech // <https://www.nditech.org/crowdsourcing-political-incidents-online>.

3. *Manu V.D.* Monitoring Democracy: When International Election Observation Works, and Why It Often Fails by Judith G. Kelley // Human Rights Review. 2015. № 16.

4. *Pippa Norris*. Domestic Monitoring: Crowdsourcing // The Electoral Integrity Project. Sydney, 2016.

D.S. GALANINA
Student, Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia

IMPROVING THE TECHNOLOGICAL CAPABILITIES OF INTERNATIONAL OBSERVATION

In the past decade, international election observation has spread to the Caribbean as part of a global trend among developed nations, indicative of their commitment to the liberal democratic tradition shaped by the post-Cold War international order. Developed countries see the need to note that they have achieved and are maintaining basic levels of democratic governance and stability. The question was whether the invitation of international election observers is evidence of a country's acceptance or readiness to accept and adhere to international electoral standards of "free and fair elections". In some cases, political rhetoric implies such acceptance without a real commitment to improving and ensuring the integrity of the electoral process. However, studies in the Caribbean have shown that countries consider it important to have this international seal of approval and demonstrate a commitment to achieving acceptable standards. In most cases in the Caribbean, elections in a given country will be observed by one large group of observers. As a general rule, international monitoring teams adhere to internationally agreed operating guidelines, but allow some leeway.

Key words: *observation, developed countries, states, international relations, Caribbean, trends.*

НАШИ АВТОРЫ

Авазов Комил Холлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, заведующий кафедры гуманитарных и экономических наук Регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области, Республика Узбекистан, г. Термез (avazov.75@bk.ru).

Алимов Александр Владимирович – аспирант факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (a.alimov@tartaria.moskva).

Бахадари Абдул Фарук – преподаватель Департамента политологии и международных отношений факультета права и политологии Университета Бадахшана, Афганистан, Файзабад; аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (f.bahadari1988@gmail.com).

Борцов Дмитрий Валерьевич – 2-й секретарь Министерства иностранных дел Российской Федерации (МИД России); соискатель степени кандидата политических наук МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (dvbortsov@mail.ru).

Валирова Азалия Тахиржановна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (azaliya_w@list.ru).

Ван Цзюньтао - кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ), Россия, г. Санкт-Петербург (juntao2013@yandex.ru).

Ван Минцзюнь – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ), Россия, г. Санкт-Петербург (a1069910470@gmail.com).

Власов Антон Владимирович – аспирант Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (fst344@gmail.com).

Гайфутдинов Риналь Ильфатович – аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России; ГК «РОСТЕХ», Россия, г. Москва (Rinal.Gayfutdinov.1990@mail.ru).

Галанина Дарья Сергеевна – студент Астраханского государственного университета, Россия, г. Астрахань (voprosopolitolog@yandex.ru).

Дубина Альбина Шагидулловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, Россия, г. Пенза (misurin@bk.ru).

Дубровина Ольга Васильевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Егоров Константин Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Россия, г. Москва (prepodegorov@ya.ru).

Емельянов Антон Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Россия, г. Москва (zueva0001@yandex.ru).

Зуева Полина Алексеевна – лаборант кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Россия, г. Москва (zueva0001@yandex.ru).

Иванченко Мария Александровна – преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (m.ivanchenko@my.mgimo.ru).

Карпович Олег Геннадьевич – доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, г. Москва (iskran@yahoo.com).

Касеми Мохаммад Ариф – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (f.bahadari1988@gmail.com).

Ковалевская Наталья Владимировна – кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Россия, г. Санкт-Петербург (nk@bossner.de).

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (koibaevbg@mail.ru).

Комаревцева Нина Сергеевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (Ns.Komarevtseva@gmail.com).

Лазебник Адам Германович – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (adaml1@rambler.ru).

Мануйлова Юлия Владимировна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (musdjam@mail.ru).

Меньшиков Петр Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры медийной политики и связей с общественностью факультета международной журналистики МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (p.menshikov@odin.mgimo.ru).

Мокрова Екатерина Марковна – старший преподаватель кафедры английского языка № 6 МГИМО Университета МИД России, Россия, г. Москва (katwe2@yahoo.com).

Мусиева Джамиля Маллаевна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (musdjam@mail.ru).

Наджарян Армен Балабекович – аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (Nadzharyan.a.b@gmail.com).

Новикова Ксения Андреевна – аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (voprosopolitolog@yandex.ru).

Орлов Кирилл Владимирович – студент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Россия, г. Санкт-Петербург (nk@bossner.de).

Проценко Анастасия Леонидовна – магистрант кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (anas.protsenko2017@icloud.com).

Пунгчингам Катима – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (katima.p@arts.tu.ac.th).

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово (nickravochkin@mail.ru).

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, заведующий кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, Россия, г. Пенза (mamaeva_lv@mail.ru).

Рубан Лариса Семёновна – доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, г. Москва (Lruban@yandex.ru).

Смирнов Алексей Николаевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, Россия, г. Москва (alexmirnew@mail.ru).

Соколова Дарья Петровна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (darya.sokolova2013@mail.ru).

Соктоева Алина Баясхалановна – магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (liinskoy@gmail.com).

Сюн Лэпин – кандидат политических наук, Пекинский университет иностранных языков, Китай, г. Пекин (maximxlp@mail.ru).

Танимов Шарапатдин Мауленбергенович – независимый исследователь Республиканского центра духовности и просветительства, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Цой Сергей Вячеславович – аспирант Астраханского государственного университета, Россия, г. Астрахань (voprosopolitolog@yandex.ru).

Цымбал Ирина Андреевна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tsymbal2013@inbox.ru).

Чжан Чэнни – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (353899135@qq.com).

Чэн Ханьчжи – стажер Китайского института международных исследований, Китай (bfsuchz@gmail.com).

Чэн Цзони – аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений и мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (2499018327@qq.com).

Шангараев Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической де-

ятельности Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, г. Москва (r.shangaraev@dipacademy.ru).

Явуз Шефика Мелиса Сабахаттиновна – ассистент кафедры медийной политики и связей с общественностью МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (melisa2107@yandex.ru).

Яновский Олег Сергеевич – преподаватель кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО (Университет) МИД России, Россия, г. Москва (o.yanovsky@inno.mgimo.ru).

OUR AUTHORS

ALIMOV A.V. – Postgraduate student of the Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia.

AVAZOV K.H. – PhD in Political Sciences, Head of the Chair for humanities and economic sciences at the Regional Center for Retraining and Advanced Training of Public Education Workers of Surkhandarya region, Termez, Republic of Uzbekistan.

BAHADURI A.F. – Lecturer Department of Political Science and International Relations, law and political science faculty Badakhshan University, Faizabad, Afghanistan; PhD student in political science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Comparative Political Science RUDN University, Moscow, Russia.

BORTSOV D.V. – Applicant for the degree of candidate of political sciences; MGIMO MFA of Russia; 2nd Secretary of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation (MFA of Russia), Moscow, Russia.

CHEN HANZHI – Intern at the Chinese Institute of International Studies, China.

CHEN ZONI – Postgraduate Student at the Chair of European studies, Faculty of International Relations and World Politics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

CHZHAN CHEN'I – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

DUBINA A.S. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Penza, Russia.

DUBROVINA O.V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Political Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

EGOROV K.Y. – Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Social and Humanitarian Disciplines, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia.

EMELIANOV A.I. – PhD (Political Science), Associate Professor, Head of the Department of Theory of Regional Studies Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

GALANINA D.S. – Student, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

GAYFUTDINOV R.I. – Graduate student of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

IVANCHENKO M.A. – English Department № 1, Lecturer MGIMO, Moscow, Russia.

KARPOVICH O.G. – Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute for Contemporary International Studies of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KOIBAEV B.G. – Doctor of Political Sciences, Professor North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic North Ossetia Alania, Russia.

KOMAREVTSEVA N.S. – PhD in Political Science, Senior Research Fellow at the Institute of Actual International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

KOVALEVSKAIA N.V. – Ph.D. in political Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

LAZEBNIK A.G. – Postgraduate student of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MANUYLOVA Yu.V. – Postgraduate Student, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MENSHIKOV P.V. – Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Department of Media Policy and Public Relations of the Faculty of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

MOKROVA E.M. – Senior lecturer at English Language Department № 6, MGIMO University, Moscow, Russia.

MUSIEVA D.M. – Postgraduate Student, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

NADZHARYAN A.B. – Post-graduate student, North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic North Ossetia Alania, Russia.

NOVIKOVA K.A. – PhD student, European studies department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ORLOV K.V. – Student, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

POUNGCHINGNGAM KATIMA – Postgraduate student at School of International Relations of Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

PROTSENKO A.L. – Master's Student at the Chair of history and theory of politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

QASEM MOHAMMAD ARIF – Postgraduate Student at the Chair of theory and history of international relations, RUDN, Moscow, Russia.

RAVOCHKIN N.N. – Dr. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.

ROZHKOVA L.V. – Doctor of Sociology, Head of the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Penza, Russia.

RUBAN L.S. – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Research of International Cooperation Issues Institute of the Socio-Political Researches of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

SHANGARAEV R.N. – Candidate of economic sciences, Associate professor of the Chair of public administration in foreign policy of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SMIRNOV A.N. – Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher at the Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

SOKOLOVA D.P. – Bachelor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

SOKTOEVA A.B. – Master's Student at the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

TANIMOV Sh.M. – Independent researcher of the Republican Center of Spirituality and Enlightenment, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

TCOI S.V. – Postgraduate student, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

TSYMBAL I.A. – Graduate student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

VALITOVA A.T. – Postgraduated student, Saint Petersburg state university, Saint Petersburg, Russia.

VLASOV A.V. – Postgraduate student of the Institute of Law and National Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

WANG JUNTAO – Political candidate Sci., Associate Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

WANG MINGJUN – Student of the Graduate School of International Relations of the Humanities Institute, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

XIONG LEPING – Ph.D., Beijing Foreign Studies University, Beijing, China.

YANOVSKY O.S. – Lecturer, Department of Political Theory, School of Government and Politics, MGIMO, Moscow, Russia.

YAVUZ SHEFIKA MELISA SABAHHATTINOVNA – Assistant, Department of Media Policy and Public Relations of the Faculty of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

ZUEVA P.A. – Student, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.
2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.
3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.
5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.
6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.
7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).
8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: www.voprosopolitolog.ru

E-mail: voprosopolitolog@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камиль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Артшесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семёновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 12. Issue 3 (79), 2022

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.03.2022
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets _____
Circulation 500 copies. Order _____.
Printed at the LLC “Bely Veter”
Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054
Tel.: (495) 651-84-56

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политico-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

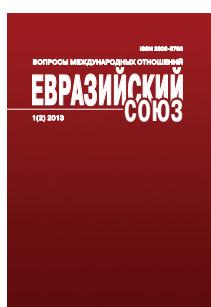

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprosopolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоймость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.
Индекс издания – 70035.

	ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»												
	АБОНЕМЕНТ на журнал											70035	
	Вопросы политологии												
	Количество комплектов												
	на 2022 год по месяцам												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
	Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)												
	Кому _____												
	ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА												
ПВ	место	литер	на журнал									70035	
Вопросы политологии													
Стоимость	Каталожная			услуги почты			полная			Количество комплектов			
на 2022 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
Кому _____													